

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ КРЫМА

Сборник научных трудов

СИМФЕРОПОЛЬ
«ТАВРИЯ»
1994

Выпущено по заказу
Бахчисарайского государственного
историко-культурного заповедника

Редактор-составитель Ю. М. Могаричев

Проблемы истории и археологии Крыма.
Сб. науч. трудов БГИКЗ./Ред.-сост. Ю. М. Могаричев.— Симферополь: Таврия, 1994.— 366 с.: ил.
ISBN 5-7780-0709-4

ISBN 5-7780-0709-4

© Бахчисарайский государственный
историко-культурный заповедник

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	4
А. В. Белый. Таврский могильник в с. Лесниково	5
А. Н. Щеглов. «Старый» Херсонес Страбона. Укрепление на перешейке Маячного полуострова	8
А. В. Сазанов. К хронологии цитадели Баклинского городища IX—XI вв.	42
Ю. М. Могаричев. Пещерные церкви в районе подъемной дороги Эски-Кермена	57
В. А. Петровский. Скальная часовня в районе Баклы	67
Т. Ю. Яшаева. Пещерный комплекс в округе Херсонеса	71
И. И. Вдовиченко, С. Г. Колтухов. Могильник римского времени у с. Танковое	82
И. Н. Храпунов, В. П. Власов, О. Э. Молодцов, С. А. Мульд. Позднескифское поселение Золотое Ярмо	88
А. Е. Пуздринский. О погребальных сооружениях юго-западного Крыма в первые века н. э.	119
В. Н. Даниленко. Монастырское хозяйство в Крыму	127
Г. А. Санин. Граница России и Крымского ханства во второй половине XVII — первой половине XVIII вв.	146
Р. П. Божко. Поселения мариупольских греков конца XVIII—XX вв.	169
М. А. Араджони. Начальный этап изучения этнической истории и культуры мариупольских греков	175
В. П. Казарин. Из истории написания Пушкиным стихотворения «Буря»	191
Л. И. Бронштейн, Е. В. Андрейко. Бахчисарайский дворец в восприятии Пушкина и его современников	197
А. Г. Зарубин. Из истории Бахчисарайского дворца-музея	210
А. В. Ефимов. Малоизвестные материалы по истории Бахчисарайского музея	213
В. Г. Зарубин. К вопросу о восстании крымских татар в горном Крыму (1918 г.)	225
О. Б. Белый. Караймская национальная периодика в первой половине XX в.	235
О. Б. Белый, И. И. Неневоля. Охранные работы на территории Бахчисарайского района в 1993 г.	251
Приложение	256
Е. И. Лазаренко. Археологические коллекции из фондовых собраний Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника	256
Т. Н. Краснова. Коллекция керамических курительных трубок из фондов БГИКЗ	267
И. Н. Храпунов, Л. Н. Храпунова, Е. Е. Таратухина. Археологические коллекции Крымского краеведческого музея	271
Список сокращений	290
Иллюстрации	291

ВСТУПЛЕНИЕ

Настоящий сборник является третьим выпуском трудов по истории и археологии Крыма (Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму— Симферополь: Таврия, 1992; История и археология Юго-Западного Крыма — Симферополь: Таврия, 1993), издаваемых Бахчисарайским государственным историко-культурным заповедником. Кроме научных статей, в данном сборнике публикуется часть докладов, прочитанных на конференции «Проблемы истории и культуры греков Северного Причерноморья».

Составители сборника выражают благодарность государственному Комитету Крыма по охране и использованию памятников истории и культуры за помощь в издании этой книги.

A. V. БЕЛЫЙ

ТАВРСКИЙ МОГИЛЬНИК В с. ЛЕСНИКОВО

Погребальные сооружения тавров — каменные ящики, сконцентрированные в горной и предгорной частях Крыма, в территориальном отношении исследованы неравномерно. Одним из недостаточно изученных районов их распространения является обширная территория, заключенная между Внутренней и Главной грядами Крымских гор. Поэтому представляется актуальным введение в научный оборот новых данных по материальной культуре тавров этого района.

Таврский могильник в с. Лесниково (бывш. Стиля) Бахчисарайского района открыт в 1954 г. разведочными работами Горного отряда археологической экспедиции Крымского филиала АН УССР и Бахчисарайского историко-археологического музея, проводившихся под руководством Е. В. Веймарна (1954, с. 49, илл. 1, 90, 91). Расположен могильник на восточной окраине ныне несуществующего села (земли совхоза «Долинный»), на правом берегу р. Стили, левого притока р. Качи (рис. 1). Таврские погребальные сооружения находятся на наиболее возвышенном участке долины, окруженной невысокими хребтами и холмами, составляющими характерный ландшафт Горного Крыма между Главной и Внутренней грядами. Обнаружены два каменных ящика большого размера, сложенных из массивных грубо обработанных плит. Отмечено также наличие ящиков на выходе из деревни, точное местонахождение которых неизвестно.

В 1976 г. при составлении паспортов археологических памятников Бахчисарайского района могильник был осмотрен научным сотрудником Бахчисарайского музея И. И. Лободой и проведены обмеры ящиков. От ящика № 1 на первоначальном месте сохранились только две продольные плиты, стоящие вертикально (длина — 2 м, толщина — 0,2—0,35 м, высота над уровнем современной поверхности — 0,8 м). Одна из поперечных плит (размеры 1,4×1,35×0,3 м) находилась в 10 м к западу от ящика. Ящик № 2 располагался на расстоянии 50 м к востоку от ящика № 1. Покрытие отсутствовало. Четыре плиты, установленные вертикально, слегка воз-

вышались над уровнем современной поверхности. Длина продольных плит — 2,15 и 2,55 м, поперечных — 1,4 и 1,5 м, толщина — 0,2—0,3 м.

В связи с ликвидацией с. Лесниково, попавшего в санитарную зону строившегося на р. Каче Загорского водохранилища, и распашкой его территории, значительно пострадали таврские каменные ящики. При осмотре распаханной площади восточной окраины села, в 15 м к юго-западу от сохранившегося здания школы, рядом с грунтовой дорогой (к югу от нее) нами были замечены крупные плиты частично разрушенного каменного ящика, слегка выступавшие над поверхностью земли. Судя по размерам и фотографии в отчете Е. В. Веймарна, это ящик № 2¹.

Проведенные автором в 1979 г. раскопки ящика показали, что он был устроен следующим образом. В материковый щебенисто-галечный слой, возможно, в уже готовую яму вкапывались стены ящика. Его дно слегка наклонено к северо-западу. Прямоугольной формы ящик сооружен из четырех массивных обработанных плит местного светло-серого песчаника, хорошо пригнанных друг к другу (рис. 2, 3). Размеры ящика 2,55×1,97 м, внутри стен 1,8×1,5 м. Верхняя часть прямоугольных плит, сохранившихся на высоту 0,8 м, разрушена при распашке. Тогда же были снесены поперечная северная и большая часть продольной восточной плиты. Своей длинной осью ящик ориентирован с севера на юг. Поперечные плиты ящика были заключены между продольными, которые продолжались на 0,15 м далее стыков с поперечной южной плитой. Конец южной плиты заходит в вертикальный прямоугольный паз шириной 0,23 м, глубиной 0,03 м, выбитый в продольной западной плите. Аналогичный паз имеется и на противоположном конце этой плиты в 0,2 м от края (рис. 4). Он слегка суживается ко дну ящика. Его ширина в верхней части плиты 0,18 м, в нижней — 0,17 м, глубина 0,02 м. Сужение паза обеспечивало заклинивание плит и прочность конструкции всего сооружения.

Как и большинство исследованных таврских могильников, каменные ящики в с. Лесниково оказались ограбленными, о чем говорит и отсутствие плит покрытия. Засыпь ящика представляла собой темный грунт с большим количеством мелких и средних камней, в котором встречались обломки черепицы татарского типа, поздняя поливная керамика, kostи животных и человека. При зачистке найдены четыре фраг-

¹ Ящик № 1 разрушен а, возможно, запахан при нивелировочных работах.

мента черной лепной подлощенной керамики (очевидно, от одного сосуда), в том числе обломок слегка отогнутого наружи венчика (рис. 5, 2) и состоящее из двух фрагментов бронзовое круглое кольцо с заходящими друг за друга концами, изготовленное из овальной в сечении проволоки (рис. 5, 1). Один конец слегка заострен. Диаметр кольца 3,1 см. Обнаружены также две кремневые пластинки: с подретушированными краями (частично заострен и один край со стороны брюшка и микроретушью противолежащего края спинки (рис. 5, 3, 5). Рядом с ящиком на распаханном поле подобраны два уплощенных нуклеуса и ножевидная пластинка (рис. 5, 4, 6, 7). Кремневый инвентарь, относящийся к эпохе неолита-энеолита (Щепинский 1968, с. 121—133) и, видимо, происходящий из расположенной в непосредственной близости стоянки, не имеет к ящику прямого отношения. Вместе с тем, следует иметь в виду, что кремневые орудия встречены в аналогичных таврских ящиках Байдарской долины, исследованных в 1907 г. Н. И. Репниковым (№ 4, 5, 6, 8, 15, 16, 19) (1909, с. 127—155); кроме того, кремневая ножевидная пластинка найдена в 1913 г. А. Брандтом в одном из раскопанных им ящиков на г. Малаба (1914, с. 113, 114, рис. 5, 17).

Конструктивные особенности и размеры каменного ящика в с. Лесниково характерны для таврских могильников среднего этапа, датированных А. М. Лесковым VI—V вв. до н. э. (1965, с. 56—81). Наиболее близкими аналогиями нашему памятнику являются ящики Байдарской долины, особенно выделенная Н. И. Репниковым самая многочисленная группа, представленная, как и в Лесниково, ящиками без ограждений (1909, с. 132—138, 154). Такие общие признаки как ориентировка гробниц в направлении север—юг, впущенные в грунт стены ящиков, согласно классификации Х. И. Крис, являются отличительной чертой южно-байдарской группы таврских могильников (1967, с. 25; 1981, с. 37—38, 67—68). Не исключено, что сходные размеры, устройство, ориентация объясняются определенной племенной однородностью таврского населения верховьев р. Стили и Байдарской долины, объединенных и территориально между Главной и Внутренней крымскими грядами.

ЛИТЕРАТУРА

- Брандт А. Заметки по археологии Крыма // ИАК.— 1914.— Вып. 54.
Веймарн Е. В. Отчет о работах Горного отряда археологической экспедиции Крымского филиала АН УССР и Бахчисарайского историко-археологического музея в 1954 году // Архив БГИКЗ.— Д. № 55.

- Крис Х. И. Классификация таврских каменных ящиков // КСИА АН СССР.— 1967.— № 12.
- Крис Х. И. Кизил-кобинская культура и тавры.— САИ.— Д. 1 — 7.— М.: Наука, 1981.
- Лесков А. М. Горный Крым в первом тысячелетии до нашей эры.— Киев: Наукова думка, 1965.
- Репников Н. И. Каменные ящики Байдарской долины // ИАК.— 1909.— Вып. 30.
- Щепинский А. А. О неолите и энеолите Крыма // СА.— 1968.— № 1.

А. Н. ЩЕГЛОВ

**«СТАРЫЙ» ХЕРСОНЕС СТРАБОНА.
УКРЕПЛЕНИЕ НА ПЕРЕШЕЙКЕ
МАЯЧНОГО ПОЛУОСТРОВА:
ТОПОГРАФИЯ И ФОРТИФИКАЦИЯ.**

1. Общие замечания

В разделе географического сочинения Страбона (УП, 4, 2), где перечислены лежавшие вдоль пути каботажного плавания прибрежные пункты Юго-Западного Крыма, развалины «старого» («древнего») Херсонеса помещены между мысом Парфением и бухтой Символов «с узким входом». В соответствии с текстом древнего автора и современной географической номенклатурой остатки «старого» Херсонеса, упомянутое только одним Страбоном, должны располагаться где-то между крайней юго-западной точкой Крымского п-ва — мысом Херсонес (Парфений, Фанари) и отстоящей от него на 22 км к ЮВ Балаклавской бухтой (Симболон лимен, Чембало), то есть, на юго-западном побережье Гераклейского п-ва, страбоновского Малого Херсонеса (рис. 1, 1)¹.

За исключением достаточно точной для древнего мореплавателя топографической привязки, краткое сообщение Страбона, почерпнутое им из более раннего перипла, не отличается особой ясностью. Прежде всего, в нем нет сведений о том, чем некогда был «старый» Херсонес. Были ли упомянутые руины прежде городом, крепостью, деревней, или какими-

¹ Топонимом Херсонес (Херронес) в VII, 4 обозначены четыре разных географических объекта, из которых три локализуются в Юго-Западном Крыму. Это названный Малым Херсонесом Гераклейский п-в, который описан как «большой мыс, составляющий часть Большого Херсонеса» (то есть, всего Крыма, называвшегося также Таврическим и Скифским Херсонесом), с расположенными на нем существующим городом Херсонесом, колонией гераклеев, и разрушенным «старым» Херсонесом.

то иным видом поселения? Неизвестно. Вместе с тем, названия всех других прибрежных пунктов, перечисленных в том же и прилегающих разделах географического описания, такими уточняющими определениями обязательно снабжены (см., например: УП, 4, 4 — город Феодосия; столица боспорцев Пантикеий; УП, 4, 5 — город Фанагория; городок Мирмекий; деревня Парфений; УП, 4, 2 — городок и другая гавань херсонесцев; апойния гераклеотов город Херсонес). И так далее. Нет в сочинении Страбона и указаний на время и обстоятельства возникновения и разрушения «старого» Херсонеса. Наконец, слово *παλαιός* в данном контексте может быть понято по-разному: в смысле «более древний», чем одноименный город гераклеотов, или же безотносительно к противопоставлению «старый — новый», в смысле «существовавший раньше», но теперь не действующий, заброшенный и разрушенный. В пользу первого толкования, как будто, служит свидетельство Плиния (IV, 85) о том, что населяющих «самый хребет» гор Таврики скифотавров с запада ограничивает «новый Херсонес»². Но во втором смысловом значении слово «старый» более строго согласуется с контекстом использованного древним географом перипла. В практическом руководстве для каботажного плавания данный пункт мог быть обозначен в качестве одного из прибрежных ориентиров.

Возможность разного понимания и толкования предельно сжатого свидетельства Страбона породила длительную дискуссию, не завершенную до наших дней. Предметом обсуждения стали вопросы точной локализации «страбонова» Херсонеса, определения его характера, хронологии и места в системе херсонесских древностей (библиографию, хотя далеко и не полную, см.: Качарава, Квирквелия 1991, с. 90 сл.). По образному выражению В. Ф. Гайдукевича (1949, с. 142), учёные споры временами достигали драматических ситуаций. Чрезвычайно острой, например, была полемика между А. Л. Бертье-Делагардом и Э. Р. Штерном. К настоящему времени некоторые стороны проблемы «старого» страбоновского Херсонеса, связанные с изучением пространственной археологической структуры на Маячном п-ве, в той или иной степени решены. Но ряд узловых вопросов требует дальнейшего изучения и обсуждения. К ним относится выяснение характера и хронологий городища на перешейке Маячного п-ва, как одного из главных элементов ансамбля археологических памятников на полуострове.

² Попытку объяснить появление определений «старый» и «новый» Херсонес см.: Shtcheglov, 1992, p. 217 ff.

В 1890 г. Бертье-Делагард отождествил городище на перешейке с «древнейшим» страбоновским Херсонесом, а спустя 17 лет опубликовал обоснование такой локализации (Бертье-Делагард 1907). Его аргументация убедительна и принята большинством современных ученых, хотя продолжает бытовать и другой взгляд, впервые высказанный Палласом (1801), согласно которому «старый» Херсонес занимал всю территорию Маячного п-ва (см., например, Brandis in RE, XI, 2263—2264; Качарава, Квирквелия 1991).

Что касается типологической характеристики памятника, то в литературе можно найти несколько точек зрения.

Следуя традиции, идущей от Палласа, Бертье-Делагард интерпретировал городище как остатки города. Эта версия получила признание (Косцюшко-Валюжинич 1891; Стрже-лецкий, 1959). Как город «древний» Херсонес определен в новейшем энциклопедическом справочнике античных городов и поселений Причерноморья Д. Д. Качарава и Г. Т. Квирквелия (1991). До более детального изучения фактических материалов разделял такую точку зрения и я (Щеглов, 1976). Но дальнейшее изучение данных раскопок и разведок показало, что ее необходимо пересмотреть.

Другую гипотезу выдвинул Штерн (1896.— Протоколы с. 94 сл.). Городище на перешейке он определил как одно из херсонесских укреплений (TEIXH), упомянутых в известном эпиграфическом документе — Присяге (IPE, I², 401). К такому же выводу пришел и А. В. Оренников (Архив ИИМК, ф. 27, д. 1, л. 42). Гипотеза Штерна, к сожалению, осталась незамеченной, хотя она в свете современных знаний и представлений о пространственной структуре херсонесского территориального образования представляется весьма привлекательной (см.: Щеглов 1984; 1986).

Еще одну версию предложил Гайдукевич (1949), который отнес памятник к типу городищ-убежищ. По мнению автора оно представляло собой убежище (*refugium*) для окрестных жителей. Такая интерпретация тоже нашла отражение в литературе (см.: Danoff in RE, Suppl. IX, 1106; Жеребцов 1985).

Наконец, ряд исследователей считал, что фортификационные сооружения на перешейке не несли никаких иных функций, кроме препрятствия доступа на заселенный полуостров (Гриневич, 1931; Белов, 1948). В таком понимании памятник не может считаться городищем.

Нет единства в определении времени строительства крепостных стен и других сооружений на перешейке, как, впрочем, и появления всей системы расселения на Маячном п-ве. Представления о том, что данное городище возникло раньше

Херсонесского городища у Карантинной бухты, давно опровергнуты. В то же время, по Стрже-лецкому (1959, с. 72), «основание города и сооружение усадеб относятся к концу V в. до н. э.» То есть, «старый» Херсонес возник в то же, или почти в то же время, что и собственно Херсонес, если принимать дату основания последнего по гипотезе Шнейдервирда—Тюменева в 422/21 г.

Начиная со статьи Н. М. Печенкина (1911), в современных работах чаще всего фигурирует широкая дата — IV в. до н. э. Предварительное изучение материалов из раскопок позволило мне уточнить ее и предположить, что городище, как элемент археологической системы памятников на Маячном п-ве, возникло одновременно с последней во второй или даже на рубеже первой-второй четвертей IV в. (Щеглов, 1976; 1986). Но по Е. Н. Жеребцову (1985), начало отложения наиболее ранней керамики внутри городища происходило со второй четверти — середины IV в.

Что касается времени прекращения существования городища, то здесь установилось единодушное мнение — конец II в. до н. э. Указанная дата основана на широкой и суммарной датировке археологического вещественного материала и исторически привязана, начиная с работы Бертье-Делагарда (1907), к событиям херсонесско-скифской войны и операциям войск скифов и понтийского полководца Диофанта.

Все перечисленные выше гипотезы и суждения (в том числе и мои) высказаны в самом общем виде и не подкреплены детальным анализом и публикациями конкретных данных. Поэтому ни одна из них не может считаться достаточно аргументированной. Отсюда для удовлетворительного решения проблемы «старого» страбоновского Херсонеса делом первостепенной важности является необходимость полной публикации и обсуждения всех материалов раскопок и разведок на Маячном п-ве в целом, и на его перешейке, в частности. Такая задача и поставлена мною.

В статье, напечатанной в предыдущем сборнике (Щеглов, 1993), обсуждалась небольшая часть материалов и наблюдений, относящихся к принципу организации пространственной археологической структуры на Маячном п-ве. Настоящая работа представляет ее продолжение³. В ней рассматриваются результаты разведок и раскопок крепостных сооружений на перешейке, которые проводились до

³ Пользуюсь случаем выразить глубокую признательность редактору-издателю сборника Ю. М. Могаричеву за предложение продолжить публикацию.

1985 г.⁴. Материалы раскопок строительных объектов внутри древней крепости должны составить предмет следующей статьи. В работе использована документация, хранящаяся в рукописном и фотоархивах ИИМК РАН, архиве ГХИАЗ, археологическая коллекция ГХИАЗ, данные моих разведок и результаты изучения аэроснимков. Все материалы публикуются впервые.

2. Полевые исследования и публикации

Честь открытия крепостных сооружений на перешейке Маячного п-ва принадлежит Палласу, который провел разведку весной 1794 г. (Pallas 1801; Паллас 1881). Он описал, с приложением схематического плана (рис. 1, 2), развалины на островке в вершине Казачьей бухты и указал на существование крепостной стены и башен на перешейке, а также фланкированного башней въезда в крепость.

В 1845 г. лейтенант Черноморского флота князь В. И. Барятинский (о нем см.: Формозов 1975, с. 174 сл.) раскопал юго-восточную часть упомянутого островка. Он открыл средневековый строительный комплекс с остатками небольшого христианского храма и погребениями (Аркас, 1848, с. 263; Айналов, 1905, с. 140).

В 1890 г. Бертье-Делагард, хорошо знавший топографию Герайклейского п-ва, указал Н. П. Кондакову и К. К. Косцюшко-Валюжиничу на следы укреплений на перешейке Маячного п-ва как на наиболее вероятное местоположение «древнейшего города» Херсонеса, упомянутого Страбоном (Архив ИИМК, ф. 1, 1890, д. 26, л. 59)⁵. В том же году Косцюшко предпринял раскопки, продолжавшиеся два месяца. Им раскрыто «колодцем» внутреннее пространство нескольких башен на внешней (восточной) и внутренней (западной) линиях оборонительных стен, зачищены фасады отрезков куртин и докопан средневековый строительный комплекс на островке в Казачьей бухте. Кроме того, был раскопан один сельский дом (усадьба) за пределами укрепления на землемельческой территории (на площади 6 по моей нумерации). Результаты раскопок суммарно отражены в рукописных отче-

⁴ В 1985 г. внутри укрепления начала раскопки А. А. Зедгенидзе. Пока опубликована только краткая информация о первом сезоне работ (Зедгенидзе, 1987).

⁵ Бертье-Делагард и Кондаков по поручению Императорской Археологической комиссии должны были осуществлять научное руководство раскопками Херсонеса, проведение которых возлагалось на Косцюшко-Валюжинича.

тах (Архив ИИМК, ф. 1, 1890, д. 26; Архив ГХИАЗ, д. 1) и частично опубликованы в виде извлечений из отчетов и в общих обзорах (ОАК за 1890 г., с. 36 сл.; Косцюшко-Валюжинич, 1891; Бертье-Делагард, 1893, с. 55 сл.). Из материалов изданы только два плана — строительных остатков на островке (Бертье-Делагард, 1893; Айналов, 1905 — см.: рис. 2) и участка западной крепостной стены с башней и «храмиком» (Стржелецкий, 1948, рис. 3).

Косцюшко-Валюжинич к изучению городища на Маячном п-ве более не возвращался. Дальнейшее исследование памятника связано с именем Н. М. Печенкина. В 1904 (1905?) г. Печенкин за два дня прокопал три разведочных траншеи на западном склоне Казачьей балки перед первой (восточной) крепостной стеной в поисках некрополя «древнего» Херсонеса. Погребений он не обнаружил (Архив ГХИАЗ, д. 182, л. 8). Местоположение траншей показано на кроке (рис. 6) 1911 г., помещенном в дневнике (Архив ИИМК, ф. 27, д. 5, л. 30).

В 1910 г. Печенкин выполнил детальную рекогносцировку местности. Он составил подробный крок, для которого использовал увеличенную выkopировку одноверстной топографической карты (рис. 3). Внутри крепостных стен им были зафиксированы следы только одной постройки, расположенной у западной (внутренней) линии обороны примерно по ее середине (Печенкин, 1911, с. 125). Здесь исследователь проходил разведочную траншею (см. рис. 3 и 6). Но если на архивном кроке показана только одна постройка, то на опубликованном позднее плане нанесены следы уже двух зданий (Печенкин, 1911, табл. III).

В 1911 г. Печенкин провел большие работы на городище. В них принял участие заведующий раскопками Херсонеса Р. Х. Лепер. Кроме доследования некоторых раскопов Косцюшко, о которых Печенкин отзывался весьма неодобрительно, так как они делались «колодцем» только внутри помещений (Архив ИИМК, ф. 27, д. 5, л. 29—30), была еще раз осмотрена территория внутри крепостных стен, раскопан большой строительный комплекс, обнаруженный в 1910 г., две башни и два отрезка оборонительных стен, а также открыты ворота в западной стене. Кроме того, с помощью выделенных Лепером херсонесских рабочих было заложено более 300 (!) разведочных траншей и ям (шурfov) в южной части городища и на прилегающем к нему с запада пространстве (на площади I по моей нумерации — см.: Щеглов, 1993, рис. 11). На последней территории велись, но безуспешно, поиски некрополя.

Результаты исследований 1911 г. не были опубликованы. В нашем распоряжении остались сохранившиеся в архивах ИИМК и ГХИАЗ дневниковые записи Печенкина, его отчет, графическая и фотографическая документация, описи находок Печенкина и Лепера, прориси керамических клейм с членением Е. М. Придика. Часть чертежей и все фотоматериалы, которые считались утерянными, найдены мной в архивах ИИМД (см.: Томес, 1974). Что касается вещевого материала, то он поступил в «склад местных древностей» Херсонеса и в настоящее время хранится в ГХИАЗ, причем за прошедший период находки оказались депаспартизованы при инвентаризации 1925 г., а часть их утрачена.

Уже в сороковых годах XIX в. началась интенсивная ломка камня, особенно в северной части городища, прилегающей к Казачьей бухте. Камень добывался из древних стен (см.: Тункина, 1993, с. 76). Возле Казачьей бухты появился хутор, постройки которого перекрыли и разрушили северный отрезок внешней (восточной) крепостной стены вместе с отмеченными Палласом башней и воротами⁶. В дальнейшем интенсивность добычи камня из древних сооружений возросла. К началу работ Печенкина на берегу бухты действовало шесть известковообжигательных печей. Вся северная часть городища, прилегавшая к хутору, была превращена в обширную камнеломию, отмеченную на планах Печенкина (рис. 3).

В 1911 г. частные владения на перешейке, принадлежавшие разным лицам, скупило военное ведомство. Перед первой мировой войной здесь началось строительство мощной береговой батареи. Этим обстоятельством были вызваны широко масштабные раскопки, которые предпринял Лепер в первой половине 1914 г. Он раскопал значительные по протяженности участки крепостных стен, башни и открыл, по крайней мере, три строительных жилых комплекса внутри городища. Однако работы эти не были завершены, так как Лепер был арестован жандармерией. В результате никакой графической

⁶ Хутор (рис. 4, А) несколько раз менял своих владельцев. Сначала это было имение Крузе, в котором и начали ломать древние стены на камень. На русской трехверстной карте, исправленной по рекогносировке 1865 г., (ряд XXXIV, л. 12), оно обозначено как «хутор Хомутова». В 1890 г., когда раскопки вел Косцюшко-Валюжинич, усадьба принадлежала Загородянскому, а к началу работ Печенкина в 1910 г.—Губерну Аметистову. Последним ее хозяином был Гречихин. Название «хутор Гречихина» присутствует на топографической карте стотысячного масштаба, составленной на основе карты 1 : 84000 (публикации 1920 г.) и изданной Генштабом Красной Армии в 1941 г. На картах съемки после 1945 г. постройки хутора обозначаются без названия.

документации, фиксирующей открытые объекты, сделано не было. Поэтому весьма сложно судить о раскрытиях памятниках. Проблематична и сама локализация раскопов. В нашем распоряжении есть несколько отрывочных записей в дневнике (Архив ГХИАЗ, д. 96), незаконченная автором опись находок (Архив ГХИАЗ, д. 110), которая была завершена С. Ф. Стржелецким в 1945 г. по сохранившемуся в фондах Херсонесского музея фактическому материалу, и некоторое количество негативов полевой фотоъемки (Архив ГХИАЗ, негативы № 1982—2000). Главную базу данных составляют находки, хранящиеся в ГХИАЗ. Что же касается издания материалов, то по результатам работ Лепера на перешейке была опубликована лишь очень краткая информация, составленная Л. А. Моисеевым (ОАК за 1913—1915 г.). Кроме того, из нескольких найденных граффити два изданы Э. И. Соломоник (1984, № 5 и 12).

Строительство батареи на перешейке завершилось уже в советское время. При сооружении главных двухбашенных четырехорудийных (калибр 305 мм) казематов были полностью уничтожены остатки древней фортификации в юго-западной части античной крепости, в том числе и объекты, раскопанные Косцюшко-Валюжиничем и Печенкиным. Возвведение всего батарейного комплекса с сетью необходимых коммуникаций нанесло невосполнимый ущерб и другим участкам древнего укрепления (см. рис. 4).

Но на этом разрушение античного памятника не закончилось. Батарея, получившая номер 35 и известная в конце тридцатых годов под названием «старая», стала, как и весь перешеек Маячного полуострова, объектом ожесточенных боев в период Великой Отечественной войны. Она сыграла большую роль во второй обороне Севастополя в 1941—1942 г. (см.: Моргунов, 1979). Расстреляв весь боезапас, ее командир капитан А. Я. Лещенко в ночь на 2 июля 1942 г. взорвал орудийные казематы. С этого момента монументальные сооружения знаменитой 35-й батареи были превращены в руины. Появился новый интереснейший памятник фортификации первой половины XX в., который лежит на руинах памятника античной фортификации, погибшего более двадцати веков назад, надо думать, при не менее трагических и герических обстоятельствах.

Во время боев за перешеек в 1942 и 1944 гг. территория древнего укрепления оказалась сильно изрытой сетью окопов, трашей и ходов сообщения, котлованами блиндажей, множеством воронок от разорвавшихся бомб, снарядов и мин (см. рис. 4). Современное состояние памятника весьма пла-

чевно, а в последние годы над ним нависла угроза полного уничтожения.

В 1967 г. благодаря инициативе и содействию майора Лукьянчука, офицера воинской части, которая квартировала на территории городища, мне удалось провести небольшую рекогносцировку и зачистки. Материалы поступили в Херсонесский музей (ГХИАЗ, колл. 36683). По результатам работы напечатана лишь краткая информация (Щеглов, 1969), причем приведенные в заметке датировки устарели и требуют пересмотра.

Как видно из изложенного, основной массив фактических данных, добытых раскопками и разведками на протяжении предшествующего периода изучения городища, до сих пор не издан. Внимание публикаторов привлекали только наиболее яркие находки из раскопок Косцюшко-Валюжинича, которые издавались по несколько раз. Это две надписи (IPE, I², 519 и 706) и четыре памятника скульптуры (ACX, № 65, 103, 376, 512 — там же подробная библиография), найденные при раскопках античного «храмика» и на островке в Казачьей бухте.

Заключая этот обзор, необходимо сказать, что попытка издать результаты работ Печенкина все же предпринималась. В 1936 г. в ИИМК был подготовлен «Гераклейский сборник». В числе других материалов в него вошла статья Н. И. Репникова «Извлечение из предварительного отчета Н. М. Печенкина «Археологические разведки в местности страбоновского древнего Херсонеса в 1911 году» (Архив ИИМК, ф. 35, оп. 2, д. 452. См. также: Стржелецкий 1961, с. 25). Сборник, однако, остался в рукописи. Мысль опубликовать ее высказал в 1958 г. директор Института археологии АН УССР С. Н. Бибиков, но эта идея не смогла быть реализована из-за отрицательного отношения к ней Стржелецкого, который тогда завершал рукопись своей работы «Клеры Херсонеса Таврического» (в ней широко использовались архивные материалы)⁷.

3. Общая топография и планировка.

Предлагаемое ниже общее описание топографии укрепления и его планировки основано на дневниковых записях Печенкина, моих наблюдениях на местности, а также изучении топографических карт и аэроснимков. Для составления пуб-

⁷ Мне пришлось присутствовать при обсуждении вопроса об издании «Гераклейского сборника».

ликуемого плана (рис. 5) использованы следующие архивные материалы.

1. Крок (рис. 6), сделанный Печенкиным в 1911 г. (Архив ИИМК, ф. 27, д. 5, л. 38). 2. Крок Печенкина 1910 г. (рис. 3) на увеличенной копии одноверстной карты (Архив ИИМК, ф. 27, д. 8, л. 2). 3. Полуинструментальная съемка городища, выполненная по поручению Печенкина архитектором С. С. Некрасовым в 1911 г. (Архив ИИМК, Р-1, № 78, табл. 1). План вычерчен Раевским в масштабе 1 : 1000 без обозначения рельефа. Показаны оборонительные стены с башнями и раскопы Косцюшко-Валюжинича и Печенкина. Сопоставление плана с современными топокартами и аэроснимками показало его высокую точность. 4. Схематический план укрепления в масштабе 1 : 2000, сделанный в середине 30-х годов для «Гераклейского сборника» по плану Некрасова (Архив ИИМК, ф. 35, оп. 2, д. 452). Раскопы Лепера на него не нанесены. 5. Материалы вертикальной (плановой) аэрофотосъемки 1961 г. (инв. № 1097), приведенные к масштабам 1 : 10000, 1 : 5000, ок. 1 : 2900 и привязанные к современной топооснове.

Укрепление, возведенное поперек перешейка Маячного п-ва, занимало обращенный на юго-восток склон, который заключен между наиболее высокой (25—30 м над уровнем моря) частью перешейка и короткой Казачьей балкой, лежащей между вершиной одноименной ингрессионной бухты на СВ и обрывистым берегом моря на ЮЗ (рис. 4). Крепость образована двумя параллельными линиями оборонительных стен с квадратными башнями. Первая внешняя (восточная) стена возведена вдоль бровки довольно крутого западного борта Казачьей балки. Вторая, внутренняя (западная) стена проложена по плосковершинному водораздельному плато южной части Маячного п-ва, по его наиболее высокой стороне. С юга, обращенного к открытому морю, крепость ограничена вертикальным клифом с высотой неприступного обрыва 25—30 м. С северной стороны ее замыкала стена, которая пересекала в восточном направлении крутой скат балки, опускаясь к пониженному западному берегу Казачьей бухты.

Расстояние между двумя почти параллельными линиями обороны в среднем равно 200—210 м. Наименьшая величина зафиксирована только в ЮЗ конце городища. По Косцюшко-Валюжиничу, она составляла здесь 181 м (85 сажен), а по более точному плану Некрасова — 197 м. Минимальная длина укрепления от края приморского обрыва до вершины бухты около 740, максимальная по оси — более 900 м. Площадь

около 17,5 га. Но на СВ часть прибрежной территории подтоплена водами бухты в результате повышения уровня моря за историческое время, а на юге берег несколько отступил за счет разрушения абразионного обрыва.

Хотя Печенкин (1911, с. 125; Архив ИИМК, ф. 27, д. 5) установил, что пространство между крепостными стенами не имело сплошной «городской» застройки, а было в основном пустым, после появления заметки Моисеева в ОАК за 1913—1915 гг. по итогам раскопок Лепера территорию «древнего» Херсонеса принято делить на три части: незастроенную верхнюю западную («акрополь») и застроенные среднюю жилую и нижнюю портовую, находившуюся у берега бухты (см., например: Стржелецкий, 1959, с. 72; Щеглов, 1976, с. 42 сл.). Такое представление не отражает реальной археологической ситуации и поэтому неверно. Ошибочно также более позднее утверждение Е. Н. Жеребцова (1985, с. 39), что «две попечные стены, принимаемые ранее за ограды акрополя, жилой части и гавани принадлежат позднеантичному времени». Не соответствуют действительности его утверждения о незначительной толщине и криволинейности поперечных стен, а также характере их кладки. Раскрыта в двух раскопах Печенкиным стена, разделявшая I и 2 участки («акрополь» и «жилой»), имела толщину 1,6 м и была аккуратно сложена в технике превосходной постелистой трехслойной кладки (см. рис. 7, Б, Г; 14; 16, 1). Такой же, по моим наблюдениям, характер имели и две другие поперечные стены.

В действительности внутреннее пространство укрепления было разделено поперечными толстыми стенами, аналогичными тем, которые межевали территорию внутри Маячного п-ва (см. Щеглов, 1993), не на три, а на четыре примерно равных по площади (около 4,5 га) участка (рис. 5).

Первый из них занимает самую возвышенную юго-западную часть укрепления. С юга он ограничен вертикальным обрывом. С его наивысшей точки (33,5 м абсолют.), через которую проходила внутренняя крепостная стена, хорошо просматривалось плато Гераклейского п-ва.

Площадь участка в современном состоянии около 4,4—4,7 га. Именно он и был назван «акрополем» (см.: Архив ИИМК, ф. 27, д. 5, л. 44). Но не только потому, что находился на самой высокой отметке. Именно здесь был открыт Косцюшко-Валюжиничем античный «храмик», а остальная территория представляла пустое пространство, покрытое меломощными красноцветными почвами, сформированными на известняках.

В 1911 г. Печенкин заложил в северной части первого участка большую серию разведочных ям-шурфов и траншей (рис. 6 — на кроке помечены литерой х) и не нашел не только никаких следов построек, но и «ни одного черепка» (Архив ИИМК, ф. 27, д. 5, л. 44). На своем кроке весь участок Печенкин обозначил — «чистая площадка». Предполагая, что он был отделен от соседнего «улицей-дорогой» (как и земельные площиади внутри полуострова), исследователь заложил два раскопа у западной (рис. 7, Г) и восточной (рис. 7, Б) крепостных стен. В первом случае он открыл ворота и часть дороги, которая вела на соседний участок и была огорожена стенами. На втором раскопе он обнаружил противоположный конец разделительной стены, как говорилось выше, толщина этой монументальной стены 1,6 м.

Второй участок (рис. 5), расположенный севернее первого, имеет площадь 4,41 га. В плане он почти квадратен, со стороной 210 м. С остальной территорией Маячного п-ва участок соединяется посредством южных ворот № 1 в западной крепостной стене. Параллельно этой последней и на расстоянии 18,6—19 м от нее проходила внутренняя дорога, огражденная каменными стенами толщиной около 1 м. Дорога вела к раскопанному Печенкиным в 1911 г. большому строительному комплексу у башни V, который автор обозначил как «дом 5» (рис. 5 — на плане П-2). Остальное пространство участка занимали обычный для Гераклейского и Маячного п-ва плантаж и ограды внутреннего межевания.

Третий участок аналогичен второму по величине и устройству. На нем тоже были обнаружены остатки одного строительного комплекса, который находился у внешней (восточной) крепостной стены недалеко от южного угла бывшего хутора Губера-Аметистова-Гречихина. Его примерное местоположение (рис. 5 — обозначен Л-1) определяется по краткой дневниковой записи Лепера за 29—30 мая 1914 г. и фотографиям раскопа (Архив ГХИАЗ, д. 96, л. 2; негативы № 1994—1997). Точнее определить место раскапывавшегося, но недокопанного Лепером здания мне не удалось.

Можно предполагать, что открытые Печенкиным на втором и Лепером на третьем участках остатки построек и послужили поводом для выделения «средней жилой зоны» на городище.

Четвертый «портовый» участок, прилегающий к Казачьей бухте, наименее ясен, так как подвергся особенно сильному разрушению в новейшее время и частично застроен (см. выше). Он расположен на крутом склоне. Только прилегающая

к бухте территория имеет ровный характер. Площадь 4-го участка в современном состоянии составляет около 4 га, но в древности она очевидно, была не менее 4,5—5 га.

Вдоль южной стороны четвертый участок ограждался с одной стороны толстой (около 2 м) стеной. Ее небольшой отрезок зафиксирован мной в 1967 г. на территории бывшего хутора (рис. 5 — Р). Пересекая укрепление поперек, она западным концом, по-видимому, через северные ворота № 2 (рис. 5 — В-2) внутренней крепостной стены, раскопанные Лепером, выходила на магистральную дорогу III, которая вела внутрь Маячного п-ва (см.: Щеглов 1993, рис. 11). Противоположный ее конец, перекрытый постройками бывшего хутора, примыкал к восточной внешней стене укрепления примерно в том месте, где Паллас отмечал наличие въезда в крепость. С напольной стороны сюда же подходила широкая магистральная дорога, которая была проложена через северную часть Гераклейского п-ва и соединяла описываемое укрепление с Херсонесским городищем у Карапинной бухты. Ее западный отрезок, подходивший к Казачьей бухте и опускавшийся по восточному склону балки (рис. 5 — Д) был прекрасно виден на местности еще в начале 60-х гг. и хорошо демаскируется на аэрофотоснимках 1961 г.

Несмотря на сильную поврежденность, есть некоторые основания предполагать, что этот «портовый» район отличался от трех рассмотренных выше участков. На изданном плане Печенкина (1911, табл. III) внутри него нанесены обнаруженные исследователем «следы здания», находившиеся у северного края камнеломки (рис. 5 — П-3). В отчете Косцюшко-Валюжинича (Архив ИИМК, ф. 1, 1890, д. 26, л. 62) перечислены 125 находок из раскопа «у Казачьей бухты, где оканчивается стена, спускающаяся вниз», от угловой башни IX (рис. 5 — К-2). Описания раскопа нет, но судя по краткой характеристике материала, он обычен для набора вещей из раскопок тех жилых и хозяйственных построек, которые были раскрыты Печенкиным и Лепером как внутри укрепления, так и на остальной территории Маячного п-ва (простая и чернолаковая керамика, фрагменты клейменых амфор, пирамидальные и дисковидные грузила, монета). В разных местах внутри участка Лепер, судя по его отрывочным записям и фотографиям, начал раскопки еще двух хозяйствственно-жилых комплексов (рис. 5 — Л-2 и Л-3). Оба они находились за пределами хутора. Первое (здание Б) локализовано автором «позади сараев военного ведомства», а второе (В) — «у западной оборонительной стены». Наконец, непосредственно на территории упомянутого хутора существовал, по-крайней ме-

ре, еще один строительный комплекс, из которого происходили материалы моей рекогносцировки 1967 г.

Изложенные данные, по-видимому, позволяют предполагать более высокую степень застройки четвертого северного участка, чем первых трех. Во всяком случае, с большой долей вероятности можно говорить о синхронном существовании (судя по вещественному материалу) не менее четырех — пяти хозяйствственно-жилых построек (усадеб), расположенных в разных местах участка. Но общий характер застройки, ее плотность и планировочная структура остаются по-прежнему не известными.

Описанная археолого-топографическая ситуация на перешейке свидетельствует, что это особый тип памятника, функциональная структура, планировка и облик которого были обусловлены, по-видимому, конкретной исторической ситуацией, сложившейся в Юго-Западном Крыму к моменту возведения укрепления.

Прежде всего надо отметить, что местоположение и привязка к местности, которые определили общий план укрепления и направление его главной продольной оси (около 15°), а также прокладку трасс крепостных стен, полностью отвечают требованиям греческой фортификации, согласно которым оборонительные линии возводились, как правило, по краям командных высот. Фортификационными соображениями определялись границы многих греческих городов. По указанной причине в некоторых из них, таких, например, как Ассос, Книд, Приема и др., внутри крепостных стен оставались большие пустые пространства, не занятые плотной рядовой застройкой (в ряде случаев это был резерв роста города). Вполне вероятно, что подобная ситуация образовалась и в Херсонесе после того, как западная граница города была отодвинута в сторону Песочной бухты. Поэтому только отношение положения оборонительных стен на перешейке Маячного п-ва к внутренней планировке и степени (плотности) застройки сами по себе еще не могут быть определяющими для точной типологической интерпретации памятника.

Соотношение обусловленного требованиями фортификации общего плана укрепления с топографией местности достаточно однозначно указывает, что его строителями в первую очередь преследовалась, по-видимому, двойная цель: перекрыть доступ на Маячный п-в наиболее надежным образом и создать внутреннее защищенное пространство. Направление более мощной восточной стены, шедшей по краю Казачьей балки, прямо указывает, что крепость была обращена фронтом в сторону Гераклейского п-ва. Наличие второй, внутренней

исеева, М. А. Наливкиной и В. А. Кутайсова (см.: Кутайсов, 1990, рис. 15; 18; 26,5; 1992, с. 94), отличаясь от них, впрочем, своей большей мощностью. По-видимому, кладка первой линии оборонительных стен укрепления близка также так наз. «древнейшей» стене у юго-восточных ворот Херсонеса, открытой К. Э. Гриневичем (1927, с. 20—23)⁹. Типологически и по аналогии с датированными образцами описанная стена должна быть отнесена к системам кладок конца V — первой половины IV в. до н. э.

Башня I. (рис. 7, А; 9, 1). По схематическим чертежам Косцюшко-Валюжинича (Архив ГХИАЗ, д. 1; Архив ИИМК, ф. 1, 1890, д. 26), внутренние размеры около 5×5 м, толщина стен коло 1,6 м. Построена на крутом склоне балки, выступая примерно на 4—4,5 м перед фронтом куртин. Ширина по фасаду около 7 м. Дверной проем, шириной около 1 м, был заложен камнем. Внутри башни найдены бронзовый наконечник стрелы, метательный камень и обломки глиняной посуды «простой и лакированной» (Архив ИИМК, ф. 1, 1890, д. 26, л. 62).

Башня III (рис. 7, Б). Раскопана Печенкиным в 1911 г. Обмера и фотографий нет. По генплану Некрасова, ширина ок. 7 м, толщина стен ок. 1,5 м. Выступала за линию фасада куртин примерно на 5,5 м. В дневнике Печенкин отметил, что поскольку башня построена на крутом склоне, все ее внутреннее пространство в основании было забутовано камнем до уровня порога, т. е.—до уровня пола нижнего яруса. Таким образом, башня имела довольно мощный фундамент, или цоколь. Вход в нее, судя по всему, тоже был заложен камнем. При раскопках внутри и снаружи башни, у ее подножья и основания куртин, по свидетельству Печенкина, найдено много обломков чернолаковых сосудов, фрагмент клейменой ручки фасосской амфоры и бронзовая стрелка (Архив ИИМК, ф. 27, д. 6).

Башня «С», находившаяся на северном фланге возле берега бухты, известна только по схематическому плану Палласа (рис. 1, Б). Как и остальные, она квадратная в плане. Стояла башня, по-видимому, возле крепостных ворот (см. рис. 5-В).

Башня на островке в Казачьей бухте (рис. 5-А). Вероятно, фланговая. От нее выявлена только часть кладки южной

⁹ Ее строительство, если исходить из анализа амфорного материала из засыпи так называемого «имфея», выполненного В. И. Кацем (1966, с. 10 сл.), произошло, вероятно, в 1-й — нач. 2-й четверти, но не позднее 70—60-х гг. IV в. до н. э. (см. также: Щеглов, 1970, с. 175).

стороны во время раскопок Косцюшко-Валюжинича в 1890 г. Остатки башни перекрыты кладками средневекового строительного комплекса, известного как «монастырь Св. Клемента»¹⁰. На чертеже Скубетова (Айналов, 1905, рис. 103) толщина кладки башни обозначена равной 6 футам и 1 дюйму (1,85 м), что соответствует и линейному масштабу (рис. 2).

По поводу этой башни и башни I западной (внутренней) стены, о которой речь будет ниже, Стржелецкий в свое время писал: «Можно почти безошибочно восстановить названия двух башен Страбоновского Херсонеса: башни Диониса, с левого фланга, и башни Геракла с левого же, но передовой стены» (Стржелецкий, 1948, с. 105). Предложенная реконструкция древнего названия описанных выше остатков как «башни Геракла» привлекательна и возможна, но недоказуема, по-крайней мере, столь уверенно. Она основана на находке рельефа на мраморной плите с изображением подвигов Геракла (см.: АСХ, с. 32 сл., № 65 — там же подробная библиография), которая была извлечена из развалин кладки средневековой стены «монастыря Св. Климента», где использовалась в качестве строительного камня. Вместе с ней найдены еще два памятника скульптуры, в том числе надгробие первых веков н. э. (АСХ, № 376 и 512). Так относился ли упомянутый рельеф со сценами Геракловых подвигов именно к остаткам данной башни? Нахodka не только разновременных, но и функционально разных скульптурных фрагментов во вторичном использовании не позволяет этого утверждать однозначно и требует специального анализа¹¹.

Б. Вторая (внутренняя, западная) крепостная стена. Ее трасса (рис. 5) проложена по плоскoverшинному водоразделу самой высокой части перешейка. Длина около 890 м. Имела 9 квадратных башен, 6 из которых известны по сохранившимся материалам раскопок. Кроме того, в стене открыты остатки двух ворот. От северной фланговой башни IX стена (куртина 9) поворачивала в сторону бухты, замыкая укрепление с севера. Поэтому я ее рассматриваю отдельно как «северную» линию обороны.

Куртина 1 (рис. 7, В). Длина 15—16 м. Была защищена, как следует из общего плана Некрасова, Косцюшко-Валюжиничем. Документация не сохранилась.

Куртина 2 (рис. 7, В; 8, А). Исследовалась Печенкиным

¹⁰ По гипотезе Бертье-Делагарда (1893). Подробнее см.: Айналов, 1905, с. 137 сл.

¹¹ Обозначенные памятники скульптуры я предполагаю обсудить в одной из последующих публикаций.

в 1911 г. Открыт участок кладки протяженностью около 3 м. Толщина около 1,6 м. По терминологии Крыжицкого (1981; 1993), стена типологически должна быть отнесена к трехслойной однорядной постелистой кладке; нижний ряд наружного (напольного) фасада выведен из орфостатов. Последний признак отмечен не только на обмере Некрасова (рис. 8, А), но и на схематическом рисунке Печенкина в полевом дневнике (Архив ИИМК, ф. 27, д. 5, л. 39). Там же он отметил, что основание стены лежит на «слое красной глины». То есть, куртина была возведена без фундамента на «дневной» почве («слой красной глины» — типичные для этого места красноцветы — почвы типа *ferra rossa*, покрывающие поверхность известняковой скалы).

Куртина 4 (рис. 7, Г — РВ-1). Общая длина около 105 м. Участок крепостной стены раскрыт Печенкиным возле южных ворот № 1. Ее толщина 1,6 м. Хорошее представление о характере кладки наружного и внутреннего фасадов дает серия полевых фотографий 1911 г. (рис. 8, В, Г; 16, 1)¹².

Характеризуя кладку куртии по описанным примерам и собственным наблюдениям в местах новейших обнаружений, считаю необходимым обратить внимание на некоторые типологические (причем весьма важные) соответствия, с прекрасно исследованными новыми участками крепостных стен Керкинитиды, недавно открытыми и описанными В. А. Кутайсовым (1990; 1992). Они проявляются в технике обработки камня и кладке фасадных слоев. А именно — в орфостатной псевдополигональной кладке наружного слоя стены «старого» Херсонеса и стены Керкинитиды, которую Кутайсов отнес к концу V в. до н. э., вместе с выполненной аккуратно из относительно разнородного по величине камня кладкой внутреннего слоя (ср.: рис. 8, Г; 16, 1 и Кутайсов 1992, верхний снимок; 1990, рис. 4—5). Кроме того, в некоторых обнажениях (окопы, воронки и блиндажи) мне отмечены во внутреннем фасадном слое западной стены укрепления факты установки крупных орфостатов, к которым прилегает несколько рядов постелистой кладки из мелкого камня. Открытый им участок такой близкой по типу весьма архаичной кладки в Керкинитиде Кутайсов отнес к началу IV в. до н. э. (Кутайсов, 1992, с. 89, средний снимок).

Сказанное позволяет предполагать, что сооружение второй (западной) линии обороны описываемого укрепления на

¹² Снимки находились в архиве Б. В. Фармаковского и считались видами раскопок Ольвии. Мне удалось их атрибутировать и сопоставить с рукописями и чертежами Печенкина и Некрасова (см.: Томес, 1974).

перешейке, равным образом как и его главной (первой, восточной) стены, по типологическим признакам, то есть, по системе и технике кладки, с некоторой долей уверенности может быть помещено в достаточно узкий промежуток времени, определяемый в пределах конца V — начала IV в. до н. э., но никак не позднее середины последнего столетия. Это тем более важно, что в записках Косцюшко-Валюжинича и Печенкина нет сведений о находках, которые могли бы служить датирующими. В моих сборах тоже не было материала, который мог бы дать дату уже, чем IV в. до н. э.

Башня I (рис. 7, В; 9, 2). Раскопана Косцюшко-Валюжиничем. Находилась в 19 м от берегового обрыва, уничтожена при строительстве батареи 35. Квадратная. Внутренние размеры около 5×5 м. Толщина стен около 0,85 — 1 м. Ширина входа около 1,4 м. Находок автором раскопок не зафиксировано.

Подробно рассмотрев рукописный отчет Косцюшки и публикации, касающиеся раскопок античного «храмика», расположенного рядом с башней (см.: рис. 7, В; 9, 2 — х), Стржелецкий (1948, с. 102—105) пришел к выводу, что башня носила название «башни Диониса», подобно тому, как башня на островке в Казачьей бухте была «Геракловой» (см. выше). Позднее, публикуя фрагмент рельефа с изображением всадника, происходящий из того же храмика, но ускользнувший от внимания Стржелецкого, я привел ряд доводов, которые не позволили согласиться с его заключением (см.: Шеглов, 1969а, с. 153 сл.)¹³.

Башня II (рис. 7, В; В, 3). Раскопана Косцюшко-Валюжиничем. Находилась на расстоянии 72 м от первой. Тоже уничтожена при строительстве батареи 35. Почти квадратная. По обмерам Косцюшки, ее ширина внутри $5,34 \times 6,3 - 6,4$ м. Толщина стен около 0,8 м. Внутреннее пространство разделено попечерной стеной на 2 одинаковых помещения, соединенных дверным проемом по оси главного входа. Вход в первое помещение, устроенный в крепостной стене и имевший ширину около 1,4 м, был заложен камнем. Внутри башни найдены 4 метательных камня, бронзовый наконечник стрелы, железный нож с костяной ручкой, 2 точильных камня, 1 пирамидальное и 2 дисковидных грузила, kleymenая амфорная ручка, обломки чернолаковых сосудов, 5 медных херсонесских

¹³ Материалы раскопок «храмика», кка и других строительных комплексов внутри крепости, подробно будут опубликованы в следующей статье. Удалось найти дополнительные архивные данные, которые не были известны ни Стржелецкому, ни мне.

монет и фрагмент каменного молотка (Архив ИИМК, ф. 1, 1890, д. 26, л. 62).

Башня III (рис. 7, Г; 9,4; 10). Раскопана Косцюшко-Валюжиничем. Спустя 20 лет ее остатки обмеряны Некрасовым. Как и описанные выше, разрушена при сооружении батареи № 35. Находилась на расстоянии около 50 м от башни II и совпадала с ней по плану и размерам. Отличалась тем, что с ее южной стороны существовала небольшая пристройка, состоявшая, по данным Косцюшко, из одного помещения, шириной около 2,85 м (рис. 9, 4). К 1911 г. пристройка была уничтожена и поэтому не показана на плане Некрасова (рис. 10). Ее план восстанавливается только по схематическим чертежам Косцюшки.

Указанная пристройка соединялась дверным проемом с внутренним вторым помещением башни, находившимся в ее глубине, и имела второй выход наружу — на территорию земельной площади I (см.: Щеглов, 1993, рис. 11) внутри Маячного п-ва. Узкий проем (0,6—0,7 м), названный Косцюшко-Валюжиничем «выходом для вылазок» (Архив ИИМК, ф. 1, 1890, д. 26, л. 60), позволял проходить через помещения башни и пристройку из укрепления на земледельческую территорию полуострова, точнее — на один из ее участков. Под каменным порогом выхода из пристройки находился канал для стока, вырубленный в скале и облицованный вертикально поставленными плитами, на которых и лежала плита порога¹⁴.

Оба наружных выхода — внутрь крепости и в сторону Маячного п-ва — были заложены камнем. Заклад проема, ведущего в башню, кроме фиксации Косцюшко-Валюжинича, отмечен Печенкиным и Некрасовым (см.: рис. 6 и 10). В ходе раскопок внутри помещений башни и в пристройке найдены метательный камень, разбитый чернолаковый «сосудик», обломки простой и чернолаковой посуды, а также медная херсонесская монета (Архив ИИМК, ф. 1, 1890, д. 26, л. 62).

Башня V (рис. 6; 9,5; 11). Полностью исследована в 1911 г. вместе с прилегающим к ней изнутри стены строительным комплексом, который Печенкин обозначил как «дом № 5». История изучения башни не совсем ясна. На наброске плана в дневнике (см.: рис. 6), сделанном до начала раскопок «дома № 5», башня показана исследованной с пометкой «херсонесские работы». На с. 45 дневника (Архив ИИМК,

ф. 27, д. 5) он говорит о расчистке башни 5, раскопанной Косцюшко-Валюжиничем. Но в отчете последнего нет упоминаний о раскопках этой башни. В 1911 г. ее расчистку, производившуюся одновременно с исследованием «дома 5», по-видимому, вел по соглашению с Печенкиным Лепер. В дневнике Печенкина отмечена находка монеты (л. 46, запись 15 сентября) — «у Ром. Христ». (Лепера — А. Ш.). Монета не включена в описание Печенкина, не попала она и в описание Лепера. В последней за 1911 г. фигурируют только находки из башни № 4 (?), никаких сведений о раскопках которой вообще нет.

Перекрестное сопоставление рукописей и опубликованных экскерптов из отчета за 1890 г., позволяет предположить следующее. Башня V раскалывалась Косцюшко-Валюжиничем, но не была докопана и не включена в рукописный отчет. По соглашению с Печенкиным доследовал ее приглашенный к участию в изучении «старого» Херсонеса Лепер, который, кроме расчистки указанной башни, принимал участие в раскопках сельского дома (усадьбы) № 3 и вел самостоятельные раскопки северных ворот. Вероятно, по устной договоренности часть материала из находок поступала в Херсонесский музей (Склад местных древностей), что нашло отражение в описи Лепера. Зафиксированные последним находки из башни № 4, скорее всего, должны происходить из описывающей башни V (см.: Архив ГХИАЗ, д. 104, № 466—467).

Башня выступала перед фасадом стены на 5,7 м и имела ширину 7,2 м. Толщина стен, возведенных без фундамента на уровне древней поверхности, 1,1 м. Характер кладки, сохранившейся на высоту от одного до трех рядов (а в дверном проеме — до пяти), зафиксирован полевой фотосъемкой (Архив ИИМК, 0.701.33—36) и показан на рис. 11. На нем же хорошо видна траншея в борту раскопа, образовавшаяся при выборке камня. Кроме того, выборкой уничтожена часть крепостной стены с северной стороны дверного проема, который вел внутрь башни из строительного комплекса («дома № 5»), пристроенного к тыльной стороне стены (см. рис. 9, 5). Последнее обстоятельство отмечено на чертежах и в дневнике Печенкина (Архив ИИМК, ф. 25, д. 5, л. 50).

Помещение башни, размерами 4,6×4,9 м, имело земляной или глинобитный пол, в котором напротив входа было сделано прямоугольное углубление около 1×0,9 м, облицованное по сторонам вертикально поставленными плитами (рис. 9, 5). Скорее всего, именно о нем упоминал Косцюшко-Валюжинич в ОАК за 1890 г. (с. 38), так как в других раскопанных башнях западной стены такие конструкции не зафиксированы.

¹⁴ Стржелецкий (1948, с. 102), несмотря на предельно ясно описанную и понятную Косцюшкой конструкцию, определил это сооружение как «культовое».

По Косцюшко, в этом «очажке», как и в другом, обнаруженном им в сельском доме, были найдены пережженные бараньи кости. Стржелецкий (1948, с. 102), по-видимому, правильно отметил культовый характер таких «очажков».

Доследование Печенкиным и Лепером башни с достаточной определенностью показали, что она использовалась, по крайней мере, на последнем этапе, как одно из помещений хозяйствственно-жилого комплекса («дома № 5»).

Башня VII (рис. 12). Раскопана «колодцем» до 1910 г. (Косцюшко-Валюжиничем?). По обмеру Некрасова, около 6,5 м в поперечнике. Толщина стен 0,85 м. Кладка аналогична стенам башни V, сохранилась на высоту до 1,5 м (4—5 рядов). Внутреннее пространство разделено стеной (толщ. 0,55 м), возведенной перпендикулярно к линии обороны, на два помещения — северное ($2,5 \times 5,4$ м) и южное ($1,6 \times 5,4$ м), которые соединялись между собой двумя проемами шир. около 1,5 и 0,8 м. Последний устроен в поперечной стене с уровня второго ряда кладки. Вход в башню либо не раскопан, либо имел заклад.

Северная фланговая башня IX (рис. 13). Раскопана Косцюшко-Валюжиничем, обозначена им под № 8. В плане прямоугольная. Южная сторона башни выступала за линию 8-й куртины на 5,5—5,6 м, ее ширина по западному фасаду около 6,8 м, а по северному — около 7—7,2 м. С востока она несколько (на 1,5—1,6 м) выступала углом перед фасадом 9-й куртины. Толщина стен башни 1,10 м. Вход в квадратное ($4,5 \times 4,5$ м) внутреннее помещение находился на стыке двух куртин и поэтому ось дверного проема (ширина 1,35 м) несколько сдвинута к югу от осевой линии башни.

При раскопках внутри башни найдены 7 метательных камней, которые лежали кучкой на полу, бронзовый наконечник стрелы, обломки простой и чернолаковой керамики и 2 медные монеты (1 из них разрушена окислами).

Южные ворота № 1 (рис. 7, Г; 14—16), устроенные в 4-й куртине западной стены и раскопанные Печенкиным, представляли блестящий образец строительного искусства. Типологически они должны быть поставлены в один ряд с известными юго-восточными воротами Херсонеса в 16-й куртине крепостных стен города (см.: Гриневич, 1926). Хорошо документированные чертежами и фотографиями строительные остатки дают основания для построения достаточно достоверной реконструкции.

Проем ворот шириной 3,25 м был оформлен обращенными внутрь укрепления пilonами, длина которых равнялась 2,20 м при толщине 1—1,10 м (рис. 14). Западная часть север-

ного пилона повреждена вместе с куртиною в результате выборки камня, но южный пилон сохранился прекрасно (рис. 16, 1). Кладка фасадного слоя пилонов выполнена в однорядной системе из тщательно отесанного камня «логом». На расстоянии 0,3 м от линии фасада стены в проеме установлены каменные подпятники (около $0,3-0,35 \times 0,4 \times 0,1-0,15$ м) с фасонными пазами для крепления косяков и подшипниками для цапф поворотных валов полотнищ (рис. 14 и 15). Пазы для установки прямоугольных вертикальных брусьев имели сечение $0,5-10 \times 14$ см при глубине около 1—2 см. Диаметр подшипников около 4,5—5 см. Хотя северный пяточный камень немного сдвинут со своего первоначального положения вдоль пилона, это не мешает определить расстояние между центрами подшипников — 2,80 м. Соответственно, ширина полотнища двустворчатых ворот была равна 1,4 м. Раскрытые и прижатые к пилонам створки ворот точно совпадали с их внутренними концами (рис. 16, 2).

С внешней стороны к воротам подходила огражденная стенами прекрасной постелистой кладки магистральная дорога I (см.: Щеглов, 1993, рис. 11). Перед самыми воротами с правой (южной) стороны в ограде дороги у крепостной стены открыты остатки калитки, которая вела на первый участок земельной площади I (рис. 14; 16, 2. См. также: Щеглов, 1993, рис. 11—12 и 20). Проем калитки устроен в виде узкого прохода шириной 1—1,10 и длиной 2,20 м. В глубине его стоял пяточный камень с пазом для косяка и подпятником. Калитка открывалась внутрь земельного участка, ее створка прижималась к небольшому пилону (рис. 16, 2).

Как говорилось выше (раздел 3), через описанные ворота можно было попасть на территорию второго участка внутри укрепления. Раскопками открыта часть стены, разделявшей первый и второй участки. Она пристроена впритык к южному пилону и куртине (рис. 14; 16, 1. См. также рис. 5 и 7, Г).

Северные ворота № 2, устроенные в 7-й № куртине на границе между участками третьим и четвертым внутреннего пространства укрепления и выходившие на магистральную дорогу III, которая вела внутрь Маячного п-ва (рис. 5. Ср.: Щеглов, 1993, рис. 11), раскопаны Лепером. Их конструкция остается неизвестной. Отмечены только находки: чернолаковое блюдо, краснолаковый светильник, 2 монеты, бронзовый гвоздь и кусок свинца (Архив ГХИАЗ, д. 104, № 461—464).

5. Фортификация: находки

Большая часть вещей, найденных во время раскопок стен и башен и описанных суммарно, либо утрачена, либо депортанизирована. Тем не менее, собранные вместе сведения о составе и характере коллекции, полученные по архивным данным и единичным предметам, которые сохранились в собрании ГХИАЗ, весьма представительны. Особенно это относится к нумизматическим материалам.

1. Керамические клейма. Происходившие из раскопок Косцюшко-Валюжинича 6 клейм на ручках амфор (1 из башни II западной стены и 5 из раскопа у 9-й северной куртины) не были описаны. Определению поддается только клеймо из находок Печенкина, хранящееся в ГХИАЗ (инв. № 15007).

Клеймо (рис. 17, 1) на ручке фасосской амфоры найдено при раскопках первой (восточной) стены у башни III вместе с большим количеством обломков чернолаковых сосудов и медным наконечником стрелы (Полевая опись Печенкина, Архив ИИМК, ф. 27, д. 6, л. 37, № 650). Публикуемая пропись выполнена Придиком (Архив ИИМК, ф. 27, д. 7, л. 6). Θασιον

«тета» или «фиала» ← стоящая фигура (Придик: пляшущий сатир) Κλεοφανῆς

Данное клеймо принадлежит группе, которую впервые выделила В. Грэйс по присутствию в штампе сбоку от эмблемы знака в виде «тэты» или «фиалы» (Grace, 1946, р. 35). Позднее она отнесла подобные клейма к ранним образцам I хронологической группы (конец V — до 340 г. до н. э.), выделив их в класс b (Grace, 1956). В дальнейшем Ю. Г. Виноградов (1972, с. 36 сл.) включил клейма с «тетой» или «фиалой» в свою типологическую подгруппу 5а, которая хронологически должна совпадать с группой 4 и соответственно датироваться около 340—320 г. Однако в последующей по времени хронологии М. Дебидура Клеофан определен как гончар первой половины IV в. до н. э. (Debidour, 1979, р. 310). В каталоге А.—М. и А. Бон (1957) публикуемый штамп не зарегистрирован.

П. Чернолаковая керамика. Из отчета Косцюшко-Валюжинича (Архив ИИМК, ф. 1, 1890, д. 26, л. 62), отчета, дневника и полевой описи Печенкина (Архив ИИМК, ф. 27, д. 5, 6, 10) однозначно следует, что при раскопках крепостных стен и башен ни одного краснолакового черепка не было найдено, но только обломки чернолаковых сосудов (см. выше, раздел 4). В том же я убедился, просмотрев оставшуюся в ГХИАЗ часть коллекции Печенкина, в которой многие фраг-

менты утратили полевые номера. Из находок 1911 г., происходящих из раскопок оборонительной системы, в фонде Лепера (фонд 2 ГХИАЗ) хранятся 2 фрагментированных рыбных блюда, внесенных в полевую опись (Архив ГХИАЗ, д. 104).

1. Фрагмент рыбного блюда (рис. 17, 3). Выс. 0,036, диаметр 0,194, диаметр «солонки» 0,040 м. Круто загнутый вниз край отбит. Вдоль края, вокруг «солонки» и на кольцевом поддоне по желобку. Покрыто блестящим черным лаком высокого качества. Аттика. 2-я половина IV в. до н. э. (ср.: Sparkes, Talcott, 1970, № 1072—1075).

Полевая опись Лепера 1911 г., № 466. ГХИАЗ, инв. № 21773.

Найдено, по-видимому, при расчистке башни V западной стены (в описи Лепера обозначено — «башня № 4». См. выше, раздел 4).

2. Фрагментированное рыбное блюдо (рис. 17, 2 и 18). Выс. 0,032, диаметр 0,22, диаметр «солонки» 0,05 м. Круто загнутый вниз край отбит. Глубокая «солонка» (0,012 м) окружена желобком. Вокруг нее и по краю — узкие пояски,ставленные в цвете глины. Центральная часть, отделенная от остальной плоскости тонкой врезной линией, покрыта лаком темно-красно-коричневого тона, внутри «солонки» блестящим. Остальная поверхность имеет матовое чернолаковое покрытие. Конец IV — начало III в. до н. э.

Полевая опись Лепера, 1911 г., № 463. ГХИАЗ, инв. № 21837.

Найдено при раскопках северных ворот № 2.

III. Оружие. Представлено четырьмя бронзовыми наконечниками стрел и тридцатью метательными камнями. Только 1 наконечник найден в 1911 г. «у башни» III восточной стены (Архив ИИМК, ф. 27, д. 6, л. 37, № 651). Остальные 3 и все метательные камни обнаружены внутри башен в 1890 г. (Архив ИИМК, ф. 1, 1890, д. 26, л. 62):

— в башне I восточной стены — наконечник стрелы и метательный камень;

— в башне II западной стены — наконечник стрелы и 4 метательных камня;

— в башне III западной стены — метательный камень;

— в башне IX западной стены — наконечник стрелы и 7 метательных камней, сложенных на полу кучкой.

О величине метательных камней и типе стрелок ничего не говорится. Но в коллекции ГХИАЗ сохранились 5 бронзовых наконечников из раскопок Печенкина и Лепера в разных местах Маячного п-ва, в т. ч. и внутри крепости. Они относятся к трем видам: а) трехлопастной с выступающей втулкой

и треугольной головкой, б) трехгранные пирамидальные опорно-втульчатые и в) трехгранные со скрытой втулкой (см.: Стржелецкий, 1961, с. 175, рис. 8; ГХИАЗ., ф. 2, № 1663/14). Это дает некоторые основания допускать, что и наконечники из раскопок оборонительной системы могли принадлежать тем же видам.

IV. Индивидуальные находки. Только внутри башни II западной стены была обнаружена группа вещей, которая, по-видимому, может указывать на хозяйственное использование помещений башни. Это 3 глиняных грузила (1 пирамидальное и 2 дисковидных), железный нож с костяной ручкой, 2 точильных камня (1 с отверстием для подвески), а также обломок каменного молотка. Впрочем, перечисленные предметы могли попасть сюда и при других обстоятельствах, о которых речь будет ниже (раздел 6).

Кроме того, при раскопках северных ворот № 2 был найден «краснолаковый с сильно обтертым лаком глиняный светильник с розеткой — 5 лепестками двойными» (Архив ГХИАЗ., д. 104, № 461). В фонде 2 Херсонесского музея сохранился только его бок. Судя по оставшемуся фрагменту и наброску в описи Лепера, передающего форму лепестков, светильник относился к широко распространенному типу лампочек с округлым или серцевидным рожком. Это единственная находка, датируемая первыми веками н. э., по-видимому, не ранее II в., и связанная с древней дорогой.

V. Монеты. Всего было найдено 13 медных монет. Внутри башен Косцюшко-Валюжинич нашел 8 монет и еще 1 в раскопе у северной куртины. 3 экз. оказались сильно поврежденными окислами, но типы остальных 5 монет автор описал, что позволяет их атрибутировать. 2 монеты происходят из раскопок 1911 г. Но одна из них (из башни V западной стены), переданная Печенкиным Леперу, не зарегистрирована в описях. В описи Лепера значатся только две «негодные» монеты из раскопок северных ворот № 2 (Архив ГХИАЗ., д. 104, № 462). Ниже приводится описание атрибутированных по описаниям монет.

1. Л. с. Голова Девы.

О. с. Палица в венке.

Медь. Херсонес. Зограф 1951, XXXV, 3 — первая половина IV в. до н. э. Анохин 1977, I, 13—15 — около второй четверти IV в. до н. э.

Башня IX западной стены. 1890 г.

2. Л. с. Голова льва вправо.

О. с. Шестилучевая звезда.

Медь. Херсонес. Зограф, XXXV, 12 — около 350 г. до н. э.

34

Анохин, II, 27—32 — выпуск около середины IV в. до н. э. Башня II западной стены. 1890 г.

3. Л. с. Двуликая голова.

О. с. Лев, терзающий быка.

Медь. Херсонес. Зограф, XXXV, II — около 350—330 г. Анохин, IV, 57—59 — та же дата.

Башня II западной стены. 1890 г.

4. То же.

Башня III западной стены. 1890 г.

Относительно датировки двух последних монет важны соображения А. М. Гилевич (1970, с. 5 сл.) и археологические данные. Рассматривая монеты старшего номинала этой серии (Зограф, XXXV, 10), Гилевич связала их выпуск с агрессией Херсонеса в Северо-Западный Крым. Однако предложенная ею тогда дата начала эмиссии не ранее 339 г. до н. э. была основана на моей гипотезе о времени и обстоятельствах включения указанной области в состав Херсонеса, которое в тот период я определял последней третьей IV в. Такая датировка монет совпадала и с первоначальным мнением Зографа (1927), который относил выпуск серии к последней четверти IV в. Но получение новых археологических свидетельств заставило меня отодвинуть дату начала херсонесской территориальной экспансии в северном направлении ко времени не позднее середины IV в. (подробно см.: Щеглов, 1986). К этому времени, очевидно, и надо привязать выпуск монет типов Зограф, XXXV, 10, 11 (а также и XXXVII, 15)¹⁵.

5. Л. с. Коленопреклоненная Дева вправо, с луком и стрелой.

О. с. Грифон влево.

Медь. Херсонес. Зограф, XXXV, 16, 18 — конец IV в. до н. э. Анохин, IV, 60—65 — около 330—320 г. до н. э.

Башня II западной стены. 1890 г.

6. Л. с. Идущий влево бык.

О. с. Трезубец.

Медь. Византий. Schönert-Geiss, 1970, № 871—913, табл. 37—38 — между 411 и ок. 387/386 г. до н. э.

Раскоп возле северной куртины 9 у Казачьей бухты. 1890.

¹⁵ По археологическому контексту (поселение Панкос 1) монеты типа Зограф XXXV, II обнаруживаются в слое, образовавшемся в конце второй — начале третьей четверти IV в. до н. э. Следует отметить, что попытка Анохина объяснить появление монет серии (старшего номинала) олигархическим переворотом в Херсонесе не может быть признана убедительной. Критические замечания см.: Noonan, 1980, с. 16 сл.; Щеглов, 1986, с. 170 сл., прим. 46.

7. «Монета бронзовая I в. до н. э.» (Архив ИИМК, ф. 27, д. 6, л. 37, № 652). Раскоп 2, куртина 4 восточной стены. 1911 г. Найдена в верхнем слое, в развале над руинами крепостной стены в месте примыкания к ней разделительной стены между первым и вторым участками (Архив ИИМК, ф. 27, д. 5, л. 50). Херсонес (?).

Дата этой, как и других херсонесских монет из раскопок Печенкина, приведена без описания типа по определению Г. К. Маркова или А. В. Орешникова. Надо, однако, учитывать, что некоторые типы монет, которые в то время датировались I в. до н. э., в настоящее время несколько удревнены.

Итак, 6 из 7 определенных монет выпущены в IV в. до н. э. Самая ранняя из них — монета Византия конца V — начала IV в. до н. э. Самая ранняя из них — монета Византия конца V — начала IV в., а самая поздняя — херсонесская конца IV в. Длительность обращения этих монет, за исключением последней (№ 5), по-видимому, не выходит за пределы IV в. Что касается монет типов Дева-Грифон и Грифон-Дева, то их присутствие зарегистрировано в нескольких кладах, относящихся как к концу IV, так и началу III в. до н. э. (см., например: Гилевич, 1960; 1970; Колесников, 1991), а снабженные надчеканками они известны и в более поздних кладах III в. до н. э.

Обращает на себя внимание компактный состав монет, найденных в башнях, и большой хронологический разрыв (200 или более лет!) между этой группой и монетой (№ 7), найденной в слое над руинами стен.

6. Фортификация: некоторые результаты исследования

Более полное представление об укреплении на перешейке Маячного п-ва может быть получено лишь после изучения, публикации и обсуждения материалов раскопок строительных комплексов, находившихся внутри крепостных стен. Сейчас же необходимо ограничиться предварительным обсуждением результатов анализа только тех данных, которые относятся к оборонительным сооружениям и были подробно рассмотрены в разделах 4 и 5. Итак:

1. Крепостные сооружения на перешейке представляли примечательный образец греческого строительства первой половины IV в. до н. э. Для сопоставления возьмем синхронные оборонительные системы только двух наиболее крупных и значимых городских поселений Западного Крыма — Херсонеса и Керкинитиды (примеры из других районов греческого мира сейчас не нужны). Протяженность крепостных

стен Керкинитиды в середине IV в. до н. э., по Кутайсову (1990, с. 61) около 0,8—1 км. Предположительно реконструируемая по обрывкам и косвенным данным сухопутная трасса так называемые «древнейший» стены Херсонеса, относящаяся, как говорилось выше (раздел 4), к первой половине IV в., имела длину около 0,5—0,7 км, а по периметру города крепостная ограда не могла составлять более 1,7—2 км. Суммарная же длина оборонительных стен укрепления на перешейке около 2,25 км. Толщина открытых Кутайсовым стен Керкинитиды конца V в. 1,20—1,25 м (ук. соч., с. 42), а IV в.—1,5—1,8 м (там же, с. 59. Ср. там же, с. 41 сл., рис. 15—17 — раскопки Моисеева). Ширина «древнейшей» стены Херсонеса 2,35 м (Гриневич 1927, с. 21). Восточная же стена «старого» Херсонеса была 2,75—2,80, а западная — 1,6 м ширины. То есть, главная, восточная линия обороны укрепления превосходила своей мощностью крепостную стену Херсонеса, а линия, обращенная внутрь Маячного п-ва соответствовала по толщине стенам Керкинитиды. О типологических соответствиях конструкции кладок говорилось в разделе 4.

2. Находок из раскопок крепостных стен и башен, которые могли бы служить опорой для выведения более узкой даты строительства недостаточно. Нижнюю временную границу пока определяют только монета Византия конца V — начала IV в. до н. э. и фасосское амфорное клеймо, найденные возле куртин в раскопах (см. раздел 5.1 и 5.V.6). Для более надежных заключений необходим анализ дополнительного материала из раскопок, прилегающих к крепостным стенам строительных комплексов (что я предполагаю сделать в следующей статье), или же специальные раскопки сохранившихся еще остатков куртин.

3. Для определения времени прекращения существования оборонительной системы и обстоятельств, при которых она перестала функционировать, главное значение, на мой взгляд, имеет следующее.

3.1. Присутствие в четырех из восьми раскопанных башнях оружия — наконечников стрел и метательных камней, скорее всего для баллист (или пращей?). Причем в одном случае камни были сложены кучкой (см. выше, раздел 5. III).

3.2. По крайней мере у половины раскопанных башен первой и второй линий обороны входы оказались заложенными. А в башне III западной стены, которая имела выходы не только внутрь крепости, но и за ее пределы на земледельческую территорию (через пристройку), оба наружных дверных проема имели каменные заклады (см. выше, раздел 4).

3.3. Такая ситуация — оружие (особенно метательные камни), оставшееся в башнях и заложенные входы, да еще в одном случае (башня П западной стены) вместе с предметами хозяйственного назначения — может с максимальной степенью вероятности свидетельствовать, что башни находились в осаде, после завершения которой и были окончательно заброшены. Тождественная, но еще более яркая археологическая картина зафиксирована на поселении Панском I, которое подверглось осаде и сокрушительному разгрому в первых десятилетиях III в. до н. э. (см., например: Scieglov, 1987).

3.4. В дневнике Печенкина есть запись, сделанная 14 сентября 1911 г. «Создается впечатление, что усадьба («дом № 5» — А. Щ.) была сооружена уже когда «стена» (западная — А. Щ.) перестала играть оборонительную роль». (Архив ИИМК, ф. 27, д. 5, л. 26). Речь в данном случае шла о последнем строительном периоде «дома № 5», когда нижний ярус башни, использовался в качестве одного из помещений этого строительного комплекса.

3.5. Описанные признаки и наблюдения должны указывать на то, что осада крепости велась как со стороны главной (восточной) линии обороны, то есть, со стороны Гераклейского п-ва, так и с противоположного направления — с внутреннего пространства Маячного п-ва. Башни с заложенными входами, вероятно, оставались последними «узлами обороны».

4. Сказанное требует рассматривать наборы вещей из башен с заложенными проемами входов как закрытые комплексы. Анализ материалов, особенно нумизматических, из башен в сопоставлении с остальными, пусть даже малочисленными (см. выше, раздел 5) дает возможность с достаточными на мой взгляд, основаниями предполагать, что оборонительная система на перешейке Маячного п-ова прекратила свое существование в результате военных действий либо в самом конце IV, либо на рубеже IV—III в. до н. э., но никак не позднее. Хотя никаких признаков последующего восстановления и использования крепостных стен и башен нет, заброшенные руины не были разобраны.

5. Не скрою, такой вывод меня сначала несколько озадачил. И не потому, что он противоречит общепринятым мнению, что укрепление на перешейке перестало существовать в конце II в. до н. э. в период скифо-херсонесской войны и походов Диофанта, и дату его разрушения необходимо сдвинуть вниз примерно на два столетия. Изучение материалов из раскопанных Печенкиным на Маячном п-ве сельских домов (усадеб) в сопоставлении с результатами исследова-

ний на остальной территории Западного Крыма позволяло мне раньше думать, что усадьбы на Маячном п-ве, равным образом как и на Гераклейском, и как херсонесские поселения в Северо-Западном Крыму были заброшены или разрушены во время тотального разгрома херсонесской (и не только херсонесской) территории, произошедшего в первой трети III в. до н. э. и прокатившегося сокрушительной волной (или волнами) по степному пространству Северного Причерноморья (см., например: Виноградов, Щеглов 1990, с. 362 сл.). Такой вывод подтверждается в целом и новейшими раскопками двух сельских домов на Маячном п-ве (Сапрыкин, 1991). Но, как говорилось выше, крепостные сооружения на перешейке этого полуострова были заброшены и руинированы несколькими десятилетиями раньше — в конце IV или на рубеже IV—III в. до н. э.

6. Чтобы объяснить возникшее противоречие, попробую привести несколько дополнительных косвенных свидетельств и на их основании сформулировать в предварительном порядке рабочую гипотезу.

6.1. В 1895 г. на Маячном п-ве был найден клад херсонесских медных монет, сокрытый в конце IV в. до н. э. (Гилевич, 1960). Вполне возможно, что того же состава мог быть и не очень ясный второй клад 1844 г., обнаруженный на той же территории (Тункина, 1993). В свое время Гилевич (1973, с. 11) выделила группу кладов херсонесских монет конца IV в. до н. э., происходящих как из Юго-Западного, так и Северо-Западного Крыма. При этом она отметила, что «выявить причины сокрытия кладов пока невозможно».

6.2. На рубеже IV—III в. до н. э. был покинут обитателями и разобран небольшой сельский дом (усадьба) Панское III. Примерно тогда же дополнительно укреплен встроенной в помещение башней дом, стоявший на краю поселения Панского I. С. Ю. Сапрыкин (1991, с. 108) указывает на перестройку исследованной им сельской усадьбы № 57 на Маячном п-ве на рубеже IV—III в. и попытку спешного укрепления стен другой усадьбы (№ 49) в первой половине III в. до н. э., то есть на последнем этапе ее существования.

6.3. Новый детальный анализ группы важнейших херсонесских эпиграфических документов, выполненный Ю. Г. Виноградовым, и анализ археологических источников, сделанный мною, привели нас к заключению, что «на рубеже IV—III в. до н. э. Херсонес потрясают вызванные неизвестными пока причинами социальные смуты, приведшие к фактическому раздвоению государства» (Виноградов, Щеглов 1990, с. 371).

6.4. В свете сказанного возникает вопрос. Не являются ли остатки описанной фортификационной системы на перешейке Маячного п-ва еще одним новым и очень ярким свидетельством херсонесской политической смуты, произошедшей в конце IV или на рубеже IV—III в. до н. э. и сопровождавшейся военными действиями — по сути гражданской войной? В ее результате появились такие документы как Присяга и закон об амнистии, а крепость на перешейке перестала существовать как самостоятельная единица. В Херсонесском государстве утвердился, согласно Присяге (IPE, I², 401), демократический строй. Земледельческая территория на Гераклейском и, по-видимому, Маячном полуостровах, надо думать, подверглась определенной реорганизации, но с сохранением заложенной и сооруженной ранее системы дорог и каркасных межевых стен (см.: Щеглов, 1993, с. 23 сл.).

Спустя некоторое время, примерно через два-три десятилетия (?), в пределах первой трети III в. до н. э. второй, теперь уже внешний сокрушительный удар, шедший со стороны кочевников степного мира, докатился и до Юго-Западного Крыма, опустошив херсонесскую земледельческую территорию на Гераклейском и Маячном полуостровах. Но крепость давно уже представляла собой заброшенные старые руины.

ЛИТЕРАТУРА

- Айналов Д. В. Развалины храмов // Памятники христианского Херсонеса.—М., 1905.—Вып. 1.
- Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э.—XII в. н. э.).—Кiev, 1977.
- Аркас З. А. Описание Ираклийского полуострова и древностей его // ЗООИД.—1848.—Т. II.
- Белов Г. Д. Херсонес Таврический.—Л., 1948.
- Бертье-Делагард А. Л. Раскопки Херсонеса // МАР.—1893.—№ XII.
- Бертье-Делагард А. Л. Древнейший Херсонес по Страбону и раскопкам // ИАК.—1907.—Вып. 21.
- Виноградов Ю. Г., Щеглов А. Н. Образование территории нового Херсонесского государства // Эллинизм: Экономика. Политика. Культура.—М., 1990.
- Гайдукевич В. Ф. Рец.: Белов Г. Д. Херсонес Таврический. Л., 1948 // ВДИ.—1949.—№ 3.
- Гилевич А. М. Клад monet из округи Страбонова Херсонеса // СА.—1960.—№ 4.
- Гилевич А. М. Кучук-Мойнакский клад херсонесских monet IV—III в. до н. э. // НЭ.—1970.—Т. VII.
- Гилевич А. М. Хронология и топография кладов херсонесских monet IV—II вв. до н. э. и некоторые вопросы скифо-херсонесских взаимоотношений // Кратк. тезисы докл. к научн. конфер. «Античные города Северного Причерноморья и варварский мир».—Л., 1973.

- Гриневич К. Э. Стены Херсонеса Таврического. Подстенный склеп № 1012 и ворота Херсонеса // ХС.—1926.—Вып. 1.
- Гриневич К. Э. Доклад: «Древнейшая оборонительная стена в Херсонесе, обнаруженная разведкой в 1927 г.» // Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе.—Севастополь, 1927.
- Гриневич К. Э. Исследование подводного города в 1930—31 году.—М., 1931.
- Жеребцов Е. Н. Материалы к периодизации античных памятников Маячного полуострова // КСИА.—1985.—Вып. 182.
- Зедгенидзе А. А. Раскопки «Древнего Херсонеса» Страбона // // АО.—1985 г.—М., 1987.
- Зограф А. Н. Две группы херсонесских monet с заимствованными типами // ИГАИМК.—1927.—Вып. V.
- Зограф А. Н. Античные монеты // МИА.—1951.—№ 16.
- Кац В. И. Массовый амфорный материал конца V—IV в. до н. э. как источник по истории торговли Херсонеса в позднеклассическую эпоху // Тезисы докл. научн. конфер. 1966 г.—Борисоглебск, 1966.
- Качарава Д. Д., Квирквелия Г. Т. Города и поселения Причерноморья античной эпохи: Малый энциклопедический справочник.—Тбилиси, 1991.
- Колесников А. Б. Монеты из раскопок усадеб у Евпаторийского маяка // Памятники железного века в окрестностях Евпатории: Изд. МГУ, 1991.
- Косюшко-Валюжинич К. К. Важное археологическое открытие // ИТУАК.—1891.—№ 13.
- Крыжицкий С. Д. О принципах классификации античных кладов Северного Причерноморья // КСИА.—1981.—Вып. 168.
- Крыжицкий С. Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья.—Киев, 1993.
- Кутайсов В. А. Античный город Керкинитида.—Киев, 1990.
- Кутайсов В. А. Керкинитида.—Симферополь, 1992.
- Моргунов П. А. Героический Севастополь.—М., 1979.
- Паллас. Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 годах // ЗООИД.—1881.—Т. XII.
- Печенкин Н. И. Археологические разведки в местности Страбоновского старого Херсонеса // ИАК.—1911.—Вып. 42.
- Сапрыкин С. Ю. Население Маячного полуострова в IV—III в. до н. э. (по материалам исследований сельских усадеб херсониситов) // // Проблемы исследования Крыма: Тезисы докл. научн. конфер.—Симферополь 1991.—Вып. 1.
- Соломоник Э. И. Граффити с хоры Херсонеса.—иКев, 1984.
- Стржелецкий С. Ф. Жертвенник Гераклу из т. н. Страбоновского Херсонеса // ХС.—1948.—Вып. 4.
- Стржелецкий С. Ф. Основные этапы экономического развития и периодизация истории Херсонеса Таврического в античную эпоху // // ПИСП.—М., 1959.
- Стржелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического // ХС.—1961.—Вып. 6.
- Томес Т. Б. Заметки архивиста // СА.—1974.—№ 1.
- Тункина И. В. Неизвестный клад херсонесских monet 1844 г. // // ПАВ.—1993.—№ 6.
- Формозов А. А. К летописи археологических исследований в Северном Причерноморье в первой половине XIX в. // СА.—1975.—№ 1.
- Штерн Э. Р. О местоположении древнего Херсонеса // ЗООИД.—1896.—Т. XIX.

- Шеглов А. Н. Охранные раскопки и зачистки на Гераклейском полуострове // АО.—1968.—М., 1969.
- Шеглов А. Н. Фракийские посвятительные рельефы из Херсонеса Таврического // МИА.—1969а.—№ 150.
- Шеглов А. Н. Рец.: Сообщения Херсонесского музея. Вып. IV. // ВДИ.—1970.—№ 3.
- Шеглов А. Н. Полис и хора.—Симферополь, 1976.
- Шеглов А. Н. «Старый» Херсонес и его округа // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья.—М., 1984.
- Шеглов А. Н. Процесс и характер территориальной экспансии Херсонеса в IV в. до н. э. // Античная гражданская община: Проблемы социально-политического развития и идеологии.—Л., 1986.
- Шеглов А. Н. Основные структурные элементы межевой системы на Маячном полуострове (Юго-Западный Крым) // ИАЮЭК.—Симферополь, 1993.
- Bon A.—M. et Bon A. Les timbres amphoriques de Thasos // Études thasiennes IV.—1957.
- Chitchevlov A. Polis et chora: Cite et territoire dans le Pont.—Euxin Paris, 1992.
- Debidour M. Réflexions sur les timbres amphoriques de Thasos // Thasiaca.—BCH.—1979.—Suppl. V.
- Grace V. Early Thasian Stamped Amphoras // AJA.—1946.—Vol. 2.
- Grace V. Stamped Wine Jar Fragments. Phyx // Hesperia.—1956.—Suppl. X.
- Noonan Th. S. Pen. Anaxin. Monetnoe delo Xersonesa.—Recenzia.—9 (1978—1979).—Publ. by the Comitee on Ukrainian Studies Harvard University.
- Pallas. Bemerkungen auf einer Reise in die Südlichen Statthalter-Schaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. T. II. Leipzig, 1801.
- Séeglov A. Un établissement rural en Crimée: Panskoje I (fouilles de 1969—1985) // DHA.—1987.—T. 13.
- Schönert-Geiss E. Die Münzprägung von Byzantion. Berlin—Amsterdam, 1970.
- Sparkes B. A. and Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B. C. // Athenian Agora.—1970.—Vol. XII.

A. B. САЗАНОВ

К ХРОНОЛОГИИ ЦИТАДЕЛИ БАКЛИНСКОГО ГОРОДИЩА IX—XI вв.

Памяти Д. Л. Талиса

Настоящая статья является продолжением статьи по проблемам хронологии первой оборонительной линии Баклинского городища (Сазанов, 1993). В этой статье автор обосновывает, что существующая в литературе дата разрушения первой оборонительной линии, связанная с приходом хазар во второй половине VII в., требует пересмотра. На основании

пересмотра материалов мы отнесли это разрушение к 80 гг. VI в. и связали его с тюркским нашествием.

Данная статья посвящена хронологии цитадели Баклинского городища в последующий период — VIII/IX—XI в.

Первый этап этого периода представлен комплексами в цистернах, которые предшествовали второй оборонительной линии городища, ибо были перекрыты стенами этой линии (Талис, 1974, с. 103, 104). Как отмечает Д. Л. Талис, кладка утолщения боевой стены (2 оборонительной линии — А. С.) перекрывала обнаруженные на северо-восточном участке цитадели цистерны, высеченные в скале. Наиболее поздний материал из этих цистерн дает «terminus post quem» сооружения второй оборонительной линии.

В цистернах были обнаружены следующие материалы: обломки стенок горшков с гребенчато-волнистым орнаментом и сплошным рифлением, черепица, кувшины скалистинского типа (Талис, 1974, рис. 33). Черепица и горшки не имеют четких хронологических реперов, датируясь достаточно широко в пределах VIII—Х вв.

Д. Л. Талис справедливо отметил, что Х в. для датировки времени засыпи цистерн следует исключить, поскольку в цистернах совершенно не представлены поливная белоглинняная керамика и кувшины с плоскими ручками, хотя в слоях IX—Х вв. на Баклинском городище обломки этой посуды обнаружены в значительном количестве. «Из этого,— заключает Д. Л. Талис,— следует, что материал цистерн относится к IX веку, может быть даже к первой его половине» (Талис, 1974, с. 104).

Итак, на основании отсутствия кувшинов с плоскими ручками, поливной керамики и присутствия ойнохой скалистинского (баклинского) типа Д. Л. Талис датировал материал цистерни IX в. Следует отметить достаточно точный выбор хронологических индикаторов, прежде всего, факт отсутствия в цистернах кувшинов с плоскими ручками. Время их появления должно быть «terminus ante quem» образования засыпи цистерн.

Рассмотрим вопрос о времени появления кувшинов с плоскими ручками, то есть об их нижней дате. В обобщающей книге А. Л. Якобсона отмечается, что вся группа кувшинов с плоскими ручками не древнее конца VIII — начала IX вв., еще шире они были распространены в IX в. и особенно в X в. Вместе с тем, А. Л. Якобсон выделял два варианта, ранний из которых, как он считал, вряд ли выходит за пределы IX в. (Якобсон, 1979, с. 32, 33, 75, 78). При обосновании низ-

ней даты А. Л. Якобсон ссылается на работы С. А. Плетневой.

Авторы херсонесской классификации амфор считают, что кувшины с плоскими ручками появляются в конце VIII в., также ссылаясь на статьи С. А. Плетневой (Антонова и др. 1971, с. 92). Таким образом, источником для датировки времени появления кувшинов с плоскими ручками у авторов являлись статьи С. А. Плетневой. Обратимся к этим работам.

В статье по керамике Тмутаракани С. А. Плетнева отмечала, что обломки этих кувшинов начинают появляться в слое VIII в., в IX в. количество их возрастает, но особенно много их в слоях X—XI вв. Установлено, что кувшины с венчиками диаметром 6—8 см преобладают в слоях VIII—IX вв., а с венчиками 10—12 см — в X—XI вв. (Плетнева 1963, с. 54).

Из приведенного текста ясно, что автор датировал нижнюю грань кувшинов в пределах VIII в. Однако, обратим внимание на следующее обстоятельство.

Общая дата кувшинов была установлена на основании их находок в слоях периода, охарактеризованного как «хазарский», имевшего соответственно дату так называемой «салтово-маяцкой» культуры — VIII — первая половина X в. (Плетнева, 1963, с. 63). Там же С. А. Плетнева писала, что хронологическая разница между участками раскопанных площадей настолько велика, что не позволяет составить общую четко датированную послойно-штыковую систему для города в целом. Далее С. А. Плетнева пишет: «Невозможно составление такой общей стратиграфической таблицы, в которой были бы учтены и приведены в соответствие глубины, слои и хронологические (исторические) периоды жизни этого памятника. Нам кажется, что ее вполне может заменить таблица, в которой исторические периоды сопоставляют с некоторыми основными типами керамики. При этом типы керамики объединяются в культурно-этнические группы» (Плетнева, 1963, с. 63).

Из процитированного ясно, что нижняя дата кувшинов — VIII в. была предложена по общей дате начала хазарского периода тмутаракани, то есть мы имеем дело не со стратиграфической, а с исторической датировкой. Однако именно на основании этого была принята исследователями и вошла в литературу точка зрения о появлении кувшинов с плоскими ручками в VIII в.

Представления С. А. Плетневой о хронологии кувшинов с плоскими ручками изменились. В итоговой статье по салтово-маяцкой культуре в «Археологии СССР» С. А. Плетнева пишет, что эти кувшины появляются в крымских и при-

азовских городах с конца IX в., а исчезают в конце XI в. (Плетнева, 1981, с. 74). Ограниченный объем статьи в «Археологии СССР», видимо, не позволил аргументировать новую точку зрения.

Для решения этой проблемы необходимо рассмотреть колонку этих кувшинов на многослойном памятнике. Эталоном здесь, безусловно, является Саркел. Подробная и тщательная публикация с указанием уровней залегания позволяет проследить весь цикл этих сосудов (Плетнева 1959).

На стратиграфической таблице распределения кувшинов с плоскими ручками видно, что они начинаются с так называемого «ямного слоя», который С. А. Плетнева датировала первой половиной IX в. (Плетнева 1959, рис. 45, рис. 51). Однако выделение ямного слоя оказалось ошибочным¹. Ямы были просто опущенными в материк с высоты обычного слоя второй половины IX 930—965 гг.

Реально кувшины с плоскими ручками появляются на первом метре, который С. А. Плетнева датирует второй половиной IX в. — 965 гг. Следовательно, кувшины с плоскими ручками появляются не ранее второй половины IX в.

На ту же нижнюю дату — не ранее середины IX в. — указывают и материалы, приведенные И. А. Барановым (Баранов, 1990, рис. 7, 1, табл. 1, 1). Следовательно, бытующая в литературе и по сей день дата — VIII в. — как время появления этих сосудов не соответствует действительности. Нижняя дата кувшинов с плоскими ручками — середина — вторая половина IX в. — соответствует стратиграфии памятников.

Из обоснованной выше нижней даты кувшинов с плоскими ручками следует, что засыпь цистерн, где этих кувшинов еще не было, произошла до середины — второй половины IX в. Как уже отмечалось, цистерны были засыпаны при строительстве второй оборонительной линии Баклинского городища, следовательно сооружение утолщения стены относится к периоду до середины IX в. Такая дата сооружения второй оборонительной линии вызывает ряд аналогий интерпретационного плана, однако к ним мы вернемся в конце статьи. Теперь же перейдем к рассмотрению даты перекрывающего цистерны слоя.

Цистерны перекрывал зеленоватый слой, отражающий время функционирования второй оборонительной стены цитадели Баклинского городища (Талис, 1982, с. 60). Об этом слое Талис писал в статье 1974 г.: «Третий строительный пе-

¹ Автор благодарит С. А. Плетневу за консультацию по проблемам стратиграфии Саркела и так называемого «ямного слоя».

риод, в сооружения которого входят кладки боевых стен и башен, перекрывает слой зеленовато-серой земли. Оборонительные стены Баклинского городища обозначают в хронологии памятника, по крайней мере, третий строительный период, ибо перекрывает слои, относящиеся ко времени существования неукрепленного поселения» (Талис, 1974, с. 103).

Находки из этого слоя отражают один из этапов функционирования второй оборонительной линии. Для определения хронологии этого этапа рассмотрим их. К неполивной керамике, обнаруженной в слое, относятся кувшины с плоскими ручками и ойнохой скалистинского или баклинского типов. Оба названия встречаются в литературе.

1. Кувшины с плоскими ручками, Талис, 1982, рис. 9, 3).

В этом слое на Баклинской цитадели впервые появляется рассматриваемый тип кувшинов. Об их нижней дате уже говорилось. Теперь принципиально важна их верхняя дата. Опять же отметим, замечание А. Л. Якобсона, что в Тмутаракани и в Саркеле они доживаются до XI в. (Якобсон, 1979, с. 75, 78). С. А. Плетнева в уже упоминавшейся заключительной статье по «салтово-маяцкой» культуре в «Археологии СССР» отмечает, что они исчезают в конце XI в. (Плетнева 1981, с. 74). Авторы херсонесской классификации амфор пишут, что эта форма кувшинов доживает до начала XII в. (Антонова и др. 1971, с. 92). Вновь обратимся к стратиграфическим таблицам такого эталонного памятника как Саркел.

В Саркеле кувшины с плоскими ручками встречаются на 2-ом метре в так называемом «русском» периоде на глубине 200—250 см от материка, что соответствует первой половине XII в. (Плетнева 1959, рис. 45, рис. 51, 6). Это — самый поздний период Саркела, где встречены подобные кувшины.

Вместе с тем, С. А. Плетнева отмечает, что обломки красноглиняных кувшинов с плоскими ручками в 5 класте (первая половина XII в.) встречаются только в перекопах (Плетнева, 1959, с. 271). Видимо, это обстоятельство и повлияло на заключительный вывод С. А. Плетневой в «Археологии СССР» об их исчезновении в конце XI в.

Проверить, являются ли кувшины с плоскими ручками из слоев первой половины XII в. примесью снизу или это конец их цикла, можно двумя способами.

Во-первых, необходимо рассмотреть поздние этапы с этиими кувшинами на других многослойных памятниках — содержатся ли кувшины с плоскими ручками в слоях первой половины XII в.?

Во-вторых, нужно просчитать по известной в статистике

процедуре, при условии нормального распределения, цикл этих сосудов по правилу трех сигм (Федоров-Давыдов, 1987, с. 43—49; Щапова, 1988, с. 90—96). Статистическое изучение материалов Саркела пока не проводилось, поэтому остановимся на I варианте проверки. Наиболее хронологически близка в этом плане Тмутаракань.

Приведенные в статьях С. А. Плетневой таблицы и изучение архивов экспедиции Б. А. Рыбакова — на основании полевой документации, предоставленной автору С. А. Плетневой², показывают следующее.

В слое второй половины XI — начала XII в. кувшины с плоскими ручками встречаются вместе с воротничковыми амфорами, амфорами с высоко поднятыми ручками и ранними пифосами с подпрямоугольным в сечении венчиком (Якобсон, 1979, рис. 68, 1—4, 5—9, рис. 71). В качестве примера приведем находки с участка XVII—XVIII. Там были найдены: амфора с высоко поднятыми ручками (ТМ 53, XVII, № 20, 3), кувшин с плоскими ручками (там же, № 5), воротничковая амфора (там же № 195). Аналогичная картина и на других участках, содержащих слой конца XI — начала XII в.

Таким образом, верхняя дата кувшинов с плоскими ручками — скорее всего начало или первые десятилетия XII в., что близко предложенной дате С. А. Плетневой и авторами херсонесской классификации. Общая дата этих кувшинов — середина — вторая половина IX — начало — первые десятилетия XII вв.

2. Ойнохой Баклинского типа (Талис, 1982, рис. 11).

Как уже отмечалось выше, ойнохой этого типа появился в предшествующих слоях городища, начиная с 80 гг. VI в. Зафиксированы они и в цистернах цитадели первой половины IX в. Многочисленные находки этих сосудов в рассматриваемом слое поднимают вопрос об их верхней дате.

И. А. Баранов считает, что такие сосуды существовали по IX в. включительно (Баранов, 1990, с. 25). Огромное их количество обнаружено в Скалистинском могильнике. А. И. Айбабин пишет, что ойнохой происходит из склепов VII — первой половины VIII и IX вв. (Веймарн, Айбабин 1993, с. 197, 198).

Ко второй половине VII в. относятся их находки в склепах 171, 278, 285, 288 и др. (Веймарн, Айбабин, 1993, рис. 16,

² Автор выражает благодарность С. А. Плетневой за возможность пользования полевыми материалами и рисунками раскопок экспедиции Б. А. Рыбакова.

11, рис. 31, 14, рис. 32, 11, рис. 36, 11). Второй половиной VIII—IX в. датируются находки этих сосудов в склепах 478, 760, 771, 772 (Веймарн, Айбабин, 1993, рис. 88, 1, рис. 118, 6, 8, рис. 119, 17—19, рис. 121, 1, 2). Хорошим комплексом первой половины IX в. с этими сосудами является херсонесское водохранилище (Седикова Романчук 1991, с. 40, рис. 5, 9, рис. 6, 2—5).

Вместе с тем отметим, что IX в. не ограничивает бытование этих сосудов. При раскопках VII квартала Херсонеса в 1988—1989 гг. был обнаружен целый кувшин этого типа в комплексе пифоса с материалами первой половины X в., в том числе и нумизматическими (Раскопки А. Сазанова — пифос в помещении XIII Б). Кроме того, немало таких сосудов обнаружено в слое 2 цистерны 2 а VII квартала Херсонеса с поливной керамикой второй половины X — первой половины XI в. и наиболее поздними монетами 948—959 гг. Сам комплекс датируется последней третью X — первой половиной XI в. (Раскопки А. В. Сазанова, 1989 г.) В том же квартале в цистерне 1 ойнохойи Баклинского типа были обнаружены в комплексе последней трети X — первой половиной XI в., содержащим монету 959 г. (Раскопки А. В. Сазанова).

Все это показывает, что верхняя дата ойнохой Баклинского типа не IX, а первая половина XI в. Естественно, такая датировка слишком широка, и необходимы дальнейшие типологические исследования для более дробной хронологии.

3. Гончарные горшки (?) с волнистым орнаментом и уплощенным венчиком (Талис, 1982, рис. 10, 10).

Аналогии, хотя и не полные, известны только в одном комплексе — херсонесском водохранилище первой половины IX в. (Романчук, Седикова, 1991, рис. 5, 9, рис. 6, 5).

Эта находка может быть результатом примеси снизу или, если она не является перемещенной, то может служить важным аргументом, показывающим нижнюю дату образования слоя в пределах середины IX в.

Поливная керамика.

Важным моментом для датировки является поливная керамика, уже публиковавшаяся и анализированная в отдельной статье Д. Л. Талиса (Талис, 1976). В последней работе Д. Л. Талис не внес изменений в датировки поливной керамики Баклинского городища, ссылаясь на статью 1976 г. (Талис, 1982, с. 61).

На цитадели в рассматриваемом слое были обнаружены монохромные и полихромные белоглиняные поливные сосуды. Последняя по времени и полноте публикации поливной ке-

рамики Константинополя работа принадлежит Дж. Хэйсу. На его комплексы, типологию и хронологические выкладки мы и ссылаемся, внося в отдельных, особо оговоренных случаях, изменения в даты (Hayes, 1992).

Монохромная керамика:

1. Миски с рельсовидным венчиком. Их можно по профилю венчика условно разделить на два варианта: венчик профилированный двумя и тремя валиками.

1 а. Миски с рельсовидным венчиком, профилированные двумя валиками (Талис, 1976, рис. 1, 1, 13).

Такие сосуды группы «glazed white ware» аналогичны обнаруженным в комплексе 37 константинопольского района Сарашаны, датирующими 925—950 гг. (Hayes, 1992, fig. 60, 25). Для последующего времени они известны в константинопольском комплексе 43, относящемуся к периоду после середины XI в. (Hayes, 1992 fig. 69, 3). Наиболее поздний комплекс с венчиками этого типа № 50 датируется началом XII в. (Hayes, 1992, fig. 77, 3). Дата варианта 1 а мисок с рельсовидным венчиком, следовательно, — 925—950 гг. до начала XII в.

1 б. Миски, профилированные тремя валиками (Талис, 1982, рис. 1, 16).

Такие миски относятся к группе «glazed white ware» Dishes типа 2 (Hayes, 1992, рис. 22, fig. 7, 7). На сосудах этого варианта обычен штампованный орнамент. В целом, наиболее ранние миски с таким венчиком обнаружены в константинопольском комплексе 33, датирующемся серединой — концом VIII в. (Hayes, 1992, p. 107, fig. 52, 1). Хронологически следующий комплекс 40, содержащий такие миски, относится к концу X в. (Hayes, 1992, p. 117, fig. 64, 2). В константинопольском комплексе 41, относящемуся к началу — середине XI в. были обнаружены аналогичные сосуды с мазками ниже края по внутренней стороне сосуда. И, наконец, самые поздние комплексы с этими сосудами — 43 и 90. Комплекс 43 датируется периодом после середины XI в. (Hayes, 1992, p. 124, fig. 69, 1), комплекс 90 — началом XII в. (Hayes, 1992, p. 134). Дата рассматриваемого варианта — от середины VIII до начала XII в.

2. Штамп (Талис, 1982, рис. 1, 8).

С точки зрения хронологии по датированным комплексам Константинополя эти штампы относятся к периоду от 925—950 гг. до прекращения их использования на сосудах в XII в. (Hayes, 1992, p. 18).

3. (Талис, 1976, рис. 1, 14).

Сосуды с такими венчиками относятся к типу «1 A Dishes». Наиболее ранний комплекс 31, содержащий такие миски, датируется периодом 925—950 гг. (Hayes, 1992, fig. 59, 1—4, 16). В комплексе 40 такие сосуды датируются концом X в. (Hayes, 1992, fig. 65, 22, р. 117, 118). Самый поздний комплекс 41, содержащий эти сосуды относится к первой половине XII в. (Hayes, 1992, р. 129, fig. 73, dep. 47, 1, р. 129). Следовательно, дата сосудов с такими венчиками — от 925—950 гг. до первой половины XII в.

4. (Талис, 1976, рис. 1, 6, 7).

Сосуды с венчиками с выступающим внутренним краем, отделенным западиной от внешнего края венчика, относящиеся к типу «Dishes I» по Дж. Хэйсу. Самый ранний комплекс, содержащий предшественников этой формы 36, датируется началом IX в. (Hayes, 1992, fig. 58, 3). Однако, приведенный Дж. Хэйсом венчик отличается от нашего. Видимо, это его предшественник. Венчики аналогичные Баклинским в Константинополе обнаружены в комплексах 38, 41, 43, а также стадии IV Большого Дворца. Комплекс 38 датируется 925—950 гг. (Hayes, 1992, fig. 61, 2), стадия IV Большого Дворца характеризуется монетами 969—976 гг. (Stevenson, 1947, pl. 16, 26), комплекс 41 относится к началу — середине XI в. (Hayes, 1992, fig. 67, 2, dep. 41), комплекс 43 датируется временем после середины XI в. (Hayes, 1992, fig. 69, 9). Дальнейшее развитие венчика, уже отличавшегося от наших, показывает комплекс 50 Константинополя (Hayes, 1992, fig. 79, 83), относящийся к началу XII в. Приведенные материалы показывают, что сосуды с такими венчиками датируются 925—950 гг. — второй половиной XI в. В начале XII в. форма эволюционирует, переходя в другой тип.

5. (Талис, 1976, рис. 1, 20).

Относится к типу I группы «glazed white ware» (Hayes, 1992, fig. 7, 3, 6).

Наиболее ранние сосуды с венчиками этого типа встречены в комплексе 37 Константинополя 925—950 гг. (Hayes, 1992, fig. 59, 2) и в слое стадии IV Большого Дворца с монетами Иоанна Цимисхия 969—976 гг. (Stevenson, 1947, р. 46, pl. 16, 27, 28, 39). Они известны в комплексе 40 Константинополя конца X в. (Hayes, 1992, fig. 64, 4). Следующий хронологический комплекс 41 с такими сосудами датируется началом — серединой XI в. (Hayes, 1992, fig. 67, 1). Более поздний комплекс 43 датируется временем после середины XI в. (Hayes, 1992, р. 124, fig. 69, 19). Отметим, что самый поздний вариант этого венчика обнаружен в константинопольском комплексе 51, относящемся к 1150—1175 гг. однако, комплекс

содержит разновременные материалы (Hayes, 1992, р. 138, fig. 82, 23).

Дата типа венчика, представленного на рис. 1, 20 в статье Д. Л. Талиса (Талис, 1976), с учетом приведенных выше комплексов — 925—950 гг. — вторая половина XI в.

6. (Талис, 1976, рис. 1, 19).

Вариант предшествующего типа, отличающийся чуть иной трактовкой наружного края венчика (ср.: Талис, 1976, рис. 1, 20 и 1, 19). Также относится к типу «1 A Dishes». Наиболее ранние сосуды встречены в комплексе 37925—950 гг. (Hayes, 1992, рис. 59, 1—4, fig. 60—24). Самый поздний комплекс с такими сосудами, комплекс 47 Константинополя, датируется первой половиной XII в. (Hayes, 1992, р. 129, fig. 73, 74, 1). Дата типа — 925—950 гг. первая половина XII в.

7. (Талис, 1976, рис. 1, 9).

Крупный венчик с задней стенкой подтреугольной формы. Аналогичные сосуды происходят из комплекса 37 Константинополя, датирующегося 925—950 гг. (Hayes, 1992, fig. 60, 23, 25) и комплекса 40 конца X в. (Hayes, 1992, fig. 64, 4, 7, 8).

Наконец, самый последний комплекс 50 относится к началу XII в. (Hayes, 1992, р. 133, fig. 78, 56). Дата формы — 925—950 — начало XII века.

8. (Талис, 1976, рис. 1, 3, 5).

Миски на высоком с прорезями поддоне. Соответствуют типу «1 Dishes glazed ware II» (Hayes, 1992, fig. 7, 1). В комплексах Константинополя такие миски встречены в комплексах 37 и 38, датирующихся 925—950 гг. (Hayes, 1992, р. 116, fig. 61, 3, fig. 59, 1, 4, 16). Самые поздние происходят из комплекса 50 начала XII в. (Hayes, 1992, р. 133, fig. 78, 61).

Ранний этап существования этих мисок представлен комплексами Большого Дворца. Наиболее ранние миски, аналогичные приведенным у Д. Л. Талиса (Талис, 1976, рис. 1, 5). обнаружены в слое стадии 2 Большого Дворца с монетами Льва V как «*terminus post quem*» то есть 913—820 гг. (Stevenson, 1947, pl. 15, 47). Кроме того, линию развития продолжают миски из вышележащей стадии 3, где они обнаружены с монетами Василия I 867—886 гг. (Stevenson, 1977, р. 40, pl. 18, 9). Принимая во внимание весь цикл этих сосудов, их следует относить к середине IX — началу XII вв.

9. (Талис, 1976, рис. 1, 18).

Вариант мисок предшествующего типа. Отличается степенью отогнутости венчика наружу. Предшественники этого типа с более тонкими стенками обнаружены в слое стадии I Большого Дворца, где они найдены с монетами 668—685 гг.

(Stevenson, 1947, p. 35, pl. 21, 5). Далее эволюционную линию продолжает комплекс 32 Сарашан VIII в. (Hayes, 1992, p. 107, fig. 52, dep. 32, 4) и комплекс 35 конца VIII — начала IX вв. (Hayes, 1992, p. 111, fig. 56, 40). Позже такие миски обнаружены в слое стадии 2 Большого Дворца с монетами Льва V 813—820 гг. (Stevenson, 1947, p. 38, pl. 15, 30). Дальнейшее развитие формы продолжают комплекс 38 Константинополя 925—950 гг. (Hayes, 1992, p. 116, fig. 61, 3), комплекс 42 середины XI в. (Hayes, 1992, fig. 68, 12). Заключительные звенья эволюционного ряда представлены мисками из комплекса 50 начала XII века (Hayes, 1992, fig. 78, 74, fig. 74, 17). Дата рассматриваемой формы без учета предшествующих этапов (650—670 гг., и стадии VIII в.) видимо — конец VIII — начало IX — начало XII вв.

10. (Талис, 1976, рис. 1, 10).

Соответствует типу «Small bowls» группы «glazed white ware II» (Hayes, 1992, fig. 9, 19, 23). Такие сосуды в комплексах Константинополя датируются временем середины и после середины XI в. (Hayes, 1992, fig. 69, 9, 19, 20).

11. Двуручные чашки (Талис, 1976, рис. 3, 6, 7).

Обнаруженные двуручные чашки относятся к типам 13 и 14 группы «glazed ware II» по классификации Дж. Хэйса. 11 а. (Талис, 1976, рис. 3, 7).

Соответствует типу 14 группы «glazed ware II» по Дж. Хэйсу (Hayes, 1992, fig. 9, 8—11). Дж. Хэйс отмечает, что они не встречаются до XI в., но в XI в. уже достаточно хорошо известны (Hayes, 1992, p. 27). Рассмотрим конкретные комплексы из Константинополя (Сарашаны), содержащие эти чашки.

Самый ранний комплекс, 40, их содержащий, датируется, концом X в. (Hayes, 1992, fig. 40, 21). Комплекс 41 фиксирует эти миски в начале — середине XI в. (Hayes, 1992, fig. 68, 3). Самый поздний комплекс 47 относится к первой половине XII в., хотя сам Дж. Хэйс оставляет эту дату под вопросом (Hayes, 1992, p. 129, fig. 73, 7). Сравнение венчика сосуда из Баклы с венчиком из константинопольского комплекса 47 показывает, что фрагмент из комплекса 47 представляет собой последующий этап развития формы.

Из всего сказанного вытекает дата формы — конец X — середина XI вв., может быть и начало XII в.

11 б. (Талис, 1976, рис. 3, 6).

Соответствует типу 13 группы «glazed white ware II». По Дж. Хэйсу этот тип наиболее характерен для X и начала XI вв. (Hayes, 1992, p. 26, 27, fig. 9, 2, 5). Самый ранний

комплекс Константинополя 37, содержащий эту форму, датируется 925—950 гг. (Hayes, 1992, p. 114, fig. 59, 5), наиболее поздний — комплекс 42 относится к середине XI в. (Hayes, 1992, fig. 68, 11). Следовательно, дата типа 13 — от 925—950 гг. до середины XI в.

12. (Талис, 1976, рис. 1, 4).

Сосуд, относящийся к уникальной форме группы «glazed white ware II». Такие сосуды обнаружены в комплексе 38, датирующемся 925—950 гг. (Hayes, 1992, p. 116, fig. 61, 9) и в комплексе 40 конца X в. (Hayes, 1992, p. 112, fig. 63, 40, 51). Следовательно, дата типа — от 925—950 гг. до конца X в. Видимо, это не весь цикл сосудов, поскольку форма единична в Константинополе, и не ясно, нет ли других более поздних комплексов.

13. (Талис, 1976, рис. 1, 2).

Эта форма соответствует «Dishes» типа 6 группы «glazed white ware II». Такие сосуды обнаружены в Константинополе в самом раннем комплексе 42, датирующемся серединой XI в. (Hayes, 1992, p. 122, fig. 68, 3). Они также известны в комплексе 43, относящемуся к периоду после середины XI в. (Hayes, 1992, p. 124, fig. 70, 43). Самый поздний комплекс 44 с этими сосудами датируется концом XI — началом XII вв. (Hayes, 1992, p. 128, fig. 72, 3). Дата формы — середина — конец XI — начало XII вв.

Полихромная белоглиняная керамика. («Polychrome Ware»).

В статье Д. Л. Талиса приводятся сосуды, относящиеся к группе белоглиняной поливной керамики. Обнаруженные на Бакле сосуды относятся к классам 1 и 2 по Дж. Хэйсу.

1. (Талис, 1976, рис. 2, 3).

Этот фрагмент относится к классу 2 по Дж. Хэйсу. Хронологически наиболее ранние сосуды этого типа встречаются в слоях конца X—XI вв. В комплексах XII в. найдены только перемещенные сосуды из более ранних слоев (Hayes, 1992, pl. 8, к. 1, fig. 13, 20, p. 35). Дата класса — конец X—XI вв.

2. (Талис, 1976, рис. 2, 4).

Этот сосуд относится к классу I по Дж. Хэйсу. По комплексам Константинополя такие сосуды также датируются концом X—XI вв. (Hayes, 1992, fig. 13, 6, pl. 8, в. р. 35).

Как уже говорилось, находки, рассмотренные выше, были обнаружены в слое, отражающем время функционирования второй оборонительной линии цитадели Баклы, точнее первый этап функционирования этой линии. Сочетание циклов вещей, обнаруженных в слое, позволяет датировать этот этап в пределах чуть ранее середины IX в. (время сооружения) —

серединой XI в. Время конца этапа достаточно четко определяется по совмещению циклов в середине XI в. (рис. 1).

Возникает вопрос о соотнесении строительства и функционирования второй оборонительной линии Баклинской цитадели с другими памятниками Горного Крыма. В глаза бросятся здесь весьма близкие, если не аналогичные, даты для Мангупа.

Исследованиями А. Г. Герцена установлен факт ремонта оборонительных стен Мангупа хазарами в районе 840 гг., подтверждающийся письменным источником (Герцен, 1990, с. 137; Герцен, 1993, с. 61).

Именно к этому времени относится и сооружение хазарами на Бакле второй оборонительной линии цитадели. А. Г. Герцен отмечает, что с конца VIII — начала IX вв. Мангуп становится хазарским опорным пунктом в зоне византийско-хазарского пограничья (Герцен, 1990, с. 137). В недавно вышедшей статье автор развивает свою концепцию византийско-хазарского пограничья. «Можно констатировать,— пишет А. Г. Герцен,— что в Таврике, по крайней мере с конца VIII и до середины IX в. существовало, меняя свое очертание, пограничье, разделявшее византийские и хазарские владения. Если во второй половине VIII в. хазары были в отдалении от Херсона, контролируя в основном Восточные районы полуострова и время от времени появляясь в юго-западной его части, то к началу IX в. им уже принадлежали Дорос-Мангуп и побережье до района Алупки. Византия, несмотря на мирные в целом, а иногда и союзнические отношения с Хазарией, отреагировала на территориальную экспансию последней учреждением херсонской фемы, включавшей и климаты...» (Герцен, 1993, с. 64). Предложенная А. Г. Герценом концепция представляется весьма перспективной, однако, ряд существенных моментов в ней дискуссионны.

Это касается прежде всего учреждения херсонской фемы как ответной реакции на наступление хазар. Здесь необходимо обратиться к византийско-хазарским отношениям в 30—40 гг. IX в. и к сведениям Константина Багрянородного о Херсоне и херсонской феме.

Если следовать точке зрения А. Г. Герцена, то события должны реконструироваться следующим образом. В конце VIII — начале IX вв. происходит захват хазарами Горного Крыма. В ответ Византия производит организацию херсонской фемы. Однако, на наш взгляд, письменные источники совершенно однозначно указывают на дружеские, и, видимо, даже союзнические отношения между Византией и Хазарией в 830—840 гг. Я имею ввиду миссию Петроны и строитель-

ство Саркела под его руководством и при непосредственном участии византийских инженеров.

Строительные работы такого масштаба, приглашение Петроны каганом ярко показывают характер византийско-хазарских отношений в это время. Напомним, что события разывались последовательно: сначала приглашение Петроны для строительства Саркела (834—837) (Новосельцев, 1990, с. 206—208) и только после этого основание фемы Херсон. В источнике сказано: «Затем (после строительства Саркела — А. С.) этот выше названный спафарокандидат Петрона, прибыв к василевсу **после** постройки крепости Саркел...» (Константин Багрянородный, 1989, с. 173). Итак, Петрона по просьбе хазарского кагана был отправлен императором для строительства Саркела, потом возвратился к василевсу и только после этого был назначен стратигом херсонской фермы. Хронологически создание херсонской фемы почти совпадает со строительством на Бакле второй оборонительной линии и укреплением стен Мангупа. Есть основания видеть в этих событиях следствие византийско-хазарского союза. В самом деле, на огромной территории Хазарии и Горного Крыма в короткий промежуток времени с одновременным участием Византии и Хазарии возводится система достаточно мощных укреплений. Кроме того, учреждается фема Херсон. При такой ситуации организация особого византийско-хазарского пограничья, направленного на защиту от хазар, вряд ли имела смысл. В источниках, проливающих некоторый свет на цель создания херсонской фемы, ничего не говорится о роли Херсона в противостоянии Хазарии.

У Константина Багрянородного говорится: «Если ты хочешь всецело и самовластию повелевать крепостью Херсоном и местностями в нем и не упустить их из своих рук, избери собственного стратига и не доверяй их протевонам и архонтам ...» (Константин Багрянородный, 1989, с. 173). «Да будет известно, что если жители крепости Херсон когда-либо восстанут или замысят совершить противное царским повелениям...» (Константин Багрянородный 1989, с. 273).

Из сведений Константина Багрянородного видно, что главной заботой императора была система удержания Херсонеса в повиновении, сохранение им политической лояльности, «поскольку еще была свежа память о восстаниях херсонеситов и нескольких карательных экспедициях Юстиниана II в начале VIII в.» (Константин Багрянородный 1989, с. 457).

Во всяком случае именно эта причина возникновения херсонской фемы видна из текста источника.

Против кого же была направлена столь продуманная фор-

тификационная акция? Ясного ответа на этот вопрос пока нет. Очевидно, что объединение сил Византии и Хазарии могло произойти только против какого-либо внешнего врага. Таким врагом могли быть русы. Во всяком случае, очевидно, что Саркел был построен против противника с запада (Новосельцев, 1990, с. 132, 206—208).

Конечно, для аргументированного ответа на этот вопрос необходимы дальнейшие исследования, но угроза появления новой силы в регионе могла привести к образованию византийско-хазарского союза.

Такими нам видятся обстоятельства возникновения укреплений в Горном Крыму и Хазарии в 30—40 гг. IX в.

Теперь несколько слов о верхней дате периода. На цитадели Баклы этот этап заканчивается в середине XI в. О Мангупе А. Г. Герцен пишет, что второй этап жизни крепости завершается гибелью поселения. Захоронения клада золотых и серебряных украшений, остатки жилых комплексов с инвентарем, погибших в пожаре,— все это свидетельствует о внезапном нападении на крепость. Эти события А. Г. Герцен относит ко второй половине X — началу XI вв. (Герцен, 1990, с. 134).

Может быть, последующее уточнение датировок Мангупа приведет к синхронизации конца первого этапа второй оборонительной линии Баклы и слоя разрушения Мангупа. В таком случае можно будет говорить о каком-то неизвестном событии, коснувшемся как одного, так и другого городища. Пока можно лишь констатировать временную близость конца первого этапа второй оборонительной линии Баклинской цитадели и разрушения Мангупа.

Подведем некоторые итоги.

Анализ материалов позволили выделить в IX—XI вв. два периода в истории цитадели Баклы. Первый заканчивается где-то в первой половине IX в. строительством второй оборонительной линии цитадели Баклинского городища. Это строительство могло быть следствием византийско-хазарского союза.

Второй период охватывает промежуток времени от сооружения второй оборонительной линии до середины XI в.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонова И. А., Ивашути Л. П., Кадеев В. И., Романчук А. И., Даниленко В. Н. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ — 1971.— Вып. 7.
Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья.— Киев, 1990.

- Веймарн Е. В., Айбабин А. И. Скалистинский могильник.— Киев, 1993.
Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ.— 1990.— Вып. 1.
Герцен А. Г. Византийско-хазарское пограничье в Таврике // История и археология Юго-Западного Крыма.— Симферополь, 1993.
Константин Багрянородный. Об управлении империей.— М., 1989.
Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа.— М., 1990.
Плетнева С. А. Керамика Саркела — Белой Вежи // МИА.— 1959.— № 75.
Плетнева С. А. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани.— М., 1963.
Плетнева С. А. Салтово-маяцкая культура // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья.— М., 1981.
Романчук А. И., Седикова Л. В. Темные века и Херсон: проблема репрезентативности источников // Византийская Таврика.— Киев, 1991.
Сазанов А. В. К хронологии первой оборонительной линии Баклинского городища // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993.
Талис Д. Л. Оборонительные сооружения Юго-западной Таврики как исторический источник // Археологические исследования на юге Восточной Европы.— М., 1974.
Талис Д. Л. Керамический комплекс Баклинского городища как источник по этнической истории Горного Крыма в IV—IX в. // Археологические исследования на юге Восточной Европы.— М., 1982.
Талис Д. Л. Поливная керамика Баклинского городища // СА.— 1976.— № 4.
Федоров-Давыдов Г. А. Статистические методы в археологии.— М., 1987.
Щапова Ю. Л. Естественно-научные методы в археологии.— М., 1988.
Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики.— Л., 1979.
Hayes J. W. The Pottery // Excavations at Sarachane in Istanbul.— vol. 2.— Princeton, 1992.
Stevenson R. The Great Palace of the Byzantine Emperors.— Oxf., 1947.

Ю. М. МОГАРИЧЕВ

ПЕЩЕРНЫЕ ЦЕРКВИ В РАЙОНЕ ПОДЪЕМНОЙ ДОРОГИ ЭСКИ-КЕРМЕНА

Проблема датировки пещерных церквей Юго-Западного Крыма в настоящее время является одной из самых сложных в крымской медиевистике. Отсутствие надежных хронологических признаков — культурного слоя и остатков фресок в большинстве памятников, недостаточная разработанность хро-

нологии крымской церковной архитектуры вообще — приводят исследователей порой к прямо противоположным выводам¹.

В настоящее время относительно точно (плюс-минус столетие) можно датировать только несколько церквей, как правило с сохранившейся фресковой росписью. Это храмы «Трех всадников», «Донаторов» и «Успения» на Эски-Кермене, под южным обрывом Мангупа (Грабарь, 1966, с. 254—257; Домбровский, 1966, с. 22—50, 78—88), возможно главный храм Шулдана (Бабенчиков, 1935, с. 95) и по нашему мнению базилику св. Георгия (Клиmenta) в Инкермане (Могаричев, 1993, с. 219—222).

В связи с вышесказанным, интерес представляют две церкви в районе подъемной дороги Эски-Кермена. Уникальность их заключается в том, что они расположены в комплексе с погребальными сооружениями, раскопанными в конце 20 — начале 30 гг. сотрудниками эски-керменской экспедиции (Репников, 1932а; 1935). Это пока единственный случай когда для датировки пещерных церквей наряду с архитектурным и искусствоведческим анализом, можно использовать и непосредственно связанный с ними археологический материал. К тому же городище Эски-Кермен — относительно хорошо изученный памятник (Айбабин, 1991), что в значительной степени помогает в наших исследованиях.

Рассматриваемые памятники расположены в обрыве плато юго-западной части городища, недалеко от главных ворот, над третьим маршем подъемной дороги (Репников, 1935, с. 26—37), (рис. 1). Церкви находятся на видном месте и хорошо известны авторам конца XVIII — начала XX вв. Однако, отсутствие фресок и выделяющегося архитектурного декора стали причиной того, что в историографии этого времени они не получили достаточного освещения в отличие, например, от храмов «Трех всадников», «Донаторов» или «Судилища»².

В 1929 г. Н. Л. Эрнст в обширной статье «Эски-Кермен и пещерные города Крыма» опубликовал небольшое научное описание (с. 26—27) и планы рассматриваемых памятников (с. 31), а также других пещерных церквей Эски-Кермена (рис. 2). По его мнению, «пещерные города», а, следовательно церкви на них, появляются не ранее XII в. (с. 41); а тра-

¹ Подробнее об историографии проблемы см. Могаричев 1992, с. 11—32; 1993; Герцел, Могаричев, 1992.

² Подробнее историографию Эски-Кермена до 20-х гг. XX в. см. Эрнст, 1929; Равдоникас, 1932.

диция их создания была занесена в Крым из Малой Азии (с. 43).

В 1928—1933 гг. район подъемной дороги попал в поле деятельности эски-керменской экспедиции. Тогда были расчищены от земли пещерные церкви и раскопаны, расположенные рядом с ними гробницы и усыпальницы (Репников, 1932а, с. 118—120; 1932 б, с. 190—191). Автор раскопок — Н. И. Репников датировал предметы, найденные в последних, VIII—X вв. (1932 а, с. 118). На основании этого и церкви были датированы концом VIII—X вв. (1932 б, с. 209). В работе «Подъемная дорога Эски-Кермена» (1935) ученый опубликовал подробные описания храмов (с. 26—31, 36) и полученный при исследовании этого района археологический материал.

Детальное описание памятников представлено и в неопубликованных «Материалах к археологической карте юго-западного нагорья Крыма» этого же автора (Архив ИИМК, ф. 10, д. 1, л. 116—118).

Е. В. Веймарн в работе, посвященной оборонительным сооружениям Эски-Кермена, основываясь на материалах Н. И. Репникова, уточняет датировку церквей и усыпальниц — IX в. (1958, с. 26).

Д. Л. Талис, проанализировав материалы из усыпальниц, отметил недостаточную аргументированность узкой датировки. По его мнению, можно определить лишь верхнюю хронологическую границу их появления — не позднее X в. (1961, с. 244).

Детально изучив упомянутые находки, А. И. Айбабин пришел к выводу, что храмы и усыпальницы могли вырубить не ранее конца IX в. (1991, с. 47). Правда затем, в этой же работе, он уже утвердительно датирует их концом IX в. (с. 48).

В нашей статье, посвященной дискуссии о скальной архитектуре Крыма, рассматриваемые памятники предположительно были отнесены к XI—XII вв., хотя не исключался и X в. (1993, с. 218).

В настоящей работе мы попытаемся установить хронологию указанных памятников, привлекая археологические материалы, данные архитектурного анализа и сведения по истории Эски-Кермена, а также определить место этих церквей в истории городища.

Представляется излишним приводить подробное описание памятников (как уже отмечалось, это было сделано Н. Л. Эрнстом и Н. И. Репниковым). С другой стороны, мы впервые публикуем детальные планы церквей, выполненные на профессиональном уровне архитектором А. Згурским.

«Большой пещерный храм» по Н. И. Репникову (1932 а, с. 118; 1935, с. 36) или «церковь № 1» по Н. Л. Эрнству (1929, с. 26—27) (рис. 3) расположен в самом начале третьего марш подъемной дороги (рис. 1, 3). Уровень его пола находится приблизительно на 2,5 м и выше уровня последней. Первоначально из-под обрыва в него вела сложенная из камней лестница (Репников, 1935, с. 26).

Размеры церкви (по уровню пола) $4 \times 4,7 \times 2,3$ м. В плане она имеет форму трилистника. В настоящее время здесь отсутствует западная стена. Однако наличие пазов и гнезд для балок, позволяет предполагать, что она была деревянной. Не исключено также, что первоначальная стена все же была скальной (по аналогии с другими пещерными церквями), а после разрушения ее заменили на деревянную.

Абсида полукруглой формы, размерами $1,7 \times 2,3$ м ориентирована на северо-восток. Вдоль ее стены расположено со-престолие, которое к середине понижается. В стене конхи имеется углубление, возможно для запрестольного образа. В середине сопрестолия и центре абсиды в скале имеются углубления. Это, по всей видимости, основания для престолов, что, вероятно, позволяет говорить о нескольких строительных периодах церкви. Абсида отделяется от стен храма скальными простенками, которые, поднимаясь к потолку, образуют арочный карниз. Н. Л. Эрнст не находил здесь следов алтарной преграды (1929, с. 26), в то же время Н. И. Репников считал, что наличие гнезд для крепления балок в простенках, потолке и полу может указывать на то, что алтарная преграда (иконостас по Репникову) была деревянной (1935, с. 27).

Вдоль северной и южной стен церкви вырублены скамьи. На южной стене, над скамьей, рядом с абсидой имеется вырубка, которую Н. И. Репников определял как жертвенник (1935, с. 27). В западной части южной стены, под потолком вырублена ниша размерами $1,2 \times 0,4$ м. В полу храма имеется водосток. Стены обработаны тщательно. Причем, первоначальная обработка Т. 2 (Могаричев, 1992, с. 50) сверху была подтесана «зубаткой». Вероятно разрушение западной стены после прекращения функционирования храма, и беспрепятственное проникновение ветра также способствовало сглаживанию стен.

В комплексе с церковью расположены усыпальницы № 32, 35—37, 104 и гробницы (вырубленные в скале могилы с за-плечиками, перекрыты каменными плитами (№ 33, 34, 38, 102, 103 (рис. 1) (Репников, 1935, рис. 8).

«Пещерный храм у городских ворот» по Н. И. Репнико-

ву (1932 а, с. 119—120; 1935, с. 36) или «церковка № 2» по Н. Л. Эрнству (1929, с. 27) расположен в том же обрыве, к югу от «большого храма» (рис. 1, 4; 4; 5). Он прямоугольной формы, размерами (по полу) $4,1 \times 4,7 \times 2$ м. Неф вытянут с севера на юг. Западная стена церкви представляет собой скальную перегородку с входом, в настоящее время частично разрушенную.

Абсида полукруглой формы, размерами $1,7 \times 2,3$ м, ориентирована на восток — север — восток. От остального помещения она отделена так же как и в «большом храме», однако в более грубом исполнении. В простенках Н. И. Репников выделял пазы для установки деревянной алтарной преграды (1935, с. 36). Престол первоначально был вытесан из скалы и составлял одно целое с церковью. Его изображение можно увидеть на гравюре из неизданного альбома А. С. Уварова (рис. 6). В 20—30 гг. нашего века он был уже сбит и опрокинут (Репников, 1935, с. 36; Эрнст, 1929, с. 27) и в настоящее время утерян. К югу от абсиды в полу вырублена могила с заплечиками. В северной стене высечена скамья, в углу которой, рядом с абсидой, по мнению Н. Л. Эрнста находился боковой предел (1929, с. 27). Н. И. Репников же считал, что это лежанка с изголовьем (1935, с. 36). В восточной стене к югу от абсиды вырублена ниша. В западной части пола церкви у входа имеется вырубка подковообразной формы (рис. 4). Не исключено, что это остатки тарапана, который могли соорудить после прекращения функционирования церкви. По крайней мере такие случаи в Крыму известны.

Обработка стен помещения аналогична обработке «большого храма».

В южной стене храма прорублен вход со ступенькой в небольшое помещение трапециевидной формы с окном в западной стене. Н. Л. Эрнст видел в нем ризницу (1929, с. 27), хотя, на наш взгляд, более вероятно, что это келья причетника церкви. В пользу этого говорит наличие окна и лежанки.

Рядом с церковью расположены три усыпальницы (рис. 1) (Репников, 1935, рис. 8).

Рассмотрим архитектурные особенности помещений. При их сопоставлении выявляется, что несмотря на различия в форме, эти церкви имеют между собой много общего, а именно сходство пропорций (рис. 3; 4). Во-первых, очень близки размеры (см. выше) храмов³; во-вторых, аналогич-

³ Имеются в виду размеры по полу, так как наличие различных ниш и вырубок в стенах создает иллюзию различия площадей.

ны размеры абсид; в-третьих, формы абсид близки между собой; в-четвертых, одинаковое решение выделения абсиды из общего объема (см. выше), хотя несомненно, что в «большом храме» это сделано более качественно; в-пятых, аналогичен характер обработки стен помещений; в-шестых, в обоих храмах поперечное расположение нефов. Отметим, что на Эски-Кермене больше ни одна церковь (ни пещерная, ни наземная⁴) не имеет такого решения. Вообще в Таврике, кроме этих, известны еще две такие церкви — в Ипкермане (Берть-Делагард, 1886, с. 225, рис. 13; 14) и на Тепе-Кермене (Якобсон, 1964, с. 50—52). К тому же в данном случае мы сталкиваемся не с попыткой облегчения конструктивного решения (церковь с поперечным нефом рубить в отвесной скале естественно легче), а с осознанными архитектурными канонами: все остальные пещерные церкви Крыма, создававшиеся в аналогичных условиях, имеют продольное расположение нефа.

В седьмых, аналогично функциональное назначение храмов. Без сомнения — это кладбищенские часовни. На это указывает большое число расположенных рядом гробниц и усыпальниц, что полностью опровергает предположение, что эти церкви были семейными усыпальницами. Важным в данной аргументации представляется то, что, кроме указанных, в районе подъемной дороги известны еще две часовни (наземные) с окружающими их погребальными сооружениями (Репников, 1935, с. 22—26, рис. 8) (рис. 1, 1, 2). Отметим, что у самого въезда на городище выявлены еще две часовни, погребения совершились в «Судилище» (Эрист, 1929, с. 27—29; Репников, 1932 а, с. 124—127), а в комплексе с последним в ответвлении подъемной дороги расположены пять усыпальниц (Репников, 1935, с. 40—41, рис. 8). Таким образом, не вызывает сомнений, что в районе подъемной дороги и въезда в городище находился некрополь.

Учитывая вышесложенное, можно сделать заключение: рассматриваемые церкви близки хронологически и, возможно, сделаны одним мастером или одной артелью. Вряд ли случайны очень близкие пропорции и размеры храмов, устройства нефов и сходство археологического материала из их усыпальниц. Вероятно исключается подражание в архитектурном решении, так как формы церквей резко отличаются. С другой стороны, указанное может быть только отражением одной

⁴ Близко к поперечному расположению нефа в храме «Трех всадников». Однако неф там все же продольный. Кроме того, эти церкви имеют определенную связь между собой (см. ниже).

традиции и школы, когда при различии форм основные архитектурные параметры и пропорции остаются неизменными. Таким образом, хронологическое различие между двумя памятниками составляет не более 20—30 лет. При этом еще раз отметим, что «большой храм» вырублен более качественно.

Попытаемся уточнить датировку памятников. Для этого обратимся к археологическому материалу из усыпальниц.

Вряд ли стоит сомневаться в датировках конкретных вещей, предложенных А. И. Айбабиным (1991, с. 46—47). Однако, хронология всего комплекса, на наш взгляд, требует некоторого уточнения. Для этого рассмотрим таблицу сочетания циклов вещей из усыпальниц, составленную на основе датировок А. И. Айбабина (рис. 7). Из обнаруженных вещей X—XI вв. датируются деревянные гребни, серьги и височные кольца из гладкой бронзовой проволоки с сомкнутыми концами. Бронзовые бубенчики датируются X—XV вв., бронзовые пуговицы — VII—XI вв., браслеты из синего стекла — концом IX в. — поздним средневековьем, перстень из двух бронзовых проволок — XII в. Следовательно, датировка А. И. Айбабиным храмов концом IX в. основана только на браслетах из синего стекла, которые известны даже в слоях XIV—XV вв. (например Мангуп). Теоретически браслеты могли оказаться в усыпальницах и в конце IX в. и в X в., и в XI в., и в XII в. Поэтому абсолютная датировка, основанная только на указанных браслетах, вряд ли правомерна. Анализ же циклов вещей (рис. 7) показывает, что IX в. исключается как время сооружения храмов, в противном случае придется признать, что хоронили тогда только с браслетами (другие вещи из усыпальниц в IX в. не бытовали), а это маловероятно.

Корреляция датировок показывает, что все указанные вещи вместе бытовали только в X—XI вв., за исключением упомянутого перстия, датирующегося XII в. Таким образом, появление храмов в районе подъемной дороги можно датировать X—XI вв. Функционировали они и в XII в. Данный вывод подтверждается и материалом из гробниц, датируемых А. И. Айбабиным X—XI вв. (1993, с. 128). Как известно, обычай захоронения в усыпальницах и гробницах являются составными частями одного обряда (там же, с. 128—129) и поэтому время их функционирования должно совпадать.

Более узкую датировку, основываясь только на археологическом материале, предложить пока невозможно. Для этого приведем другие аргументы — анализ исторической ситуации на Эски-Кермене и его топографические особенности.

Учитывая, что в районе подъемной дороги в X—XI вв. находился некрополь, перспективно определить его связь с некрополем, расположенным на юго-восточном склоне городища. Последний возникает в конце VI в., а первоначальные захоронения в нем производились в склепах и подбойных могилах (Айбабин, 1991, с. 45). С конца IX — начала X вв. в связи с окончательной победой христианства обряд захоронения здесь меняется: начинают вырубать гробницы и склепы по типу усыпальниц (там же, с. 48). Причем, это характерно не только для Эски-Кермена. По данным А. И. Айбабина, с конца IX—X вв. в Готии были заброшены почти все раннесредневековые грунтовые могильники, рядом с которыми возникли церковные плитовые некрополи. С X в. в гробницах и усыпальницах стали хоронить на Мангупе, Бакле, Судаке и Херсоне (1993, с. 129).

Видимо не позднее середины X в. некрополь Эски-Кермена забрасывается, уже в XI—XII вв. здесь были разбиты виноградники и огороды (Айбабин, 1991, с. 49). Так как у нас нет никаких оснований говорить о смене населения Эски-Кермена в X в., то между прекращением функционирования некрополя и использованием его территории под сельскохозяйственные культуры должен был пройти определенный хронологический отрезок, приблизительно лет 30—50. Если даже допустить, что виноградники были разбиты в самом начале XI в., то функционирование некрополя могло прекратиться где-то с середины — второй половины X в. (учтем, что захоронения X в. здесь есть) (Айбабин, 1991, с. 48).

Логично предположить, что кладбище в районе подъемной дороги приходит на смену старому могильнику. На наш взгляд, нет оснований утверждать, что они долгое время со-существовали (там же, с. 49). Ведь по данным А. И. Айбабина во многих местах церковные плитовые могильники, приходя на смену грунтовым, располагались рядом с последними. Видимо аналогичная ситуация наблюдалась и на Эски-Кермене, когда на смену некрополю на юго-восточном склоне приходит церковный некрополь на юго-западном склоне (район подъемной дороги). Данному предположению не противоречит и археологический материал (там же, с. 48—49). Таким образом, даже если допустить, что пещерные храмы возникают сразу после начала захоронения на новом некрополе (как упоминалось, здесь известны еще две наземные часовни, и, логичнее было бы предположить, что кладбище развивалось снизу, от часовен, вверх к пещерным храмам) начало их сооружения вероятнее всегда относится ко времени не ранее середины — второй половины X в. А если при-

нять во внимание, что между сооружением храмов мог пройти определенный период (по нашим представлениям не более 30 лет), время создания пещерных церквей в районе подъемной дороги следует определить как середина X — начало XI вв.

Настоящая датировка не противоречит и современным представлениям об истории городища. Надежно датированные строительные остатки IX—Х вв., как и более раннего времени (за исключением оборонительных стен и оборонительных пещерных сооружений конца VI—VII вв. (Айбабин, 1991, с. 48; Могаричев, 1992, с. 72), на Эски-Кермене не известны, хотя захоронения и керамика этого времени имеются. Исследования базилики показали, что массовый материал и инвентарь погребений относятся к X—XII вв. (Паршина, 1988, с. 48), а в XI в. она существенно перестраивается (там же, с. 50). К XII—XIII вв. территория городища уже была плотно застроена усадьбами (Веймарн, 1982; Айбабин, 1991, с. 49).

Логичным представляется вывод, что начиная с X в. на Эски-Кермене начинается процесс зарождения городской жизни (до этого мы можем говорить о городище только как о крепости), который получает дальнейшее развитие в XI—XIII вв. (Могаричев, 1992, с. 100). С этим можно связывать появление нового некрополя с 4—6 часовнями, вокруг которых группировались погребальные сооружения. По всей видимости, каждая из часовен обслуживала какую-то часть населения или несколько семей.

Скорее всего, в районе подъемной дороги находились захоронения не самых знатных и богатых жителей. Напомним, что в указанный период захоронения производятся также в главном храме Эски-Кермена — базилике — и в большой и, вероятно, важной (учитывая наличие горного места) церкви — «судилище».

Надо думать, что рассматриваемые памятники являются одними из самых древних пещерных церквей горного Юго-Западного Крыма⁵. Чуть более ранним временем (конец IX—Х вв.), возможно, датируется «судилище», однако, этот вопрос еще нуждается в исследовании. По крайней мере, относить иные пещерные храмы к периоду до XI—XII вв. пока не представляется возможным.

⁵ Наиболее древним внутристакальным христианским храмом в Крыму, вероятнее всего, является храм на главной улице в Херсонесе (Беляев, 1989). В конкретном же случае речь идет о горной части Юго-Западного Крыма.

Исследуя эски-керменский могильник, Н. И. Репников предположил, что способ захоронения в усыпальницах с последующим перезахоронением в костницах (гробницах) заимствован из Сирии и Малой Азии (1932 в., с. 180). Этот вывод был поддержан А. И. Айбабиным (1991, с. 48; 1993, с. 129). В связи с этим интересно поперечное расположение нефов рассматриваемых памятников. Как известно, такое архитектурное решение характерно именно для византийского востока (Брунов, 1935, с. 459—465; Якобсон, 1983, с. 76—77; Rodley, 1985, р. 216). Эти факторы, а также гипотеза Ф. И. Шмита о восточновизантийском происхождении эски-керменской базилики (1932, с. 240—241), на наш взгляд, позволяют поставить вопрос о наличии в X—XI вв. на Эски-Кермене группы выходцев из восточных областей империи. Работа в этом направлении кажется перспективной. В заключение рассмотрим предполагаемую связь между «большим храмом» и храмом «Трех всадников» (рис. 2, 2, 5). Обращает на себя внимание сходство планов (обе церкви имеют форму трилигникона) и функционального назначения (они были часовнями). С другой стороны, отличаются их пропорции, формы абсид, датировки (последний был вырублен, очевидно в XIII в. (Репников, 1932 а, с. 108)). Учитывая, что подобный тип храмов редок, особенно для крымских пещерных церквей, можно предположить, что при создании «Трех всадников» (которому предстояло стать часовней над могилой знаменитого жителя Эски-Кермана) за архитектурную основу был взят «большой храм» — самая большая в это время и, вероятно, известная часовня поселения.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А. И. Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ.— Симферополь: Таврия, 1991.— Вып. 2.
 Айбабин А. И. Могильники VIII—начала X вв. в Крыму // МАИЭТ.— Симферополь: Таврия, 1993.— Вып. 3.
 Бабенчиков В. П. Пещерный комплекс Шулдана // МЭКЭ.— ИГАИМК.— М.: Л., 1935.— Вып. 117.
 Беляев С. А. Пещерный храм на главной улице Херсонеса // Византия и Русь.— М., 1989.
 Бертье-Делагард А. Л. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // ЗООИД.— Одесса, 1886.— Т. 14.
 Брунов Н. И. Византийская архитектура // Очерки по истории архитектуры.— М.: Л., 1935.— Т. 2.
 Веймарн Е. В. Оборонительные сооружения Эски-Кермана / опыт реконструкции // История и археология средневекового Крыма.— М., 1958.
 Веймарн Е. В. Жилые усадьбы Эски-Керменского городища // Византия и ее провинции.— Свердловск, 1982.

- Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Иконоборческая Таврика // Византия и средневековый Крым.— Барнаул, 1992.
 Грабарь И. О древнерусском искусстве.— М.: Наука, 1966.
 Домбровский О. И. Фрески средневекового Крыма.— Киев, 1966.
 Могаричев Ю. М. Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму.— Симферополь: Таврия, 1992.
 Могаричев Ю. М. К дискуссии о скальной архитектуре Крыма // История и археология Юго-Западного Крыма.— Симферополь: Таврия, 1993.
 Паршина Е. А. Эски-Керменская базилика // Архитектурно-археологические исследования в Крыму.— Киев, 1988.
 Равдоникас В. И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадиальным развитием Северного Причерноморья // ИГАИМК.— 1932.— Т. 12.— Вып. 1—8.
 Репников Н. И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928—29 гг. // ИГАИМК.— 1932 а.— Т. 12.— Вып. 1—8.
 Репников Н. И. Остатки укреплений Эски-Кермана // ИГАИМК.— 1932 б.— Т. 12.— Вып. 1—8.
 Репников Н. И. Раскопки Эски-Керменского могильника в 1928 и 1929 гг. // ИГАИМК.— 1932 в.— Т. 12.— Вып. 1—8.
 Репников Н. И. Подъемная дорога Эски-Кермана // МЭКЭ.— ИГАИМК.— М.: Л., 1935.— Вып. 117.
 Репников Н. И. Материалы к археологической карте юго-западного нагорья Крыма // Архив ИГАИМК РАН.— Ф. 10.— Д. 1.
 Талис Д. Л. Некоторые проблемы истории раннесредневековой Таврики и литература последних лет // ВВ.— 1861.— Т. 19.
 Шмит Ф. И. Эски-Керменская базилика // ИГАИМК.— 1932.— 1, 12.— Вып. 1—8.
 Эрист Н. Л. Эски-Кермен и пещерные города Крыма // ИТОИАЭ.— Симферополь, 1929.— Т. 3.
 Якобсон А. Л. Средневековый Крым.— М.: Л., 1964.
 Якобсон А. Л. Закономерности в развитии раннесредневековой архитектуры.— Л.: Наука, 1983.

В. А. ПЕТРОВСКИЙ

СКАЛЬНАЯ ЧАСОВНЯ В РАЙОНЕ БАКЛЫ

Памятник расположен в 500 м к западу от городища на первой верхней скальной террасе, в нависающем над обрывом известняковом останце под треугольной формы с округленными углами, ориентированным выступающей частью на ЮВ (рис. 1). Часовня, вырубленная в скале, была открыта А. И. Маркевичем (1889, с. 112) в конце XIX в., он опубликовал ее краткое описание. И. М. Волошинов и Н. Н. Клепинин (1912, с. 157—158) посетили Баклу в 1911 г. и посвятили памятнику отдельную статью. Объект хорошо известен современным исследователям (Веймарн, 1958, с. 76; Рудаков, 1980, с. 39; Герцен, Махнева, 1989, с. 18), но его детальное

описание до настоящего времени не было выполнено. Нет и хорошего информативного чертежа скальной часовни. Ученым приходится довольствоваться схематическим рисунком, приведенным в статье И. М. Волошинова и Н. Н. Клепинина. Назрела необходимость ввести памятник в научный оборот на современном уровне. Его публикация даст ценные сведения для изучения истории христианства в Крыму, для решения вопросов, поднятых вновь возобновившейся дискуссией о датировке «пещерных» культовых сооружений полуострова (Герцен, Могаричев, 1991, с. 121; Могаричев, 1992, с. 84—95, 99; Воронин, Даниленко, 1992, с. 169—180; Филиппенко, 1993, с. 108—122; Могаричев, 1993, с. 213—222).

В часовню (рис. 2—3) с северо-запада ведет высеченный в скале изогнутый коридор протяженностью 2,3 м, расширяющийся у входа. Стены коридора вертикальные, максимальная ширина 1,3 м, высота 1,6 м. В юго-западной стене, на расстоянии 0,6 м и 0,8 м от входа, имеются две подпрямоугольные подрубки $0,2 \times 0,1$ м; $0,23 \times 0,12$ м, а так же круглое углубление диаметром 0,05 м, глубиной 0,07 м. В полу коридора у входа вырублена сток для отвода воды, подпрямоугольный в сечении. Вход в часовню размером $1,33 \times 0,62$ м подпрямоугольный, со слабо выраженным арковидным верхом и закругленными углами, образует коридор 0,85 м длиной. Внутренние контуры коридора имеют трапециевидную форму $1,33 \times 0,7 — 0,55$ м. В потолке у входа с юго-западной стороны просверлены два отверстия диаметром 0,05 и 0,06 м, глубиной 0,06 м. Такое же отверстие диаметром 0,06 м, глубиной 0,03 м имеется на полу для крепления дверной оси. С противоположной стороны на высоте 0,01 м от пола высечено трапециевидное углубление $0,05 \times 0,03 \times 0,05$ м для дверного засова, закругленное изнутри. Высеченные перед углублением для оси прямоугольные пазы на полу и в углах у потолка служили для крепления дверной коробки. Дверь открывалась внутрь помещения слева направо. Над входом в часовню имеется подтеска полуовальной формы для крепления козырька. Лицевая часть скальной поверхности над входом тщательно обработана. Помещение в плане имеет вытянутую овальную форму $4,4 \times 2,85$ м, ориентировано по оси ЮЗ-СВ с отклонением абсиды на 30° к востоку. Максимальная высота часовни — 2,3 м. Потолок имитирует коробовый свод. Между стенами и потолком — четко выраженная граница. Стены вертикальные. Из коридора внутрь помещения вырублена ступенька $0,95 \times 0,25 \times 0,17$ м, угол ее окружен. Вдоль юго-западной и юго-восточной стен оставлен уступ подпрямоугольной Г-образной формы ($0,9 \times 0,3 \times 0,28$ м; $1,5 \times 0,3 \times$

$\times 0,14$ м). В юго-западной стене, на высоте 0,5 м от уступа вырублено амбразуровидное окно подпрямоугольной формы с округленными углами. Наружная часть окна овальная. Его внутренние размеры — $0,7 \times 0,56$, наружные — $0,37 \times 0,33$ м, длина 1,42 м. Окно ориентировано на юг, с незначительным отклонением на юго-запад. В юго-восточной стене, напротив входа, на высоте 0,9 м от уступа высечена арковидная ниша $0,44 \times 0,4 \times 0,2$ м. На расстоянии 0,36 м от нее по направлению к абсиде имеется неглубокое прямоугольное углубление $0,6 \times 0,22 \times 0,01 — 0,02$ м. Абсида была отделена от основного помещения алтарной преградой, (сохранились пазы в верхней части юго-восточной и северо-западной стен шириной 0,2 м для ее крепления), а также арковидным уступом по своду потолка. К юго-западу от этого уступа на 0,2 м в центральной части потолка вырублена подпрямоугольная ниша $1,15 \times 0,68 \times 0,12$ м. В ней высечена бороздка, поперечная оси помещения, длиной 0,68 м, в которой на расстоянии 0,18 м от края и 0,18 м друг от друга просверлены два конусовидных отверстия диаметром 0,01 м, глубиной 0,01 м, возможно, для крепления лампады. В средней части северо-западной стены на высоте 1,6 м от пола высечен крест¹ $0,19 \times 0,14 \times 0,03 — 0,05$ м. В этой же стене вырублены в различных местах три углубления округлой формы диаметром около 0,05—0,1 м, глубиной 0,02 м. В центральной части абсиды $2,95 \times 1,5$ м имеется арковидная ниша $0,29 \times 0,24 \times 0,11$ м. Под ней на высоте 0,15 м от пола высечен вертикальный фигурный паз $0,2 \times 0,1 \times 0,05$ м, служивший, вероятно, для крепления алтарного столба. В северо-западной части абсиды вырублено углубление прямоугольной формы $0,44 \times 0,12 \times 0,1$ м. Поверхность пола неровная, за исключением участков в восточной части абсиды и у юго-восточной стены. Уровень пола абсиды на 0,1 м ниже, чем в помещении. В северной части абсиды в полу у стены вырублено овальное углубление $0,6 \times 0,36 \times 0,35$ м. Пол в часовне, вероятно, был деревянным и крепился на уступах вдоль стен.

Аналогичное изображение креста было найдено на венчике пифоса при раскопках посада в 1979 г. (Рудаков, 1979, с. 19, рис. 59). Вместе с ним найдены фрагменты амфор с зональным рифлением VIII—IX вв.) Якобсон, 1979, с. 32; Антонова, Даниленко и др., 1971, с. 88, рис. 15) и плоскоручных кувшинов второй половины IX—XI вв. Такие же по форме З

¹ Маркевич А. И., Волошинов И. М. и Клепинин Н. Н. в свое время видели изображение двух крестов, в настоящее время один уже не просматривается.

креста были вырезаны на каменном блоке, обнаруженному в 1980 г. во время исследования посада Баклы. (Рудаков, 1980, рис. 32).

Как известно, скальные церковные сооружения носят специфический характер: в них мы не находим самого важного для датировки памятника — культурного слоя.

Разработанная в последние годы методика датировок по технике подтесок (Могаричев, 1992, с. 50—51) также не применима в нашем случае, так как стены часовни подверглись вторичной ретушной обработке, уничтожившей следы первоначальных вырубок. Ситуацию сможет прояснить лишь комплексное исследование участка. Возможно открытие наземных построек, связанных с часовней. Не исключено, что она как-то связана с комплексом из 11 пещер на второй нижней террасе под выступом скалы с вырубленным культовым помещением, а также с обнаруженным тут, у обрыва, могильником из вырубных склепов (Волошинов, Клелинин, 1912, с. 158) с высеченными костницами и плитовыми могилами (Рудаков, 1984, с. 39). Следует признать что на сегодняшний день вопрос о датировке исследуемой часовни остается открытым. По мнению Рудакова В. Е. в X—XI вв. идеологическое значение Баклы усиливается, о чем свидетельствует постройка в долине крестообразного храма с синтроном и престолом (Рудаков, 1984, с. 53). Оно сохранялось вплоть до гибели поселения в XIII в.

ЛИТЕРАТУРА

Альбом иллюстраций к отчету В. Е. Рудакова о раскопках городища Бакла и окрестностей в 1979 г. // Архив БГИКЗ.—Д. 16/12.

Антонова И. А., Даниленко В. Н., др. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ.—1971.—Вып. 7.

Волошинов И. М., Клелинин Н. И. Пещерное поселение Бакла в Крыму // ЗКОЕЛП.—Симферополь, 1912.—Т. 2.

Веймарн Е. В. «Пещерные города» Крыма в свете археологических исследований 1954—1955 гг. // СА.—1958.—№ 1.

Воронин Ю. С., Даниленко В. Н. Обстоятельства и время возникновения пещерных монастырей Крыма // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму.—Симферополь: Таврия, 1992.

Герцен А. Г., Махнева О. А. Пещерные города Крыма.—Симферополь: Таврия, 1989.

Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. О возникновении Готской епархии в Таврике // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.—Симферополь: Таврия, 1991.—Вып. 2.

Маркевич А. И. Экскурсия на гору Бакла и в деревню Мангуш // ИТУАК.—Симферополь, 1989.—№ 8.

Могаричев Ю. М. Пещерные сооружения средневековых городищ юго-западного Крыма // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму.—Симферополь: Таврия, 1992.

Могаричев Ю. М. К дискуссии о скальной архитектуре Крыма // История и археология Юго-Западного Крыма.—Симферополь: Таврия, 1993.

Рудаков В. Е. Отчет Баклинского отряда Крымской археологической экспедиции Уральского государственного университета о раскопках городища Бакла и его окрестностей в 1979 г. // Архив БГИКЗ.—Д. 16/1. Рудаков В. Е. Альбом иллюстраций. Приложение к отчету Баклинского отряда Крымской археологической экспедиции Уральского государственного университета о раскопках городища Бакла и его окрестностей в 1980 г. // Архив БГИКЗ.

Рудаков В. Е. Христианские памятники Баклы. Храмовый комплекс X—XIII вв.—Античная и средневековая идеология.—Свердловск, 1984.

Филиппенко В. Ф. К истории инкерманского пещерного монастыря (История и археология Юго-Западного Крыма.—Симферополь: Таврия, 1993.

Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики.—Л.: Наука, 1979.

Т. Ю. ЯШАЕВА

ПЕЩЕРНЫЙ КОМПЛЕКС В ОКРУГЕ ХЕРСОНЕСА

Юго-западное побережье ближней округи Херсонеса на Гераклейском полуострове представляет собой крутые обрывы сарматского известняка с многочисленными карнизами, гротами, нишами (рис. 1). Не доходя двух километров до мыса Фиолент, отвесный берег понижается к морю несколькими террасами, надежно защищенными скальным массивом от северного ветра. Среднюю террасу, с буйной южнобережной растительностью и родниками, в прошлом веке называли «митрополичими садами». Следующая терраса — бурые кератофировые мысы, глубоко врезавшиеся в море, свои названия они получили тоже в прошлом веке. Интересующий нас м. Виноградный назван так из-за обильно произраставшего здесь дикого винограда (Косцюшко-Валюжинич, 1898, с. 199). К. К. Косцюшко-Валюжинич, проводивший в 1896 г. на м. Виноградном рекогносцировочные раскопки, открыл остатки одноапсидного храма и трех помещений, принадлежавших по его мнению, «небольшому монастырю» (Косцюшко-Валюжинич, 1898, с. 198). В 1989—1992 гг. экспедиция ХГИАЗ доследовала памятник, были открыты новые помещения и погребения (рис. 2). Полученный материал позволил датировать комплекс концом XIII—XIV вв. (Яшаева, архив ХГИАЗ, д. 2948, 3000, 3060, 3122). В 1993 г. экспедиция заповедника проводила раскопки в двухстах метрах к востоку от храма

в пещерах обрывистого склона над «митрополичьими садами». Ранее эти пещеры никем не исследовались и не описывались.

Общая протяженность пещерного комплекса — 23 м (рис. 3). Он состоит из четырех, соединенных между собой помещений, расположенных как в естественных гротах, подвергшихся дополнительной обработке (пом. 2), так и в полностью рукотворных (пом. 1, 4). Интенсивные процессы выветривания, продолжающиеся и в наши дни, привели к значительному разрушению стен в помещениях, отслаиванию пола и потолка, что затрудняет их архитектурную характеристику. Перед началом раскопок помещения 2, 3, 4 были покрыты мощным (до 0,6 м), плотно утрамбованым слоем «известняковой муки» и щебня.

Помещение 1 по расположению туниковое, находится в северо-восточной части комплекса, в плане прямоугольной формы, со слегка закругленной северо-западной стеной, размерами: 3,0×1,8 м, высота 1,75 м (рис. 3; 4а, б; 6). Потолок плоский с закругленными углами, все стены представляют собой обработанный скальный массив. В верхней части юго-восточной стены сохранился дверной проем шириной 1 м, ведущий в помещение 2, нижняя половина стены разрушена. В северном углу на высоте 0,7 м от пола высечена зауженная кверху ниша размерами: высота 0,7 м, ширина у основания 0,5 м, в верхней части 0,28 м, глубина 0,55 (рис. 4 а). Правая половина ниши обрушилась. В северо-восточной стене на высоте 1,42 м от пола — вторая ниша со слегка закругленным верхом: 0,28×0,2×0,1 м (рис. 4 б). Ниша, вероятно, предназначалась для иконы. С двух сторон у ее основания круглые отверстия для крепления полочки, на которой могла стоять свеча. На стенах помещения расположены пазы, свидетельствующие об «обшивке» потолка деревом и наличии у северо-западной и юго-западной стен типичной для пещерных келий Таврики «встроенной мебели» (Даниленко, 1993, с. 96).

У северо-восточной стены, в полу помещения выявлено пересохшее русло источника, идущее из ниши в северном углу. Источник появился, вероятно, после того, как была высечена глубокая угловая ниша. Устье русла представляет собой узкую щель (0,15—0,25 м), которую удалось зачистить на глубину 0,2—0,6 м. Из нее был извлечен немногочисленный, но разнообразный материал: фрагменты поливной керамики — миски с подглазурной росписью белым ангобом (прямые и волнистые линии по бортику), бытующие в Таврике в XIII—XIV вв. (Якобсон, 1979, с. 144), миска с орнаментом в технике «граффито» в виде полос и сетчатой штри-

ховки с дополнительной подцветкой зеленою и коричневой красками, распространенной в XIII—XV вв. (рис. 7, № 7) (Макарова, 1967, с. 29—30; Паршина, 1974, с. 70—72; Якобсон, 1959, с. 399—400), невыразительные мелкие фрагменты красноглиняных и коричневоглиняных неполивных сосудов, а также бочкообразное глиняное грузило, кремень, калачевидное однолезвийное кресало, серебряная пластинка в форме узкого листа с чеканным орнаментом (рис. 8, 9).

На полу перед источником, на специально подготовленном поле, небрежно прочертен четырехконечный крест, ориентированный по оси северо-восток — юго-запад, высотой 0,27 м. На концах боковых и верхней ветвей креста — поперечные овальные утолщения, в основании — округлое возвышение, левая ветвь креста не сохранилась, поперечная «перекладина» с опущенным правым и поднятым левым концами является случайной выбоиной (рис. 10).

В помещении I прослеживаются два периода функционирования. В первый, ранний, оно, вероятно, служило кельей, о чем свидетельствуют его расположение и размеры, внутренняя обшивка деревом и пазы для крепления встроенной мебели, наличие дверного проема. Второй период связан с появлением в помещении источника, после чего оно уже не могло использоваться как жилое. Келья была перенесена в другое место, а помещение осталось просто молельной комнатой с источником. Можно предположить, что он стал почитаться как святой, так как сам факт появления источника в келье отшельника под стеной, освященной иконой, не мог не восприняться верующими как чудо, как указание на его святость. К тому же, вера в святые источники была широко распространена в средневековой Таврике (Веймар, Чореф, 1976, с. 26). Об отношении к источнику как к святому может также свидетельствовать вырезанный рядом крест.

Помещение 2 проходное, расположено юго-восточнее помещения 1, в плане имеет форму неправильного четырехугольника, размерами 5,5×4,4×2,7×4,37 м, высота 2—2,5 м (рис. 3; 4 б; 5 е). Потолок плоский с закругленными углами. Помещение устроено в естественном, дополнительно углубленном гроте. С юго-восточной стороны, открытой к морю, сложена из бута двухрядная стена толщиной 0,65 м, сохранившаяся на высоту 0,6 м (1—2 ряда кладки), длина 2,7 м. К стене примыкают два дверных проема. Первый, шириной 0,8 м, находится в ее южном конце, второй, шириной 1 м у восточного конца стены, соединял помещение 2 и 3. В нем зачищено ложе для деревянного порога и пятничное углубление. Третий вход вел, как уже отмечалось, в помещение 1.

Справа от дверного проема на высоте 1,50 м от пола высечена овальная в плане ниша ($0,3 \times 0,22$ м), вероятно, для иконы или свечи (рис. 5 ж). Еще две небольшие, смежные между собой ниши (А, Б) — в северо-восточной стене на высоте 1,85 м от пола (рис. 4 б). Их размеры: ниша А — $0,5 \times 0,5 \times 0,3$ м; ниша Б — $0,3 \times 0,3 \times 0,2$ м. В более позднее время в смежной стенке между нишами было пробито сквозное отверстие, образовавшее удобное для привязи полукольцо. В верхней части северо-западной и юго-восточной стен третьями рядами идут пазы, вероятно, для крепления полок. На полу, посередине помещения, продолжается искусственно расширенное русло источника, идущее из помещения 1. Пол вокруг него покрыт пластами спресованного овечьего помета, перемежающихся с кусками щебня, осыпавшегося с потолка. Общая толщина напластований — до $0,1-0,2$ м.

Помещение 2 органически связано с помещением 1. В бытность последнего кельей, оно являлось его частью, точнее первым помещением двухкомнатной кельи. Такие примеры известны. Например, св. Иоанн Ликопольский построил себе келью, состоящую из трех комнат, «В одной комнате молился, в другой работал и принимал пищу, третья была для телесных потребностей» (Палладий 1992, с. 80). После прекращения функционирования скита помещение 2 долгое время использовалось в качестве хлева, о чем красноречиво свидетельствуют пластины овечьего помета и привязь для скота, высеченная в ставших ненужными иконных нишах.

Помещение 3 занимает заднюю северную половину центрального грота, самого большого по размерам и центрального по расположению; в плане помещение четырехугольное, размерами $7,71 \times 3,8$ м, высота 2,4 (рис. 3), потолок плоский с выраженным углом. С южной стороны помещение было отгорожено стеной, для укладки которой в скале подрублена «постель» с дверным проемом в западном конце. По подрубкам и гнездам в полу прослеживается трехчастная планировка помещения. В центральной части, вдоль северной стены, идет скальный выступ — скамья ($4,0 \times 0,37 \times 0,35$) (рис. 5 д), рядом в полу гнезда, вероятно для установки стола. На западе — маленькое помещение бывшее кладовой, с восточной стороны деревянная ограда отделяла центральную часть от кухни с двумя печами (рис. 5 д; 3). Печи в плане овальные, их задние и боковые своды вырублены в скале, имеют следующие размеры: печь 1 — ширина $0,6$ м, высота 1 м, длина 1 м; печь 2 — $0,6 \times 0,5 \times 0,95$ м. В печах сохранился слой золы до 0,2 м, после снятия которо-

го в печи 2 был обнаружен клад и 32 серебряных турецких монет XVI в.¹, помещенный в специально вырубленную ямку.

Трехчастная планировка помещения 3, включавшего кладовку, кухню и центральную часть с каменной скамьей и гнездами для стола, позволяет видеть здесь трапезную. Близкое по плану устройство трапезных, различающихся размерами в зависимости от количества братии, известно и в других пещерных монастырях Таврики и Кападокии. (Даниленко 1993, с. 91; Rodley 1985, р. 165, 169, 180).

Южная половина центрального грота представляет собой гладкостесанную Т-образную площадку (рис. 3). Ее наибольшая длина 12 м, ширина 4,5 м, сохранившаяся высота 2,5 м. В настоящее время верхний свод грота покрывает только половину площадки, его передний край обрушился. С южной стороны, открытой к морю, было деревянное ограждение, гнезда для опорных столбов и шестов которого идут по краю вдоль всей площадки. Деревянные ограды со стороны обрывов были в скальном монастыре Чилтеры, недалеко от села Терновка и некоторых болгарских монастырях (Беляев 1986, с. 185; Ханджийский 1985, с. 64, 84—86). На западе и востоке скальный массив центрального грота подтесан у основания полукругом, на восточной стороне в нем высечены скамьи шириной 0,37 м, высотой 0,43 м от пола и четырехугольная полка над ней ($0,56 \times 0,4$ м) (рис. 3).

На площадке открыты четыре хозяйственных ямы. Ямы 1, 2 сдвоенные, имеют смежную стенку со слабо выраженным желобком (возможно, это просто скол). Перепад уровней доньев составляет 0,1 м (рис. 4 г).

Яма 1 в плане прямоугольная со слегка закругленной северной стороной, размеры по центральным осям: $0,72 \times 0,52$ м, глубина 0,27 м от края ямы. Из ямы были извлечены: мелкие фрагменты керамид и красноглиняных сосудов, среди которых можно выделить венчик красно-глиняного кувшина, орнаментированного концентрической линией, нанесенной белым ангобом, находящего аналогии в наземных помещениях скита конца XIII—XIV вв на м. Виноградный (Яшаева ук. соч.), а также на Мангупе в слоях XIII—XIV вв. (Тиханова 1953, с. 344); мелкие фрагменты стенок монохромных сосудов, покрытых желтой поливой; чаша, со следами ремонта, с фестончатым краем под кроющей светлозеленой поливой; орнамент, выполненный врезной коричневой линией, расположенный тремя поясками: верхний пояс заполнен небрежно прочерченными, слегка заостренными книзу овалами; средний —

¹ Определение монет сделано Алексеенко Н. А.

удлиненными остроконечными листьями; нижний — сетчатой штриховкой. На внутренней поверхности сохранился только верхний пояс, идущий под бортиком, орнаментированный крупным завитком и прямыми линиями (р. 7, № 3). Чаша с фестончатым краем известны в слоях XIII—XIV вв. в Белгороде-Днестровском (Кравченко 1986, с. 167) и в Старом Орхее в слоях второй половины XIV в. (Абызова, Бырня, Нудельман 1981, с. 67). Один бесспорный экземпляр чаши с фестончатым краем есть в фондах ХГИАЗ (инв. № 99/37041). Кроме фрагментов керамики, в яме были найдены железные гвозди, кремень, створки мидий, клешни краба.

Яма 2 смежная с ямой 1, расположена южнее последней, край ямы уходит в обрыв; в плане круглая, в разрезе имеет форму усеченного конуса; диаметр устья 0,7 м, диаметр dna 0,3 м, глубина 0,37 м; вверху имеется подруб для крышки. Материала не обнаружено (р. 3; 4 г).

Яма 3 расположена на расстоянии 1 м, от края обрыва, в плане овальная, дно округлое, размеры по центральным осям: 0,93×0,78 м, глубина 0,5 м, имеется подруб для крышки (р. 3; 5 з). Материала не обнаружено.

Яма 4. находится на расстоянии 0,17 м от края обрыва, в плане круглая, дно плоское, диаметр 0,7 м, глубина 0,2 м (р. 3; 4 д). Из ямы было извлечено большое количество железного шлака, обломки бронзовых и железных изделий, железные тигли, две каменные формы для отливки кружков и кольц для рыболовецких сетей (рис. 11), фрагменты красноглиняных стенок сосудов, не поддающиеся датировке.

Между ямами 2 и 3 на краю обрыва вырублены две глубокие ступени размерами: ширина 0,8 м, высота ступенек — 0,20—0,40 м (рис. 3; 4 е). Здесь, вероятно, располагалась вход, при этом могла дополнительно использоваться веревочная лестница, закреплявшаяся на опорах, гнезда от которых с двух сторон обрамляют проем.

Помещение 4, замыкающее пещерный комплекс на востоке, представляет собой вырубленный в скале склеп. От хозяйственной части отделен оградой, прослеживающейся по ряду столбовых гнезд (рис. 3). Входное отверстие, вытянутое по горизонтальной оси, расположено с южной стороны, его современные размеры — 2,28×0,8 м. Аналогичной конфигурации проем на западе (2×0,8 м) был, вероятно, вторым входом. Средневековые склепы с двумя разновременными входами известны в Херсонесе, например, склеп № 1409 под крестообразным храмом (Косцюшко-Валюжинич, 1904, с. 19—20). Входное отверстие склепа резко обрывается в погребальную камеру (Б). Ее дно на 1 м глубже нижнего края

ходного отверстия; поэтому под юго-западной стеной сделан каменный выступ, служивший ступенькой ($1,25 \times 0,25 \times 0,4$). Под северо-западным входным отверстием высечены две ступеньки непосредственно в стене склепа (рис. 5 г). В плане камера четырехугольная, потолок плоский, с закругленными углами, размеры: 1,9×1,7×1,62×1,5 м; высота 1,8 м (рис. 3, Б). На северо-востоке и юго-востоке к ней примыкают вырубные гробницы (рис. 4, А, В), отделенные скальной перемычкой, высотой 0,58 м, толщиной 0,3 м, имевшие, судя по пазам, перекрытия в стенах. Костные остатки в склепе, неоднократно потревоженные в позднее время, были перемешаны с «известняковой мукой» и щебнем, средневековым материалом, предметами военного времени и современным туристским мусором.

Камера была заполнена костями до уровня нижнего края входного отверстия. Совершать погребения здесь стали, вероятно, после того, когда были полностью загружены гробницы А и В, в противном случае к ним не было бы доступа. На дне камеры у северо-западной стены зафиксирован *in situ* костяк в вытянутом на спине положении, головой на юго-запад, руки опущены к тазу; на нем лежали также *in situ* разрозненные костные остатки от нескольких других скелетов. Вместе с костями, из камеры извлечены фрагменты поливной керамики конца XIII—XIV вв.: археологически целая плоскодонная чаша на высокой ножке, покрытая зеленой поливой по белой ангобной подгрунтовке (рис. 7, № 2); кувшин с подглазурной росписью белым ангобом по глине, нанесенным вертикальными полосами, кроющая полива — светло-зеленая, имеет аналогию в портовом районе Херсонеса в слоях XIII—XIV вв. (Антонова, ... 1978, с. 38) (рис. 7, № 1); толстостенная миска, покрытая внутри блестящей темно-коричневой поливой, с внешней стороны по бортику прорыты пучки тройных линий под кроющей светло-зеленой поливой с дополнительной подцветкой зеленой и коричневой красками (рис. 7 № 5), находящая аналогию в слоях XIII—XIV вв. в Тмутаракани и наземных постройках скита на м. Виноградный (Макарова 1967, с. 29; Финогенова 1987, с. 20; Яшаева ук. соч.); миска с орнаментом граффито под темно-желтой кроющей поливой, в виде параллельных прямых и волнистых линий на внутренней поверхности, на внешней стороне бортика под светло-желтой кроющей поливой двойные косые линии (рис. 7 № 8); археологически целая монохромная тарелочка орнаментированная по бортику врезной волнистой линией, полива болотного оттенка (рис. 7 № 4); миска с орнаментом граффито в виде прямых линий и завитков на

внутренней поверхности, на внешней стороне бортика косые двойные линии, кроющая полива желто-зеленого цвета (рис. 7 № 6); фрагменты бортиков и стенок мисок под кроющей желтой поливой, орнаментированных врезной коричневой линией, также имеющих аналогии в наземных постройках скита; фрагменты красноглиняных неполивных кувшинов и керамид; стеклянный бальзамарий, находящий аналогию в комплексах Херсонеса в первой четверти VII в. (рис. 9) (Золотарев 1976, рис. 24; Сазанов 1991, с. 61).

Гробница А в плане прямоугольной формы размером 1,95×1,10 м, глубина 0,6 м, ориентирована по оси Ю-В — С-З, углы закруглены (рис. 3; 5 а, в, ж). Костные остатки верхнего слоя перемешаны, на дне зачищена часть скелета, сдвинутого к северо-восточной стене (рис. 3). Вещей, за исключением обломка фибулы и нескольких невыразительных фрагментов стенок красноглиняных сосудов, не обнаружено.

Гробница В в плане близка к прямоугольнику, размером 1,9×0,6 м, глубина 0,6 м, ориентирована по оси Ю-З — С-В (рис. 3; 5 б, г, ж). Во время второй мировой войны в гробнице было произведено захоронение, определенное по большому количеству форменных пуговиц и медали «За Отвагу». Из средневековых вещей найдены: золотая серьга в виде гладкого колечка с поперечным утолщением (рис. 9), бронзовый нательный крестик с короткими поперечными перекладинами на концах ветвей (рис. 8), бронзовый перстень с плоским щитком без орнамента (рис. 8), бронзовая В-образная пряжка, датирующаяся первой четвертью VII в. (рис. 8) (Айбабин 1990, с. 38), обломки бронзовой фибулы (рис. 8), серебряная монета XI в.² с изображением наaversе бюста императора Никифора III в фас, держащего в правой руке длинный крест, в левой — сферу с крестом; на реверсе — Иисус Христос в крестчатом nimbe, пра-вая рука поднята в благословении, в левой — Библия, по сторонам надписи (рис. 9). Керамический материал представлен неродственными фрагментами красноглиняных сосудов и черепицы.

В целом, в склепе выявлено более сорока костяков (из них 12 женских и три детских)³, многие из которых имели голубую окраску. Несмотря на потревоженность гробниц, в их засыпи прослеживается двухслойность. В верхнем слое все, без исключения, кости разрознены и перемешаны, в нижнем — зафиксированы целые скелеты. Этот факт позво-

ляет видеть здесь разные типы погребений: трупоположение и «захоронение костей». Такого рода «превращение гробниц в костницы» наблюдается в средневековом некрополе Херсонеса (Якобсон 1959, с. 263—266). Сам же обычай «захоронения костей» восходит как известно, к Афону, где сохраняется и по сей день. (Успенский 1877, с. 539).

Судя по материалу, склеп существовал уже в начале VII в. Средневековую дату его сооружения подтверждают некоторые конструктивные моменты, в частности, замена традиционных для античности ниш-лежанок глубокими гробницами, имеющими аналогии в погребальных сооружениях Херсонеса и Юго-Западной Таврики (Рудаков 1980, с. 122; Якобсон 1959, с. 259).

Характеризуя комплекс в целом, можно заключить, что компактное расположение на небольшой площади пещерных помещений хозяйственного, жилого, культового и погребального характера, имеющих аналогии в средневековых скальных монастырях, не только в самой Таврике, но и за ее пределами, их уединенность и труднодоступность, а также территориальная близость скита на м. Виноградный, синхронность материала этих памятников, позволяют видеть в публикуемом пещерном комплексе христианский скит и связать его с расположенными в 200 м наземными постройками.

В соответствии с традициями, имевшими место в различных регионах христианского мира, в том числе и в самой Таврике, скит был основан на месте, ранее приобретшем значение святого, включавшего отшельническую келью и погребения каких-то неизвестных нам христианских подвижников и, возможно, источник (Мосх. 1915, с. 4; Могаричев 1992, с. 94—95; Rodley 1985, Р. 253—254). Об отношении к этому месту как к святому также свидетельствует использование жителями окрестных поселений для погребений пещерного склепа. Иначе трудно объяснить, откуда в пустынном и труднодоступном месте такое большое количество костных остатков, тем более женских и детских. По той же причине (вера в святость места) по мнению А. Л. Якобсона, стала «особенно популярной в качестве некрополя» территория вокруг херсонесского крестообразного храма у Карантинной бухты (Якобсон, 1959, с. 251). Стремление быть захороненным «у святых», близ могил мучеников, ставшее характерной чертой средневековья, некоторые исследователи объясняют желанием «обеспечить защиту мученика не только телу усопшего, но и всему его существу в ожидании дня пробуждения и Страшного суда» (Арьеес, 1992, с. 63).

Склеп существовал уже в первой четверти VII в., келья,

² Определение монеты произведено И. А. Алексеенко.

³ Определение костных остатков сделано А. В. Ивановым.

вероятно, ему предшествовала. Как известно из истории христианского пустынножительства, у отшельника со временем появлялись ученики, селившиеся недалеко от учителя. Интересно в этой связи отметить четыре несоединенные между собой пещеры, высеченные в верхней части обрывов над узкой крутой тропинкой, ведущей к скиту, и прослеживающиеся в зарослях «митрополичьих садов» фундаменты маленьких, отдельно стоящих помещений.

В конце XIII — начале XIV вв. на «хребте» мыса Виноградный строятся наземные помещения и небольшой одноапсидный храм. Этим временем и датируется основание скита, организованного, очевидно, по типу афонской каливи (Бубнова, 1992, с. 33). С афонскими традициями связан также существовавший в ските обычай «захоронения костей». Несомненно, что обитатели скита были знакомы и с идеями исихазма, занимавшего в XIV в. умы православного монашества. Не случайно именно с его распространением исследователи связывают основание некоторых пещерных монастырей (Ханджийский, 1985, с. 5—6).

Существует скит всего одно столетие. Оба комплекса — и пещерный, и наземный перестают функционировать в конце XIV в. Материала более позднего времени в помещениях не обнаружено. Найденный же в печи клад турецких монет XVI в. представляет собой уже иной, «не монастырский» период в жизни пещерного комплекса, также, как и хлев, устроенный в келье, и захоронение второй мировой войны в средневековой гробнице.

Дальнейшее исследование территории между пещерными и наземными постройками, особенно участка непосредственно перед пещерами, на склоне обрыва, раскопки пещер и отдельно стоящих построек в «митрополичьих садах» могут значительно расширить и конкретизировать наши представления о характере скита, его размерах, времени функционирования и идейных связях с другими регионами христианского мира.

ЛИТЕРАТУРА

- Абызова Е. Н., Бырня П. П., Нудельман А. А. Древности старого Орхея (золотоордынский период). — Кишинев: Штиица, 1981.
Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеантичного и раннесредневекового времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. — Симферополь: Таврия, 1990. — Вып. 1.
Антонова И. А., Даниленко В. Н., Кадеев В. И., Колесникова Л. Г., Романчук А. И., Стржелецкий С. Ф., Суров Е. Г. Сводный отчет о раскопках в Херсонесе объединенной экспедиции в 1963—64 гг. // АДСВ. — 1971. — № 7.

Арье Ф. Человек перед лицом смерти. М.; Прогресс — Академия, 1992.

Беляев С. А., Бушников В. А. Исследования пещерного комплекса Чилтеры в 1973—1981 гг. // ВВ. — 1986. — № 46.

Бубнова В. Нил Сорбский. — СПб., 1992.

Веймарн Е. В., Чореф М. Я. «Корабль» на Каче. — Симферополь: Таврия, 1976.

Даниленко В. Н. Монастырь Чильтер-Коба: Архитектурный аспект // История и археология Юго-Западного Крыма. — Симферополь: Таврия, 1993.

Золотарев М. И. Отчет о раскопках северо-восточного района Херсонеса в 1976 году. — Архив ХГИАЗ. — Д. 1837.

Косцишко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе // ОАК за 1896 г. — СПб., 1898.

Косцишко-Валюжинич К. К. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1902 г. // ИАК. — СПб., 1904. — Вып. 9.

Макарова Т. И. Поливная посуда (из истории керамического импорта и производства Древней Руси) // САИ. — 1967. — Вып. Е-1-38.

Могаричев Ю. М. Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. — Симферополь: Таврия, 1992.

Мосх Иоанн. Луг духовный. Пер. с греч. с прим. М. И. Хитрова. — Сергиев Посад: Типография Св. Троице-Сергиев. Лавры, 1915 (репр. воспр.).

Палладий, Еп. Елеонпольский. Лавсанк или повествование о жизни св. и блаженных отцов. Пер. с греч. — Москва: Изд-во Донского монастыря, 1992.

Паршина Е. А. Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965—1969) // Феодальная Таврика. — Киев: Наукова думка, 1974.

Рудаков В. Е. Баклинский средневековый склеп с граффити // // Античные традиции и византинские реалии. — Свердловск, 1980.

Сазанов А. В. Амфорный комплекс первой четверти VII в. н. э. из северо-восточного района Херсонеса // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. — Симферополь: Таврия, 1991. — Вып. 2.

Тиханова М. А. Базилика // МИА. — М.: Л., 1953. — № 34.

Успенский Порфирий. История Афона. — СПб., 1892. — Ч. 3.

Финогенова С. И. Поливная керамика из раскопок Таманского городища // СА. — 1987. — № 2.

Ханджийский А. Обители в скалах. — София: Сентември, 1985.

Якобсон А. Л. Дворец // МИА. — М.: Л., 1953. — № 34.

Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. — М.: Л., 1959. — № 63.

Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. — Л.: Наука, 1979.

Яшева Т. Ю. Отчеты о раскопках на мысе Виноградный в 1989—1991 гг. — Архив ХГИАЗ. — Д. 2948, 3000, 3060, 3122.

Rodley L. Cave monasteries of Byzantine Cappadocia. — London, 1985.

И. И. ВДОВИЧЕНКО,
С. Г. КОЛТУХОВ

МОГИЛЬНИК РИМСКОГО ВРЕМЕНИ У С. ТАНКОВОЕ

Летом 1986 г. экспедиция Бахчисарайского историко-архитектурного музея провела охранные раскопки сарматского могильника у с. Танковое Бахчисарайского района (рис. 1, 1). Результатам этих непродолжительных, но интересных работ посвящена настоящая публикация.

Могильник расположен на западном склоне и вершине небольшой возвышенности, лежащей близ восточной окраины с. Танковое. До начала строительных работ большая часть возвышенности была покрыта кустарником и мелколесьем. Границы могильника не определены.

История его исследований такова: в 1954 г. «в юго-восточной части селения, у холма, при рытье глины поселянами был обнаружен могильник с подбойными могилами, ориентированными на север, северо-запад» (Веймарн, Архив БГИКЗ, п. 4, с. 100). Среди находок присутствовала краснолаковая керамика. Топографические указания позволяют считать описанной Е. В. Веймарном памятник либо южной частью исследуемого некрополя, либо отдельным, но расположенным рядом могильником. Он отмечен и на карте могильников Юго-Западного Крыма (Высотская, 1972, рис. 20).

В 1983 г. колхоз им. Ильича начал на восточной окраине села строительные работы, в результате которых была разрушена значительная часть могильника площадью около 1,5 га, грунт снят на глубину 1,5—3,0 м. При этом было уничтожено большое количество могил, а некоторые, уцелевшие, были разрыты местными жителями. Во всех известных нам случаях это были узкие могильные ямы, ориентированные в широтном направлении. Могилы на разрушенном участке располагались очень плотно, количество их неизвестно. Захоронения совершались в вытянутом положении на спине. Часть находок из разграбленных могил передана в музей: краснолаковые кувшины (рис. 2, 8, 9, 10), чашка с отвесным бортиком (рис. 2, 11), конусообразная мисочка, покрытая тусклой красноватой обмазкой (рис. 2, 13), лепная сероглиняная мисочка (рис. 2, 16), бронзовый ключ от шкатулки (рис. 3, 25), подвеска в виде птички (рис. 3, 26), незамкнутое бронзовое кольцо (рис. 3, 28), ребристая бронзовая бусина (рис. 3, 17).

В 1985 г. остатки могильника были осмотрены сотрудниками музея. Юго-западную часть холма, на которой расположо-

жен могильник, занимал котлован. В его северо-восточном борту, в белом материковом мергеле были заметны остатки двух могил — № 2 и № 8 (рис. 1, 2). В 2—7 м от котлована к северу начиналось мелколесье, занимающее вершину и северо-восточный склон. Для охранных раскопок был избран небольшой участок между лесом и бортом котлована над за- меченными могилами.

На исследованном участке площадью 48 м² раскопано 6 могил (рис. 1, 2).

Могила № 1 (рис. 1, 6). Могильная яма с заплечиками ориентирована по оси запад — восток с небольшим отклонением к юго-востоку. В верхней части она овальная, длиной 1,7 м, ширина в средней части — 0,75 м, прослеженная глубина — 0,7 м. Перекрытие состояло из плитчатых обломков известняка, уложенных в два слоя. В западной оконечности могилы, на перекрытии стояла аморфная необработанная стела высотой 0,6 м и шириной 0,5 м. Часть могилы, окаймленная заплечиками, в плане представляла собой вытянутый овал. Длина ее — 1,35 м, ширина — 0,35 м. На дне прослеживались слабые следы костного тлена, в центральной части могилы найден кусочек тазовой кости ребенка. Судя по его положению, захоронение было совершено головой на восток, вытянуто. В восточной оконечности могилы лежал краснолаковый кувшин (рис. 2, 2), в центральной части, в области тазовых костей — краснолаковая чашка (рис. 2, 14), бронзовый браслет (рис. 3, 12), крупная бочковидная бусина с перистым орнаментом (рис. 3, 18), стеклянный сосуд (рис. 4, 3), серебряный денарий Каракаллы.

Могила № 2 (рис. 1, 4). Ограблена через лаз, вырытый в борту котлована, разрушивший юго-западную стенку и часть каменного перекрытия. Могильная яма с заплечиками, удлиненно-овальная вверху, ориентирована по оси восток-запад. Ее длина вверху — 2,6 м, ширина — 1,1 м, прослеженная глубина — 1,4 м. В восточной части перекрытия была установлена стелообразная необработанная плита высотой 0,7 м, шириной 0,5 м. Нижняя часть могилы, ограниченная заплечиками, в плане овальная длиной 2,15 м, шириной 0,7 м. В восточной части могилы обнаружен случайно уцелевший краснолаковый кувшин (рис. 2, 6).

Могила № 3 (рис. 1, 3). В плане подпрямоугольная, ориентирована по оси восток-юго-восток — запад-северо-запад. Ее длина вверху — 2,7 м, наибольшая глубина — 0,9 м, ширина — 0,8 м. На перекрытии в восточной части могилы установлен необработанный стелообразный обломок известняка высотой 0,65 м и шириной 0,3 м. Часть ямы, ограниченная за-

плечиками, в плане прямоугольная. Ее длина — 2,45 м, ширина — 0,4 м. Дно ровное. Сохранность костяка плохая. Уцелели лишь берцовье кости и часть черепа взрослого человека. Судя по их расположению, погребение было совершено в вытянутом положении головой на восток-юго-восток. Между головой и восточной стенкой могилы лежали краснолаковый кувшин (рис. 2, 3) и чашка (рис. 2, 12), внутри которой был железный нож (рис. 3, 22), бронзовые детали шкатулки (рис. 3, 2—5) и кость небольшого животного. В районе ключиц находилась бронзовая лучковая фибула (рис. 3, 9).

Могила № 4 (рис. 1, 8). Могильная яма с заплечиками, подпрямоугольная в плане, ориентирована по оси восток — запад. Западная часть ее разрушена откосом котлована. Прослеженная длина вверху — 1,35 м, ширина — 0,95 м, прослеженная глубина — 0,7 м.

Перекрытие — из плитчатых обломков известняка. Нижняя часть могилы, ограниченная заплечиками, овальная в плане. Ее длина — 1,35 м, ширина — 0,45 м. На дне сохранился костный тлен — следы захоронения ребенка. В восточной оконечности могилы находилось краснолаковое блюдо (рис. 2, 15), на нем лежал кубок, покрытый тусклой красной обмазкой (рис. 2, 1), к западу от них — стеклянная полихромная бусина и железный нож (рис. 3, 19, 21).

Могила № 5 (рис. 1, 5). Овальная в плане могильная яма с заплечиками ориентирована по оси восток-юго-восток — запад-северо-запад. Прослеженная длина вверху — 2,16 м, наибольшая ширина — 1,0 м, прослеженная глубина — 0,98 м. Перекрытие — из плитчатых обломков известняка, положенных в два слоя. Нижняя часть могилы, в плане прямоугольная, расширяется к востоку-юго-востоку. Ее длина — 1,8 м, ширина в изголовье — 0,52 м. Костяк плохой сохранности. Уцелели длинные кости ног и рук, часть черепа. Судя поnim, погребенный, пол которого установить не удалось, возраст 20—30 лет, рост — около 150—155 см¹, лежал головой на восток — юго-восток в вытянутом положении на спине. Между головой и восточной стенкой могилы находился буролаковый кувшин (рис. 2, 4), в районе ключицы — обломок железного предмета (рис. 3, 27), на правом запястье — бронзовый браслет (рис. 3, 13).

Могила № 6 (рис. 1, 7). Могильная яма с заплечиками, вверху подпрямоугольная, расширяется к изголовью, ориентирована по оси восток — запад. Длина вверху — 2,4 м, наи-

¹ Антропологические определения проведены судмедэкспертом высшей категории В. Н. Костыком. Акт № 23 от 9 января 1987 г.

большая ширина — 0,82 м, прослеженная глубина — 1,45 м. Перекрытие из плитчатых обломков известняка. Нижняя часть могилы подпрямоугольная, со скругленными углами. Ее длина — 2,24 м, наибольшая ширина в изголовье — 0,6 м. Стенки отвесные, дно ровное. Захранение женщины 18—25 лет совершено головой на восток, в вытянутом положении на спине, кисти рук на тазе. Под костяком местами заметны слабые следы древесного тлена. Возможно, хоронили в колоде. В изголовье выделен участок дна размером 60×30 см, на котором находилась значительная часть погребального инвентаря. Для датировки важна светлоглиняная амфора II в. н. э. (рис. 4, 1), близ нее лежали краснолаковый кувшин (рис. 2, 7), железные части обкладки шкатулки (рис. 3, 1), кость животного, вероятно дикого кабана² с лежащим железным ножом под ней (рис. 3, 23). Рядом с черепом, у левого виска найден миниатюрный краснолаковый кувшин (рис. 2, 5), у правого — серебряная серьга (рис. 3, 14), в области ключиц — серебряная фибула с надетыми на иглу бронзовым и серебряным кольцами (рис. 3, 7, 8), у левого локтя находились небольшое зеркальце (рис. 3, 6), бронзовая амулетница (рис. 3, 15), бронзовая монета Антонина Пия, использовавшаяся как подвеска. Под амулетницей обнаружены бронзовая и стеклянная бусины (рис. 3, 16, 24). На тазовых костях, где, очевидно, поколились кисти рук, были найдены остатки трех серебряных перстней со стеклянными вставками (рис. 3, 10, 11). Между бедренными костями обнаружены мелкие обломки стеклянного открытого сосуда того же типа, что и в могиле 1. У левого бедра в небольшом пятнышке темно-коричневого тлена лежали лепное прядильце (рис. 3, 20) и три серебряные монеты — денарии Антонина Пия, Геты, Юлии Домны.

Могилы № 8 и № 9 полностью разрушены грабителями, могила № 7 не раскапывалась.

Могила № 10 (рис. 4, 2). Обнаружена на расстоянии 32 м к северо-западу от раскопа на разрушенном участке, в остатках подпочвенного слоя. Обломки кальцинированных костей взрослого человека найдены среди фрагментов лепного горшка со слегка отогнутым наружу венчиком и округлым туловом диаметром около 30 см. Сосуд был разрушен гусеницей трактора и реставрировать его не удалось. Помимо костей в нем присутствовал пепел и плотный, спекшийся коричневатый грунт. Рядом с горшком находились несколько обработанных камней (рис. 4, 2) и фрагмент краснолакового

² Предварительное определение геоморфолога П. Д. Подгородецкого.

кувшина (рис. 4, 4). Грунт на участке, примыкающем к урне, был плотным, спекшимся с характерным коричневато-окрытым оттенком.

Таким образом на могильнике отмечена биритуальность погребального обряда, типичная для некоторых кладбищ Горного Крыма позднеримского времени (Айбабин, 1990, с. 65) появившихся в середине III в. н. э. Однако погребения в грунтовых могилах на некрополе Танковое, представляются нам относящимися ко времени, предшествующему готским походам. Так в могиле № 1 обнаружен денарий Каракаллы, практически не побывавший в обращении. В могиле № 6 обнаружены денарии Геты и Юлии Домны, также без следов изношенности. В этом же погребении была найдена узкогорлая светлоглиняная амфора III в. н. э. (Шелов, 1978, с. 18, 19). В обоих случаях есть основания предполагать, что погребения совершены не позднее первых десятилетий III в. н. э. Для остальных могил, наиболее показательным хронологическим признаком может служить краснолаковая керамика, так как бусы и изделия из металла и стекла имеют широкие рамки бытования: I—III, II—III, III—IV вв. н. э.

В могиле № 3 был найден грушевидный краснолаковый кувшин, представляющий собой прямую аналогию по форме, параметрам и абсолютным размерам кувшину из могильника Бельбек III, обнаруженному в комплексе с монетой начала III в. н. э. (Гущина, 1974, с. 33, рис. VII, 1—14). Грушевидный краснолаковый кувшин с такими же пропорциями обнаружен в датированном монетами погребении № 1 могильника Танковое. По мнению В. И. Кадеева, это посуда херсонесского производства (Кадеев, 1970, с. 95). Некоторые исследователи, включая кувшины такой формы в типологические построения, датируют их I—III вв. (Зубарь, 1982, с. 70), либо не уточняют их абсолютной датировки (Богданова, 1989, табл. III, 32—34), И. И. Гущина относит их ко II — началу III в. (Гущина, 1974, с. 35). На наш взгляд, грушевидные кувшины существуют в различных вариациях с I по III, а то и IV вв. н. э. а для типов, относящихся к началу III в. н. э., характерно зауженное горло и круто изогнутая петлевидная ручка со своеобразным профилем (рис. 2, 4).

В могиле № 2 и в одном из разграбленных погребений были найдены краснолаковые кувшины с округлым туловом и четко выделенным, сравнительно узким рифленым горлом (рис. 2, 6, 9). Абсолютно аналогичный кувшин найден в могиле № 6, которую мы уже датировали началом III в. н. э. В целом, бытование сосудов этого типа может быть связано не со II—III вв. н. э., как считала Н. А. Богданова (Богда-

нова, 1983, табл. III, 10, с. 28), а с III в. Они не известны нам в погребениях II в. н. э., но зато представлены в могильниках с захоронениями III в., например, в Бельбеке II и Бельбеке III (Гущина, 1974, рис. III, 7; VII, 24, 27), Заветненском, Скалистом III (Богданова, Гущина, Лобода, 1976, рис. 2, 53; 7, 21; 9, 26, 65). Кувшин данного типа найден и в верхнем горизонте культурных отложений Алма-Кермена (Висотська, 1970, рис. 8, 16; она же 1972, рис. 29, 19). Время гибели этого памятника Т. Н. Высотская относит ко второй половине III в. н. э. (Высотская, 1972, с. 63).

К III в. н. э. может быть отнесена и краснолаковая керамика из могилы № 5 — кувшин того же типа, что и в могилах №№ 1, 3, а так же кубок и блюдо из могилы № 4. Обе эти могилы расположены в окружении могил, датируемых первыми десятилетиями III в., и вряд ли относятся к более позднему времени. Если это так, то захоронение с трупосожжением, либо связано с распространением римлян и римского влияния в Юго-Западном Крыму в конце II — начале III в. н. э. (Зубарь, 1991), либо какая-то часть могильника продолжала функционировать в период готских походов и позднее.

Вопрос о этнокультурной принадлежности населения, совершившего погребения по обряду трупоположения, не столь сложен. Несомненно, могилы с заплечиками принадлежали одной из групп сармат, проникших в Юго-Западный Крым в конце II—III вв. н. э. (Богданова, 1982, с. 32). Погребальный обряд в основных чертах близок тому, который мы наблюдаем в сарматских погребениях конца II—III в.н. э. в степи к западу от Днестра (см. Гудкова, Фокеев, 1984).

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ.—Симферополь, 1990.—Вып. 1.
Богданова Н. А., Гущина И. И., Лобода И. И. Могильник Скалистое — III в Юго-Западном Крыму (I—III вв.) // СА.—1976.—№ 4.
Богданова Н. А. Погребальный обряд сельского населения позднескифского государства в Крыму // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1982.
Богданова Н. А. Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное // Археологические исследования на юге Восточной Европы.—М., 1989.
Веймарн Е. В. Материалы к археологической карте Бахчисарайского района.—Архив БГИКЗ, архив Веймарн.—П. 4.
Висотська Т. М. Городище Алма-Кермен у Криму // Археологія.—К., 1970.—Т. XIV.
Высотская Т. Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму.—К., 1972.

Гудкова А. В., Фокеев М. М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I—IV вв. н. э.—К., 1984.

Гущина И. И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников) // Археологические исследования на юге Восточной Европы.—М., 1974.

Зубарь В. М. Некрополь Херсонеса Таврического I—IV вв. н. э.—К., 1982.

Зубарь В. М. Новий латинський напис з Болгарії і деякі питання історії Тавріки// Археологія.—1991.—№ 1.

Кадеев В. И. Очерки истории экономики Херсонеса I—IV вв. н. э.—Харьков, 1970.

Шелов Д. Б. Узкогорловые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА.—1978.—Вып. 156.

И. Н. ХРАПУНОВ, В. П. ВЛАСОВ,
О. Э. МОЛОДЦОВ, С. А. МУЛЬД

ПОЗДНЕСКИФСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ЗОЛОТОЕ ЯРМО

Поселение расположено в 0,5 км к востоку от с. Дружное на крутом склоне горы Золотое Ярмо, которая является одним из отрогов Долгоруковской яйлы. Памятник был открыт в 1920-е гг. Н. Л. Эристом (Археологические экспедиции... 1962, с. 42). Поселение, а также расположенное неподалеку убежище, обследовали сотрудники Тавро-скифской экспедиции во главе с П. Н. Шульцем (Домбровский, Щепинский, 1962, с. 25). На соседнем отроге яйлы В. М. Маликов изучал сельскохозяйственные террасы и остатки постройки позднескифского времени (Маликов, 1960, с. 43—44).

Поселение ограничено с юга глубоким ущельем, в котором берет начало р. Малый Салгир, с востока — выходами скалы, лишенными культурного слоя, с запада — выходами скалы и очень крутыми склонами, обрывающимися в долину р. Малый Салгир. На севере оно естественной границы не имеет, но, судя по распространению подъемного материала, его протяженность с юга на север не превышала 200 м. Таким образом, площадь памятника составляет около 3 га (рис. 1).

Вся территория поселения террасирована современной техникой. Сохранились лишь небольшие (шириной 2,5—5,0 м) участки культурного слоя между террасами. Судя по высоте террас, мощность культурного слоя в разных местах была от 0,3 до 1,5 м. В обрезах террас кое-где заметны развалы камней, иногда довольно крупных, представляющих собой, очевидно, остатки кладок. Следов оборонительных сооружений не обнаружено.

Раскопки поселения велись экспедицией Симферопольского университета в 1990—1991 гг. Раскоп «А» расположен

на его юго-западной окраине. Он ориентирован по линии юго-запад — северо-восток, перпендикулярно террасам (рис. 1). Раскоп состоял из четырех квадратов размером 5×5 м каждый, его общая площадь составила 100 м².

Культурный слой на окраине поселения невелик, в юго-западной части раскопа он отсутствует вовсе (таким образом, устанавливается граница поселения), кое-где его мощность увеличивается за счет перемещенного при террасировании грунта. В бортах раскопа зафиксировано два слоя (если не считать перемещенный грунт): сразу под дерном залегал слой довольно темной гуммированной земли, мощностью 0,2—0,4 м, его подстипал слой более светлой земли, мощностью 0,15—0,2 м (рис. 2, 3).

Находки, обнаруженные в раскопе «А», многочисленны, но сильно измельчены. Однотипные, но лучшей сохранности фрагменты сосудов найдены в раскопе «Б», поэтому их описание приводится ниже. Здесь отметим только, что в раскопе «А» среди лепных сосудов встречаются как позднескифские формы, так и кизил-кобинские. Единичные обломки относятся, возможно, к эпохе бронзы. Фрагменты коричнево-, красно- и чернолощеных сосудов кизил-кобинской культуры с врезным орнаментом слишком малы, чтобы судить о форме целых экземпляров (рис. 9, 3, 5, 6, 9, 10), но характер орнаментации не оставляет сомнения в их культурной принадлежности (Колотухин, 1990, рис. 9, 12—14; Крис, 1981, табл. 28, 29). Не часто встречающийся орнамент в виде зигзагов под венчиком одного из сосудов (рис. 9, 2) имеет аналогии в расположеннем рядом с Золотым Ярмом могильнике Дружное — 2 и на поселении Капак-Таш, находящемся в нескольких километрах восточнее (Колотухин, 1990, рис. 13, 10; 14, 9). Два фрагмента принадлежали сосудам с перфорированными стенками — дуршлагам или цедилкам, как их обычно называют (рис. 9, 1, 4). (Крис, 1981, с. 29, табл. 31, 7, 8; Колотухин, 1990, с. 73—74, рис. 3, 9, 10, 12—14). Вероятно, к кизил-кобинским древностям относится фрагмент кремневой ножевидной пластины (рис. 9, 7). Подобные пластины найдены, например, на поселении Ашлама-Дере (Крис, 1981, с. 15, табл. 6, 9—11).

В раскопе «Б», в одной из позднескифских хозяйственных ям, обнаружен бронзовый трехлопастный наконечник стрелы с выступающей втулкой (рис. 9, 8). Согласно классификации А. И. Мелюковой, он принадлежит III, или мало чем отличающейся от нее IV, хронологической группе скифских наконечников и датируется V—IV вв. до н. э. (Мелюкова, 1964,

с. 23—25, табл. 8, 9). По всей вероятности, эта находка попала к поздним скифам из кизил-кобинского поселения.

Раскоп «Б» расположен в восточной части поселения на единственной ровной площадке не затронутой террасированием (рис. 1). Он состоит из трех квадратов размером 5×5 м каждый и небольшой прирезки, необходимой для исследования остатков каменной постройки. Общая площадь раскопа 90 м². Ориентирован он с юга на север (рис. 2, 2).

Стратиграфия в раскопе «Б» в целом близка той, что зафиксирована на юго-западной окраине поселения, но культурный слой здесь более мощный. Под дерном залегал слой темной гуммированной земли, ниже — слой земли более светлого цвета, перекрывавшей материк. Общая мощность культурных напластований, в среднем, около 1 м (рис. 2, 1).

В южной части раскопа открыты остатки прямоугольной каменной постройки (рис. 2, 2). Она была ориентирована длинной осью по линии юго-запад — северо-восток. Западная ее часть уничтожена при террасировании. Поэтому нет возможности судить о длине дома, ширина его 3,6 м.

Стены были впущены в слой светлой земли. Кладка сохранилась в высоту на 4 ряда (0,6 м). Она однослойная двухлицевая, иррегулярная. Сложена из необработанных, изредка уплощенных подтеской камней разных размеров (рис. 3, 2, 3). Следов связующего раствора не обнаружено. Пол, судя по уровню залегания развала стен, находился на 0,35 м ниже уровня дневной поверхности.

Каменные прямоугольные дома, сложенные в технике иррегулярной кладки, обнаружены на всех позднескифских поселениях Крыма и Приднепровья, где раскопки велись большими площадями. Не является исключением и углубление пола по отношению к дневной поверхности времени функционирования дома (Попова, 1991, с. 54). Необычна однослойность кладки в поперечном вертикальном сечении. Такие кладки применялись, чаще всего, при строительстве полуzemлянок. Однако, в данном случае дом был наземным, о чем свидетельствует развал стен, явно показывающий уровень дневной поверхности (рис. 3, 1).

При разборке стен дома выяснилось, что они стоят на засыпанных землей хоз. ямах №№ 25 и 26 (рис. 3, 2, 3). Внутри дома обнаружены выкопанные в материке нижние части хоз. ям №№ 22 и 23 (рис. 2, 2; 3, 4). Вероятно, эти ямы функционировали до того, как дом был построен. При строительстве верхние части хоз. ям были уничтожены, а нижние — засыпаны землей.

В северо-западном углу раскопа открыта нижняя, выко-

панная в материке, часть округлой в плане полуземлянки (рис. 2, 2). Диаметр ее 2,4 м. Она углублена ниже уровня материка на 1,2 м. Вдоль северной и западной стен полуzemлянки, на высоте 0,5 м от пола, сделана ступень шириной 0,2 м (рис. 3, 6). Обычно такие ступени называют лежанками, но в данном случае в этом качестве она использоваться не могла из-за незначительной ширины.

В полу полуzemлянки выкопана колоколовидная в разрезе хоз. яма № 21. По периметру устья ямы имеется углубление диаметром 0,9, глубиной 0,2 м. Вероятно, в древности в это углубление укладывалась крышка (рис. 3, 6).

Полуземлянки, в том числе круглые в плане, неотъемлемый элемент позднескифской культуры. Они известны практически на всех крымских позднескифских поселениях (см. например: Высотская, 1979, с. 83, рис. 28); Кутайсов, 1990, с. 113—115, рис. 59—61; Храпунов, 1991, с. 27). Отличие полуzemлянки, раскопанной на Золотом Ярме, состоит в отсутствии остатков каменных конструкций, которые обычно использовались при строительстве аналогичных сооружений. Особенно часто камнями укрепляли так называемую лежанку.

В раскопе «Б» открыто 26 хозяйственных ям. Все они обнаружены на уровне материка. Размеры их различны, диаметр на уровне материка — 0,8—2,0 м, сохранившаяся глубина 0,3—1,6 м. В большинстве случаев ямы расширяются ко дну, некоторые в разрезе имеют колоколовидные очертания (рис. 3, 2—8). Заполнены ямы землей, часто золистой. В заполнении встречались камни, иногда образующие сплошные завалы.

Поселение Золотое Ярмо, по существу, однослойно, так как верхний слой темной земли накопился в результате его разрушения. По поводу относительной хронологии раскопанных объектов можно отметить лишь то, что хоз. ямы №№ 22, 23, 25, 26 засыпаны землей и перестали функционировать до того, как была сооружена каменная постройка. К сожалению, эти ямы не содержали выразительных материалов.

Поэтому мы считаем возможным суммарно охарактеризовать находки, полученные в результате раскопок культурного слоя и хозяйственных ям.

Амфоры

В отличие от большинства позднескифских поселений на Золотом Ярме находки фрагментов амфор крайне немного-

численны и, по большей части, измельчены. Опишем наиболее выразительные экземпляры.

1) Самый древний из амфорных фрагментов — это валикообразная ножка херсонесской амфоры (рис. 4, 9) второго типа по С. Ю. Монахову (Монахов, 1989, с. 72, 128, табл. XXIV — 19). Амфоры с такими ножками господствуют с серединой III в. до н. э. в производстве Херсонеса и встречаются на многих позднескифских поселениях, например на Булганакском городище в напластованиях II в. до н. э. (Храпунов, 1991, с. 197, рис. 15, 7, 9) и в эллинистических слоях Неаполя скифского (Дашевская 1991, с. 84, табл. 28).

2) Фрагменты амфор с двустольными ручками (рис. 4, 5). Однотипные сосуды широко распространены практически на всех поселениях Северного Причерноморья, существовавших на рубеже новой эры. Обычно, амфоры с двустольными ручками датируются I в. до н. э.—I в. н. э. возможно началом II в. н. э. (Зеест, 1960, с. 158—162, табл. XVII, 61, 62, Вязьмитина, 1962, с. 158—162, Внуков 1988, с. 198—202). Однако, фрагменты таких сосудов найдены в Керкинитиде на полах позднескифских землянок, разрушенных, вероятно, во время Диоантовых войн (Кутайсов, 1990, с. 30—31). Таким образом, дата появления амфор с двустольными ручками должна быть удлинена по крайней мере до конца II в. до н. э. Форма этих амфор не была стабильной, но фрагменты, найденные на Золотом Ярме, слишком незначительны для того, чтобы их можно было отнести к определенному варианту.

3) Две ножки (рис. 4, 10, 11) и ручка (рис. 4, 3) от узкогорлых светлоглиняных амфор. Они принадлежат к типам «В» или «С» по Д. Б. Шелову и датируются в пределах второй трети I — конца II вв. н. э. (Шелов, 1978, с. 18). Фрагменты амфор этих типов находят при раскопках практически всех позднескифских памятников в центральном и юго-западном Крыму (Высотская 1979, рис. 94, 3; Высотская 1972, рис. 34, 24; Храпунов 1991, рис. 16, 12, 13).

4) Наиболее поздним из светлоглиняных фрагментов амфор является венчик, постепенно утолщающийся кверху. Верхний край его имеет небольшую выемку по окружности, спаружи по горлу шли две параллельные врезные линии (рис. 4, 7). Данный фрагмент близок к типу амфор с желобчатыми венцами (Зеест, 1960, с. 114, табл. XXXIII, 80). Эти амфоры бытовали практически во всем Причерноморье, датируются они II—III вв. н. э. Интересно, что в целом виде они не найдены, но их фрагменты известны в Ольвии, Тире,

Истрии, Анатолии Иллирийской, на Боспоре (Бураков, 1976, с. 72—73, табл. III, 8а). Обнаружены они и на Усть-Альминском позднескифском городище (Высотская, 1972, с. 130, рис. 37, 10). Судя по составу глины и широкому распространению (вплоть до Афин), эти амфоры производились не в Северном Причерноморье, а экспорттировались из района Западного Понта или одного из Балканских центров (Малюкович, 1991, с. 73—75, рис. 2, 10).

5) Из красноглиняных амфор, найденных при раскопках на Золотом Ярме, наиболее древним является фрагмент горла с округлым нависающим венчиком и местом прилена ручки (рис. 4, 2). Обломок подобной амфоры был обнаружен при раскопках городища Кермен-Кыр в слоях I в. до н. э.—I в. н. э. (Пуздовский, 1989, с. 137—139, рис. 3, 31).

6) Фрагмент ручки красноглиняной амфоры, профицированной по наружной стороне пятью бороздками и имеющей на тыльной стороне небольшое продольное углубление (рис. 4, 4). Вероятно, он принадлежал амфоре так называемого «мирмекийского» типа. Данный тип амфор датируется II—III вв. н. э. и распространен практически на всем Боспоре (Зеест, 1960, с. 112, табл. XXX, 72), а также в Херсонесе, Ольвии, Тире и на некоторых позднескифских городищах Крыма, в частности на Неаполе (Карасев, 1951, с. 161) и Альма-Кермене (Высотская, 1972, с. 125, рис. 34, 24).

7) Фрагмент амфорной ручки темнокрасной глины имеет снизу продольную бороздку (рис. 4, 6). Амфоры с аналогичными ручками были распространены на Боспоре во II—III вв. н. э. (Зеест, 1960, с. 113, табл. XXXII, 76). Ручки данного типа встречены при раскопках поселения на о. Березань в слоях II—III вв. н. э. (Ксенофонты, с. 138, 140, табл. III, 15, 17).

8) Ножка красноглиняной амфоры оканчивается шишечкой (рис. 4, 8). Аналогичные ей фрагменты встречены на городище Заячье в слое II—III вв., н. э. (Высотская, 1972, с. 131—132, рис. 38, 49), а также на Альма-Кермене (Высотская, 1972, с. 125, рис. 34, 25).

9) Другая ножка ярко оранжевой глины со светлым ангобом подконической формы (рис. 4, 12). Возможно, этот фрагмент принадлежал амфоре аналогичной находке из Козырского городища, датируемой II—III вв. н. э. (Бураков 1976, с. 69—70, табл. II, 14).

10) Верхняя часть амфоры из коричневой глины (рис. 4, 1). Коричневоглиняные амфоры регулярно встречаются при раскопках многих причерноморских центров, в том числе

позднескифских (Внуков, Цецхладзе, 1991; Дащевская, 1991, с. 19, 20; Храпунов, 1991, рис. 17, 1—6). Оптикопетрографический анализ глины позволил надежно локализовать место их производства в Колхиде (Внуков, 1992, с. 75). Публикуемый экземпляр имеет на горле ребро, что позволяет отнести его к первому типу сосудов, выделенному Б. Ю. Михлинным (Михлин, 1974, с. 61, 62, рис. 1—2). Сосуды этого типа датируются, обычно, весьма широко — первыми веками нашей эры (Цецхладзе, 1992, с. 103). Среди относительно хорошо датированных коричневоглиняных амфор наиболее близки фрагменту из Золотого Ярма (насколько можно судить по верхней части сосуда) находки из слоя I в. н. э. Южно-Донузлавского городища (Михлин, 1974, рис. 2, 2), слоя середины III в. н. э. в Горгиппии (Кругликова, 1966, с. 150) и могилы с монетой 275—276 гг. н. э. из Уреки (Грузия) (Левинадзе, 1975, с. 194, рис. 1; Бажан, Щукин, 1990, с. 91, рис. 2, 3)¹.

Гончарная керамика

Столовых, изготовленных с помощью гончарного круга, сосудов, как и амфор, обнаружено совсем немного. Ниже опишем наиболее выразительные экземпляры.

1) Самая ранняя находка — фрагмент «мегарской» чаши (рис. 5, 5). Сосуд имел сравнительно тонкие стенки и, вероятно, слегка наклоненный внутрь край (точная реконструкция затруднена, из-за небольших размеров обломка). Орнамент выполнен в невысоком рельефе и представляет собой расположенный под венчиком горизонтальный ряд цветков с восемью лепестками. Эти признаки позволяют отнести сосуд к изделиям Делосского круга (Лосева, 1962, с. 197). По аналогичной схеме орнаментированы чаши найденные в Пантике (Античные государства... 1984, табл. CIXIII, 13, 16). «Мегарские» чаши были распространены в конце III—II вв. до н. э. во всех античных поселениях. Обнаружены они и на наиболее ранних позднескифских городищах Неаполь (Высотская, 1979, с. 136, рис. 61) и Булганак (Храпунов, 1991, рис. 24, 1—9).

2) Фрагменты краснолакового кубка (рис. 5, 2). Вертикальные стенки украшены барботиновым орнаментом, судя по аналогиям, представлявшим собой изображение венка. Кубки с барботиновым орнаментом бытуют в I в. до н. э.—

I в. н. э. и происходят из малоазийских центров (Кадеев, Сорочан, 1989, с. 19). Аналогичные по форме и орнаментации сосуды найдены в античных поселениях Северного Причерноморья: Ольвии (Античные государства... 1984, табл. CXIVII, 2), Херсонесе (Кадеев, Сорочан, 1989, с. 20, рис. 82), Тиритаке (Книпович, 1952, с. 310—311, рис. 9, 4), Козырке (Бураков, 1976, с. 107, табл. XI, 16, 17) и Булганакском позднескифском городище (Храпунов, 1991, рис. 25, 10, 13).

3) Краснолаковый кувшин без горла (рис. 5, 4). Он имеет шарообразное тулово, низкий кольцевой поддон и слабопрофилированную ручку. Из-за того, что сосуд сохранился не полностью, невозможно определить был он одноручным или двуручным. Аналогичные одноручные кувшины относятся к типу, широко распространенному в позднескифских и позднеримских могильниках Юго-Западного Крыма: Скалистое III (Богданова, 1989, с. 26, табл. III, тип III, VI), Усть-Альминский, Чернореченский и Инкерманский (Высотская 1972, с. 121, рис. 32, 10—13). Известны экземпляры из некрополя Неаполя (Пуздровский, 1992, с. 187, рис. 4, 3), Херсонеса (Кадеев, 1970, рис. 12, 2; Зубарь, 1982, рис. 46, 1, 5) и Боспорских городов (Гайдукевич, 1959, с. 221, рис. 90, 2). Датировка погребений определяет хронологические рамки бытования этих кувшинов I—III вв. н. э. Подобные сосуды найдены в слое III в. н. э. на Козырском городище (Бураков, 1976, с. 99, табл. IX, 26). Близкие по форме двуручные кувшины встречены в Неапольском могильнике (Сымонович, 1983, с. 126, табл. VII, 8), некрополе Херсонеса (Зубарь, 1982, с. 44, рис. 15, 6) и некоторых могильниках Юго-Западного Крыма (Высотская, 1972, с. 121, рис. 32, 14—16).

4) Фрагмент верхней части краснолакового горшка с петлевидной ручкой (рис. 5, 7). Широкое горло окаймлено вертикальным венчиком. У основания венчика сосуд опоясан желобком. Он плавно расширяется книзу, достигая максимальной ширины в нижней трети высоты, далее стенки округлы и сужаются ко дну. Судя по известным экземплярам близких форм, горшок имел кольцевой поддон, он мог быть одно- или двуручным. В месте максимального расширения горшок орнаментирован рядом вертикальных насечек. Фрагмент аналогичного по форме и орнаментации сосуда обнаружен в слое I—II вв. н. э. на Козырском городище (Бураков, 1976, с. 110, табл. X, 2). Двумя рядами насечек украшен горшок из некрополя Кобякова городища (Косяненко, 1980, с. 222, рис. 2, 2). Публикуемый сосуд соответствует типам 16 (M) и 21 (T) краснолаковой керамики из Мирмекия и Тиритаки (Книпович, 1952, с. 317), экземплярам из Кызыальского некрополя

¹ В двух последних случаях качество рисунков в публикациях таково, что некоторые важные детали амфор не видны.

(Гайдукевич, 1959, рис. 61), некрополя Танаиса (Арсеньева, 1977, табл. XXV, 3; Шелов 1961, с. 42, 69, табл. XXIX, 5) и Херсонеса (Зубарь, Шевченко, Липавский, 1989, с. 35—48, рис. 6, 18, 19). Все перечисленные сосуды датируются I—II вв. н. э. и происходят из малоазийских (Пергам?) центров (Кадеев, Сорочан 1989, с. 32).

5—6) Две однотипные краснолаковые чашки с тонкими округлыми стенками и с загнутым внутрь краем. Они довольно высокие, соотношение высоты к наибольшему диаметру 1:2. Именно пропорции позволяют нам, вслед за В. И. Кадеевым (Кадеев, 1970, с. 93), называть эти сосуды чашками, а не мисками. Первая чашка имеет очень низкий, с плоским основанием, кольцевой поддон (рис. 5, 3). Такая деталь соответствует наиболее ранним образцам аналогичной посуды, которая в Илурате (тип 9) (Сирантьева 1958, с. 287, рис. 4, 1) и на острове Березань (тип 2) (Ксенофонто娃 с. 139, табл. VI, 1, 2) датируются I в. н. э. Днище чашки выгнуто таким образом, что его внешняя поверхность выступает ниже подона. Таким образом, положение сосуда не могло быть устойчивым. Вероятно, мы имеем дело с производственным браком. Аналогичные сосуды найдены в разных Северопричерноморских центрах, различаются профилировкой дна. Чашки с выгнутым дном встречены в Неапольском могильнике (Сымонович, 1983, с. 127—128, табл. VIII, 12, 16, 18, табл. IX, 13; Пуздовский, 1992, с. 187, рис. 4, 2) Южно-Донузлавском городище (Степи Европейской части... 1989, с. 363, табл. 58, 22), некрополе Золотое (Корпусова, 1983, с. 132, табл. XX, 12). Чашки с горизонтальным дном происходят из могильников Неаполя (Сымонович, 1983, с. 127, табл. VIII, 9) и Скалистое III (Богданова, Гущина, Лобода, 1976, с. 130, рис. 6, 5).

Вторая чашка имеет более высокую кольцеобразную подставку и горизонтальное днище (рис. 5, 1). Ее стенки менее округлы, что является признаком, характерным для керамики конца I—II вв. н. э. (Сирантьева, 1958, с. 293). Аналогичные краснолаковые сосуды происходят из некрополей Кобякова городища (Косяненко, 1980, с. 219, рис. 1, 1), Херсонеса (Зубарь, 1982, с. 66, рис. 40, 1—3), Неапольского могильника (Сымонович, 1983, с. 128, табл. IX, 1, 6, 7). Чашка соответствует типам 14 (М) и 13 (Т) краснолаковой керамики из Мирмекия и Тиритаки (Книпович, 1952, с. 303, рис. 3, 6; с. 315, рис. 11, 3, 4), типу 3 из Михайловского поселения (Петрс, 1976, с. 89, рис. 6).

7) Небольшое краснолаковое блюдо с сужающимися ко дну стенками и с округлым загнутым внутрь краем (рис. 5,

10). Низкий кольцевой поддон имеет плоское основание и косую грань с внешней стороны. На внешней стороне дна сохранилось граффити в виде двух букв АВ. Средняя гасти альфы скошена. Три идентичных блюда III в. н. э. происходят из раскопок Илурата. Л. Ф. Сирантьевой не удалось найти точных аналогий этим сосудам, поэтому она предположила, что они представляют собой позднейшее развитие низких блюд раннепергамского круга (Сирантьева, 1958, с. 301, рис. 15, 1), которые Г. Робинсон датировал I в. н. э. (Robinson, 1959, p. 11, plate 60, P1—P3), блюдо близкой формы, но с менее загнутым верхним краем, найдено в Чаталке (Болгария) (Кобакчиева, 1983, с. 2, рис. 2 б). Датирован этот сосуд весьма широко II—IV вв. н. э.

8) Краснолаковая миска, с вертикальным бортиком под тупым углом, соединяющимися с округлыми стенками, которые плавно сужаются ко дну (рис. 5, 9). По верхнему краю бортик имеет валик более четко выраженный с наружной стороны и уплощенный с внутренней. Край, таким образом, в разрезе приближается к форме горизонтального Т-образного венчика, имеющегося на сосудах Козырского городища (Бураков, 1976, с. 94, табл. IX, I). Толщина окружной стенки от перегиба до излома заметно увеличивается, достигая 8 мм, что дает возможность предположить наличие массивного поддона. Точные аналогии данному экземпляру нам не известны. Однако, имеется ряд сосудов близкой формы, отличающихся лишь профилировкой венчиков и равномерной толщиной стенок, они найдены в могильнике Скалистое III, который датируется I—III вв. н. э. (Богданова, Гущина, Лобода 1976, с. 129, рис. 5, 59; с. 131, рис. 7, 117).

9) Весьма своеобразна гончарная миска на сплошном поддоне (рис. 5, 6). Верхний край слегка загнут внутрь, стенки выпуклые в верхней части, резко сужаются ко дну. Прямых аналогий этому сосуду найти не удалось. Небольшой высотой отличается близкая по форме гончарная миска из погребения I—II вв. н. э. Неапольского могильника (Сымонович, 1983, с. 128, табл. IX, 9). Аналогичная миска из могильника Скалистое III имеет кольцевой поддон (Богданова, Гущина, Лобода 1976, с. 128, рис. 4, 57).

10) На дне гончарного сосуда сохранилось небрежно процарапанное граффити в виде креста (рис. 5, 8). Подобные перекрестья часто встречаются на амфорах, чернолаковой и краснолаковой керамике (Соломонник, 1984, с. 19; Бураков, 1976, с. 77, табл. IV, 18, 19; Храпунов, 1991, с. 200, рис. 18, 4, 8, 12).

Лепная керамика

Фрагменты лепных сосудов составляют основное содержание культурного слоя поселения. Основой для их классификации послужила форма (чаще всего реконструируемая), а также наличие ручек. Орнаментированные фрагменты, из-за их небольших размеров не позволяющие восстановить целые формы, пришлось рассматривать отдельно.

Тип 1. Горшок с покатыми плечиками, четко выраженным горлом и отогнутым наружу венчиком. Степень отгиба венчика у горшков этого типа варьируется, также как варьируется и вид кривой профиля, образованного отогнутым краем и частью плеча сосуда. Данное обстоятельство позволяет выделить в составе типа два варианта А и В.

Вариант А. С плавно отогнутым венчиком, дуговидно изогнутой шейкой (рис. 6, 8; 7, 7). Судя по сохранившемуся профилю одного из горшков (рис. 6, 8), можно предположить, что он имел максимальное расширение в средней части туловища.

Вариант В. С круто отогнутым венчиком, более резким отгибом дуги шейки и, возможно, биконическим туловом (рис. 6, 9).

У одного из горшков варианта А (рис. 7, 7) венчик имел орнаментацию в виде косых насечек по наружному краю. Идентичный по форме и орнаментации фрагмент горшка известен на Неаполе в слое III—II вв. до н. э. (Дашевская, 1991, табл. 10, 8).

Аналогии горшкам описываемого типа широко представлены на позднескифских памятниках Крыма: в III—II вв. до н. э. такие горшки бытовали в Неаполе, в это же время, а также в I в. н. э.—на Южно-Донузлавском городище, на Кермен-Кыре они датируются I в. до н. э.—I в. н. э. (Дашевская, 1991, с. 15, табл. 10, 19; с. 16, табл. 12, I; с. 17, табл. 17, 7; с. 18, табл. 18, 3). На западном селище Кермен-Кыра сосуды обоих вариантов датируются I в. до н. э. (Пуздовский, 1989, с. 139, рис. 4, 2, 3). Прямой аналог горшку варианта В встречен и среди керамики зарубинецкой культуры в одном из погребений, датируемом второй половиной II—40-ми гг. I вв. до н. э. (Кубышев, Скиба, 1989, с. 88, 91, рис. 4, 37). Аналогичные сосуды представлены и в местной керамике Танаиса II—III вв. н. э. (Погребова, 1958, с. 204).

Ареал горшков с дуговидной шейкой, но с округло выгнутыми, а не покатыми плечами и наибольшим расширением туловища в верхней, реже—в средней части, огромен. В VI—I вв. до н. э. он охватывал степные и лесостепные районы Се-

верного Причерноморья (Марченко, 1988, с. 75—76). Непрерывная линия развития сходной керамики прослеживается с сабатиновского этапа эпохи поздней бронзы (Марченко, 1988, с. 77; Гаврилюк, 1989, с. 49). Наличие этих сосудов в керамических комплексах Северного Причерноморья отражает, по мнению некоторых исследователей, вклад аборигенного населения в материальную культуру Скифии (Гаврилюк, 1989, с. 49). Наиболее близкие, даже тождественные позднескифским, формы такой посуды обнаруживаются в IV в. до н. э. на Каменском городище (Граков, 1954, табл. II, 1, 2; III, 1—3). В это же время появляются и различные варианты горшков описываемого типа, среди которых наиболее часто встречаются сосуды с максимальным расширением туловища не в верхней, а в средней части (Гаврилюк, 1989, с. 47). Они известны не только в материалах Поднестровья, Побужья и Поднепровья (Марченко, 1988, с. 77), но и в Елизаветовском городище на Дону (Гаврилюк, 1989, с. 47, 49, рис. 11, 18, 19). Во II—I вв. до н. э. у поздних скифов Нижнего Днепра горшки с отогнутым венчиком, дуговидной шейкой, выпуклыми плечами и плоскодонным, раздутым в верхней или средней части туловом, являлись основным типом посуды. Однако, как отмечает Н. Н. Погребова, к рубежу эр в форме скифских горшков наметилась тенденция к круто падающим покатым плечикам и удлинению пропорций, бока становятся почти отвесными с максимальным раздутием туловища в нижней части сосуда (Погребова, 1958, с. 141, 204, рис. 12, 1, 2, 3, 7). Вероятно, из основного типа горшка произошло выделение еще одного варианта. Примечательно, что все известные горшки типа I из Золотого Ярма также принадлежали этому варианту, хотя на крымских памятниках поздних скифов широко представлены и более ранние формы сосудов (с выпуклыми плечиками) (Дашевская, 1991, табл. 10, 3, 22; 14, 16, 20; 17, 4; 24, 7; 25, 16).

К сказанному можно лишь добавить, что, по всей вероятности, начало выделения варианта с покатыми плечиками можно отнести к IV в. до н. э., так как фрагменты сосудов этого времени, практически тождественные золотоярминским, найдены на городищах Каменское (Граков, 1954, табл. III, 2, 4; IV, 2). Елизаветовское и Варваровка (Гаврилюк, 1989, рис. 11, 18—21).

Тип 2. Небольшой горшочек со слабо отогнутым скругленным венчиком, высокой шейкой и шарообразно раздутым туловом (рис. 7, 11). Идентичный по форме и размерам, тоже нелошеный горшочек обнаружен на Неаполе в слое первых вв. н. э. (Высотская, 1979, с. 107, рис. 39, 2).

Тип 3. Горшочек средних размеров со слабо отогнутым плоско срезанным венчиком, орнаментированным в верхней части косыми насечками, слабо выраженной шейкой, покатыми плечиками и слабо раздутым туловом (рис. 7, 12). Аналогичный по форме фрагмент орнаментированного сосуда найден на Усть-Альминском городище в слое первых вв. н. э. (Высотская, 1972, с. 109, рис. 27, 21). На Кермен-Кыре в слое I в. до н. э.—I в. н. э. обнаружен фрагмент подобного, но не орнаментированного сосуда (Дашевская, 1958, рис. 7, 18).

Тип 4. Коричневолощеный большой горшок с незначительно отогнутым плоско срезанным венчиком, низким горлом и раздутыми плечиками, на которых располагался дуговидный прямоугольный в сечении налеп-ручка (рис. 7, 17). Судя по находке аналогичного по форме, но меньшего по размерам горшка на Неаполе в слое II—III вв. н. э. (Дашевская, 1991, с. 16, табл. 14, 13), тулоу у него было шаровидной формы.

Тип 5. Нижняя часть сосуда с перегибом в средней части и с резко сужающимися ко дну стенками, вероятнее всего принадлежала к типу горшков-корчаг (рис. 6, 10). Это большие сосуды, имевшие широкое и низкое горло, слабо отогнутый венчик и выпуклые плечики. Они получают распространение в первые вв. н. э., хотя в незначительном количестве бытовали и в предыдущий период (Высотская, 1979, с. 107, рис. 39, 10). Подобные сосуды известны на Боспоре (Кастаян, 1981, с. 71, табл. XIX, 10), в Неаполе (Дашевская, 1991, с. 16, табл. 14, 20, 21), на западном селище и на поселении под северо-восточным склоном городища Кермен-Кыр (Пуздовский, 1989, с. 139, рис. 4, 1; 5, 2) и на скифских городищах Юго-Западного Крыма (Высотская, 1972, с. 104, рис. 26, 1—12, с. 109, рис. 27, 1—6, 9). Считается, что подобные горшки служили для хранения припасов, а на Неаполе известен случай использования корчаги для погребения младенца (Дашевская, 1991, с. 16).

Тип 6. Верхняя часть горшка, покрытого изнутри красной обмазкой, с почти вертикальными стенками тулоу, незначительно расширяющимися в нижней части, с низкой шейкой, широким горлом и отогнутым наружу венчиком (рис. 6, 5). Аналогий данному сосуду проследить не удалось. Лишь среди неапольских горшков эпохи эллинизма и рубежа эр есть фрагменты верхних частей, которые по изгибу венчика отдаленно напоминают золотоярминский (Высотская, 1979, с. 100, рис. 34, 5; с. 102, рис. 36, 3, 9).

Тип 7. Горшок с резко отогнутым, плоско срезанным венчиком, низкой шейкой, слабо выраженными плечиками и ту-

ловом, максимально расширенным в средней части и постепенно сужающимся к плоскому дну (рис. 6, 4). Аналогии описываемому горшку широко представлены на памятниках различных регионов Крыма на протяжении всего позднескифского времени (Дашевская, 1991, табл. 1, 2, 4; 14, 9; 17, 8; 20, 25; с. 30, табл. 50, 9, Храпунов, 1991, рис. 19, 9).

Тип 8. Одноручный лощеный горшок с незначительно отогнутым скругленным венчиком, широким и низким горлом, плавно соединяющимся с корпусом, максимально расширяющимися в средней части, и вытянутой нижней половиной тулоу (рис. 6, 1). Вертикальная кольцевидно изогнутая ручка незначительно возвышается над венчиком. Верхним концом она прикреплена к венчику, а нижним — к верхней, наиболее широкой половине тулоу. В поперечном сечении стебель ручки уплощенный, с центральным продольным желобком с внутренней стороны. Подобные сосуды бытуют с III—II вв. до н. э. по II—III вв. н. э. во всех регионах Крыма (Дашевская, 1991, табл. 11, 5, 6; 12, 8, 9; 15, 1; 17, 6; 20, 20, 21). Отличия состоят в форме ручек, их профилировке и расположении верхней части ручек относительно венчика. Возвышение ручки над венчиком более характерно для горшков III—II вв. до н. э. и рубежа эр (Дашевская, 1991, табл. 17, 6; 12, 8, 9; 20, 20, 21). На Боспоре одноручные горшки, подобные описываемому, появляются лишь с конца I в. до н. э. (Кастаян, 1981, с. 44). Горшки, очень близкие по форме известны и в зарубинецкой культуре в погребениях II — начала I вв. до н. э. и I в. до н. э.—I в. н. э. (Максимов, 1982, с. 63—64, табл. XIII, 19; с. 119, табл. XXIV, 5).

Тип 9. Крупный одноручный лощеный сосуд типа корчаги или кувшина, имевший средней высоты незначительно расширяющееся к верху горло, плавно переходящее к резко расширяющимся плечикам, сферическим корпусом, максимально расширенным в средней части и вытянутой нижней половиной, сужающейся к плоскому дну. Ручка, подквадратная в сечении, верхним концом крепилась к месту перехода стенок от плечиков к горлу, а нижним — к верхней части тулоу сосуда (рис. 6, 2). Наиболее близкой аналогией является кувшин из слоя I в. до н. э.—I в. н. э. на городище Кермен-Кыр (Дашевская, 1991, табл. 12, 14). У сравниваемых сосудов идентичные по форме горло и нижняя часть, оба они лощенные. Отличие состоит в том, что сосуд из Кермен-Кыра имеет не раздутую, а вытянутую форму тулоу, а также ручку другой формы.

Тип 10. Верхняя часть лощеного сосуда с резко отогнутым скругленным венчиком, низкой шейкой и прямыми, слег-

ка расширяющимися к низу стенками. Ручка — округло-квадратная в сечении, с неглубоким желобком, расположенным в правой части наружной стороны. Верхним концом она прикреплялась несколько ниже места отгиба венчика (рис. 7, 16). Судя по размеру, диаметру венчика, а также по профилю стенок с верхним прилепом, описываемый сосуд имел сходную форму с лощеным, небольшим узкогорлым кувшином с биконическим туловом, найденным на Неаполе в слое I в. до н. э.—I в. н. э. (Дашевская, 1991, с. 16, табл. 12, 15).

Фрагменты сосудов с ручками. Часть обломков с вертикальными кольцевидно изогнутыми ручками не дает представления о форме сосудов.

Фрагмент стенки простого сосуда с ручкой, овальной в сечении и с центральным продольным желобком на внешней стороне. Верхним концом она крепилась к основанию плечиков (рис. 6, 3). Практически идентичный фрагмент простого лепного горшка с ручкой, по которому был реконструирован весь сосуд, найден на городище Альма-Кермен. Датируется он II—III вв. н. э. (Высотская, 1972, рис. 26, 28).

Другой фрагмент стенки и верхнего прилела ручки, от которой отходили рельефные валики, принадлежал лощеному сосуду. Ручка, овальная в сечении, на верхней стороне имела продольный желобок по центру, а от боковых сторон верхнего конца ручки расходятся по стенкам налепы, концы которых плавно опускаются вниз (рис. 6, 7). Прямых аналогий данному фрагменту найти не удалось. Однако, известны экземпляры близкие к описываемому по способу крепления к стенкам сосуда раздвоенных концов ручки, образовывавших волюты. На Булганакском городище найдена верхняя часть чернолощеного кувшина, украшенного налепами в виде подковы с волютообразными концами. Налепы отходят от боковых сторон нижнего конца ручки (Храпунов, 1991, рис. 21, 5). Кувшин с биконическим туловом и раздвоенным у основания нижним концом ручки найден на Тарпанчи II—III вв. н. э. (Дашевская, 1991, с. 18, табл. 24, 12). На Неаполе, в слое этого же времени есть находка квадратной в сечении ручки, концы которой раздваиваются, образуя волюты также, как и на кувшине из Тарпанчи (Дашевская, 1991, табл. 15, 6). Кувшин с ручкой, от верхнего и нижнего концов которой отходят по стенкам налепы, кольцевидно загнутые вверх, обнаружен среди местной керамики Илурата первых веков нашей эры (Кастанаян 1981, с. 97, табл. XXXIX, 5). Такие же отростки, идущие от ручек кувшинов, есть на сарматских сосудах Кубани и Северного Кавказа первых веков нашей эры (Кастанаян, 1981, с. 97). Среди фрагментов с

кольцевидно изогнутыми ручками опишем обломок профилированной ручки, имеющей с одной стороны продольное ребро, а с противоположной — продольный желоб по центру (рис. 7, 18). Обломок стенки сосуда с частью верхнего конца ручки аналогичной профилировки, известен на Неаполе среди находок «местной гончарной посуды» первых веков нашей эры (Высотская, 1979, с. 113, рис. 46, 2).

При раскопках Золотого Ярма были сделаны находки двух керамических предметов оригинальных форм. Фрагмент нижней части миниатюрного сосуда на низком кольцевом поддоне (рис. 7, 14). Аналогий ему подыскать не удалось, но поддоны имели многие светильники или курильницы, найденные на позднескифских поселениях, однако, у них, обычно, более высокая ножка (Дашевская, 1991, табл. 1, 2, 10; 25, 7, 12; 46, 1; 47, 1). Воронковидная подложенная крышка (рис. 7, 15) также не имеет аналогий. Однако крышки разнообразных форм, появляясь у скифов в IV в. до н. э., бытуют все позднескифское время (Высотская, 1979, рис. 44, 1—7; Дашевская, 1991, табл. 14, 1, 2).

Фрагменты орнаментированных сосудов. Два обломка, орнаментированные расчлененным насечками валиком, не позволяют получить представление о форме посуды. Один фрагмент принадлежит лощеному сосуду с рельефным, треугольным в сечении расчлененным насечками валиком, который, судя по профилю стенок, находился в средней части туловы (рис. 7, 2). Тождественные по профилировке стенок и орнаментации фрагменты известны на Неаполе в слое III—II вв. до н. э. (Дашевская, 1991, с. 15, табл. 10, 13) и на городище «Млынок», которое расположено в лесостепном Правобережье Киевщины и датируется VI—V вв. до н. э. (Бессонова, Скорый, 1987, с. 37, рис. 3, 5). Другой фрагмент принадлежал коричневолощеному сосуду, у которого треугольный в сечении расчлененный насечками валик располагался на плечиках (рис. 7, 4). Причем, валик располагался не строго горизонтально стенкам сосуда, а имел незначительный уклон книзу. Аналогий данному фрагменту может служить сосуд из Ольвии, датируемый второй половиной IV — второй половиной — концом III вв. до н. э. (Марченко, 1988, с. 87, рис. 17, 2, тип 5, вариант А). Как отмечает К. К. Марченко, ольвийские сосуды типа 5, аналогичны по форме горшкам типа I (его же классификации), то есть наиболее раннему варианту нашего типа 1.

Орнаментация сосудов различных типов насечками по венчику, горлу, а также по рельефным валикам широко применялась в Северном Причерноморье. В Ольвии и Березани

она известна со второй половины VII в. по первую половину I в. до н. э. (Марченко, 1988, с. 75, 76, 79, 87). С VI—V вв. до н. э. и по III—I вв. до н. э. такой орнамент использовался для украшения местной керамики боспорских городов (Кастанаян, 1981, с. 30, 31). В IV в. до н. э. оформление венчика насечками (как у золотоярминского сосуда на рис. 7, 7) являлось наиболее распространенным видом украшения горшков у степных скифов (Гаврилюк, 1989, с. 49). В IV—III вв. до н. э. насечки известны на посуде из скифских курганов Керченского полуострова (Яковенко, 1970, с. 129, рис. 15, 12, 13). Характерна ногтевая (в виде насечек, а не ямок) орнаментация и для сосудов скифских городищ Нижнего Днепра до первых веков нашей эры (Погребова, 1958, с. 134, 207, рис. 15, 17, 41). По мнению О. Д. Дащевской, такая орнаментация в Крыму почти отсутствует (Дашевская, 1958, с. 269). Она отмечает, что этот орнамент, вообще редкий, иногда встречается на Неаполе на венчиках простых горшков (как исключение — на плечиках) только в III—II вв. до н. э., а после II в. до н. э. исчезает (Дашевская, 1991, с. 18). Фрагмент лощеного горшка с насечками по валику, аналогичный золотоярминскому (рис. 7, 2), она относит к разряду уникальных (Дашевская, 1991, с. 15, табл. 10, 13). Со всеми этими заключениями нельзя согласиться, т. к. единичные фрагменты лощеных и простых сосудов с насечками по наружному краю венчика известны на Неаполе I в. до н. э.—I в. н. э. (Высотская 1979, с. 102, рис. 37, 3, 6) и на синхронных памятниках скифов в Северо-Западном Крыму, где такой орнамент обычен не только на горшках, но и на простых мисках (Дашевская, 1991, с. 18, табл. 22, 13). Фрагменты сосудов с насечками по верхнему, плоско срезанному краю венчика из Булганака датируются I в. до н. э. и I в. до н. э.—I в. н. э. (Храпунов, 1991, с. 9, рис. 23, 3; с. 11, 12, рис. 23, 10, 11). Примерно в это же время, а возможно и позднее, сосуды с таким орнаментом бытовали на Золотом Ярме (рис. 7, 2, 4, 7, 12). Наиболее поздний, из известных нам, фрагмент горшка с орнаментом в виде насечек по верхнему плоско срезанному краю венчика, аналогичный фрагменту горшка из Золотого Ярма (рис. 7, 12), происходит из Усть-Альминского городища, где он датируется II—III вв. н. э. (Высотская, 1972, рис. 27, 21).

Таким образом, видно, что прием орнаментации сосудов насечками по наружному, реже — по верхнему краю венчика, а также по рельефным валикам встречается в керамике поздних скифов Крыма на протяжении всего периода их истории.

Фрагменты сосудов с налепным орнаментом. Фрагмент

стенки сосуда с ручкой — упором в виде полуovalного, направленного под углом вверх выступа с лощеной выемкой на верхней плоскости (Рис. 7, 3). Подобные, а также плоские ручки — упоры чаще всего встречаются на больших мисках и крайне редко — на горшках (Кастанаян, 1981, с. 68). Наиболее ранние аналогии описываемому фрагменту у крымских скифов известны на Неаполе в слоях III—II вв. до н. э. (Дашевская, 1991, с. 16, табл. 11, 17). В I в. до н. э.—I в. н. э. ручки такой же формы и тоже на мисках, отмечены у скифов Северо-Западного Крыма (Дашевская, 1991, с. 18, табл. 22, 3—5). В Юго-Западном Крыму подобные типы ручек встречены на глубоких, грубо выделанных мисках с вертикальными стенками I в. до н. э.—I в. н. э. и II—III вв. н. э. (Дашевская, 1991, с. 19, табл. 25, 3, 15, 18). На Боспоре ручки-упоры с выемкой на верхней плоскости иногда находят в слоях, датирующихся III—II вв. до н. э. (Кастанаян, 1981, табл. V, 7), но более характерны они для первых веков нашей эры (Кастанаян, 1981, с. 124, табл. XIV, 7; XVII, 2; XXXVII, 10). Как правило, ручки-упоры располагались ниже края мисок, реже — у самого края линии венчика. Горшки с ручками-упорами известно немного, при этом ручки находились либо выше, либо ниже основания плечиков (Кастанаян, 1981, с. 68).

К следующей группе отнесены фрагменты стенок сосудов, украшенных дугообразными налепами (рис. 7, 5, 6, 13)¹.

На одном из фрагментов концы налепа загнуты вверх (рис. 6, 6). На фрагменте горшка описанного ранее типа 5 дуговидный налеп служил ручкой (рис. 6, 17). Возможно, в качестве ручек использовались налепы и на других сосудах, т. к. судя по профилям некоторых фрагментов и аналогиям, они располагались чаще всего на плечиках. Налепы, в основном, встречаются на горшках и редко на мисках. Наиболее ранние находки сосудов с дугообразными налепами, иногда с вдавлениями и насечками, сделаны на скифских памятниках Северо-Западного Крыма, где они украшали горшки и миски I в. до н. э.—I в. н. э. (Дашевская, 1991, с. 18, табл. 19, 2, 4—6; 22, 9, 18). Примерно этого же времени и сосуды с волютами на Булганаке (Храпунов, 1991, с. 12, 13, 18, рис. 23, 17—19, 29—32). На Неаполе подобные налепы встречены, в большинстве своем, на крупных корчагообразных сосудах II—III вв. н. э. (Высотская, 1979, с. 109, 110, рис. 41, 1, 4, 5), а на городище Кермен-Кыр на миске того же времени (Да-

¹ Судя по аналогиям, некоторые налепы могли иметь валютообразные завершения (Храпунов, 1991, с. 20, рис. 23, 17, 18, 29, 32).

шевская, 1991, с. 17, табл. 16, 18). Крайне редка керамика с дуговидными налепами, судя по опубликованным материалам, в Юго-Западном Крыму: на Усть-Альминском городище встречен лишь один фрагмент сосуда с подковообразным налепом первых веков нашей эры (Высотская, 1972, с. 111, рис. 27, 29).

Ареал сосудов с ручками-упорами в виде налепов, как горизонтальных, так и дуговидных чрезвычайно широк. Такой прием орнаментации известен в кизил-кобинской керамике предгорного и горного Крыма с VIII в. до н. э. (Колотухин, 1990, рис. 3, 12; 5, 1; 6, 6; 10, 1; 13, 9). В Ольвии и Нижнем Побужье налепы применялись в VII—III вв. до н. э., что сближает эту керамику с гето-дакийской, бытующей в Карпато-Дунайском регионе на протяжении всей эпохи раннего железа (Погребова 1958, с. 140), а также с некоторыми зарубинецкими сосудами (Кастанаян, 1981, с. 124). На Елизаветовском городище сосуды с такими ручками получили распространение в V—III вв. до н. э., а на других памятниках Нижнего Подонья — в первых веках нашей эры. На Кубани они известны с эллинистического времени по первые века нашей эры. На Боспоре подобные ручки появляются на сосудах IV—III вв. до н. э., но наибольшее распространение они получили во II—III вв. н. э. (Кастанаян, 1981, с. 64—66, 124). Сосуды с ручками-упорами обычны для скифской керамики Нижнего Поднепровья IV—II вв. до н. э. (Погребова, 1958, с. 213). На Северном Кавказе орнаментированная лепная керамика с налепами бытует в I—II вв. н. э. (Кастанаян, 1981, с. 68). М. И. Вязьмитина считает наличие налепов отличительной особенностью сарматской посуды Северного Причерноморья, а также сосудов зарубинецкой культуры. Размещение налепов, по ее мнению, у сарматской керамики — в верхней части плечиков, а у зарубинецкой — у их основания (Вязьмитина, 1962, с. 128).

Фрагменты, имевшие на стенках сосцевидные (конические) выступы, представлены как лощеными (рис. 7, 1, 9), так и простыми экземплярами (рис. 7, 8, 10). Форму сосудов с коническими выступами достоверно реконструировать невозможно, так как выступы имели сосуды различных типов. Орнаментация такого рода известна на сосудах предскифского и раннескифского времени в Крыму у тавров (Колотухин, 1990, рис. 1, 12; 5, 2; 6, 3; 8, 2; 9, 7; 12, 15; 13, 9, 15; 14, 2—4), а также в лесостепной части Среднего Поднестровья, Побужья, Поднепровья. Керамика из названных лесостепных районов генетически связывается с западно-гальштатской культурной традицией (Мелюкова 1958, с. 15—17; Марченко, 1988,

с. 92). В скифское время конические выступы располагались по плечикам, в средней или нижней части сосудов и были направлены вниз (Мелюкова, 1958, с. 35, 66, 91, рис. 6, 9, 14, 15; 20, 1—4; 30, 11, 13, 18—20). В Ольвии и на Березани самые ранние сосуды, имевшие конические выступы на нижней или в средней, наиболее широкой части туловища, представлена крупными корчагами (тип 8, вариант В по классификации К. К. Марченко) VII—VI вв. до н. э. (Марченко, 1988, с. 91). Судя по профилям орнаментированных подобным образом фрагментов из Золотого Ярма, налепы располагались в тех же частях сосудов, а профиль фрагмента, изображенного на рисунке 7, 9 абсолютно идентичен профилю, опубликованному К. К. Марченко (Марченко, 1988, рис. 22, 5). Отличие состоит лишь в том, что фрагмент из Побужья имел уплощенно-коническую форму. С конца IV в. до н. э. до конца II — первой половины I в. до н. э. в Ольвии бытуют горшки с коническими выступами, причем доля таких сосудов, начиная со времени их появления, постепенно уменьшается по сравнению с общей массой всей лепной керамики (Марченко, 1988, с. 87). С IV в. до н. э. такая посуда появляется в скифских курганах Приднепровья, на поселениях Молдавия (Кастанаян, 1981, с. 124) и Румынии (Марченко, 1988, с. 88). Во II в. до н. э. у поздних скифов Нижнего Поднепровья лощеные корчаги имеют выступы различных форм, в т. ч. и конические (Погребова, 1958, с. 140). У крымских скифов орнаментация посуды коническими выступами встречается редко. Так украшен кувшин из неапольского могильника (Дашевская, 1991, с. 29, табл. 49, 4). Остальные, известные нам сосуды, имели не конические, а полусферические выступы в виде шишечек на небольших горшках из Неаполя и его могильника (Дашевская, 1991, табл. 10, 3, 16; 49, 2), а также из Булганакского городища (Храпунов, 1991, с. 9, рис. 35, 6). Неапольский экземпляр датируется III—II вв. до н. э., Булганакский — рубежом эр. Шишечки иногда сочетались с дуговидными налепами, как на горшках II—III вв. н. э. из Альма-Кермена и Кизил-Кобы (Дашевская, 1991, табл. 27, 11; 14, 16).

Таким образом, наиболее ранние аналогии сосудам с различными формами налепного орнамента известны среди посуды Кафско-Дунайского бассейна, района Восточноевропейской лесостепи, у носителей кизил-кобинской культуры в Крыму и на Нижнем Дону в Елизаветовском городище. В науке утвердилось мнение, что рельефная орнаментация керамики появилась у поздних скифов под воздействием фракийцев (Сапрыйкин, 1986, с. 205). Правда, С. М. Крыкин высказал

сомнение в его обоснованности (Крыкин, 1987, с. 11). Не исключено, что в состав позднескифского керамического комплекса вошли и кизил-кобинские сосуды с рельефной орнаментацией, которую кизил-кобинцы, по мнению В. А. Колотухина, унаследовали от носителей позднесрубной культуры (Колотухин, 1990, с. 83).

Таким образом, орнаментация керамики коническими налепами — это инновация, которая могла быть привнесена в позднескифскую материальную культуру как носителями кизил-кобинской культуры так и северными фракийцами, с которыми скифы контактировали в эллинистическое и римское время. Судя по ареалу и времени появления дуговидных налепов, поздние скифы могли заимствовать этот прием украшения керамики с Боспора.

Изделия из стекла, бронзы, железа, камня, кости и глины

1) Цилиндрическая стеклянная бусина зеленого цвета (рис. 8, 6). Такие бусы наиболее характерны для второй половины I—II вв. н. э. (Алексеева, 1978, с. 67, тип 63).

2) Фибула бронзовая одночленная лучковая подвязная (рис. 8, 4). Она сильно деформирована, поэтому затруднительно классифицировать ее более детально, также как и датировать точнее, чем первыми веками нашей эры (Амбroz, 1966, с. 47—48).

3) Браслет бронзовый с незамкнутыми уплощенными концами, круглый в сечении (рис. 8, 7). Такие браслеты были широко распространены во многих регионах античного мира, в том числе и на позднескифских поселениях, в первые века нашей эры. Их концы часто украшались изображением в виде змейных голов (Сымонович, 1983, табл. XXXIV; Гущина, 1974, с. 42; Высотская, 1972, с. 155; Зубарь, 1982, с. 96—98, рис. 62).

4) Браслет бронзовый с незамкнутыми концами, круглый в сечении (рис. 8, 5). Подобные простейшие браслеты известны во многих культурах, на огромных территориях и в разное время.

5) Гвозди железные. Один небольшой (рис. 8, 3) и два крупных (рис. 8, 1, 2) экземпляра. Последние найдены в развале каменного дома и, вероятно, использовались для скрепления строительных конструкций. Там же обнаружен фрагмент еще одного железного предмета, возможно, костиля (рис. 8, 8), также применявшегося при строительстве.

6) Оселки каменные подпрямоугольные в сечении с отвер-

стиями для подвешивания (рис. 8, 9, 10). Они подобны многим, найденным на позднескифских памятниках (Дашевская, 1991, табл. 7, 14; Сымонович, 1983, табл. XXII; Храпунов, 1991, рис. 32, 15—20).

7) Терочник каменный овальный в плане и в сечении с плоскими верхней и нижней поверхностями (рис. 8, 12). Такие и иных форм терочники широко представлены на памятниках Нижнего Поднепровья и Крыма. Они бытовали в течение всего позднескифского времени и служили для ручного растирания зерна на нижней плите зернотерки (Граков, 1954, с. 143; Погребова, 1958, с. 154, 224; Вязьмитина, 1962, с. 114; Дашевская, 1991, с. 12; Храпунов, 1991, рис. 32, 6—12).

8) Нижняя плита зернотерки со сложенной и углубленной от длительного использования центральной частью рабочей поверхности (рис. 8, 17).

9) Фрагмент верхнего четырехугольного жернова-толкача эллинистического типа (рис. 8, 18).

Жернова с городищ Знаменское и Золотая Балка на Нижнем Днепре, а также их фрагменты с городищ Заячье и Усть-Альминское в Крыму имеют правильную геометрическую форму и высокое качество обработки поверхностей (Граков, 1954, рис. 15, 2; Марченко, 1988, рис. 22, 1; Высотская, 1972, рис. 50, 2—4). В Неаполе и на Булганакском городище известны жернова такого же типа, но аморфных очертаний, выполненные в грубой, «варварской» манере (Высотская, 1972, рис. 50, 1; Храпунов, 1991, рис. 60, 61). К таким жерновам относится и золотоярминский фрагмент.

Б. Н. Граков считал найденные на Знаменском и Золотобалковском городищах прямоугольные жернова-толкачи продукции местного производства по ольвийским образцам. Боспорские жернова несколько отличались размерами и пропорциями (Граков, 1954, с. 143), а пазы для рычага у них располагались на длинной, а не на короткой, как на ольвийских, стороне (Зеест, 1950, с. 99, рис. 44). Находки так называемых «боспорских» жерновов у скифов нам не известны и, поэтому, вероятно, что они восприняли эти более производительные орудия труда от ольвийских греков. Позже скифы научились изготавливать такие жернова сами. С рубежа нашей эры у скифов появляются и круглые жернова, принцип работы которых основан не на возвратно-поступательном, а на ротационном действии (Вязьмитина, 1962, с. 116; Высотская, 1972, с. 166, рис. 51, 1—4).

10) Грузило глиняное пирамидальное слабообожженное, с отверстием в верхней части (рис. 8, 11). Такие грузила слу-

жили для подвешивания к нитям вертикального ткацкого станка. Они найдены повсеместно на античных и позднескифских памятниках (Гайдукевич, 1952, с. 385—414; Храпунов, 1991, с. 29).

11) Керамических пряслиц найдено три: биконическое (рис. 8, 15), усеченнооконическое (рис. 8, 16) и уплощенноцилиндрическое (рис. 8, 13). Два первых типа хорошо известны с раннескифского времени (Гаврилюк, 1989, с. 85, 86). Еще одно пряслице дисковидной формы было сделано из камня (рис. 8, 14). Такие изделия характерны для восточнокрымских скифских могильников IV в. до н. э. (Бессонова, Бунятии, Гаврилюк, 1988, с. 65). Керамические пряслица перечисленных выше типов обычны для крымских позднескифских поселений (Храпунов, 1991, рис. 28; 29).

Поселение Золотое Ярмо принадлежит позднескифской культуре. В этом убеждает весь круг аналогий, подобранных выше, как для построек, так и для различных категорий изделий, обнаруженных во время раскопок. Фрагменты амфор и краснолаковых сосудов, которые позволяют определить времена существования поселения, относятся к типам, датирующимся I в. до н. э.—I в. н. э., I—II вв. н. э. и II—III вв. н. э. Следовательно, можно быть уверенными в том, что культурный слой накапливался в течение I—II вв. н. э., а возможно и в I в. до н. э. и в III в. н. э.

Наиболее ранние находки позднескифского времени — фрагменты «мегарской» чашки и херсонесской амфоры — датируются III—II вв. до н. э. Они позволяют думать о зарождении жизни на поселении в позднеэллинистическую эпоху, несмотря на отсутствие соответствующего культурного слоя на раскопанных участках.

Особенностью поселения Золотое Ярмо является очень малое количество находок обломков амфор и краснолаковых сосудов, обнаруженных при его раскопках. Обычно при исследовании позднескифских поселений таких находок бывает на порядок больше. Единственное умозрительное предположение для объяснения этого факта заключается в том, что поселение находилось в стороне от торговых путей, связывающих греческие и позднескифские центры.

В комплексе лепной керамики обращает на себя внимание отсутствие форм, которые можно было бы связать с сарматской культурой. Отсутствие лепных сосудов сарматских форм на одном поселении, конечно, не может обесценить общепринятую концепцию о сарматизации позднескифской культуры в первые века нашей эры, но позволяет предполагать многообразие этого процесса в разных регионах Крыма.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья.—М.: Наука, 1978.
- Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР.—М.: Наука, 1966.
- Античные государства Северного Причерноморья.—М.: Наука, 1984.
- Арсеньева Т. М. Некрополь Танаиса.—М.: Наука, 1977.
- Археологические экспедиции ГАИМК и АН СССР в 1919—1956 гг.—М., 1962.
- Бажан И. А., Щукин М. Б. К вопросу о возникновении полихромного стиля клуазонне эпохи великого переселения народов // АСГЭ.—1990.—Вып. 30.
- Бессонова С. С., Бунятии Е. П., Гаврилюк Н. А. Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму.—Киев: Наук. думка, 1988.
- Бессонова С. С., Скорый С. А. Новое городище скифского времени на Киевщине // Скифы Северного Причерноморья.—Киев: Наук. думка, 1987.
- Богданова Н. А. Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное // Археологические исследования на юге Восточной Европы.—М., 1989.
- Богданова Н. А., Гущина И. И., Лобода И. И. Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму (I—III в.) // СА.—1976.—№ 4.
- Бураков А. В. Козырское городище рубежа и первых столетий нашей эры.—Киев: Наук. думка, 1976.
- Виukov C. Yu. Широкогорные светлоглиняные амфоры Северо-Западного Крыма // СА.—1988.—№ 3.
- Виukov C. Yu. К вопросу о месте производства коричневоглиняных амфор Северного Причерноморья // Греческие амфоры.—Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1992.
- Виukov C. Yu., Цецхладзе Г. Р. Колхидские амфоры Северо-Западного Крыма // Памятники железного века в окрестностях Евпатории.—М.: Изд-во МГУ, 1991.
- Высотская Т. Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму.—Киев: Наук. думка, 1972.
- Высотская Т. Н. Неаполь — столица государства поздних скифов.—Киев: Наук. думка, 1979.
- Вязьмітіна М. І. Золота Балка.—Київ: Наук. думка, 1962.
- Гаврилюк Н. А. Домашнее производство и быт степных скифов.—Киев: Наук. думка, 1989.
- Гайдукевич В. Ф. К вопросу о ткацком ремесле на боспорских поселениях // МИА.—1952.—№ 75.
- Гайдукевич В. Ф. Некрополи некоторых боспорских городов // МИА.—1959.—№ 69.
- Граков Б. И. Каменское городище на Днепре // МИА.—1954.—№ 36.
- Гущина И. И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников) // Археологические исследования на юге Восточной Европы.—М., 1974.
- Дашевская О. Д. Лепная керамика Неаполя и других скифских городищ Крыма // МИА.—1958.—№ 64.
- Дашевская О. Д. Поздние скифы в Крыму.—М.: Наука, 1991.
- Домбровский О. И., Щепинский А. А. Археологические загадки Красных пещер // Как раскрываются тайны.—Симферополь: Крымиздат, 1962.

- Зеест И. Б. Киммерийская мукомольная мастерская и зерновое хозяйство Боспора // КСИИМК.—1950.—Вып. XXXIII.
- Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора // МИА.—1960.—№ 83.
- Зубарь В. М. Некрополь Херсонеса Таврического I—IV вв. н. э.—Киев: Наук. думка, 1982.
- Зубарь В. М., Шевченко А. В., Липавский С. А. Западный некрополь Херсонеса Таврического (По материалам раскопок 1983—1985 гг.)—Препринт.—Киев, 1989.
- Кадеев В. И. Очерки истории экономики Херсонеса в I—IV вв.—Харьков, 1970.
- Кадеев В. И., Сорочан С. Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н. э.—V в. н. э. (на материалах Херсонеса).—Харьков: Вища школа, 1989.
- Карасев А. И. Раскопки Неаполя скифского // КСИИМК.—1951.—Вып. XXXVII.
- Кастанаян Е. Г. Лепная керамика боспорских городов.—Л.: Наука, 1981.
- Книпович Т. Н. Краснолаковая керамика первых веков нашей эры из раскопок Боспорской экспедиции 1935—1940 гг. // МИА.—1952.—№ 25.
- Кобакчиева Г. Типология и хронология на глиняните червенолакови паници от Тракия (I—IV вв.) // Археология.—1983.—Кн. 4.
- Колотухін В. О. Кизил-кобинський посуд VIII — першої половини V ст. до н. е. // Археологія.—1990.—№ 2.
- Корпусова В. Н. Некрополь Золотое.—Киев: Наук. думка, 1983.
- Косяненко В. М. Краснолаковая керамика из некрополя Кобякова городища (по материалам раскопок 1956—1962 гг.) // СА.—1980.—№ 3.
- Крис Х. И. Кизил-кобинская культура и тавры.—М.: Наука, 1981.
- Кругликова И. Т. Боспор в позднеанттичное время.—М.: Наука, 1966.
- Крыкин С. М. Фракийцы в греческих городах Северного Причерноморья.—Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1987.
- Ксенофонтова И. В. Керамика первых веков нашей эры из раскопок поселения на о. Березань (по материалам Эрмитажа) // ТГЭ.—Т. XXIV.
- Кубышев А. И., Скиба Л. Е. Пирогівський могильник // Археология.—1989.—№ 2.
- Кутайсов В. А. Античный город Керкинитида.—Киев: Наук. думка, 1990.
- Левкинадзе В. А. Богатое погребение конца IV в. из Уреки (Грузия) // СА.—1975.—№ 4.
- Лосева А. М. Об импорте и местном производстве «мегарских» чаш на Боспоре // МИА.—1962.—№ 103.
- Максимов Е. В. Зарубинецкая культура на территории УССР.—Киев: Наук. думка, 1982.
- Маликов В. М. Древние сельскохозяйственные террасы в Крыму // Виноградарство и садоводство Крыма.—1960.—№ 11.
- Малюкевич А. Е. О торговых контактах населения Нижнего Поднепровья в первые века н. э. // Северо-Западное Причерноморье — контактная зона древних культур.—Киев: Наук. думка, 1991.
- Марченко К. К. Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII — первой половине I вв. до н. э. (по материалам лепной керамики).—Л.: Наука, 1988.
- Мелюкова А. И. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья // МИА.—1958.—№ 64.

- Мелюкова А. И. Вооружение скифов.—М.: Наука, 1964.
- Михлин Б. Ю. Амфоры «коричневой» глины из Северо-Западного Крыма // СА.—1974.—№ 2.
- Монахов С. Ю. Амфоры Херсонеса Таврического IV—II вв. до н. э.—Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1989.
- Петрес Б. Г. Краснолаковая керамика из раскопок Михайловского поселения // КСИА.—1976.—Вып. 145.
- Погребова Н. Н. Позднескифские городища на Нижнем Днепре (городища Знаменское и Гавриловское) // МИА.—1958.—№ 64.
- Попова Е. А. Юго-западный квартал скифского поселения у санатория Чайка близ Евпатории // Памятники железного века в окрестностях Евпатории.—М.: Изд-во МГУ, 1991.
- Пуздовський О. Е. Охоронні роботи на скифському городищі Кермен-Кир // Археологія.—1989.—№ 2.
- Пуздовский А. Е. Новий участок Восточного некрополя Неаполя скифского // РА.—1992.—№ 2.
- Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический.—М.: Наука, 1986.
- Сильтантьева Л. Ф. Краснолаковая керамика из раскопок Илурата // МИА.—1958.—№ 85.
- Соломоник Э. И. Граффити с хоры Херсонеса.—Киев: Наук. думка, 1984.
- Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время.—М.: Наука, 1989.
- Симонович Э. А. Население столицы позднескифского царства.—Киев: Наук. думка, 1983.
- Храпунов И. Н. Булганакское позднескифское городище (по раскопкам 1981—1989 гг.) // МАИЭТ.—Симферополь: Таврия, 1991.—Вып. II.
- Цецхладзе Г. Р. Производство амфорной тары в Колхиде // Греческие амфоры.—Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1992.
- Шелов Д. Б. Узкогорлы светлоглиняные амфоры первых веков н. э. Классификация и хронология. // КСИА.—1978.—Вып. 156.
- Шелов Д. Б. Некрополь Танаиса // МИА.—1961.—№ 98.
- Яковенко Э. В. Рядовые скифские погребения в курганах Восточного Крыма // Древности Восточного Крыма. Киев: Наук. думка, 1970.
- Robinson H. S. Pottery of the Roman Period // The Athenian Agora.—1959.—Vol. 5.

О ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЯХ ЮГО-ЗАПАДНОГО И ЦЕНТРАЛЬНОГО КРЫМА В ПЕРВЫЕ ВЕКА Н. Э.

Юго-Западный и Центральный Крым в первые века н. э. представлял собой две крупнейшие области Крымской Скифии, население которых было этнически неоднородным, что нашло отражение в погребальных памятниках. Исследования сакральной архитектуры позволяют в общих чертах проследить своеобразие этносоциальных процессов в Предгорном Крыму.

В область Юго-Западного Крыма обычно включают поселения и могильники в долинах рек Альмы, Качи, Бельбека, Черной. Памятники Центрального Крыма находятся к северо-востоку и востоку от р. Альмы, на отрогах Второй и Третьей гряд Крымских гор, по берегам рек Булганак, Салгир, Бештерек, Зуя, Бурульча, Биюк-Карасу.

В рассматриваемое время получают широкое распространение грунтовые могильники, располагавшиеся, как правило, неподалеку от поселений, на вершинах холмов и склонах балок. Эта топографическая особенность, вероятно, свидетельствует о стремлении сохранить определенную преемственность способа захоронения (имитация курганных насыпей). Одним из вариантов возникновения грунтовых могильников, очевидно, было превращение кургана в родовое кладбище, а затем разрастание его и выход за пределы насыпи (Братское кладбище на Северной стороне г. Севастополя, Мамай-Оба, курган 1949 г. Неаполя).

Н. А. Богданова отмечает, что более ранние могилы в Юго-Западном Крыму обычно располагались на возвышенных местах, где плотность их больше, чем на склонах (1982, с. 31). На восточном некрополе Неаполя Скифского могилы позднего хронологического периода также сооружались ниже линии склепов, а на склонах они занимали территорию между семейными усыпальницами. Конструктивные особенности вырубных склепов Неаполя обусловили и их топографию. Они обычно расположены группами на склонах балок, в местах выхода скальных пород, образующих своеобразные террасы.

Подбойные могилы Битакского могильника (Симферополь) конца I — первой половины III вв. н. э. размещались рядами ниже яруса грунтовых склепов, а во II—III вв. н. э.

они занимали площадь между склепами, а также периферийные участки у подошвы склона.

Во второй половине I—III вв. н. э. формы погребальных сооружений Крымской Скифии отличаются большим разнообразием типов и вариантов. Классификация и эволюция их для памятников Юго-Западного Крыма разработана Н. А. Богдановой (1982, с. 31—39). С небольшими дополнениями эта схема может быть применена и при характеристике могильных сооружений Центрального Крыма.

Простые грунтовые могилы (ямы). Этот тип погребальных сооружений представлен двумя вариантами: 1) с земляной засыпкой (рис. 1, 1); 2) с каменной засыпкой (рис. 1, 1, 3).

Ямы первого варианта — обычно прямоугольной в плане формы длиной 1,7—2,2 м, шириной 0,5—0,7 м при глубине 0,7—1,2 м. Над их засыпью, как правило, сооружался земляной холмик, позволявший в древности определять местоположение могилы. Этот тип ям представлен в большом количестве в Заветненском могильнике, где составляет 25 % всех погребальных сооружений. От 5 до 9 таких могил известно в могильниках Бельбек II, III, IV. До десяти случаев захоронений в ямах такой конструкции отмечено в некрополе Неаполя Скифского. В ямах этого варианта совершено большинство впускных захоронений в курганах Юго-Западного Крыма.

Ямы второго варианта отличаются сплошной, либо полосой забивкой из камня. На поверхности они часто отмечались наброской из бута, либо более крупными плитами, образующими вымостку (рис. 1, 4). Такая конструкция была чрезвычайно характерна для Заветненского и Усть-Альминского могильников, составляя 25 и 45 % всех сооружений. В могилах Бельбекской долины их меньше. Лишь в Бельбеке IV они представлены довольно широко — около 15 %.

Простые грунтовые ямы с каменной выкладкой в виде перекрытий над заполненными грунтом могилами характерны для погребений Крыма IV—III вв. до н. э. (Ольховский, 1991, с. 25). Н. А. Богданова относит такую конструкцию в могильниках Юго-Западного Крыма к скифским погребальным традициям (1982, с. 31).

Ямы с земляной засыпью не являются четким этнодифференцирующим признаком и должны рассматриваться в сочетании с элементами обряда и характером погребального инвентаря.

Могилы с заплечиками. Такая конструкция представляла собой прямоугольную яму с уступами-заплечиками, на которые укладывались деревянные плахи, либо каменные плиты перекрытия (рис. 1, 5, 6).

Погребения с деревянными перекрытиями (I в. н. э.) встречены в могильнике у с. Заветное, там же известны сооружения, перекрытые плитами. Десять таких могил обнаружены в Усть-Альминском могильнике, по одной — в Бельбеке II и III. Наиболее широко могилы с заплечиками представлены в Скалистом III — 43, что составляет около 1/3 всех погребальных сооружений. В последние годы стали известны такие конструкции в некрополе Неаполя (Пуздовский, 1989, с. 37) и в соседнем с ним — Битакском могильнике. Наиболее поздние могилы этого типа исследованы в Инкерманском могильнике (Веймарн, 1957, с. 234—235).

Аналогии таким могилам известны у сарматов Поволжья и Приуралья (Смирнов, 1964, с. 81; 1975, с. 159). Отличием крымских конструкций является широкое применение вместо дерева каменных плит (Богданова, 1989, с. 21), очевидно, в силу определенного дефицита дерева и повсеместными выходами камня. Для укрепления плит перекрытия в могильнике Скалистом III использовались каменные столбы, что повышало надежность сооружения (Богданова 1982, с. 82; Высотская 1987, с. 54—55).

Плитовые могилы. Данный тип представляет собой грунтовую яму подпрямоугольной формы, укрепленную с длинных сторон тремя-четырьмя плитами. На это основание укладывались плиты перекрытия (рис. 1, 6). В некоторых случаях имелись и торцевые плиты (Бельбек IV, Усть-Альма).

Такие могилы появляются в Юго-Западном Крыму во II—III вв. н. э., составляя 24 % захоронений Заветненского могильника. Десять конструкций известно в Усть-Альме, одна — в Бельбеке II, пять — в Скалистом III. Практически только из этого типа сооружений состоял могильник Бельбек I (рис. 1, 9), исследованный Н. М. Печенкиным (1905, с. 31—34), хотя форма могил там приближалась больше к трапеции, очевидно, сужаясь к ногам погребенных (Богданова 1982, с. 32).

В Центральном Крыму известны всего две такие могилы с детскими захоронениями в Перевальненском могильнике, датирующиеся серединой III в. н. э.

Т. Н. Высотская считает, что плитовые сооружения были заимствованы населением Юго-Западного Крыма у греков (1972, с. 90; 1987, с. 53). Этот тезис вызвал возражения Н. А. Богдановой, по мнению которой плитовые могилы ведут

своё происхождение от могил с заплечиками, представляя собой их усложненный вариант (1982, с. 33; 1989, с. 22).

Конструктивные особенности рассматриваемых сооружений свидетельствуют скорее о слиянии типов могил с заплечиками и каменным перекрытием. Хронологически плитовые могилы составляют одну из наиболее поздних групп и для них характерны захоронения в колодах и другие признаки сарматского обряда (Богданова, 1989, с. 22). Однако, нельзя исключать и влияние черняховской культуры, учитывая найденные в Бельбеке I трупосожжения.

Подбойные могилы. Распространение во второй половине I — середины III вв. н. э. в Крымской Скифии подбойных могил связано с различными причинами. Одна из них — приток нового населения. Вторая — переход к новым формам социальной организации, увеличение индивидуальных захоронений.

Конструкция подбойных могил Крымской Скифии отличается широким применением камня (рис. 1, 7, 8, 10, 11). Есть некоторые отличия в приемах сооружения между районами Центрального и Юго-Западного Крыма. В Неапольском и Битакском могильниках входные ямы, как правило, плотно забиты бутом. Исключения бывают в тех случаях, когда в камеру совершались подзахоронения. В таких случаях удалялись частично камни заклада, а затем они вторично в него укладывались. Заклады отличались значительной мощностью и тщательностью исполнения. В месте перехода ступеньки из входной ямы в камеру обычно укладывались один-два ряда плоских плит, на которые устанавливались вертикально (с небольшим наклоном в сторону камеры) собственно плиты заклада, иногда достигая двух-трех слоев. Щели между крупными камнями были забиты мелкими обломками. Оставшееся во входной яме пространство забивалось и заклинивалось бутовым камнем, при этом обозначались контуры входной ямы на поверхности. Последнее обстоятельство давало возможность в древности судить о местонахождении могилы.

Для Центрального Крыма характерно использование подбойных могил с двумя камерами, тогда как в Юго-Западном Крыму такие сооружения единичны, лишь в Бельбеке IV они представлены значительным количеством. В целом, во II—III вв. н. э. в подбойных могилах хоронили 40 % жителей Юго-Западного Крыма, более 50 % в Центральном Крыму.

Исследователи отмечают, что распространение подбойных могил в Северном Причерноморье можно связать с продвижением сарматов с востока на запад (Гущина, 1974, с. 64). В то же время такой тип могил был известен у скифов IV—

III вв. до н. э. Т. Н. Высотская считает, что в первые века н. э. скифы восприняли у сарматов подбойные могилы, но хоронили в них по своему обряду, поэтому входные ямы засыпаны не землей, а камнями. В то же время, подбойные могилы с очень узкой входной ямой, обнаруженные в могильнике Скалистос II, она связывает преимущественно с сарматами (Высотская, 1987, с. 58).

Этнокультурный синcretизм, проявившийся и в погребальном обряде жителей Крымской Скифии, не всегда однозначно позволяет отнести захоронения в подбойных могилах к сарматским. Однако совокупность данных об обряде и инвентаре свидетельствует о доминировании среди погребений в подбойных могилах сарматских традиций. Наиболее поздние подбойные могилы — второй половины III—IV вв. н. э. — представлены в Чернореченском и Инкерманском могильниках (рис. 1, 11). Конструкция их отличается значительной глубиной — до 3 м, что почти не встречается во II—III вв. н. э.

Грунтовые склепы. Большинство склепов Неаполя, Битакского, Усть-Альминского могильников, сооруженных в I в. н. э., функционировали до начала II в. н. э. Лишь некоторые из могил Неаполя содержат захоронения конца II — первой половины III вв. н. э. Хронологический разрыв между погребениями верхних и нижних ярусов в таких склепах может свидетельствовать об их вторичном использовании в указанное время. Во II—III вв. н. э. известны и продольно-осевые склепы, характерные для позднесарматского времени (Пуздовский, 1989, с. 34—35).

Грунтовые склепы I — начала II вв. н. э. имели различную конфигурацию камер: круглую, овальную; прямоугольную, трапециевидную (рис. 2, 1, 3; 3, 1, 3). Некоторые из склепов изначально были рассчитаны на большое количество захоронений, о чем свидетельствует площадь камер до 10—12 м² при высоте свода до 1,5 м.

Во второй половине III—IV вв. н. э. в могильниках Центрального и Юго-Западного Крыма грунтовые склепы вновь получают широкое распространение (рис. 2, 4; 4, 4; 5). Однако, их конструкция имеет ряд отличий от сооружений предшествующей поры (Айбабин, 1987, с. 192). Они, как правило, имеют относительно длинный (1,5—2 м и более) и узкий (0,6—0,7 м) дромос, немного расширяющийся у входного отверстия. Из него в камеру ведет одна или несколько ступенек различной высоты. Все входы закрывались массивными каменными плитами. Потолок в склепах — плоский, слегка повышающийся к входному отверстию, либо куполообраз-

ный. На стенах известны высеченные ниши и сарматские знаки.

Эти склепы имеют определенное сходство с северокавказскими катакомбами (Минаева, 1956, рис. 2; 1971, с. 159—162; Кузнецов, 1973, рис. 3, 7, 8; Абрамова, 1975, с. 231, 232; 1989, с. 6—8, табл. 1, 3—6; Романовская, 1986, с. 77—80).

Надо полагать, что распространение грунтовых склепов вышеописанной конструкции в могильниках Юго-Западного и Центрального Крыма связано с проникновением в эти районы сармато-аланских племен в III в. н. э.

Вырубные склепы. На западном и восточном склонах Неаполя известны 45 вырубных склепов, из них один — раскопанный в 1949 г. О. Д. Дащевской (1951, с. 131—135) — хотя и был вырыт в грунте, по своей архитектуре и оформлению близок к рассматриваемым сооружениям.

Анализ конструктивных особенностей, внутреннего убранства и датирующих материалов вырубных склепов показывает, что они должны быть разделены на две хронологические группы. Одна, вероятно, относится к I—II вв. н. э., вторая — к концу II—III вв. н. э.

Большинство могил этого типа в конце XIX — начале XX вв. были разрушены местными жителями, поэтому их интерпретация затруднена. Лишь для пятнадцати объектов есть графическая фиксация, а в отдельных случаях — датирующие материалы. Это склепы, исследованные Н. Л. Эрнестом в 1927 г., В. П. Бабенчиковым в 1945—1946 гг. (Бабенчиков, 1957, с. 94—118) и Е. В. Черненко в 1958—1959 гг.

Склепы этого типа были вырублены в нуммулитовом известняке. Входная яма (дромос), как правило, находилась со стороны склона и имела в длину от 1,5 до 3 м в зависимости от крутизны обрыва и ширины скальной террасы. По короткой стороне входная яма имела размеры в среднем 0,9—1,0 м. Глубина вырубки колебалась от 0,7 до 1,2 м. В нескольких случаях прослежены ступеньки, в большинстве случаев в камеру вел наклонный спуск, входное отверстие всегда было меньше ширины и глубины входной ямы. Вход закрывался закладной плитой размером в среднем 1,0×0,7×0,2 м. Иногда плита вставлялась в неглубокий паз, вырубленный в дне входной ямы. В склепах № 44 и 45 прослежены кладки, обрамляющие дромос.

Камеры вырубных склепов имели различные очертания и размеры (рис. 4, 1, 2). Обычно они прямоугольны или трапециевидны, при этом ближняя ко входу стена бывает плавно изогнута. Площадь камер колеблется от 6—8 до 25 м². Однако, большинство склепов имели средние параметры: 10—12 м².

при высоте от 0,8 до 1,2 м. Потолок обычно плоский, но есть случаи его понижения к стенам. На них располагались ниши на различной высоте от пола, форма их прямоугольная или подтреугольная. Количество их колеблется от 8 до 7, но в разрушенных склепах на западном склоне ниш вообще не было. Известны также пиластры, имитирующие каркасно-столбовые конструкции жилища, резные карнизы, барельефы. В центре камеры склепа № 2 находился оставшийся невырубленным постамент размером $0,55 \times 0,6 \times 0,05$ м, назначение которого осталось невыясненным (рис. 4, 1). Некоторые склепы имели богатое орнаментальное (скульптурное) и живописное оформление, подробно рассмотренное в ряде работ (Шульц, 1947, с. 276; 147а, с. 21; Бабенчиков, 1957, с. 99—118; Дашевская, 1951, с. 131—135; Высотская, 1979, с. 171—173, 183—188; Попова, 1984, с. 129—145; 1987, с. 139—150).

Касаясь вопросов генезиса и эволюции данного типа сооружений, необходимо отметить, что традиция вырубать в толще скалы погребальные сооружения не была известна скифскому обществу. Поэтому путь становления этой формы был гораздо сложнее, чем простое воплощение идеи скифской катакомбы в вырубленной в скале могиле (Попова 1984, с. 129). Распространение в Крыму вырубленных в скале погребальных сооружений, скорее всего, связано с новой волной малоязийских греческих переселенцев. На Боспоре и в Херсонесе вырубные склепы появляются в позднеэллинистическую эпоху, а увеличение их количества отмечается с рубежа н. э. (Зубарь, 1982, с. 28; Савостина, 1984, с. 11). Очевидно, сама идея высечения в скале могил была воспринята скифо-сарматским населением из античных центров. Параллельно шел процесс переосмысливания архитектурного оформления и внутреннего убранства склепов. Наличие росписей на стенах, барельефов, каменной пластики, небольших шин, обрамления дромосов, ступеньки, ведущей в камеру и других особенностей, позволяет вновь поднять вопрос об античном влиянии на формирование неапольских вырубных склепов. В отличие от херсонесских и боспорских могил, здесь отсутствуют склепы с нишами-лежанками и подпорными столбами. В то же время известны сопровождающие конские захоронения в специальных вырубках на террасах.

П. Н. Шульц полагал, что «склепы Неаполя Скифского отражают вторичный расцвет скифской державы в Крыму в первые века нашей эры. Они проливают свет на процесс формирования новой скифской фамильной знати, в составе которой имелись, вероятно, примеси сарматского и аланского элементов» (Шульц, 1947а, с. 28). Именно с этой прослойкой,

тесно связанный по происхождению с Боспором, очевидно, следует соотносить появление интересующих нас сооружений. В то же время, значительное количество вырубных склепов, судя по скромным размерам, оформлению, принадлежало, вероятнее всего, рядовому населению Неаполя, этнический состав которого, исходя из антропологических определений, был смешанным (Кондукторова, 1964, с. 53).

Раскопанный в 1949 г. О. Д. Дашевской грунтовый склеп, воспроизводящий форму и внутреннюю отделку вырубных склепов Неаполя датируется монетой Септимия Севера 210 г. н. э. временем не позже середины III в. н. э. Эта верхняя граница определена по другому сопровождающему материалу. На наш взгляд, это наиболее ранний из грунтовых склепов данной конструкции, получивших широкое распространение в сармато-аланских могильниках второй половины III—IV вв. н. э. (Инкерманский, Чернореченский, Озерное III, Нейзац, Красный Мак, Перевальное, Дружное).

Т. Н. Высотская обратила внимание на то, что склеп № 1 из Нейзаца близок в плане вырубным склепам Неаполя. По ее мнению, могильник «возник на пути продвижения на запад сарматизированного населения Боспора, которое несло свои погребальные традиции, создавало погребальные сооружения по греческим канонам» (1987, с. 55). Конструкция склепов, находки оружия, сбруи, сарматских знаков убедительно свидетельствуют о том, что Нейзацкий могильник оставлен сармато-аланами, вполне вероятно, испытавшими античное влияние. В. П. Бабенчиков полагал, что обитатели Горного Крыма V—VII вв. н. э. восприняли форму скифских вырубных склепов для создания своих семейных усыпальниц (1957, с. 97, 140). Определенные традиции в сакральной архитектуре, очевидно, объясняются преемственностью норм погребального обряда сармато-аланского населения III—IV вв. н. э. и раннего средневековья.

Детские захоронения в сосудах. Данный обряд получил широкое распространение в первые века н. э., хотя был известен еще в позднеэллинистическое время. Для Неаполя Т. Н. Высотская отмечает 22 подобных захоронения (1979, с. 169). Не менее 20 погребений детей в сосудах и без них обнаружены на городище и пригороде раскопками 1978—1991 гг.

Погребения этого типа совершались в лепных горшках, реже — в амфорах и помещались в неглубокую ямку, вырытую в грунте. Часть из таких захоронений, вероятно, была связана со строительной жертвой, что подтверждается находками на основания и в фундаменте кладок (Высотская, 1979,

с. 169). Некоторые погребения были обнаружены без сосудов. Наиболее интересным из них является захоронение, совершенное при сооружении культовой площадки с тремя менгриями, открытое в 1979 г.

В отдельных случаях могилы с погребением младенцев образуют определенные группы (Неаполь), от 3 до 6 могил, что позволяет говорить об их относительной синхронности, либо о существовании определенных участков для подобных погребений.

В тех случаях, когда это можно установить, умершие дети лежали в скорченном положении, головой к устью сосуда. Закономерностей в ориентировке не прослеживается. На Неаполе раскопан участок, где рядом с детскими погребениями было совершено жертвенное захоронение собаки. Среди погребального инвентаря обычно отмечаются бронзовые браслеты, бусы, кости рыб, мелкие бронзовые украшения.

На Усть-Альминском городище открыто около 30 погребений рассматриваемого типа. Одно из них совершено в лепном горшке, который в свою очередь был втиснут в разбитую в древности амфору рубежа н. э. (Высотская, 1984, с. 138—139). Другое погребение в амфоре, обнаруженное под полом жилища и посыпанное зернами пшеницы, связывается Т. Н. Высотской с культом плодородия.

Известны погребения младенцев в сосудах и на территории позднескифских некрополей (Скалистое II, Заветненский могильник). В 1984 г. впервые на Восточном некрополе Неаполя Скифского было обнаружено погребение младенца в синопской амфоре I в. н. э. (Пуздровский, 1987, с. 205—207).

Обычай хоронить детей в амфорах или крупных сосудах является греческим, он хорошо известен в некрополях городов Северного Причерноморья в архаическое и римское время. Наиболее близкими по характеру, хронологии и обряду рассматриваемому типу захоронений можно назвать погребения Козырского городища (Бураков, 1976, с. 138—143). Ряд параллелей можно провести с опубликованным недавно участком с детскими захоронениями в позднеантичном некрополе Херсонеса (Буняян, Зубарь, 1991, с. 228—239). А. В. Бураков полагает, что факт захоронений детей в жилищах является выражением культа обратимости и плодородия (1976, с. 142—143), Т. Н. Высотская и Н. А. Богданова видят в этом обряде сочетание местного скифского обычая погребения детей на поселении (что также восходит к идеи обратимости, плодородия) с греческим обрядом погребения в сосуде (Высотская, 1979, с. 169; 1984, с. 139; Богданова, 182, с. 33). Е. П. Буняян и В. М. Зубарь (1991, с. 237) считают, что

появление такого обряда у негреческого населения Юго-Западного Крыма в первые века н. э. следует связывать с усилением роли земледелия в хозяйстве и изменениями в области идеологии (т. е. носит стадиальный характер).

Погребения в хозяйственных ямах. Такие захоронения пока известны только на Неаполе (Карасев, 1953, с. 71; Высотская, 1979, с. 202; Дащевская, 1991, с. 27). Они относятся преимущественно к последнему этапу жизни городища. В последние годы на Восточном некрополе открыто несколько хозяйственных ям с керамическим материалом I в. до н. э.—I в. н. э., в которых были совершены безинвентарные захоронения в скорченном положении. Захоронения в хозяйственных ямах на городище датируются по сопровождающему материалу II—III вв. н. э. (обломки керамики в заполнении). Кости находятся в скорченном положении. Встречены останки людей, брошенных ничком и заваленных камнями. В одной из ям Неаполя оказалось 42 мужских черепа со следами ударов, 13 из них были деформированы (Высотская, 1979, с. 202).

Некоторые захоронения в ямах сопровождались инвентарем. Так, в 1926 г. Н. Л. Эрист обнаружил вытянутое на спине погребение мужчины, рядом с которым стоял горшок, лежали остатки туши барана, нож и бронзовое украшение. В 1950 г. в одной из ям в районе главных городских ворот в вырубленном в стенке ямы подбое найдено захоронение мужчины в сидячем положении, сопровождающееся конским погребением. Среди инвентаря — обломки железного меча, золотая оправа с зернистыми, костяными пластинами.

Большинство этих погребений связано с событиями III в. н. э. и могло принадлежать как победителям, так и защитникам города.

Погребения в культурном слое. Кроме детских погребений в сосудах, на Неаполе, Усть-Альминском и Алма-Керменском городищах обнаружены погребения в культурном слое и на древней дневной поверхности середины III в. н. э. Наиболее известны могила «каланского военачальника» (Карасев, 1951, с. 170) и погребение сарматского воина с длинным мечом на Усть-Альминском городище (Высотская, 1989, с. 91). Значительная часть этих захоронений, как и предыдущая группа, связана с гибеллю позднескифских поселений в III в. н. э.

Погребальные сооружения с остатками кремации. Погребения по обряду кремации появляются в могильниках Юго-Западного Крыма не ранее середины III в. н. э. (Бельбек I, Скалистое III). Основная же масса таких захоронений отно-

сится ко второй половине III—IV вв. н. э. (Инкерманский, Чернореченский, с-з «Севастопольский» и др.). Остатки кремации помещались обычно в урну. Последние представляли собой лепные горшки и кувшины, амфоры, краснолаковые кувшины, каменные оссуарии. Урны ставились в каменный ящик, либо вкапывались в грунт. Некоторые сосуды были обложены камнями. В отдельных случаях сосуды с остатками кремации ставились в подбойные могилы (Пиоро, 1990, с. 90—99).

Обряд кремации и помещение праха в урну не был свойственен скифо-сарматскому населению. Т. Н. Высотская полагает, что обряд трупосожжения связан с влиянием римской культуры на соседние народы, особенно на территории смежной с Херсонесом. В то же время она отмечает, что лепные сосуды, использованные в качестве урн в Чернореченском могильнике, близки сарматской посуде Южного Приуралья и Нижнего Поволжья (Высотская, 1972, с. 99).

Обряд кремации и помещения останков в урну был присущ черняховской культуре, хотя каменные конструкции характерны и для гето-даков, входивших вместе с сарматами в готский союз племен (Кругликова, 1966, с. 139). Полиэтничностью носителей черняховской культуры можно объяснить и определенное сходство керамических комплексов Чернореченского могильника и сармато-аланских племен.

Пока обряд трупосожжения неизвестен в могильниках Центрального Крыма (Нейзац, Перевальное, Дружное), что можно объяснить преобладанием в этих районах во второй половине III—IV вв. н. э. сармато-аланского населения, тесно связанного с Боспором и Северным Кавказом, хотя по основным категориям инвентаря (обилие краснолаковой, лепной, стеклянной посуды, поясных пряжек, провинциально-римских фибул, амфор, монет, предметов конской узды, гребней «черняховского» типа) они не отличаются от могильников Юго-Западного Крыма и южнобережных.

Во второй половине I—III вв. н. э. происходят значительные изменения в этносоциальной структуре населения Крымской Скифии. В середине — третьей четверти I в. н. э. в Крыму появляются подбойные могилы, которые можно связать с перемещениями сарматского населения в северопричерноморских степях. Захоронения в простых грунтовых ямах с земляной засыпью и каменной забивкой, характерные для могильников Юго-Западного Крыма, могли принадлежать как скифскому населению, так и представителям различных сарматских племен, оседавших на землю. Процесс перехода к полуоседлому образу жизни, вероятно, отражают впускные

подкурганные погребения в ямах и подбойных могилах. С сарматскими традициями связаны и могилы с заплечиками, перекрытые каменными плитами. В Крыму они получили свое развитие в виде плитовых могил. Грунтовые склепы, сооруженные в предшествующее время, продолжали функционировать до начала II в. н. э., а некоторые — до середины столетия. В конце II — начале III вв. н. э. появляются грунтовые склепы подпрямоугольной и трапециевидной формы, продольно-осевые. К этому же времени относится большинство захоронений в вырубных склепах Неаполя. Эти инновации, вероятно, связаны с проникновением в Предгорный Крым сармато-аланского населения Боспора, испытавшего определенное влияние античной культуры.

В первые века н. э. получил широкое распространение обряд детских захоронений в сосудах, связанных с культом плодородия, обратимости и увеличением роли земледелия в хозяйстве. В середине III в. н. э. появляются погребения, совершенные по обряду кремации, а их увеличение относится к концу III—IV вв. н. э. Их, вероятно, можно связать с проникновением на полуостров полиэтничного готского союза племен. В это же время известны глубокие подбойные могилы и грунтовые склепы с длинным дромосом, характерные для сармато-алан.

В целом, локальные особенности в традициях погребальной архитектуры Юго-Западного и Центрального Крыма свидетельствуют о различном соотношении позднескифских и сармато-аланских племен в составе населения в I—III вв. н. э. Изучение других деталей погребального обряда позволит в дальнейшем подойти к вопросу об этносоциальной дифференциации жителей этих двух областей.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова М. П. Катаомбные погребения IV—V вв. н. э. из Северной Осетии // СА.—1975.—№ 1.

Абрамова М. П. Погребальный обряд племен Центрального Предкавказья в III—IV вв. н. э. // АИЮВЕ — Тр. ГИМ.—1989 а. Вып. 70.

Айаббин А. И. Этническая принадлежность могильников Крыма IV — первой половины VII вв. н. э. // МЭИК.—Киев: Наук. думка, 1987.

Бабенчиков В. П. Некрополь Неаполя Скифского // ИАДК.—Киев: Изд-во АН УССР, 1957.

Богданова Н. А. Погребальный обряд сельского населения позднескифского государства в Крыму// АИЮВЕ (Тр. ГИМ, № 54).—М., 1982.

Богданова Н. А. Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное // АИЮВЕ (Тр. ГИМ, № 70).—М., 1989.

Бунягин Е. П., Зубарь В. М. Новый участок детских погребений позднескифского некрополя Херсонеса // СА.—1991.—№ 4.

Бураков А. В. Козырское городище рубежа и первых столетий нашей эры.—Киев: Наук думка, 1976.

Воймарн Е. В. Раскопки Инкерманского могильника в 1948 г. // ИАДК.—Киев: Изд-во АН УССР, 1957.

Высотская Т. Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму.—Киев: Наук. думка, 1972.

Высотская Т. Н. Неаполь—столица государства поздних скифов.—Киев: Наук. думка, 1979.

Высотская Т. Н. Некоторые аспекты духовной культуры населения Усть-Альминского городища // Античная и средневековая идеология.—Свердловск 1984.

Высотская Т. Н. Этнический состав населения Крымской Скифии (по материалам могильников) // МЭИК.—Киев: Наук. думка, 1987.

Высотская Т. Н. Скифские городища.—Симферополь, 1989.

Гущина И. И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников) // АИЮВЕ.—М., 1974.

Дашевская О. Д. Земляной склеп 1949 г. в некрополе Неаполя Скифского // ВДИ.—1951.—№ 2.

Зубарь В. М. Некрополь Херсонеса Таврического I—IV вв. н. э.—Киев: Наук. думка, 1982.

Карасев А. Н. Раскопки Неаполя Скифского в 1949 г. // КСИИМК.—1951.—Вып. 37.

Карасев А. Н. Раскопки Неаполя Скифского в 1950 г. // КСИИМК.—1953.—Вып. 49.

Кондукторова Т. С. Населения Неаполя Скифского за антропологичными данными // МАУ.—1964.—Вып. 3.

Кругликова И. Т. Боспор в позднеантичное время —М., 1966

Кузнецов В. В. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V—XIII веках // СА.—1973.—№ 2.

Минаева Т. М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным.—Ставрополь, 1971.

Ольховский В. С. Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII—III вв. до н. э.) —М.: Наука, 1991.

Печенкин Н. М. Раскопки в окрестностях г. Севастополя // ИТУАК.—1905.—№ 38.—С. 29—37.

Пиро И. С. Крымская Готия.—Киев: Лыбидь, 1990.

Попова Е. А. О декоративном оформлении склепа № 9 восточного участка некрополя позднескифской столицы // ВДИ.—1984.—№ 1.—С. 129—145.

Попова Е. А. Роспись склепа № 1 некрополя позднескифской столицы // ВДИ.—1987.—№ 2.

Пуздровский А. Е. Погребение в амфоре на некрополе Неаполя Скифского // МЭИК.—Киев: Наук. думка, 1987.

Пуздровский О. Е. Сарматы в Неаполі Скіфському // Археологія.—1989.—№ 3.—С. 30—40.

Романовская М. А. Алансское погребение из Ставрополья // КСИА.—1986.—№ 186.

Савостина Е. А. Боспорские склепы: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук.—М.: Изд-во МГУ, 1984.

Смирнов К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов.—М.: Наука, 1964.

Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке.—М.: Наука, 1975.

Шульц П. Н. Работы Тавро-Скифской экспедиции (1945—1946 гг.) // Памятники искусства.—Бюлл. ГМИИ.—Вып. 2.—1947.

Шульц П. Н. Тавро-Скифская экспедиция (1945—1946 гг.) // ИАН.—1947.—Т. 4.—Вып. 3.

В. Н. ДАНИЛЕНКО

МОНАСТЫРСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В КРЫМУ

В глубине Бельбекской долины, в одном из ее ответвлений, скрываются пещеры средневекового монастыря Чильтер-коба. Мы имели возможность высказать свое мнение о хронологии и ситуации, в которой появился монастырь (Воронин, Даниленко, 1992), а также описать его основные сооружения (Даниленко, 1993). Мы постарались показать, что это был крошечный монастырек с полутора десятком обитателей, затерянный в глуши, среди обрывистых гор и дремучих лесов, вдали (разумеется, в дали весьма относительной, учитывая состояние тогдашней сети коммуникаций и средств транспорта) от крупных культурных и хозяйственных центров. Чем же жил этот уединенный, обособленный мир? И в первую очередь любопытно выяснить, за счет чего удовлетворялись материальные нужды монахов? В окрестностях Чильтер-кобы есть целый ряд памятников, имеющих отношение к экономике, в самом монастыре — детали, проливающие свет на различные аспекты хозяйства¹.

При этом исследователь встречается с рядом существенных трудностей. Дело в том, что часть упомянутых памятников по самой своей сути не может быть датирована (пещеры, вырубленные в скале тарапаны, дороги, виноградники); другая же часть (поселения) выявлена разведками; но не исследована, а потому может датироваться только по подъемному материалу в весьма широких хронологических границах. Кроме того, определенная путаница возникает и в результате того, что рядом с монастырем, буквально на соседней скале, располагалось еще и Сюренское укрепление, обитатели которого также вели какую-то хозяйственную деятельность. О связи того или иного памятника с монастырем или укреплением мы можем только догадываться, ориентируясь на их взаимную близость, иногда на наличие связывающих их дорог. Поскольку невозможно дать ряд последовательных картин хозяйственной жизни по каждому временному срезу,

¹ В Крыму в эпоху средневековья было довольно много монастырей, но хозяйство ни одного из них в полной мере не исследовалось. Отдельные замечания, наблюдения, предположения (например, Домбровский 1974, с. 41, 42; Домбровский, Сидоренко 1978, с. 67, 83; Воймарн, Чореф 1976) не дают полной картины. Примерно такое же положение и с монастырями византийскими: при их описании зачастую даже не ставится вопрос об экономической деятельности монахов, в лучшем случае отмечается какая-либо особенно бросающаяся в глаза черта такой деятельности.

придется ограничиться некоей схемой, которая, надо думать, будет соответствовать периоду наивысшего расцвета монастыря.

Несмотря на возражения (Могаричев, 1993), мы по-прежнему считаем, что большинство пещерных монастырей Крыма, в том числе и Чильтер-коба, возникли в VIII в. в результате эмиграции из Византии монахов-иконопочитателей. Мы говорили, что монастырь мог вместить 14—16 обитателей, но эта цифра максимальная, и она отнюдь не означает, что именно столько было отцов-основателей обитатели. Вполне возможно, что в Крым прибыла группа монахов по численности в два, а то и в три раза меньшая, то есть 5—7 человек.

Некоторые исследователи изображали процесс переселения монахов, как могучий поток различного люда, принадлежавшего к «гонимым правителем иконопочитателям». Корабли, возможно, и целый флот, прибывали в крымские порты и привозили «монахов, купцов, феодалов средней руки (а иногда и довольно крупных) с подчиненными им крестьянами, мелкими ремесленниками» (Домбровский, Махнева, 1973, с. 22, 23). Ни в одном источнике нет ни слова о переселении купцов, феодалов средней руки или довольно крупных, не говоря уже о подчиненных им крестьянах и ремесленниках. Говорят источники только о монахах.

Приехав сюда, монахи приступили к поиску подходящего места для создания пустыни. Этот момент очень ответственный: от того удачным или неудачным окажется место зависит вся дальнейшая судьба монастыря. При этом учитывалось: наличие скалы, пригодной для выsecания пещер, топография местности, в том числе обеспечивающая естественную оборону, близость путей сообщения, эстетический момент и т. д. Но прежде всего заботились об источниках воды и питания.

В первое время, пока у монастыря еще не было своего сложившегося хозяйства, особенно большую роль должны были играть охота, рыбная ловля, собирательство. Сам окружающий лес (Даниленко, 1993, с. 80—81) давал большое количество различных пищевых продуктов. В крымских лесах водилось множество зверей, на которых можно было успешно охотиться и получать мясную пищу. О необычайном богатстве лесов дично в XVIII—начале XIX вв. (но тогда ее стало значительно меньше, чем в предшествующие века) сообщают независимые друг от друга источники. В «Поденной записке», свидетельствующей о знакомстве кн. В. М. Долгорукова с Крымом, говорится, что на пути от Инкермана до Бахчисарая «его сиятельство изволил в продолжение своего

пути забавляться охотою» (Поденная записка..., 1872, с. 187). Отметим, что делалось это между прочим, проездом. Акад. В. Ф. Зуев замечает, что в лесистой горной части полуострова водятся дикие звери (Зуев, 1783, с. 271). Тунманн перечисляет некоторые виды птиц и зверей, встречающихся в крымских лесах: «Фазаны, куропатки, рябчики, бекасы и множество других птиц. Медведей и волков теперь уже мало, но в большом изобилии дикие кабаны, олени, дикие козы, дикие овцы, зайцы, земляные зайцы, барсуки, сурки, горностаи, куницы и т. д.» (Тунманн, 1936, с. 20). Вспомним, что блюда из фазанов, зайцев считались в Византии изысканным лакомством и появлялись на столе богатых людей (Поляковская, Чекалова, 1989, с. 76, 77). Один из путешественников подчеркивает, что волки и кабаны размножаются так быстро, что приходится на них охотиться, хотя мясо их местное население не употребляет в пищу, причем не только мусульмане, но «и сами христиане имеют отвращение от их мяса» (Клеман, 1783, с. 152). И в более поздние времена успешная охота была самым обычным делом (например, «Письма о Крыме», 1810, с. 86). При таком положении и изобилии диких животных монахам не нужно было тратить много сил, чтобы обеспечить себя мясной пищей. Кстати отметим, что охота в Византии была не только повседневным, но и любимым занятием. Охотились все, начиная от простых людей и кончая императорами. В «Геопониках» даются рекомендации по ловле и откорму птиц (XIV, 20, 23, 24), по охоте на оленей, диких кабанов (XIX, 6, 8). Для развлечения охотились многие аристократы (Поляковская, Чекалова, 1989, с. 101), настоящей страстью была охота для таких императоров, как Роман II (959—963 гг.), (Прод. Феоф. Роман, 4), Константин VIII (1025—1028) (Мих. Пс. Константин VIII, VIII), двое из императоров даже погибли в результате охотничьих приключений — это Феодосий II (408—450) (История Византии 1967, 1, с. 196) и Василий I (Прод. еФод. Василий 1, 100). Монахи, хотя и не искали развлечений, также пробовались охотой, но, по мнению исследователей, существенного хозяйственного значения она все же не имела (Каждан, 1952, с. 52). Многие источники указывают на то, что в Крыму с его изобилием цветущих растений, продолжительным теплым летом и мягкой зимой, в средневековое время успешно развивалось пчеловодство. Меда и воска хватало для обеспечения собственных нужд, эти продукты в большом количестве также вывозились и высоко ценились на международном рынке за высокое качество (Киселев, 1961, с. 165, 166). Монахи вряд

ли не воспользовались возможностью вначале добывать мед диких пчёл, а затем заниматься пчеловодством.

В Крыму произрастает немало растений, плоды или корни которых употребляются в пищу (Троицкий, Киселев, 1952; Полонская, 1918). В районе Чилтер-кобы и сейчас известны прекрасные грибные места, заросли кизила, барбариса, шиповника и прочих полезных растений. Монахи вполне могли заготавливать плоды, сушить их, варить, мариновать, приготавливать и иными известными им способами. Скажем, размолотый и отжатый кизил входил в состав фруктового вина (Геопоники, VII, 35).

Весьма заметное место в питании византийцев занимала рыба. В «Геопониках» целая книга (XX) полностью посвящена различным способам ловли рыбы и называется более 60 ее сортов. Конечно, в большей степени это относится к жителям приморских областей, но и речная рыба была любима и вылавливалась в больших количествах. От монастыря до берега Бельбека всего 15—20 минут хода. В связи с большей, чем теперь, облесенностью местности, к тому же и леса были более высокого качества, крымские реки были значительно полноводней, в них, без всякого сомнения, рыбы водилось в изобилии. Вместе с раками она могла составлять существенное дополнение к меню монахов.

Учитывая аскетический образ жизни принятый в монастырях, запреты на продукты определенного вида в то или иное время года, связанные с религиозными праздниками и постами, незначительную по численности группу работоспособных мужчин, не отягченных семьями, можно предположить, что монахам поначалу хватало пищи, позаимствованной из окружающей природы. И это продолжалось до тех пор, пока не были выбиты и распуганы животные в окрестных лесах, не уменьшилось количество рыбы в результате интенсивного ее отлова, не увеличилась численность самих монахов и не появились по соседству новые поселки, что привело к возрастанию плотности населения во всем прилегающем районе. А для того, чтобы прогнозировать наступление такого времени, не нужно было обладать выдающимся даром предвидения, любой здравомыслящий человек прекрасно понимал с самого начала, что природные запасы скоро истощатся. К тому же «дары природы» не обеспечивали полноценного меню. Скажем, хлеб — основа, фундамент питания людей древности и средневековья — не получить из дикой природы. Правда, уже в античную эпоху для приготовления некоего подобия хлеба использовали желуди (Варрон перечисляет их наряду с ячменем и бобами, объединяя все это

под общим наименованием «хлеб» — Varr. g. t. 2.-4, 6) или каштаны (Pl. N. XV, 25, 92—93). Однако, лепешки из желудевой муки вряд ли могут в обычной жизни (а не во время войны или особого неурожая) длительное время заменять хлеб цивилизованному человеку. Каштан же в то время в Крыму не произрастал. Молока и молочных продуктов, яиц — весьма ценных продуктов питания — взять негде, пока не обзаведешься стадом коров или овец и птичником.

Но в соответствии с обычным правилом, монахи с самых первых дней основания монастыря должны были начать вести свое хозяйство. На какие же отрасли хозяйства можно было обратить внимание в тех местах, где располагался монастырь Чильтер-кобы? Горная местность не способствовала развитию хлебопашества. Конечно, в долине Бельбека можно было распахивать сравнительно небольшие участки плодородной земли. Однако, лежали они далеко от монастыря, вне пределов видимости и прямо вдоль проезжей дороги. К тому же местность самой природой предназначена для садов и огородов, грехно было бы занимать ее под иные культуры. В то же время склоны уроцища прекрасно подходили для разведения винограда. Чтобы потенциальные возможности воплотились в жизнь, нужно было провести значительно объема работы по террасированию склонов. Как отмечает В. М. Маликов, «террасирование было основным элементом агротехники при закладке виноградников на крутых склонах» (Маликов, б/г, с. 9). При этом склон превращался в подобие гигантской лестницы, каждая ступенька которой поддерживалась подпорной стенкой — крепидой. Образовывались горизонтальные полоски земли. Это создавало условия для выращивания винограда, одновременно предотвращался смыв почвы талыми и дождовыми водами, облегчались обработка почвы, проведение прививок, обрезка и другие работы по уходу за лозой.

Террасное земледелие, в том числе и виноградарство, получившее широкое распространение в горных районах с древнейших времен, применяется и в наши дни. Горы и предгорья Крыма в этом отношении не исключение. В. М. Маликов приводит несколько мест на полуострове, где сохранились террасы (с. Дружное, уроцище Бакла, Кукуяни). К ним нужно добавить и окрестности Чильтер-кобы, при осмотре которых выявлены, а в отдельных местах и защищены, террасы с крепидами на восточных и юго-восточных склонах мысов Кулебурун, Ай-Тодор, Серый Лоб и Джениче-бурун (Воронин, Даниленко и др., 1979, с. 315). Такая ориентация виноградников вполне соответствует правилам, принятым визан-

тийской агрономической наукой и практикой. О том прямо говорится в «Геопониках»: «Самое лучшее вино дают лозы из сухих мест и со склонов, если их посадить к востоку или к югу» (V, 2, 13); в другом месте: «...сажать лозы... в ровном климате — лучше на восток и на запад» (V, 4, 1)². Ширина террас по большей мере колеблется в пределах 1,7—2,0 м. При такой ширине на каждой высаживался один ряд виноградных кустов. Следовательно, расстояние между рядами было около 2 м, что близко к обычной крымской практике, сложившейся еще в античное время, в частности на Гераклейском полуострове (Стржелецкий, 1961, с. 70, 71). Кстати, на этом полуострове, с его пересеченным рельефом, крутые склоны террасировались в эллинистическое (там же, с. 72) и римское время (Жеребцов, 1985, с. 43). В соответствии с этой же практикой расстояние в ряду между кустами было около 1,5 м. В этом случае на каждом гектаре (имеется в виду относительно ровная поверхность) располагается примерно 5 тыс. виноградных кустов. В связи с плохой сохранностью крепид на склонах, густо поросших лесов, более или менее точно определить размеры террасированной площади не представляется возможным. Следует заметить, что неподалеку есть еще один участок террасированных склонов. Почти напротив Сюйренского укрепления, на противоположной стороне долины Бельбека начинается глубокая балка, врезающаяся в массив Арман-кая. В ее низовьях вытекает полноводный источник, вода из которого подается в с. Большое Садовое. Выше по балке большая группа развалин, заплывших землей и заросших лесом. К сожалению, разведки не дали никакого материала для хронологизации этого крупного поселения, занимавшего территорию примерно 5 га. Юго-восточный склон балки террасирован, вероятно, под виноградники. Даже если поселение вместе с виноградником отнести к средневековому времени (а это весьма вероятно), то скорее данный комплекс нужно связать с Сюйренским укреплением, а не с монастырем. Во всяком случае, он ближе к первому, чем ко второму (рис. 1, 4, 5). Важно отметить, что с террасированными участками связаны находки некогда культурного, но одичавшего винограда. Целые заросли таких кустов встречаются на восточном склоне мыса Кулебурун, в балке Хор-Хор и под восточным обрывом Тапчан-кая (определения В. М. Маликова). Форма листьев, кистей, сам вид

² Геопоники являются компиляцией из античных авторов, но составитель выбрал оттуда только те положения, которые соответствовали византийской практике.

кустов — все как у культурного винограда, но размеры поменьше, самое же главное — семена сравнительно крупные, форма близка к грушевидной, клювик удлиненный. Вкус же плодов, вполне вызревших, из-за высокой терпкости и кислотности, весьма неприятен.

Яркими памятниками виноделия являются многочисленные тарарапаны — давильни для винограда, разбросанные по одному или более или менее крупными группами по всему району. Винодельни здесь максимально приближены к виноградникам, так что урожай, будучи собраным, тут же поступал на переработку.

Всего в относительной близости от монастыря можно насчитать не менее 37 тарарапанов. Под длинным неглубоким навесом у основания мыса Кулебурун — 11 тарарапанов, вытянувшихся в один ряд, в гроте под юго-западным обрывом того же мыса еще 5. (Наличие тарарапанов под Кулебуруном отмечал Н. И. Репников б/г, с. 241). Эти две группы территориально относятся к Сюйренскому укреплению и можно почти не сомневаться, что ему и принадлежали. Самая большая группа расположена под навесом у оконечности мыса Джениче-бурун. На нее уже давно обращали внимание, она неоднократно упоминалась в литературе. Хотя здесь ясно видны 17 тарарапанов, по какой-то странной случайности в науку вошла цифра 13, именно столько давилен насчитал здесь Е. В. Веймарн (1960, с. 114, 115). Ту же цифру (с пометкой «сообщ. Е. В. Веймарна») приводит А. Л. Якобсон (1970, с. 17, 18). К юго-западу от этого комплекса, несколько дальше от окончания мыса, в небольшом гроте есть еще две давильни. Дальше, примерно в средней части Джениче-буруна, обширный и высокий навес, под которым какое-то сооружение в виде вырубленных в скале пазов, канавок, резервуаров. К сожалению, все эти вырубы не удалось связать в стройную систему, но представляется почти несомненным, что это тарарапан иной конструкции, чем все остальные. Единичный тарарапан найден разведками 1979 г. примерно в 2,5—3 км к западу от урочища у подножья Тарпан-Тепе, на вершине большой скальной глыбы (Мыц, 1979, с. 34). Эта находка дала повод проводившему разведку В. Л. Мыцу высказать предположение, что гора, у подножия которой находился тарарапан, ранее называлась Тарпан-Тепе (холм с тарарапаном) и лишь впоследствии название трансформировалось возвучное Тарлан-Тепе (холм дикой лошади). Место это уединенное, относительно отдаленное от жилых районов и не имеет других следов хозяйственной деятельности. Какому бы крестьянину захотелось забраться в глушь, чтобы выращивать

и перерабатывать там виноград? Скорее похоже, что здесь мы имеем дело с двумя-тремя монахами-анахоретами, которым даже маленький горный монастырек показался местом слишком шумным и суетным, им захотелось уйти отсюда в такую пустынь, где бы ничто не отвлекало от молитв и размышлений. Но поскольку в соответствии с обычным монастырским уставом все монахи должны трудиться, добывая себе пропитание, они и занялись виноградарством и виноделием.

Все тарапаны (за одним упомянутым исключением) сооружены конструктивно одинаково, размеры их разнятся довольно значительно. Давильная площадка вырублена в горизонтальном (или близком к таковому) естественном (или специально подтесанном) полу грота. Они имеют подпрямоугольную форму, углы закруглены, часто они ближе к трапеции, треугольнику, чем прямоугольнику, но некоторые вырублены весьма аккуратно. У одной из узких сторон (посередине ее, у одного или другого угла) врублена суслоприемник, круглый, овальный в плане. В задней стенке грота, примерно против середины многих давильных площадок выбито в стене круглое отверстие диаметром 0,15–0,20 и глубиной до 0,1 м. Сюда вставлялась пятка рычага, с помощью которого передавалось усилие на подвергающуюся выдавливанию виноградную мезгу. От отверстия в задней стенке до скального обрыва расстояние почти везде 5–6 м. Именно такую длину имел рычаг. Как же действовало такое устройство? Можно предположить, что на конец рычага подвешивались камни, обвязанные веревкой или схваченные ременной петлей. Такое решение вполне вероятно, в его пользу можно привести множество этнографических, археологических и литературных параллелей. Можно предположить и рычажно-винтовую конструкцию (Гайдукевич, 1958, с. 397 сл.), широко распространенную в позднеантичное время. Однако рычажно-винтовые прессы предполагают, во-первых, высокую степень строгости и точности в их исполнении и, во-вторых, особой конструкции и особого вида гирю. Ни того, ни другого нет в наших тарапанах, не найдены даже фрагментированные гири при осмотре склонов и дна балки под винодельней. Поэтому представляется маловероятной реконструкция рассматриваемых прессов как рычажно-винтовых.

Положение проясняет наличие в некоторых тарапанах такой детали, как двойные пазы вблизи передней кромки давильной площадки. В том случае, когда им соответствуют двойные углубления в потолке, можно с уверенностью ска-

зать, что здесь были две вертикальные стойки. Последние ограничивают движение рычага в стороны. Кроме того, попечный брус, закрепленный так, что он может вращаться, играет роль вала, вращение которого приводит к наматыванию на него каната, а следовательно, к притягиванию с силой книзу свободного конца рычага. На одной из фресок в доме Беттиев в Помпеях изображена давильня именно такой конструкции, с той непринципиальной разницей, что пятка рычага закреплена на столбе, а вертикальные стойки имеют небольшую высоту и не упираются в потолок (Гайдукевич, 1958, рис. 40). Там же, в Помпеях, реконструирован пресс, сохранившийся на вилле Мистерий. Здесь мы видим применение того же принципа, с теми же особенностями (Eschebach, 1984, S. 11, Ill. 242). По крайне мере часть виноградных давилен района Чильтер-кобы имела ту же простую, но эффективную конструкцию (рис. 2). Она позволяла достигнуть достаточно сильного и, если предусматривалась какой-то стопор для рычагов, приводивших вал во вращательное движение, длительного движения (см. также: Сергеенко, Протасова, 1950, рис. на с. 153, 155).

В таком случае процесс выдавливания сока представляется в следующем порядке. Сорванный виноград доставлялся в винодавильню, помещался на давильную площадку тарапана, где его растаптывали ногами. На это время большой рычаг пресса мог убираться — ведь он нигде не был закреплен достаточно жестко. Впрочем, этого и не требовалось. Прходящее над давильной площадкой бревно не только не мешало работе, но даже помогало ей: работники во время топтания винограда для устойчивости, для того, чтобы не поскользнуться, должны были за что-то держаться. Здесь-то и мог пригодиться рычаг пресса. Затем мезга, в которой было еще много сока, подвергалась прессованию. Она собиралась с площадки, складывалась в мешок, корзину или специальный ящик с большими щелями между досками, и наступала очередь рычага. После его действия остается почти сухая мезга — прекрасный корм для скота. Выдавленный сок стекает по специальному желобу в суслоприемник. Однако часто размеры суслоприемника настолько невелики (диаметр от 0,78 до 1,36 м при глубине от 0,44 до 0,88 м), что он, возможно, не вместит продукт даже одного слива. При этом размеры давильной площадки не коррелируются с размерами суслоприемника: так, самой крупной давильной площадке ($2,18 \times 1,54$ м) соответствует суслоприемник, занимающий по размерам 6–8 место (из рассматриваемого десятка). Нужно думать, что в это углубление (не оштукатуренное изнутри,

как всегда делалось в античных херсонесских и боспорских цистернах, куда сливался выдавленный виноградный сок) ставился сосуд типа лутерия. По мере его наполнения он заменялся другим — пустым, сок же разливался по амфорам и пифосам, где и происходил процесс брожения.

Строительство тарапанов могло быть спрессовано в один короткий промежуток времени либо растянуто на многие годы, десятилетия, даже столетия, тарапаны добавлялись по мере расширения виноградников. Статистический анализ может показать внутреннюю близость друг другу или, наоборот, отдаленность отдельных единиц, входящих в группу.

Для анализа нами взяты 10 тарапанов: один с Тарпантепе, один из малочисленной группы, остальные из большой группы у оконечности Джениче-бурун. Выборка случайная, так, брались то отдельные тарапаны, то группа из четырех давилен, расположенных подряд, одна за другой. Размеры давильных площадок колеблются в пределах: длина от 1,60 до 2,18, ширина от 0,88 до 1,54 м. Наиболее показательными будут площадь (длина×ширина) и пропорции (длина : ширину). Найдем эти величины и ранжируем их в два ряда: 1) 3,36; 2,75; 2,57; 2,44; 2,27; 2,01; 1,9; 1,79; 1,44 м²; 2) 1,9; 1,86; 1,54; 1,48; 1,43; 1,41; 1,3; 1,3; 1,27; 1,26. Здесь мы уже переходим от абсолютных величин к абстрактным числам. Дальнейшее приближение к абстрактному позволяет подняться от единичного к общему, от случайного — к закономерному. Применение таких величин, как среднее линейное отклонение, дисперсия, среднее квадратические отклонения (для наших рядов — $\bar{a}=0,44$ и $0,174$; $\sigma^2=0,286$ и $0,049$; $\sigma=0,534$ и $0,221$), показывает высокую степень близости отдельных единиц друг к другу в составе генеральной совокупности. Иными словами, можно утверждать, что все рассматриваемые тарапаны были сооружены практически одновременно или, точнее говоря, в близкое время, и составляли единую группу.

К сожалению, не встречено никаких данных, позволивших бы датировать эти тарапаны. В таком случае обычно обращаются к аналогичному материалу. Появление в Крыму таких же виноделен Е. В. Веймарн и М. Я. Чореф относят к VIII—IX вв. и аргументируют это, во-первых, включением большей части Таврики в состав Хазарского каганата, что привело к появлению спроса на вино, к относительной безопасности торговых путей и пр., во-вторых, ссылкой на «ценный материал, позволяющий уточнить датировку этих памятников», полученный при раскопках Мангупа и Скалистенского могильника (Веймарн, Чореф 1976, с. 34—36). Вероятно, что и наши давильни относятся к близкому времени. Прав-

да, давно было обращено внимание на то, что до конца IX в. монастыри в Византии еще не выросли в крупных земельных собственников. Практически нет сведений и о появлении и распространении масс зависимых земледельцев, которые работали бы на монастырских землях (История Византии, 1967, II, с. 124). Коренным образом меняется положение в X в. Именно в это время мы повсеместно встречаемся на территории империи с обширными монастырскими владениями. Если мы примем такую поправку и предположим, что крупное винодельческое хозяйство было создано монастырем св. Феодора в X в., то это хорошо совпадает со скучными археологическими данными, имеющимися в нашем распоряжении. Мы неоднократно упоминали о находках в районе Чильтеркобы (а также на склонах под другими крымскими монастырями) фрагментов керамики. Среди них поддаются уверенной датировке одни только сосуды тех групп, что датируются V—VII вв. Их ничтожно мало: по несколько штук у каждого памятника. Такого количества достаточно для того, чтобы датировать начало жизни на соответствующих памятниках, но крайне мало для конструирования выводов общего характера. Все же любой археолог признает ненормальным положение, при котором на долго существующем памятнике есть материал, характеризующий ранние периоды его жизни, и нет материала более позднего. Мы видим только одно объяснение феномену. Первое время, пока не было своего винодельческого хозяйства, вино для монахов привозилось извне, скорее всего из Херсонеса. Свидетельством этого и служат находки фрагментов желобчатых амфор, амфор с густым рифлением, яйцевидных амфор с зональным рифлением (херсонесские типы V, XII, XIV — Антонова, Даниленко, 1971, с. 85, 88, 89). В дальнейшем, когда ежегодно производились десятки тысяч декалитров своего вина, было бы неразумно завозить извне этот напиток. Вот и исчезли привозные амфоры, а местные сосуды не изучены. Таким образом, само отсутствие материала указывает скорее всего на то время, которое мы предложим, исходя из общих соображений, то есть на X в.

Учитывая значительный объем кладки подпорных стен и каменных работ по изготовлению тарапанов, а также длительное время (примерно пять лет), необходимое для достижения виноградом зрелого возраста, на все это ушло несколько десятилетий, вероятно, не менее 30—40 лет. Но после окончания всех работ виноградарство и виноделие стало весьма производительной и доходной отраслью хозяйства.

Попробуем разобраться в некоторых вопросах экономики монастырского хозяйства.

По некоторым подсчетам (В. М. Маликов), каждый тарапан обслуживал не менее 3 га виноградника. Такая цифра подтверждается следующим обстоятельством. В Чильтере (Мармара) был один тарапан, а виноградник на южном склоне под монастырем имел размер 3 га (Беляев, Бушенков, 1986, с. 186, 187). Значит, для того, чтобы обеспечить бесперебойную работу 21 тарапана, виноградник должен быть не менее (21×3) 63 га. Еще в 1961 г. С. Ф. Стрежелецкий отмечал, что «относительно урожайности винограда... в Крыму в античную эпоху мы не располагаем ни прямыми сообщениями письменных источников, ни косвенными археологическими данными». Это относится в такой же мере и к эпохе средневековья. Причем, до настоящего времени ситуация не изменилась. Поэтому воспользуемся цифрами, полученными С. Ф. Стрежелецким на основании сведений античных агрономов и данных об урожайности винограда в новейшее время. По его мнению, с 1 га виноградника на клерках Херсонеса выход вина составлял не менее 420 дкл. Сам автор считал эту цифру заниженной, тем более, она будет еще более заниженной, если попытаться приложить ее к горному Крыму и средневековому времени. И все же возьмем ее, помня, что она минимальна. Но если с 1 га получалось 420 дкл., то урожай с 63 га должен был составить 26 460 дкл. вина. Мы не знаем средневековых норм потребления вина, следовательно, не можем подсчитать, какая часть из 26 тыс. дкл. потреблялась на месте. Но вряд ли в самом хозяйстве могло потребляться более тысячи декалитров; все остальное продавалось.

Не совсем ясно, кто обрабатывал виноградники, создавало большое количество продукта, о котором мы только что упоминали. Сами монахи, конечно же, при любом усердии и трудолюбии не могли обработать более 10—15 га виноградника. И это при условии, что работали бы абсолютно все. На деле занимались виноградарством не более половины. Обязательно должны были ухаживать на винограднике и другие работники, причем, в немалом количестве, «Геопоники» приводят мнение древних авторов, «что самый хороший виноградарь не может обработать более восьми плефров, и большего количества нельзя допускать» (II, 46, 6). 63 га — минимальная цифра для монастырского виноградника — равны 663 плефрам (1 плефр = 0,095 га). Для обработки стольких плефров потребуется 82—83 работника (663 : 8). Вместе с семьями (по 4—5 человек в семье) это будет от 328

до 414 человек. Учитывая указание, что 8 плефров обрабатывают «самый хороший виноградарь», с одной стороны, и участие монахов — с другой, остановимся на цифре 400.

Обычной практикой в Византии была передача монастырям отдельных зависимых крестьян или целых сел. Это делали императоры в связи с какими-нибудь радостными событиями или по обету, вслед за ними — богатейшие вельможи, наконец, просто состоятельные люди, не имевшие наследников, завещали свои земли (Григорий Назианзин. Из надгробной речи Василию Великому.., 9) вместе с зависимыми работниками (когда такой человек постригался в монахи, он приносил с собою все свое имущество). Надо думать, монастыри св. Феодора не было исключением в этом отношении. Земли (в данном случае попросту крутые склоны, не пригодные для других видов сельскохозяйственной деятельности) он мог получить от какого-то местного владельца или общины, а то и захватить без всяких разрешений. Подневольные работники появились одним из указанных способов.

В доиконоборческое время большая часть церковных и монастырских земель Византии обрабатывалась трудом рабов и колонов. Имеется множество письменных источников, указывающих на принадлежность монастырям целых селений, жители которых эксплуатировались администрацией монастырей (Левченко 1949, с. 31, 37, 38). Ко временам «Земледельческого закона» вымываются старые формы зависимости, но начинается имущественное расслоение внутри крестьянской общины. К началу XIII в. большая часть византийского крестьянства попадает в зависимость от богатых землевладельцев, в том числе и монастырей (Горянов 1950, с. 32, 33).

В долине Бельбека земледельческое население было густым и многочисленным. Разведки 1978 г. выявили два поселения (одно из них сравнительно крупное, площадью до 2 га, имело не менее 20 домов; второе — примерно в два раза меньше), расположенных в 2—2,5 км от Сюйренского укрепления и связанной с ним системой дорог (рис. 1, 1, 2). Еще одно, уже упоминавшееся, в балке на правом берегу реки, против укрепления (рис. 1, 4). Все они не датированы но по ряду косвенных данных могут быть отнесены в средневековому времени (Мыц 1979, с. 30, 31). Ряд поселений VIII—IX вв., в том числе в ближайших окрестностях монастыря (на окраине современного с. Малое Садовое), выявлен и исследуется Л. А. Омельковой (1980, с. 316—317; 1981, с. 292; 1986, с. 284—285; Доманчук, Омелькова 1979; Романчук 1980). В левом отроге балки Хор-Хор, в двух сотнях метров выше

источника, среди зарослей видны раскаты нескольких домов и разбросаны фрагменты керамики, правда, среди них не встречено выразительных (не опубликовано) (рис. 1, 21). Некоторые из этих сел вместе с жителями принадлежали монастырю; жившие в них крестьяне обрабатывали монастырские виноградники.

Судя по всему, виноградарство и виноделие были основными отраслями монастырского хозяйства. Вино всегда находило устойчивый спрос у местного населения. Даже в более позднее время, когда большинство жителей Крыма исповедовало мусульманство, потреблялось немало этого продукта. Н. Э. Клеман раскрывает механизм такого явления. «Магометова заповедь запрещает употреблять вино, почитая оное правило за спасительное; однако же закон сей не совсем исполняем, хотя сей законодатель и строго в том запрещает, и пить явно никто не смеет» (Клеман 1973, с. 236). Кроме мусульман, на полуострове жило (особенно в городах) множество армян, греков и других народов (там же, с. 148, 218 и др.). А пили они, судя по всему, немало вина. Так, автор постоянно жалуется на своего переводчика — армянина, который в каждом городе находит родственников, друзей и вообще собутыльников, что сильно задерживает путешествие.

Постоянный спрос и высокие цены на вино придавали монастырскому хозяйству стабильность и устойчивость.

Другим видом деятельности, о котором имеются яркие археологические свидетельства, было скотоводство. В Византии богатство определялось часто именно количеством скота. Так, в «Житии Филарета Милостивого» сразу вслед за сообщением о его богатстве следует перечисление принадлежащих ему огромных стад: «шестьсот быков...» и т. д. В состав монастыря св. Феодора включен громадный навес, чуть ли не самый длинный в Крыму — до полутора сотен метров; во всех окружающих скалах встречается много глубоких и длинных навесов. Некоторые из них имеют явные следы приспособления для различных нужд человека в виде вырубов в скале для установки вертикальных, а иногда и горизонтальных столбов, жердей, подпорок, конструкций типа стеллажей. Таких навесов со следами человеческой деятельности насчитывается в окрестностях монастыря и Сюйренского укрепления свыше десятка. Часть из них (в балке, прорезающей массив Арман-Кая, на южных и юго-восточных склонах Чардаклы-Баир) территориально или с помощью дорог связана с укреплением. Другие же могут вполне относиться к монастырскому хозяйству. Большинство навесов рас-

полагается вблизи источников и в такой ситуации, что из них легко подняться на плато. Все вместе в сочетании с сохранившимися кое-где стенками, закрывавшими вход, заставляют нас предположить, что такие навесы использовались как загон для скота, как жилища для пастухов или для той и другой цели одновременно.

Особый интерес представляет навес в балке Змеиной. Он расположен на южном склоне балки примерно в 1 км от места ее впадения в Бельбекское ущелье (рис. 1, 18) недалеко от сохранившихся здесь же развалин поселения (рис. 1, 20). Этот длинный и глубокий скальный навес был весьма привлекателен и наличием невдалеке воды, близостью к селению и удобством подходов, и использовался практически во все времена. Под навесом и на склоне перед ним собрана целая коллекция фрагментов керамики, начиная от стенок и ручек амфор причерноморского типа (VII—IX вв.) и кончая обломками светлоглиняных поливных сосудов XVI—XVIII вв. (Мыш 1979, с. 35).

На стене под навесом размещается своеобразная галерея врезных изображений, среди них 8 крестов, 4 крестообразных насечек, храм, а всего 18 рисунков. Некоторые изображения сделаны весьма тщательно и аккуратно, другие выполнены небрежно, кое-как. Центральное место занимает изображение фасада храма ($0,401 \times 0,45$ м), увенчанного крестом ($0,06 \times 0,08$ м), с равносторонним крестом же ($0,28 \times 0,28$ м) внутри. Храм располагается в самом выгодном для осмотра положении — на высоте лица человека среднего роста, примерно на высоте 1,7 м от современной поверхности. Такое пристальное внимание к главному христианскому символу, любовь, с которой выполнен рисунок храма, указывают на глубокую религиозность тех, кто их изображал. Можно думать, что в данном случае мы имеем дело с монахами-пастухами или с монастырскими крестьянами. Обращает на себя внимание тот факт, что в большинстве случаев навесы и пещеры с изображениями крестов располагались в Крыму поблизости от монастырей и церквей. Ряд других скальных навесов также мог служить для укрытия монастырских стад. Под навесами сами монахи или их работники доили коров и овец, перерабатывали полученное молоко, приготавливали сыр. Здесь же могла производиться стрижка овец и первичная обработка шерсти.

Византийские монахи широко занимались животноводством. Так, Ксенофонтову афонскому монастырю в конце XI в. принадлежали стада, где сотнями насчитывались лошади,

ослы, буйволы, тысячами мелкий рогатый скот (Каждан 1952, с. 48).

При этом, поскольку не хватало лугов, скот часто пасли в горах и предгорьях, заросших лесом, хотя такого рода пастбища считались второсортными сельскохозяйственными угодьями (Каждан, 1949, с. 225, 226).

У нашего монастыря св. Феодора, судя по обилию навесов, скота также было много, а скотоводство играло значительную роль. При этом нужно отметить, что кроме различных продуктов питания (мясо, молоко, сметана, сыр) и шерсти, шедшей на изготовление одежды, набивку матрасов и подушек, животные давали также удобрения, применявшиеся в других отраслях сельского хозяйства. Навоз был чуть ли не единственным средством, вносявшимся в землю для повышения урожайности различных культур. «Хорошую землю навоз улучшает, плохой — очень помогает» (Геопоники II, 21, 1). В том же источнике рекомендуется (II, 21, 5) смешивать с навозом человеческие нечистоты, получалось наилучшее удобрение для виноградников. Возможно, монахи как отхожее место использовали какую-то яму (скажем, яму, вырубленную в скале перед вторым входом в монастырь), и когда она наполнялась, ее содержимое выносили на виноградник.

Мы уже говорили, что земли в долине Бельбека могли распахивать под хлебные культуры. Во всяком случае, небольшое количество зерна получали с монастырских земель. Скала ниже северной площадки монастыря сохранила нижнюю часть вырубленной в ней зерновой ямы, грушевидной или колоколовидной формы, подобной ямам, встречаемым на Эски-Кермене и в других пещерных сооружениях Крыма. Скала здесь рухнула, другая часть зернохранилища осталась в этих свалившихся вниз обломках. Там же могли быть еще одна-две ямы. (Возможно, нарушение целостности скалы работами по изготовлению этих ям и привело к ее обрушению). Та одна, часть которой видна в разрезе скалы, сохранилась настолько, что ни высоту, ни диаметр основания определить достоверно не представляется возможным. Но кажется, что она имела более или менее стандартные размеры: около 3 м глубины, примерно 2,5 м диаметр. При таких размерах яма вместит до 6,5—7 м³ зерна. Данный объем зерна будет весить несколько более 5—5,5 т. Не имея точных данных о количестве потребляемого хлеба для эпохи средневековья, воспользуемся катоновскими нормами для рабов — от 3 до 4,5 модия (Cato., 56) в месяц. Для 15-ти монахов это даст от 3,5 до 5,2 т в год. Как видно, не нужно и предполагать на-

личие второй ямы, ибо содержимого одной вполне достаточно для того, чтобы прокормить всех обитателей монастыря. Предположив что, более близка к действительности меньшая цифра расхода хлеба (3,5 т), мы получим излишек зерна весом до 2 т. Он придет на посев будущего года, корм животным, возможно, и на благотворительные цели.

Судя по аналогиям, в окрестностях монастыря должны были находиться сад, огород, птичник.

Никаких следов не осталось от ремесленной деятельности монахов. Да вряд ли у них самих хватало сил на ремесло. Экономика монастыря носила ярко выраженный аграрный характер. Амфоры и пифосы, необходимые для нормального функционирования винодельческого комплекса, могли получать из гончарного центра, расположенного в долине Бельбека, в районе современного с. Голубинка (Романчук 1950, с. 81). Другие необходимые товары можно было закупать на рынке в Херсонесе, до него на лошади всего два-три часа езды.

Впрочем, в монастыре св. Феодора, подобно тому как в несколько более позднее время во многих византийских обителях, например, в Патмосском монастыре Иоанна Богослова (Горянов, 1950, с. 36); могли быть наемные работники, которые и трудились в монастырских ремесленных мастерских, изготавливая различные изделия для внутрихозяйственного употребления, а может быть и на продажу.

В целом монахи создали замкнутое, с сильными чертами натурального, хозяйство. В нем производились почти все необходимые пищевые продукты, в подвластных монастырю или в близлежащих деревнях можно было получать значительную часть ремесленных изделий. Но, разумеется, такое хозяйство не могло удовлетворить все потребности монахов, а потому оно было втянуто в товарный обмен. Виноградарство, животноводство, а может быть, и другие отрасли приносили избыток продуктов, который и обменивался на иные товары.

Монастырское хозяйство было коллективным по своему характеру. А это предполагало элементы внутрихозяйственного планирования, рациональное использование ресурсов, взаимопомощь и взаимозаменяемость в производстве, довольно глубокое разделение труда. Результатом должно было явиться и, судя по всему, явилось его превосходство над окружающими индивидуальными владениями, более быстрое развитие и обогащение. Превоначально коллектив состоял из самих монахов, в дальнейшем их роль все в большей мере сводилась к функции управления, непосредственными исполнителями

нителями становилось население окрестных сел, в той или иной мере зависимое от монастыря.

Писатель XII в. Евстратий Солунский полагал, что монастыри должны были быть поставлены под контроль светской власти, которая и заботилась бы о нуждах их обитателей. В противном случае монахи несравненно больше, чем о божественном, хлопочут о пропитании. Причем это превращается в страсть и доводит их до того, что они только тем и занимаются, что думают о прибыли и подсчитывают доходы (Каждан 1968, с. 67, 68). Именно в таком положении находились монахи монастыря св. Феодора До царской власти было далеко, а хозяйство — огромное, требующее постоянных забот и хлопот. По всей вероятности, монахи активно участвовали в производственной деятельности, занимались куплей-продажей, угнетали крестьян соседних сел.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонова И. А., Даниленко В. Н. и др. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. 1971. 7.
- Беляев С. А., Бушников Б. А. Исследование пещерного комплекса Чильтеры в 1973—1981 гг. // вв.—1986.—Т. 46.
- Веймарн Е. В. О виноградарстве и виноделии в древнем и средневековом Крыму // КСИА АН УССР.—1960.—Вып. 10.
- Веймарн Е. В., Чореф М. Я. «Корабль» на Каче.—Симферополь, 1976.
- Воронин Ю. С., Даниленко В. Н. Обстоятельства и время возникновения пещерных монастырей Крыма // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму.—Симферополь, 1992.
- Воронин Ю. С., Даниленко В. Н. и др. Работы в Бахчисарайском районе // АО 1978 г.—М., 1979.
- Гайдукевич В. Ф. Виноделие на Боспоре // МИА.—1958.—№ 85.
- Горянов Б. Т. Византийское крестьянство при Палеологах // вв.—1950.—Т. III.
- Даниленко В. Н. Монастырь Чильтер-коба: архитектурный аспект // История и археология Юго-Западного Крыма.—Симферополь, 1993.
- Домбровский О. И. Средневековые поселения и «испари» Крымского Южнобережья // Феодальная Таврика.—К., 1974.
- Домбровский О. И., Сидоренко В. А. Солхат и Сурб-Хач.—Симферополь, 1978.
- Домбровский О. И., Махнева О. А. Столица Феодоритов. Симферополь, 1973.
- Жеребцов Е. Н. Материалы к периодизации античных памятников Маячного полуострова // КСИА.—1985.—№ 182.
- Житие Филарета Милостивого // Памятники византийской литературы IV—IX веков.—М., 1968.
- Зуев В. Ф. Выписка из путешественных записок, касающихся до полуострова Крыма 1782 г. // из Месяцеслова на 1783 г. (отд. отт.).
- История Византии: в трех томах.—М., 1967.
- Каждан А. П. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв.—М., 1952.

Каждан А. П. Византийское сельское поселение // ВВ.—1949.—Т. II (XXVII).

Каждан А. П. Византийский публицист XII в. Евстафий Солунский Ч. II. // ВВ.—1968.—Т. XXVIII.

Левченко М. В. Церковные имущества V—VII вв. в Восточно-Римской империи // ВВ.—1949.—Т. II (XXVII).

Киселев А. Н. Очерки развития пчеловодства в Крыму // ИКОГО.—1961.—Вып. 7.

Клеман Н. Э. Путешествие из Вены в Белград и Новую Килию, также в земли буджакских и ногайских татар и во весь Крым...—СПб., 1973.

Могаричев Ю. М. К дискуссии о скальной архитектуре Крыма // История и археология Юго-Западного Крыма.—Симферополь, 1993.

Маликов В. М. Виноградарство в средневековом Крыму. Рукопись // АИА АНУ.—Симферополь, б/г.

Мыц В. Л. О результатах разведок в районе Сюренского укрепления.

Воронин Ю. С. Отчет о раскопках в зоне Сюренского укрепления в 1978 г.—Симферополь, 1979.—Т. II (рукопись).

Никон, архимандр. Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца. Свято-Троицкая Сергиева Лавра (собств. тип.), 1904 (Репр. воспр.).

Омелькова Л. А. Изучение сельских поселений в Бельбекской долине // АО 1979 г.—М., 1980.

Омелькова Л. А. Исследование раннесредневековых комплексов в Бельбекской долине // АО 1984 г.—М., 1986.

Омелькова Л. А. Исследование сельских поселений в долине р. Бельбек // АО 1980 г.—М., 1981.

Письма о Крыме, об Одессе и Азовском море.—М., 1810.

Поденная записка путешествию его сиятельства князя В. М. Долгорукова в Крымский полуостров, во время кампаний 1773 г. // 300 но.—1872.—Т. VIII.

Полонская Н. Одно из культурных начинаний Вольноэкономического общества, поддержанное в отношении Тавриды графом П. А. Зубовым // ИТУАК.—1981.—№ 54.

Поляковская М. А., Чекалова А. А. Византия: быт и нравы.—Свердловск, 1989.

Репников Н. И. Материалы к археологической карте юго-западного нагорья Крыма // Архив ИИМК ГАИ.—Ф. 10.—Д. 1.

Романчук А. И. Некоторые итоги научной работы Крымской экспедиции // Античные традиции и византийские идеали (АДСВ, 17).—Свердловск, 1980.

Романчук А. И., Омелькова Л. А. Средневековое поселение на левом берегу р. Бельбек // Социальное развитие Византии (АДСВ, 16).—Свердловск, 1979.

Сергеенко М. Е., Протасова С. И. Комментарий // Марк Порций Катон.—Земледелие.—М.; Л., 1950.

Стржелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического // ХСБ.—1961.—Вып. VI.

Троицкий Н. А., Киселев А. И. Растительность и животный мир Крыма.—Симферополь, 1952.

Туиманн. Крымское ханство. (Пер. с нем. изд. 1784 г. Н. Л. Эрнста и С. Л. Беляевской).—Гос. изд. Крым. АССР, 1936.

Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики // МИА.—1970.—№ 168.

**ГРАНИЦА РОССИИ И КРЫМСКОГО ХАНСТВА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII — 1-Й ПОЛОВИНЕ
XVIII ВВ.**

Предложенная тема требует некоторого уточнения и ограничения, чтобы четче обозначить те специфические черты, которые, по мнению автора, были наиболее характерны для южной границы России. На выбор затронутых проблем повлияла степень освещения в отечественной историографии (почти столетние хронологические рамки работы естественно вынуждают основное внимание сосредоточить на литературе вопроса), хотя привлекаются и архивные, и опубликованные источники, отложившиеся в делах Посольского приказа.

Целесообразно сосредоточить внимание на юго-западном участке границы России и Крымского ханства, который с середины XVII в. прикрывался Белгородской оборонительной чертой, затем Изюмской, а в XVIII в. Украинской и Днепровской, что дает возможность более тесно проследить взаимосвязь процесса формирования и развития государственных границ России с проблемами внешней политики государства того времени: воссоединением Украины и России, обеспечением безопасности южных районов от походов и набегов Крымского ханства, продвижением России к Черному морю. На практике решение этих задач оказывало весьма заметное воздействие и на проблему выхода в Балтийское море.

Для понимания реального положения дел прежде всего нужно сопоставить процесс заселения южных районов страны и фактического фиксирования линии границы. Насколько соответствовали укрепленные линии реальному распространению российского населения и административных властей? Можно ли считать границу России на юге фиксированной пограничной линией, или правильнее говорить о «пограничной зоне»?

Традиционным для русской историографии является противопоставление русской и польской систем обороны южных границ. В данной статье мы их сопоставим.

На состояние обороны границы решающим образом влияла военная и дипломатическая борьба на Украине в середине и второй половине XVII в. Как влияла эта борьба на ситуацию в районе границы?

Вполне понятно, что обозначенный круг вопросов требует рассмотреть в общих чертах политику крымских ханов и Тур-

ции (в отношении своих северных соседей) и как эта политика отразилась на эволюции линии границы с Россией и Украиной.

В XVII в. Крымское ханство стремилось максимально ослабить свою зависимость от Османской империи, в том числе и во внешней политике. Но не только это определило политику ханства. Очень часто русским посольствам в Крыму приходилось выслушивать претензии ханов на Украину, южно-русские земли по Дону, и на Астрахань, Казань, Башкирию. Выступая как влиятельная политическая сила в Юго-Восточной Европе, ханы пытались поставить Украину, Россию да и Речь Посполитую в политическую зависимость, трактуя традиционные подарки хану как дань подвластных народов, как проявление подчиненного положения. Лишь в 1644 г. московским посланникам Неронову и Головину удалось добиться у хана Ислам-Гирея официального признания русского царя «самодержцем», т. е. полновластным, независимым ни от кого правителем (Новосельский, 1948, с. 280). Набеги на соседей ханы пытались трактовать как феодальное право сузерена карать и миловать непокорных подданных.

В ханстве был разработан и соответствующий механизм достижения этой цели: поддерживать в Юго-Восточной Европе постоянную вражду, между Россией и Польшей помогая слабейшему (Смирнов, 1887, с. 555).

Международное и внутреннее положение России в начале XVII в. было крайне сложным. Польско-шведская интервенция и внутренняя смута привели к утрате в 1617 г. балтийского побережья по Столбовскому миру со Швецией, а по Деулинскому перемирию с Польшей в 1618 г. Россия потеряла Смоленск, Чернигов и Новгород-Северский. Ведущей политической силой в Восточной Европе в 20-х гг. была Польша, и ханство стремилось ослабить ее влияние. Для этого оно поддерживало мирные отношения с Россией, а походы в 1618—1630 гг. совершали в основном на Речь Посполитую (Новосельский 1948, с. 98—166).

Оправившись до некоторой степени от поражения к 1632 г., Россия почувствовала себя достаточно уверенно, чтобы попытаться вернуть Смоленск. Началась Смоленская война. Султан в этом году сам намеревался напасть на Речь Посполитую, а потому приказал хану Джанибек-Гирею не тревожить русские рубежи. Джанибек всегда считался одним из самых покорных султанской воле ханов, но на этот раз он под давлением крымской знати дерзнул ослушаться воли Стамбула: Смоленская война означала, что Россия стала опасной и теперь надлежало ослабить именно ее.

Русские полки уже осадили Смоленск, когда в 1632 г. двадцатысячная конница татар прорвала обветшавшую за- сечную черту по реке Оке и увела в полон 3000 человек. На следующий год уже 30 тыс. татар опустошили земли вокруг Москвы, Серпухова и Каширы. Пришлось перебросить значительные силы из-под Смоленска и война с Польшей закончилась неудачно (там же, с. 204—222).

Стало ясно, что прежде, чем вести борьбу с Польшей, либо Швецией, нужно укрепить и обезопасить южные границы. С 1635 г. началось строительство новой оборонительной линии, которая проходила значительно южнее прежней: первые укрепления были неподалеку от нынешнего Харькова, далее на Белгород, Воронеж, Козлов, Тамбов, Саранск и в Симбирске подходили к Волге. Линия эта в военно-административном отношении делилась на две части — на Белгородскую и Симбирскую оборонительные черты. Границей между ними был Тамбов, входивший в Белгородскую черту. Строительство в основном велось в 1635—1653 гг. и окончательно завершилось к 1658 г. (Загоровский 1969, с. 72—74).

Неясным остается вопрос: насколько эта линия обороны соответствовала реальной границе Российского государства. Обозначала ли линия обороны линию границы, или это был только стержень пограничного района? В Советской Исторической Энциклопедии говорится, что Белгородская оборонительная черта шла по границе владений России (СИЭ, 1962, с. 214). Близок к этому мнению И. Н. Миклашевский, который полагал, что с появлением оборонительной линии население стало расселяться вдоль нее, причем по обе ее стороны (Миклашевский, 1894, с. 209).

В. П. Загоровский в первой монографии «Белгородская черта» не дает четкого представления о границе. С одной стороны, он оспаривает мнение о линии укреплений, как о линии границы, с другой стороны, считает, что поселение за пределами черты было просто невозможно из-за татарских набегов (Загоровский 1969, с. 7).

В другой своей монографии — «Изюмская черта» — историк определяет свои позиции более четко. Он пишет, что «территория, по которой прошла Изюмская черта... стала частью Российской империи задолго до строительства черты (черта была построена в 1679—1681 гг.—Г. С.). еще в XVI в. Важную роль в закреплении этих земель за Россией сыграла во второй половине XVI в. русская сторожевая служба в южной степи и особенно установка пограничных знаков экспедиций Михаила Тюфякина и Матвея Ржевского на конечных точках русских станичных разъездов в 1571 году... На

наш взгляд этот вопрос настолько ясен, что на нем нет необходимости останавливаться (Загоровский, 1980, с. 20). Иными словами, граница была там, куда доходили русские разведывательные станицы и сторожи.

Но в таком случае исчезает вообще представление о реальной границе, ибо разведчики русских воевод действовали и на территории Речи Посполитой, и в Крымском ханстве (Апанович, 1969, с. 151), и в Османской империи.

М. Н. Тихомиров, описывая состояние российских земель в XVI в., не включает в состав России Слободскую Украину, по территории которой прошла Изюмская черта. Говоря о заселении степной окраины и Дикого Поля, он пишет, что «население располагалось как-бы своего рода островками... Медленно, но методически граница России продвигается на юг. Именно в этом столетии начинается наступательное движение русского населения в сторону Черного моря» (Тихомиров, 1962, с. 415).

Два таких «островка», затерянных среди просторов Дикого Поля, М. Н. Тихомиров отмечает в районе будущей Изюмской черты: Валуйки и Царев-Борисов. По его мнению Валуйки возникли на месте стоянки сторожевого разведывательного отряда в 1598 г. Царев-Борисов был поставлен в 1599 гг. Богданом Яковлевичем Бельским, опальным любимцем Бориса Годунова, вблизи крымских границ, и когда до подозрительного царя Бориса дошли слухи, что Бельский вознамерился стать в этом удаленном городе царем, он приказал тайно схватить и заточить Бельского, ибо боялся, что поблизости от донских казаков «Богдан Бельский может стать своеобразным Вишневецким на русской окраине» (Тихомиров, 1962, с. 423—424).

Итак, М. Н. Тихомиров границу столь далеко на юг не отодвигает. Для уточнения понимания границы целесообразно, вероятно, исходить из следующих посылок: 1) Заселенность территории (стабильная и достаточно плотная), 2) Российская администрация, 3) Наличие укреплений, обозначающих границу.

Исследования А. А. Новосельского, проведенные по материалам Разрядного приказа о съске беглых крестьян, позволили ему сделать вывод, что к моменту начала строительства Белгородской оборонительной черты (1635 г.) население юга России размещалось по преимуществу в Курском, Елецком, Ливенском уездах и не переходило течения рек Сейма и Быстрой Сосны. Белгородская оборонительная черта строилась на сотни километров южнее этого района расселения. Лежащие в Диком Поле немногочисленные города-островки были

чисто военными поселениями и «суровый режим жизни мешал притоку сюда населения» (Новосельский, 1948, с. 166).

Располагались эти городки в «крепких местах», у рек, в стороне от обычных путей татарских вторжений. К городу лепились поближе несколько сел. Но даже и эти города-островки располагались значительно севернее будущей черты. Только Белгород и Воронеж стали крепостями на черте, а Валуйки, Царев-Борисов и Саратов были вынесены и того дальше: к границам расселения донских казаков и ногайцев.

Таким образом, строительство оборонительной линии от границы с Речью Посполитой до Волги как бы опиралось на отдельные форпости, вынесенные далеко за пределы основной территории государства; шло это строительство по инициативе государства и силами государства-строили служилые люди южных уездов России, мобилизованные крестьяне, посадские люди. Возникающая в степи линия оборонительных сооружений была фактически и линией государственной границы, за пределы которой не распространялось ни население, ни административная власть.

Строительство Белгородской черты было закончено к 1653—1658 гг. И уже к 1678 г. численность населения Черноземного центра страны, (к северу от черты) составила 910 тыс. человек, при общей численности населения России этого времени 3906 тыс. человек. (Водарсткий, 1977, с. 153).

Создается своеобразное военно-административное управление во вновь освоенных районах. А. В. Чернов называет это управление «военно-административным округом» (Очерки, 1955, с. 449). Для Белгородской черты это был Белгородский Разряд. Во главе округа стоял белгородский воевода, ему подчинялись воеводы других городов по черте. В подчинении белгородского воеводы с 1658 г. было крупное военное соединение — Белгородский полк, состоявший из рейтар, драгун, солдат и детей боярских. Это соединение делилось на три части: большой полк под командой белгородского воеводы, полк первого товарища воеводы и полк второго товарища воеводы. Общая численность Белгородского полка составляла в 1668 г. 18 892 человека (Загоровский, 1969, с. 157). Создается своеобразная канцелярия при воеводе — белгородская разрядная приказная изба. В подчинении у белгородского воеводы были города не только по черте, но и все, расположенные до прежней засечной черты по Оке, и те немногие крепости, которые возникали к югу от черты (там же, с. 159). Вероятно, те же процессы шли и на Симбирской черте.

В укреплениях помельче командовали казацкие, стрелецкие и прочие «головы». Жизнь воеводы на пограничной ук-

репленной черте была очень трудной и хлопотной. Ему надлежало «город и всяких крепостей берегать и караулы в день и ночь в городе, в остроге и у крепостей держать и от татарского приходу города и острога и всяких крепостей оберегать, чтобы воинские люди к граду... безвесно не пришли и городу и острогу и крепостям какие порухи не учинили» (ЦГАДА, ф. 210, № 25).

Особенно надлежало беспокоиться о хорошей боевой подготовке гарнизона и прежде всего учить хорошо стрелять. «А зелье (порох) на учение велеть брать им свое, казенное зелье беречь для прихода неприятеля» (там же, к. 26).

Воеводы и командиры крепостей должны были тщательно следить, чтобы не нарушалась монополия государства на продажу спиртного. У виновных отбирали вино и посуду и продавали все это «по тамошней большой цене» деньги шли в казну. Правда, наказание было весьма условным: рекомендовали «брать на крепкие поруки за письма, чтоб им впредь корчемное питье и табаку не держать (курение табака в России XVII в. запрещалось законом — Г. С.) и жонок блядей, и ведунов и ведуней не держать, и татей и разбойников и боярских беглых людей потомуж у себя не держать ... и людей пе грабить и никаким воровством не воровать» (Там же, к. 33). Как видим, воеводам и прочим начальникам приходилось не только воевать, но и осуществлять функции полиции нравов.

Вместе с заселением края севернее черты постепенно сюда проникают и крепостнические отношения. Соборным уложением 1649 г. отменялся срок сыска беглых, но специфика пограничной черты сказывалась постоянно. Специальными указами 1653 и 1656 гг. правительство ограничивало действие Соборного уложения. Вначале предписывалось не выдавать тех, кто бежал до 1649 г., затем тех, кто бежал до 1653 г. (завершение строительства черты) «чтобы черты не опустошить». (Загоровский, 1969, с. 252). В. П. Загоровский считает проявлением крепостнической политики массовые сыски беглых, проведенные на черте в 1660-х гг. (там же, с. 253). Это, вероятно, но хотелось бы подчеркнуть, что до этого времени массовых сысков не проводилось, а, следовательно, правительство смотрело сквозь пальцы на приток сюда беглого населения, хотя с принятия Соборного уложения прошло более 10 лет.

Таким образом, к 1653—1658 гг. южная граница России представляется весьма четкой и заметной линией сплошной пограничной обороны, с лесными засеками, рвами, крепост-

ными стенами. Население и администрация располагаются в основном за чертой.

Безусловно, очень скоро поселения перешагнули пределы оборонительных черт. Процесс заселения территории южнее Симбирской и Сызранской оборонительных черт вообще в нашей литературе остается не исследованным. По мнению Я. Е. Водарсткого трудность состоит в том, что здесь было многочисленным нерусское население, как правило, слабо учитываемое в XVII в. российской администрацией, а «южнее Симбирска Среднее Поволжье вообще было слабо заселено» (Водарсткий, 1977, с. 181).

В. А. Осипов полагает, что за 2—3 десятилетия после завершения Симбирской оборонительной черты «пахотные земли, леса, сенокосы и прочие угодья севернее Симбирской черты были в значительном количестве разданы по пожалованиям русским помещикам, а так же мелким служилым людям, поселившимся здесь» (Осипов, 1976). Население стало постепенно проникать за черту. Эти вновь освоенные земли были защищены в 80-х гг. XVII в. новой, Сызранской чертой. К концу XVII в. далеко за пределами этой линии к югу, были возведены Камышинская и Петровская крепости (там же, с. 66).

Итак, можно констатировать, что начиная с 30-х гг. XVII в. идет процесс поглощения Россиейничейной нейтральной территории Дикого Поля.

Лучше исследован вопрос о заселении Слободской Украины. Нужно сказать, что заселение это шло довольно активно. Оно началось еще в 1630-е гг., когда часть восставшего казачества уходила от преследований Речи Посполитой. Довольно активным заселение было в годы Освободительной войны Б. Хмельницкого и особенно усилилось после воссоединения Украины и России. В значительной мере переселению способствовало то, что основной удар татарские отряды направляли на Украину и Речь Посполитую, а земли Слободской Украины, примыкавшие, а частично и заходившие за Белгородскую черту, были лучше защищены от возможных вторжений Белгородским полком. Во время последующей русско-польской войны военные действия шли и на Украине. К тому же теперь Украина и Россия были связаны отношениями конфедерации, что облегчало переселение в Слободскую Украину. Следует добавить, что земля была покрыта лесами, и эти леса были трудно доступны для татарской конницы.

В 1670-х гг. воеводы Белгородского полка получили приказ селить украинцев только южнее черты (Загоровский,

1980, с. 51), лишь в 70-х гг. Белгородская черта постепенно утрачивает значение пограничной линии.

Заселение Слободской Украины и возведение прикрывавшей ее Изюмской черты шло по тому же принципу. Вначале появлялись опорные базы-города (Валуйки, Царев-Борисов, Маяцкий (1645 г.), Харьков (середина XVII в.), Изюм (возник в 60-х гг. XVII в.). Затем в 1679—1681 гг. по рубежу заселенных земель строится Изюмская оборонительная черта.

В административном отношении территории Слободской Украины была подчинена белгородскому воеводе, хотя и сохраняла внутреннее самоуправление: украинские казаки-переселенцы избрали полковую и сотенную администрацию. Здесь было создано 5 казацких полков: Острогожский, Сумской, Ахтырский, Харьковский и Изюмский. Черта проходила в 150—200 км южнее Белгородской. Начиналась она недалеку от г. Полтавы у верховьев р. Коломак, шла по южному берегу р. Мжи, по среднему течению Северского Донца, по рекам Осколу и Валую и в районе г. Усерда соединялась с Белгородской. Изюмская черта вплотную прилегала к северо-восточным границам Запорожья. Запорожье в этом районе представляло почти пустынную территорию и даже в 1-й половине XVIII в. здесь практически не было населения (Кабузан, 1976, с. 50). К тому же по условиям Андрушовского перемирия 1667 г. Запорожье находилось в совместном владении России и Речи Посполитой, вошло оно в состав России только по Бахчисарайскому перемирию России и Турции (1681 г.) и по русско-польскому Вечному миру 1686 г. До этого времени Россия не могла проводить их активное заселение. Как известно, после Полтавского сражения 1709 г. запорожские казаки ушли в пределы Крымского ханства, что окончательно привело к запустению Запорожья (там же, с. 77).

Таким образом, собственно российская граница с Диким Полем и в середине XVII в., и ко времени возведения Изюмской черты представляется довольно четкой линией укреплений и совпадающим с ней районом реального распространения населения.

Этого нельзя сказать о южных пределах Украины. В 1655 г. от гетмана Богдана Хмельницкого запорожцы получили универсал, в котором так определялись южные границы Запорожья: вниз Днепра «до самых степей ногайских и крымских», далее к реке Бугу и по Бугу до реки Синюхи. К востоку от Днепра по реке Самаре и далее через степь до Дона. (Яворницкий, 1990, с. 29). Как видим, представление о границе весьма не четкое; самым южным опорным пунктом

России на Слободской Украине был городок Тор, именно до этого пункта сопровождал русских послов в Крым отечественный коњвой (ГАДА ф. 123, л. 44, об. 45).

Несколько уточняют это представление о границе данные статейных синсков русских послов в Крым. В них отмечается, что ногайские кочевья по Днепру подходили довольно близко к Запорожской Сечи. Так русские послы в Крым выехали из Сечи 2 февраля 1657 г. и уже на другой день встретили кочевья ногайцев (там же, к. 58). Но это была скорее ничейная земля. Первый татарский город в низовьях Днепра встретил послов 7 февраля, это был Ислам-Кермень, и в тот же день послы вошли в Шел-Кермень, который прикрывал от запорожцев подступы к ханству. «Город каменный, в нем 4 башни. Около иво ров глубок — 3 сажени глубина (более 6 м.— Г. С.), а через ров мост. Посередь стоит башня о трех верхах. В ней проезжие ворота. А стоит на Днепре, на берегу, от моря один день (пути), а от волоски границы два дня езды. А посаду около иво нет.» (Там же, к. 64—65). В описании русских послов видится незначительный пограничный городок. Вероятно, в ничейную полосу земель входило урочище Черный лес под Чигирином — столицей гетманов Украины, возможно, это урочище входило во владения Крымского ханства, т. к. кочевья ногайцев здесь появлялись весьма часто.

Столь же неопределенно намечена южная граница Украины и России и по Бахчисарайскому договору 1681 г.: татары могли кочевать в низовьях Днепра, здесь же могли ловить рыбу, добывать зверя, варить соль и запорожцы (Яворницкий). Неопределенно обозначена южная граница в районе Днепра и по Константинопольскому миру 1700 г.: «Азову городу со всеми землями и водами быть всем в державе царского величества, а от Перекопа и от края моря Перекопского до первого нового запорожского городка (Миусского) землям быть праздными» (Там же с. 28—29).

Впервые точную границу на Украине с Крымским ханством определили в ходе межевания границы 1705 г. Межевая запись, составленная 22 октября Емельяном Ивановичем Украинцевым, точно описывала линию границы, начиная с низовий Южного Буга и до впадения в Днепр речки Каменки. На Восток от Днепра граница шла по реке Конские воды и далее до устья реки Миуса (Там же, с. 31).

По условиям Прутского мира 1711 г. и Адрианопольского мира 1713 г. Россия теряла значительную часть территорий: к западу от Днепра от местечка Крылово до Верхней Ирклей, Ингульца, Ингула — то есть почти всю территорию Запоро-

жья. К востоку от Днепра она тоже была отнесена на север и шла посередине между реками Самара и Орель. Азов и Таганрог отходили к Турции. Граница к востоку от Днепра была точно демаркирована на местности и положена на карту (Полное собрание 1830 с. 119—121).

После русско-турецкой войны 1735—1739 гг. (по Белградскому миру 1739 г.) Россия возвращает утраченные территории и вновь проводится четкая линия границы, в основном повторяющая границу 1705 г. (Яворницкий, 1990, с. 34).

Готовясь к предстоящей войне, Россия с 1731 по 1733 гг. возводит новую оборонительную черту, южнее Изюмской — Украинскую. Украинская черта шла от устья Орели по течению реки до ее притока Берестовой, потом по притоку Северского Донца р. Береке до ее устья. Продолжительность черты 285 км (Апанович, 1969, с. 158). Если учесть, что тогдашняя граница проходила между Самарой и Орелью, то мы увидим новую Украинскую линию довольно близко к пределам государства.

Земли между Изюмской и Украинской чертами в это время были практически не заселены. Заселились они только к 1745 г. и то довольно слабо: примерно 45 тыс. душ м. п. Большую роль в этом заселении сыграло возвращение запорожцев в 1734 г. (Вернулось около 10 тыс.). (Кабузан, 1976, с. 81). В 1750-х гг. эти земли к северу от Украинской линии начинают заселяться иностранными выходцами. К западу от Днепра в 1751 г. появляется Новая Сербия, а к востоку в 1753 г.— Славяно-Сербия, между г. Бахмутом и р. Луганью (Бажкова, 1892, с. 128—150).

В административном отношении в 40-х гг. XVIII в. крепости и территории Украинской линии приписывались к Белгородской провинции, т. е. по традиции Белгород оставался как бы центром управления всей южной границы. Вернувшись в 1734 г. запорожцы создают 5 паланок, позднее к ним прибавилось еще три. Указом от 22 марта 1764 г. Новая Сербия и примыкающие к ней казачьи поселения были преобразованы в Новороссийскую губернию, а указом от 11 июня в состав губернии была включена Украинская линия, Славяно-Сербия и Бахмутская провинция (Кабузан, 1976, с. 52—53). После строительства Изюмской, а тем более Украинской черты, размеры Дикого Поля от некогда почти необъятных, тянувшихся от Оки до Крыма, сужаются до пределов 150—200 км с севера на юг.

Само побережье Черного моря между Бугом и Днепром заселено почти не было, если не считать кочевьев белгородских татар. Только с середины XVIII в. там появляется не-

значительное оседлое население — украинцев и русских — которые платили дань крымскому хану. По условиям Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. эти земли вошли в состав России и были включены в Новороссийскую, а затем Херсонскую губернии.

Если говорить точнее, то мирный договор 1774 г. лишь закрепил за Россией эти территории. Отшли они к России сразу после начала русско-турецкой войны, когда в 1770 г. была возведена так называемая Днепровская оборонительная линия. «Эта линия должна была отделять всю Новороссийскую губернию от татар. От Днепра она тянулась до Азовского моря, проходя по рекам Белой и Конским водам и разрезая всю крымскую степь» (Багалай, 1920, с. 36). Днепровская линия была поставлена уже прямо на границе с Крымским ханством. Дикое поле как прослойка ничейной земли окончательно исчезло. На очередь дня стал вопрос ликвидации независимости Крымского ханства.

Несколько слов об организации защиты границы. В нашей науке существует не совсем верное противопоставление гарнизонной и станичной службы на границе. В. П. Загоровский, говоря о засечной черте XVI в., писал: «Старая система защиты страны с юга, состоящая из сочетания укрепленных городов, сторожевой службы и расположения войск у Оки не оправдала себя. У опытных в военном деле людей, знающих южную окраину России, не могла не возникнуть мысль о необходимости изменения системы, о строительстве на полевой окраине не отдельных городов, а сплошной укрепленной линии поперек татарских вторжений» (Загоровский, 1969, с. 70).

По видимому, В. П. Загоровский совершенно напрасно разрывает единую систему охраны и обороны границы. Процесс укрепления рубежей начался обычно с выдвижения отрядов войск на опасные и легко доступные для неприятеля участки, затем далеко в степь посыпали отряды разведчиков (станицы и сторожки). Южнее границы, в стороне от обычных путей вторжения неприятеля, строились города-крепости для организации постоянного наблюдения за Диким Полем. Это были немногочисленные опорные пункты, которые со временем соединялись сплошной линией обороны. На линии строились крепости и острожки, и вновь в Дикое Поле направлялись передовые отряды — сторожки и станицы.

Органически сплетались в единое целое засечные черты в лесах, крепостные стены и валы в степной зоне, дозорная и сторожевая службы, сухопутные и морские походы казаков на Крымское ханство.

В нашей исторической литературе с момента публикации книги А. А. Новосельского «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в.» (М., 1948) принято противопоставлять польскую и русскую системы обороны границы. «Приемы борьбы с татарами, применявшиеся Московским правительством, коренным образом отличались от приемов и способов обороны Правобережной Украины. Польское правительство не сооружало сплошных засечных черт, подобных тем, которые издавна сооружались по границам Московского государства, не стремилось защитить всей своей пограничной полосы. Оно предпочитало сосредоточение значительных иногда вооруженных сил в одном каком-либо месте, предпочитало крупные боевые столкновения с совершившими нападения татарами. Польским войскам удавалось иногда одерживать над татарами победы, но эти победы не мешали татарам повторить нападения снова и возместить неудачу захватом многих тысяч, а иногда и десятков тысяч полона. Если сравнить потери от татарских нападений на Украину и Московское государство в течение всей первой половины XVII в., очевидным становится, что первые во много раз превышали вторые... Московская система была тяжеловесной, не приносила значительных побед, но она лучше охраняла украинское население, и хотя медленно и постепенно, но неуклонно отодвигала линию борьбы все далее к югу. Построение городов и засечных черт проочно закреяляло за государством все новые и новые пространства, на которые затем шло население и распространялось земледелие. Московская система централизованной организации обороны доказала свои несомненные преимущества» (Новосельский, 1948, с. 368).

Специфику польской системы обороны А. А. Новосельский объяснял децентрализацией Речи Посполитой, а так же тем, что «нападения татар почти не затрагивали коренных польских земель. Бедствия Украины не так уж болезненно задевали польское правительство» (Там же, с. 10).

Эффективность обороны, конечно же, зависела от силы и централизации государственной власти. В этом смысле Россия явно опережала Речь Посполитую. Мысль А. А. Новосельского о том, что Речь Посполитая спасалась от татарских набегов за счет выдачи на «поток и разграбление» Украины весьма спорна. Дело в том, что основные массивы земельных владений польских магнатов находились именно на Украине. Почти все Правобережье Днепра принадлежало Конецпольским, Потоцким, Собеским, Замойским, Калиновским; Вицневецкие владели едва ли не всей Полтавщиной (Исто-

рія 1979, с. 15—16). Следовательно, ущерб от татарских нападений несли те самые магнаты, которые вершили судьбами Речи Посполитой. Логично предположить, что они были весьма заинтересованы в создании эффективной обороны своих владений.

Рассмотрим подробнее, что представляла собой польская система обороны и можно ли ее считать чисто польской. Действительно, в Речи Посполитой не было сплошных оборонительных линий. Польские специалисты по военной истории утверждают, что пограничные войска располагались в три эшелона и охватывали громадные территории. Первый эшелон составляли казаки, которые вели непрерывное наблюдение за степенью и зажигая сигнальные «маяки» предупреждали о появлении татар, поднимали тревогу, а сами оттягивались ко второму эшелону.

Второй эшелон состоял из гарнизонов крепостей и крупных отрядов, расположенных на наиболее опасных участках: переправы, водоразделы рек, наиболее частые маршруты вторжения и т. п. Его задача состояла в том, чтобы сдерживать противника до подхода главных сил (Теодорчик, 1970, с. 99, *Zarys dziejow*, 1965, S. 466). Так, например, во время Хотинской войны 1621 гетман Ходкевич занял переправу на Днестре в единственном доступном для формирования реки месте. Турецкие отряды безрезультатно атаковали его более месяца после чего заключили перемирие (*Ibid*, S. 429).

Но эта система в принципе не отличается от начальной фазы создания пограничной обороны в России: то же система выдвижение к рубежам главных сил армии (третьего эшелона), та же система вынесенных вперед крепостей и крупных отрядов, то же выдвижение войск на переправы через пограничные реки, наконец, та же система сторож далеко в степи, что и России. В России именно на этой основе была построена оборона границы еще в XV в., во время стояния на Угре против хана Ахмада (Назаров 1983).

Принципиальным сходством польской и русской систем обороны можно объяснить ту легкость, с которой Украина в 1654 г. «влилась» в Белгородскую черту. Перед началом русско-польской войны за Украину 1654—1667 гг. на Белгородскую черту был направлен семитысячный корпус Василия Борисовича Шереметева с задачей прикрыть тылы русской армии на случай удара татар и оказать помощь Богдану Хмельницкому (Мальцев, 1974, с. 24—34). Летом 1654 г. из этого корпуса направили на Украину полк Андрея Васильевича Бутурлина (там же, с. 34), а в 1655 г. на Украине действовал уже весь корпус. Соединенные силы нанесли польскому

и татарскому войскам крупные поражения под Ахматовым и под Озерной (Санин, 1987, с. 142—144). Речь Посполитая в 1654 заключила союз с Крымским ханством против России и Украины.

Для усиления обороны Киева в город был введен российский гарнизон 103 кавалериста, 2316 пехотинцев (Акты 1878, с. 380—382). К концу войны российские гарнизоны стояли во всех полковых городах Левобережной Украины. Эти гарнизоны вместе с казаками соответствующих полков очень похожи на второй эшелон польских пограничных войск. Всю вторую половину XVII века на Белгородской черте пребывал и третий эшелон русских войск — корпус, которым после В. Б. Шереметева командовал Г. Г. Ромодановский.

Границу прикрывали расположенные вдоль нее казацкие полки: Брацлавский, Уманьский, Корсуньский, Калицкий, Белоцерковский, Чигиринский и Полтавский. В ближайшем резерве стоял полк А. В. Бутурлина (Акты 1889, с. 932; Санин, 1987, с. 135, 214). В задачу этого прикрытия входило удержать неприятеля до подхода главных сил. Так было, например, в 1654 г., когда оборона Брацлава и Уmani позволила Хмельницкому и В. Б. Шереметову сосредоточить силы и нанести удар по польским и татарским войскам в январе 1655 г. под Ахматовым (Санин, 1987, с. 138—144).

Ту же самую практику крепостных гарнизонов, обороны наиболее опасных мест, выдвижения сторожевых постов можно наблюдать и в середине XVIII в. Вся граница была перекрыта казацкими форпостами, разъездами станицами. К линии границы подтянуты были казацкие полки и в наиболее значительных городах Левобережья и Слободской Украины располагались российские гарнизоны (Ананович, 1969, с. 135—142, 150). По подсчетам Е. М. Ананович к началу 30-х гг. XVIII в. на Украине насчитывалось 90 таких крепостей, из них 5 особенно крупных: в Киеве, в Переяславской, в Переяславле, в Чернигове, в Нежине и в Бахмуте (там же, с. 128).

Вероятно, нужно говорить не о двух принципиально различных системах обороны, а о двух этапах складывания однотипных систем. На втором этапе появляются сплошные оборонительные линии и теперь гарнизоны, форпости, разведка в степи опираются на эту прочную основу. Речь Посполитая не сумела довести свою оборону на юге до второго этапа. Поскольку страна не имела достаточно сил для возведения дорогостоящих оборонительных линий, польское военное искусство на всем протяжении XVII и XVIII вв. явно испытывало «жажду сражения» с татарами, стремление

решить вопрос молниеносным разгромом противника (Теодорчик, 1970, с. 104).

Оборону границ Польши и Украины (до 1654 г.) отличала от России одна особенность, которая в какой-то мере компенсировала отсутствие оборонительной линии. Почти каждое село на Украине и в юго-восточной Польше имело небольшое укрепление, способное выдержать короткую атаку конницы татар. В лучшем случае это были земляные валы с деревянными стенами, но чаще — просто крутые горы и ограждения из крестьянских возов, или два ряда плетней с насыпанной между ними землей «Оборонительная ценность такого объекта в боях превосходящими силами регулярных войск ничтожна, но зато в отношении небольшого татарского чамбула, не имеющего в своем распоряжении орудий, или даже огнестрельного оружия, была довольно значительной» (Kotula, 1962, S. 88).

Такие же мелкие сельские укрепления имелись и на Украине, в том числе и в той ее части, которая отошла после окончания русско-польской войны, по Адрусовскому договору 1667 г. к России. По мнению Е. М. Апанович, общий уровень и характер фортификационной системы на Украине отражали не города-крепости, а именно эти легкие укрепления. «Едва ли не все украинские города и значительное число mestечек, прежде всего сотенных, по традиции обязательно были укреплены, что имело определенное значение для защиты населения от турецко-татарской навалы. Как известно, татарские нападения познавали на себе прежде всего беззащитные села и неукрепленные mestечки. Татарские орды всегда обходили даже едва-едва укрепленные пункты» (Апанович, 1969, с. 128).

Неоднозначно оценивалась историками и эффективность обороны южных границ. Тактика обороны зависела от способа действий крымских татар. Обычно, чтобы охватить большую территорию, крымские воины закладывали главный обоз — «кош» от которого во все стороны расходились отряды — «чамбулы»; чамбулы в свою очередь многократно дробились.

Основа тактики польских полевых войск сводилась к тому, чтобы нащупать и уничтожить этот «кош», а потом вылавливать мелкие отряды (Korzon, 1912; Górska, 1895; Siciowski, Szulcynski, 1981). В принципе так же действовали русские и украинские войска на Украине в XVII в. (Апанович, 1969, с. 141—150). Относительно тактики военных действий в полевых условиях, которой придерживалась Россия в XVII в., специальных исследований нет, но скорее всего эта

тактика принципиально не отличалась от польской и от более поздней русско-украинской. Выше приводилась отрицательная оценка этой тактики А. А. Новосельским.

Польский историк Ежи Теодорчик дает противоположную оценку: «Такая система выполняла свою задачу и вызывала сильное развитие поселений и хозяйства на землях, некогда почти пустых» (Теодорчик, 1970, с. 99). Высоко оценивает эту тактику украинский историк Е. М. Апанович: «Итак, благодаря хорошо организованной сторожевой и разведывательной службе продвижение вражеских сил к украинским границам нередко своевременно замечалось и к обезвреживанию врага принимались необходимые меры... сторожевой службе ... принадлежала выдающаяся роль в организации отпора турецко-татарским нападениям. Она ослабляла натиск врага, способствовала уменьшению набегов и их разорительных последствий. Так и ущерба от нападений татар стало меньше, да и сами орды нередко отступали в Крым со значительными потерями» (Апанович, 1969, с. 156).

Польский исследователь-краевед Франтишек Котула оценивает результаты действий армии Речи Посполитой не очень высоко: «Сравнительно немногочисленному войску Речи Посполитой (до 1648 г. в мирные периоды несколько тысяч квартальных жолнеров) только иногда удавалось помешать проникновению татар вглубь территории. Чаще оно могло лишь предостеречь угрожаемые земли о нападении орды. Население пряталось в укрепленных городах, либо в замках. Не всегда, однако, поблизости были войска, не всегда было на это время. В этом случае укрывались в лесу, в болотах, на труднодоступных высотах... В Кракове и в других селах около Ланкута до сих пор, если не могут найти ни хозяев ни в доме, ни вокруг, громко кричат: «Каська — Мария, выходит! Татары ушли» (Kotula, 1962, S. 77—78).

Татарские нападения были сильнейшим потрясением для села. В правовых книгах Пшеворского и Ланкутского ключей ведется отчет событий «от первых татар», «от вторых татар», «от третьих татар». Перемышльский епископ А. Грохольский разрешал венчать второй раз, если один из супругов был угнан в рабство, что приравнивалось к смерти (*Ibid*, S. 75).

Действительно, полной гарантии безопасности населения эта погоня за каждым чамбулом дать не могла. Ян Собеский во 2-ой половине XVII в. несколько модернизировал ее, стараясь обходным маневром отрезать пути отступления. Но и теперь подвижные чамбулы очень трудно было перехватить. В походе против татар и украинского гетмана Петра Доро-

феевича Дорошенко в 1672 г. Собеский по татарскому обычаю имел по два коня на каждого всадника, за 10 дней он прошел более 300 км и дал 4 серьезных сражения (Маевски 1970, с. 129). Но, конечно же, и теперь далеко было до полной, гарантированной защиты.

Впрочем, и эта система обороны против крымских татар, начиная со времен Б. Хмельницкого, практически оказалась выведенной из строя крымско-казацкими союзами против Речи Посполитой, когда татарские войска беспрепятственно проходили по Украине (союзы с Крымом Б. Хмельницкого, И. Выговского, П. Дорошенко и других) с 1654 г. Речь Посполитая была сама в союзе с Крымом и в качестве платы союзникам отдала им на разграбление и «пропитание» весной 1655 г. 35 сел и небольших городков в Подолии и на Брацлавщине (Санин, 1987, с. 148). Защищаться крестьяне могли только в таких небольших «замочках» за плетенными стенами.

Возведение Белгородской, Симбирской, Закамской, Сызранской и Изюмской оборонительных черт сделало невозможным нападение татар на центральные российские районы, значительно раздвинуло пределы российских границ на юге. Известны лишь единичные случаи прорыва линии, да и то отряды неприятеля не отходили далеко от места прорыва, опасаясь быть отрезанными от Дикого Поля (Загоровский, 1969, с. 286; 1980, с. 81).

В отношении Украинской линии нет столь ясных и однозначных оценок. В восьмитомной «Истории УССР» отмечено только, что черта эта возводилась для отражения возможной агрессии Турции и постоянных набегов крымских татар. Несколько эта возведенная линия оправдала надежды — остается неясным. (Історія 1979, с. 360).

По мнению В. М. Кабузана, Украинская линия способствовала заселению Новороссии. (Можно предположить, что действовала линия нормально?) (Кабузан 1976, с. 51, 76—78).

Противоположной оценки придерживается Е. М. Апанович. Надежды на то, что эта линия защитит Слободскую Украину по мнению Е. М. Апанович не оправдались: «Несмотря на громадные людские и материальные ресурсы, затраченные на строительство Украинской линии, она вовсе не оправдала своего предназначения. Это было следствием не специфических особенностей самой линии, а того уровня фортификационного дела и общих принципов оборонного строительства, которые существовали в то время в России. По своим основным принципам сооружения приграничной российской линии остались неизменными на протяжении нескольких

столетий. Как правило, они являли собой соответствующую изгородь, земляную, либо деревянную, подкрепленную опорными пунктами, что их в старину называли городками, а со временем — крепостями, фельдшанцами, редутами, форпостами (Апанович, 1969, с. 167). «Украинская линия в значительной мере была анахронизмом» (Там же, с. 168). К тому же, линия постоянно пребывала в паршивом состоянии. Инспекция 1738 г. вынесла заключение, что линия не пригодна к обороне (Там же, с. 160).

Не со всеми из этих утверждений можно согласиться. Вероятно, качество укреплений Украинской линии, действительно, оставляло желать лучшего, во многих местах татары прорывались через нее (Там же, с. 168). Особенно плохо было со строевым лесом. Но если значение линии было столь уж ничтожным, то почему в 40—50 гг. резко сокращается число татарских набегов на Украину? Архивные источники фиксируют только нападения незначительных чамбулов (Там же, с. 156).

Ссылки на то, что система непрерывных защитных черт явно устарела, представляются необоснованными. Менять эту систему было целесообразно, если бы изменились методы борьбы другой стороны границы, а эти методы оставались на редкость консервативными и неизменными. Татары действовали все так же: быстрыми набегами легкой конницы.

Лучшим свидетельством того, что старые принципы успешно действовали, является строительство еще одной — Днепровской оборонительной линии — в 1769—1770 гг., которая проходила на 175—180 км. южнее, по линии границы, определенной Белградским договором 1739 г. (Апанович, 1969, с. 169; Багалей, 1920, с. 36). Днепровская линия служила уже не для защиты российских и украинских территорий (последний набег был в 1769 г.). Это была база, опираясь на которую удалось завоевать часть черноморского побережья, а в 1783 г. присоединить Крым.

Безусловно, система сплошных оборонительных линий имела свои недостатки: необходимо было постоянно держать под ружьем значительные силы, требовались колоссальные средства не только для возведения, но и для поддержания этих линий в состоянии боеготовности. Особо тревожили плохо защищенные фланги.

До 1654 г., до воссоединения Украины и России, западный фланг линии упирался в границу с Речью Посполитой и эта граница снимала опасность обхода, защищала тыл Белгородской черты. После Переяславской рады западный фланг

как бы повис в воздухе и теперь его безопасность зависела во многом от обороноспособности украинских земель, чем и вызвано было выдвижение на Украину гарнизона в Киев и корпусов В. Б. Шереметова и В. В. Бутурлина.

Заключение Крымским ханством и Речью Посполитой антироссийского союза в 1654 г. оттягивало основные силы крымских татар на Правобережную Украину, где с 1654 г. идут военные действия. Интенсивность набегов в это время на Белгородскую черту резко падает (Санин, 1987, с. 240—243). Но о каком обходе с фланга и прорыва за черту не может быть и речи. Все силы татар и поляков сосредоточены на Правобережной Украине. Но и Украина усилила свою обороноспособность, получив надежную опору в Белгородской черте с ее войсками и крепостями (Там же, с. 257).

Однако по мере продвижения русских и украинских войск на запад, они удалялись от Белгородской черты и российско-украинского гарнизона в Киеве, от казацких гарнизонов в других городах. Это создавало опасность удара из Крыма по тылам полевой армии, опасность прорыва в глубину украинской территории и обхода с запада Белгородской черты.

Реальной контрмерой в этих условиях мог быть удар на Крым с севера и востока. Когда весной 1655 г. отряды Б. Хмельницкого и В. В. Бутурлина готовились к походу на Львов, гетман обратился с просьбой к московскому правительству направить против Крымского ханства донских казаков (Акты, 1889, с. 566). В Москве не только приняли план гетмана, но и значительно расширили его. В апреле 1655 г. боярину князю Ф. Н. Одоевскому и стольнику В. Б. Волконскому надлежало отправиться в Астрахань, собрать из южных городов служилых людей и, соединившись с донскими казаками и калмыками, напасть на Крым (Мальцев 1974, с. 79). Эта военная акция по масштабам далеко выходила за рамки обычного казацкого похода. Только русских ратных людей, не считая казаков и калмыков, намечалось отправить 3100 конницы и 300 пехоты (ЦГАДА, ф. 119, л. 85—86). Поход сорвался из-за эпидемии чумы. Но запорожские и донские казаки начали действовать уже в конце апреля, нападая на ногайцев, а 6 июля на 40 стругах вышли в море (Русская, т. 32, с. 22; т. 34, с. 45). Казаки захватили Тамань, пытались взять Керчь, взяли Судак, в абордажном бою овладели несколькими военными галерами, посланными из Стамбула, и только 14 сентября, когда «на море учинились погоды большие», вернулись на Дон (Там же, т. 34, с. 47—48).

Из-за похода казаков хан все это время держал свои силы у Перекопа и не рисковал отдалиться от полуострова (Санин, 1987, с. 161). Столетичное татарское войско появилось в пределах Украины только тогда, когда Хмельницкий и Бутурлин начали осаду Львова. Хан Мухаммед-Гирей IV спешил ударить осаждавших с тыла. Украинско-русская армия оказалась отрезанной от тылов, от баз, вынуждена была удовольствоваться большой контрибуцией со Львова и сняла осаду. Нужно было поворачивать против крымского хана. Битва произошла 10—12 ноября под местечком Озерная. Мухаммед-Гирей потерпел поражение, потерял около 10 тысяч человек и вынужден был прекратить военные действия (Там же, с. 164—168).

Наиболее напряженная ситуация на западном фланге Белгородской черты сложилась в связи с попытками гетмана И. Выговского вернуть Украину под власть польского короля Яна Казимира. Теперь Украина уже не могла прикрывать фланг Белгородской черты. Когда И. Выговский в союзе с крымским ханом нанес поражение российским воеводам под Копотопом 29 июня 1659 г., для татар открылся путь в обход черты. Они ворвались за черту и прошли от Путивля и Новгород-Северского до Воронежа. В 1662 г. разорили к северу от черты земли вокруг Курска и Обояни (Загоровский, 1969, с. 279).

Но это были единичные случаи. Активно использовать возможность грабежа русских земель крымский хан не смог. Не смог скорее всего потому, что начавшаяся на Украине борьба претендентов за булаву отвлекла его от границ России. Еще в ходе переговоров с русскими дипломатами в 1654—1657 гг. хан высказывал претензии на власть над Украиной (Санин, 1987, с. 88, 89, 96). После смерти Хмельницкого на Украине различные старшинские группировки открыто высказывали надежду сохранить свои привилегии под властью крымского хана. Ставленником хана был С. Онара. В определенные периоды согласны были признать власть хана над Украиной М. Ханенко, И. Брюховецкий. Надежды, совершенно не обоснованные (Санин, 1970), хан возлагал на П. Д. Дорошенко. Гетман Дорошенко возглавил восстание против Речи Посполитой на Правобережной Украине в 1666 г. По примеру Б. Хмельницкого, он заключил союз с крымским ханом (Грушевский, с. 336—343) и нанес ряд болезненных ударов польским войскам. Все это отвлекало главные силы крымских татар от Левобережной Украины и России. К тому времени, когда в 1676 г. П. Д. Дорошенко присягнул России и сложил свою булаву перед гетманом Левобережной Ук-

раины И. Самойловичем, на Левобережье вновь укрепилось влияние России и прорыв через казацкие полки и русские гарнизоны в Полтаве, Нежине, Переяславле, Киеве, Чернигове, Глухове оказался практически невозможным. И в XVIII в. отвлечение русской армии на запад ослабляло обороноспособность украинских земель и создавало опасность прорыва татарских отрядов в обход флангов Изюмской и Украинской линий. «Проблема защиты Украины и обороны южных границ всей страны весьма усложнилась в период русско-турецкой войны 1735—1739 гг. После выведения армии с Украины на театр военных действий южные границы оголились, над приграничными районами Украины нависла непосредственная угроза вторжения татарских орд» (Апанович, 1969, с. 141).

Изак, южная граница собственно России на протяжении второй половины XVII — 1-й половины XVIII в. представляется в виде четко фиксированной линии укреплений, ограждающей от Дикого Поля достаточно плотно заселенные районы с земледельческим (в основном) населением. На эти районы распространяется государственная власть в форме военно-административных округов (разрядов). Возникновение оборонительных линий предшествовало массовой колонизации края населением. За линией находились немногочисленные «островки»: города-крепости в стороне от обычных путей вторжения кочевых народов Дикого Поля, поселения казаков, тянущиеся узкой лентой вдоль русла степных рек.

В отличие от России, южные границы Украины в XVII в. еще не сложились как четкая разграничительная линия. Во многом это связано со сложной и противоречивой ситуацией, сложившейся на Украине после смерти Богдана Хмельницкого в 1657 г. Стабилизация ситуации привела к четкой фиксации линии границы и демаркации ее в 1705 г.

Постепенное продвижение границы России на юг и поглощение ею Дикого Поля связано с общим внешнеполитическим курсом страны и отражает принципиальное изменение сути южного направления ее внешней политики. Во 2-й пол. XVII в. политика России на южных рубежах сводилась к обеспечению безопасности в первую очередь, центральных районов страны, для чего нужно было вынести южные границы как можно дальше в степь. Это была правительенная и крестьянская колонизация пустынных, никому не принадлежащих земель. Шел естественный процесс расширения территории государства.

Процесс этот завершился строительством Изюмской и Украинской линий. Нужды развивающегося государства требовали естественного выхода к южным морям, захвата Черноморского и Азовского побережий. Эпизодически этот экспансионистский курс прослеживается уже в Крымских и Азовских походах конца XVII в. Завершение его связано с Кючук-Кайнарджийским Ясским договором, с присоединением Крыма к России в 1783 г. В соответствии с изменившимся характером внешнеполитического курса Днепровскую линию, возведенную в 1769 г. прямо по границам с Крымским ханством, можно считать не столько оборонительной, сколько базой для наступления на Османскую империю.

Турция и Крымское ханство тоже приводили политику экспансии. По Адрианопольскому миру 1713 г. Крымское ханство получило почти всю территорию Запорожья. Вернуть утраченное Россия смогла в 1739.

По мнению автора, следует отказаться от имеющегося в нашей литературе противопоставления русской и польской систем обороны границ. Система была однотипная. Расположение войск на границе, высылка в степь передовых дозоров и сторож характерно не только для Речи Посполитой, но и для России. В России эта система обороны приобретает более завершенный вид с возведением засечной линии.

Возведение таких линий было не под силу разваливающейся Речи Посполитой. В России же строительство засечных черт, несомненно, связано с общим процессом укрепления централизованной власти, начавшимся во 2-й пол. XVII в., отмиранием сословно-представительной монархии и появлением предпосылок нового типа монархии — абсолютизма.

Сплошная крепостная стена, безусловно, более надежно прикрывала население от неприятеля. Но нельзя забывать и изъяны этого типа обороны. Крымский хан имел возможность обойти с запада линию укреплений и ворваться во внутренние районы страны. Возможность эту хан не смог реализовать благодаря мощному прикрытию Белгородской и Изюмской черты, которое создавали украинские казаки и российские гарнизоны в украинских городах. К тому же во 2-й пол. XVII в. крымские ханы пытались подчинить своей власти Украину и ввязались в вооруженную борьбу, которая шла между различными претендентами на гетманскую булаву. Борьба шла в основном на Правобережной Украине. Это уменьшало натиск на левый берег Днепра и на оборонительные линии.

Необходимо подчеркнуть, что Белгородская, Изюмская,

Украинская линия защищали от вторжений в Украину, особенно Левобережную.

ЛИТЕРАТУРА

- Акты, относящиеся к истории южной и западной России.—СПб., 1878.—Т. 10.
- Акты, относящиеся к истории южной и западной России.—СПб., 1889.—Т. 1.
- Апанович О. М. Збройні сили України першої половини XVIII ст.—Київ, 1969.
- Багалій Д. І. Заселення південної України (Запорожжя й Новоросійського краю) і перші початки її культурного розвитку.—Харків, 1920.
- Бажова А. П. Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в.—М., 1982.
- Водарский Я. Е. Население России в конце XVII — начале XVIII века. (Численность, сословно-классовый состав, размещение) — М., 1977.
- Грушевский М. С. Иллюстрированная история Украины.—СПб. б/г.
- Загоровски В. П. Белгородская черта.—Воронеж, 1969.
- Загоровский В. П. Изюмская черта.—Воронеж, 1980.
- Історія Української РСР.—іКів, 1979.—Т. 2.
- Кабузан В. М. Заселение Новороссии. (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII — первой половине XIX в. 1719—1858 гг.—М., 1976.
- Маевский В. Польское военное искусство второй половины XVII в. История военного дела в Польше. Избранные вопросы. Диссертации, очерки. Варшава, 1970.
- Мальцев А. Н. Россия и Белоруссия в середине XVII в.—М., 1974.
- Миклашевский И. Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. Население и сельское хозяйство южной окраины XVII века. М., 1894.—Ч. 1.
- Назаров В. Д. Свержение ордынского ига на Руси. М., 1983.
- Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в.—М., 1948.
- Осипов В. А. Очерки по истории Саратовского края. Конец XVI—XVII вв.—Саратов, 1976.
- Очерки истории СССР. Период феодализма, XVII в.—М., 1955. Полное собрание Законов Российской империи.—СПб., 1830.—Т. 5. Русская Историческая Библиотека—Т. XXXII. 1655 июль.—Войсковая отписка. Русская Историческая Библиотека Т. XXXIV. 1655 ноябрь 7.—Войсковая отписка.
- Сапин Г. А. Правобережная Украина и русско-польские переговоры в Москве в 1667 г. История СССР.—1970.—№ 1.
- Сапин Г. А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII вв.—М., 1987.
- Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века.—СПб., 1887.
- Советская Историческая Энциклопедия.—Т. 2.—М., 1962.
- Теодорчик Е. Военное дело в Польше в первой половине XVII века. История военного дела в Польше. Избранные вопросы. Диссертации. Очерки.—Варшава, 1970.
- Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии.—М., 1962. ЦГАДА.—Ф. 119 Калмыцкие дела.—Оп. 1. 1655.—Стб. 1. ЦГАДА.—Ф. 123. Сно-

шения с Крымом.—Оп. 1.—Кн. 40. ЦГАДА.—Ф. 210. Разряд. Белгородский стол.—Стб. 89.

Яворницкий Д. І. Історія запорозьких козаків. У трьох томах.—Київ, 1990. Т. I.

Cichowski J., Górska K. Historia jazdy polskiej.—Kraków, 1895.

Kotzon T. Dzieje wojen i wojskowości w Polsce.—Kraków, 1912.—T. II.

Kotula F. Warownie chipskie XVII w. w ziemie Przemyskiej i Sanockiej // Studia i materiały do historii wojskowości.—Warszawa, 1962.—т. 8.—Cz. 1.

Zarys dziejów Wojskowości polskiej do roku 1864.—Warszawa, 1965.

Szulczyński A. Hisaria.—Warszawa, 1981.

Р. П. БОЖКО

ПОСЕЛЕНИЯ МАРИУПОЛЬСКИХ ГРЕКОВ конец XVIII—XX вв.

С конца XVIII в. в Приазовье компактной группой проживают крымские греки. Их переселение явилось следствием проводимой русским правительством политики ослабления Крымского ханства и стремления освоить безграничные просторы южных земель, присоединенных после русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Цель данной работы проследить процесс образования выселков, выявить мотивы и этапы расселения греческого населения в Приазовье с конца XVIII в. до настоящего времени.

Переселение крымских христиан в Россию проводилось в течение 1778—1780 гг. Согласно ведомости А. В. Суворова, из 8 городов и 66 сел Крыма вышло 31 385 греков, армян, грузин и валахов (Джуха, 1993, с. 155—158). Армяне поселились в районе крепости Св. Дмитрия Ростовского (ныне г. Ростов-на-Дону). Путь остальных христиан первоначально был в Поднепровье. Однако, выделенные им земли в междуречье Волчьей и Быка, в пределах тогдашнего Мариенпольского уезда Азовской губернии, их не удовлетворили. По просьбе духовного предводителя переселенцев митрополита Игнатия Г. А. Потемкин указом от 29 сентября 1779 г. предоставил возможность крымским христианам расселиться южнее, в пределах Павловского уезда. Этим же указом центр был переименован в Мариуполь, уезд — в Мариупольский. Он включал земли побережья Азовского моря в междуречье Кальмиуса, Берды, Мокрых Ялов и Волчьей (Мариуполь, 1892, с. 31—37). Летом 1780 г., покинув свои временные квар-

тиры, переселенцы пришли в Мариупольский уезд, где им было выделено 744 384 десятины земли. (Там же, с. 41). Здесь они поселились и основали 20 сел. Как правило, в одном селении объединялись выходцы из разных крымских деревень, сохранив название родного села преобладающей части населения.

Условно эти села можно разделить на три группы. I. В низме р. Волчьей, ее притоков Сухие и Мокрые Ялы, на севере уезда, обосновались жители сел Камара, Большая Янисоль, Керменчик, Богатырь, Константинополь и Улаклы. II. На правобережье р. Кальмиус и в бассейне ее притоков возникли села Бешево (ныне пгт. Старобешево), Стыла, Каракуба (ныне с. Раздольное), Ласпа, Игатьевка (ныне с. Старогнатовка), Карань (ныне с. Грапитное), Чермалык (ныне с. Заможное), Сартана, Старый Крым, Чердаклы (ныне Кременевка), Малая Янисоль (ныне с. Куйбышево). III. На морском побережье поселились бывшие жители южного берега Крыма в селах Ялта, Урзуф, и несколько севернее было основано еще одно крупное село — Мангуш (ныне пгт. Первотравневое) (Серафимов 1901, с. 157).

В августе 1780 г. эти села посетил лично помощник азовского губернатора Герсеванов. Согласно его рапорту, в Приазовье было тогда 21 греческое селение. Кроме указанных выше 20 сел, он называет — Чембрек, при этом он описывает местоположение с. Улаклы: «При речке Волчьей, по правой стороне Сухих Ялов». А место нахождения села с названием Улаклы в его рапорте — «по левой стороне реки Волчьей, при балке Осиковатой», что значительно восточнее действительного положения с. Улаклы (ЦГАДА, ф. 16, оп. VI, к. 262—263). Причем, в описываемом месте на картах к. XVIII — начала XIX вв. эти селения не обозначены. Можно предположить, что действительно существовали два села, но уже после посещения их Герсевановым, они слились в одно, с названием Улаклы. Об этом свидетельствует и сохранившееся в народе второе название села Улаклы — Чемрек, Джемрек. (Браун, 1890, с. 80).

В девяти из этих сел говорили на греческом языке, в десяти — на татарском, в селе Большая Янисоль проживало смешанное население. А в с. Игатьевка поселились грузины, а также валахи, которые говорили на молдавском языке. Но, в целом, все население считалось греческим и было причислено к категории поселян. Специальной грамотой Екатерины II крымские христиане были наделены обычными для этой категории населения льготами: освобождены на 10 лет от налогов; наделены землей по 30 десятин на душу; освобождены

от рекрутской повинности; получили право самостоятельно формировать органы управления. (Мариуполь 1892, с. 27—30).

Постепенно количество греческих поселений увеличилось. Из-за отсутствия в нашем распоряжении всех необходимых документов невозможно точно установить дату и причины разделения некоторых сел. Но известно, что уже к концу первых двадцати лет от Каракубы отделилась Новая Каракуба (Гончариха, ныне с. Красная Поляна) и Волноваха (Бугас, ныне с. Максимовка). Между 1810 и 1818 гг. от Керменчика отпочковался Новый Керменчик (Дурдуба, ныне с. Новомалиновка). Причем, если предыдущие три села после разделения оказались почти равными (Каракуба — 114 дворов, Новая Каракуба — 110 дворов, Волноваха — 74 двора), в Новый Керменчик ушло около одной четвертой населения села — метрополии. (Архив Суда, д. 511). Возникновение этих трех сел можно рассматривать, как продолжение переселенческого движения в ходе обустройства на новой территории.

В 1807 г. был упразднен Мариупольский уезд. Греческие села были объединены в Мариупольский округ, центром которого стал Мариуполь. В силу того, что Мариуполь получил статус порто-франко, весь округ был подчинен Таганрогскому градоначальству (до 1859 г.), хотя земли его входили в состав Александровского уезда. Территория округа разделялась на 3 дистанции или района. Управление осуществляло выборный орган — греческий суд, который был наделен административными, полицейскими и судебными функциями. В каждое село назначался урядник, позже смотритель, выполнивший обязанности писаря (Мариуполь 1892, с. 38, 110).

В 1818 г. была произведена правительенная ревизия земель, отведенных грекам для поселения. Поводом для ревизии послужила неспособность греческого общества заселить огромные территории. Тогда на 11 212 душ было выделено 355 580 десятин земли. В общее владение 23 греческих селений был отдан также участок земли в 8332 десятины, прилегающей к берегу Азовского моря, для рыбной ловли. Кроме того, для предполагаемых поселений было выделено еще 150 000 десятин, но с условием, если в течение 10 лет эта земля останется свободной, она поступит в казну.

На этих землях было разрешено поселиться группе анатолийских греков во главе с Теодосовым. Их село — Анадолия — было основано в 1826 г. На анатолийских греков были распространены привилегии, полученные крымскими переселенцами (Александрович 1884, с. 49—51).

В 1857 г. рядом с Мариуполем, на землях, принадлежавших ранее митрополиту Игнатию, поселились греки — участники Крымской войны — 200 волонтеров легиона имени Николая I, пожелавших остаться в России. Поселение было названо Новониколаевкой, параллельно бытовало название Митрополитское (Волонтеровка, ныне часть Мариуполя). Из-за трудностей обустройства это село долгое время самостоятельным не считалось (Там же, с. 65—66).

Основание этих двух сел можно рассматривать как эпизоды переселенческой политики правительства, параллельно переселению крымских христиан.

В 1873 г. в ходе буржуазных реформ был ликвидирован Мариупольский округ и воссоздан Мариупольский уезд. Его территорию, кроме греков, населяли русские, украинцы, немцы, евреи. Уезд был разделен на 28 волостей. Из греческих земель были образованы Бешевская, Богатырская, Б. Янисольская, Игнатьевка, Каранская, М. Янисольская, Мангушская, Сартанская, Ст. Керменчикская, Ялтинская волости. Вне этих волостей остались Новый Керменчик (Александровская волость) и Волноваха (Николаевская волость). На долю греков приходилось 44 % всех земель уезда, при том, что греческого населения было только 34 % (данные на 1884 г.). Причем, в основном, население было сосредоточено в крупных поселениях, в среднем по 200—300 дворов. Среди них выделялись размерами Мангуш — 720 дворов, М. Янисоль — 613, Сартана — 619 (Статистико-экономические таблицы 1887, с. 276). Это создавало условия для переселения некоторой части населения в пределах волости для более удобного нахождения по отношению к обрабатываемой земле.

В 1881 г. от Карапи отпочковалась деревня Новая Карапи (н. с. Каменка) (Мариуполь 1892, с. 38). В результате отселения из Игнатьевки валахов, которые составляли около 1/3 всего населения, возникло с. Новоигнатьевка. В работе Брауна «Мариупольские греки» об этом селении сказано: «Новоигнатьевка — заштатное село, но жители хлопочут о признании его самостоятельным и строят церковь» (1890, с. 83).

К началу XX в. от Сартаны отделились Новая Сартана и Македоновка (н. с. Жовтневое), от Чермалика — Новый Чермалик (Келлерово, н. с. Кирово). Но самостоятельными первое время они не были, считались поселками (Статистико-экономические таблицы 1904, с. 84, 114).

Значительное увеличение числа греческих селений наблюдается в начале XX в., что связано с разрушением сельской общины и образованием хуторов в ходе проведения реформы

1906 г. Этот процесс в греческих селах прошел довольно активно. На 1 января 1911 г. из общины на отдельные отруба выделилось 48 % домохозяев (32 % земли). А к 1917 г. община была разрушена, практически, полностью. (Ялі 1931, с. 99). В это время (к 1908 г.) от Сартаны отделились Византия (н. с. Ключевое), от Бешево — Ново-Бешево. Жители с. Богатырь основали поселок Новый Богатырь (н. с. Шахтерское). Восемь хозяев из с. Ялта образовали хутор Юрьевку, который со временем вырос в большое село (Список 1911, с. 6—22). К 1912 г. возникают с. Новый Комар, Кашлагач, основанный выходцами из Б. Янисоли, Мало-Игнатьевка — выселок Старо-Игнатьевка. Второе по величине среди греческих поселений с. Малая Янисоль распалось на четыре отдельных селения. Часть жителей основала с. Старо-Анадоль, южнее возникли Чемрек и Новая Янисоль. В северной части уезда в предреволюционное время был основан ряд однотипных выселков, которым были присвоены определенные номера: Богатырь № 2 (н. с. Ясная Поляна), Ново-Константинополь № 1, 2, 3 (№ 2 — н. с. Гигант), Кашлагач № 2. На картах появляется множество греческих хуторов, особенно в районе сел Ялта и Урзуф (Карта, 1916).

Процесс расселения греческого населения компактными группами продолжался и в советское время. Согласно переписи населения Донбасса 1923 г., греческое население преобладало в 53 населенных пунктах. Через год их стало уже 58. К этому времени возникло с. Степановка, поселки Екатериновка, Броматовка (н. с. Днепроэнергия), Зиновьевка, Запорожье, Ялта близ Большой Янисоли, а также хутора: Гаргала, Папуша, Чептукова, Кирилловка (Итоги 1923, с. 312—445).

В ходе выполнения постановления ВУЦИК от 12 апреля 1923 г. «О новом административно-территориальном делении Украины» греческие села вошли в состав Мариупольского и Сталинского округов Донецкой губернии. С 1925 г. округа стали самостоятельными.

В это время правительство Украины вплотную подошло к проведению национально-государственного строительства среди национальных меньшинств республики. Компактное проживание греков, наличие больших сел создавали условия для выделения национальных сельских советов. В конце 1925 — начале 1926 гг. их было выделено 30 : 16 греко-эллинских и 14 греко-татарских. Из них 20 входили в Мариупольский округ, 10 — в Сталинский (Ялі 1931, с. 63—64).

Следующим шагом было выделение национальных районов. На территории Мариупольщины были образованы Ман-

гушский и Сартанский, в Сталинском округе — Велико-Янисольский районы. Количество греческих населенных пунктов превысило 60. Только в Мариупольском округе к 1930 г. возникло 13 новых поселений: Кальчик, Зеленый Гай, Петровский, Новоселовка, Новоселовка № 1, 2, Новая Ласпа, Труженик, Демьяновка, Георгиевка, колхоз им. Артема, поселки Фессалия и Яли (Адміністративна карта 1930).

Однако, вследствие изменения внутренней политики, в ходе проведения административной реформы 1932 г. были упразднены Сартанский и Мангушский районы, к концу 30-х гг. были ликвидированы все национальные сельсоветы и районы (Наседкіна, 1992, с. 67—68).

События последующих лет: коллективизация, которая не имела в среде греков социальной основы, перераспределение земли и межнациональные конфликты на этой почве, репрессии конца 30-х гг., Великая Отечественная война коренным образом изменили объективную обстановку (Там же, с. 69). Таким образом, в тридцатые годы, достигнув апогея, практически, прекращается процесс образования новых греческих поселений, начавшийся после столыпинской реформы.

Подводя итог, отметим, что в дальнейшем население греческих сел значительно пополнилось за счет других национальностей. Шесть населенных пунктов стали поселками городского типа, а три из них — районными центрами. Некоторые утратили самостоятельность, присоединившись к более крупным населенным пунктам. В послевоенное время многие села были переименованы. Сегодня, по данным Донецкого управления статистики, согласно переписи населения 1989 г. в области проживает 83 691 человек греческой национальности. Из них 27 541 человек являются сельскими жителями (Национальный состав, 1992, с. 4—6). Они образуют компактные группы в 46 селах и поселках, где составляют от 20 до 79 % населения. Только в 23 селах и пгт. Сартана греческое население достигает более 50 %. Из 24 крупнейших сел, составлявших в XIX в. Мариупольский уезд, только в греческое население составляет большинство. Одно из них — Новомлиновка — находится в пределах Запорожской области.

ЛИТЕРАТУРА

- Адміністративна карта Маріупольської округи.—Харків, 1930.
Александрович. Краткий обзор Мариупольского уезда.—Мариуполь, 1884.
Архив Греческого Суда — Фонды Мариупольского краеведческого музея.—Д. 511.
Браун Ф. Мариупольские греки // Живая старина.—СПб., 1890.—Вып. 2.

- Джуха И. Одиссея Мариупольских греков.—Вологда, 1993.
Итоги демографической переписи населения Донбасса.—Харьков, 1923.
Карта Мариупольского уезда Екатеринославской губернии.—Мариуполь, 1916.
Мариуполь и его окрестности.—Мариуполь, 1892.
Наседкіна Л. Д. Греки национальні сільради та райони в Україні (друга половина 20-х—30-ти роки) // Український Історичний журнал.—1992.—№ 6.
Национальный состав населения Донецкой области. Статистический сборник — Донецк, 1992.—№ 4.
Серафимов С. Крымские христиане (греки) на северных берегах Азовского моря.—Екатеринослав, 1901.
Список населенных мест Мариупольского уезда Екатеринославской губернии.—Екатеринослав, 1911.
Статистико-экономические таблицы по Екатеринославской губернии. Мариупольский уезд.—Екатеринослав, 1887.
Статистико-экономические таблицы по Мариупольскому уезду — Екатеринослав, 1904.
ЦГАДА — Ф. 16.—Оп. VI.—Ex. 588.
Яли С. Греки в УРСР.—Харків, 1931.

М. А. АРАДЖИОНИ

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ИЗУЧЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ МАРИУПОЛЬСКИХ ГРЕКОВ

(К истории поиска «крымских древностей» в Приазовье)

После переселения крымских христиан в Азовскую губернию (1778 г.) на полуострове опустели более 80 населенных пунктов, остались заброшенными жилища и культовые сооружения. Покидая полуостров, греки и армяне старались в первую очередь увезти с собой семейные ценности и священные реликвии. Поэтому, когда возникла необходимость возобновить в Успенской церкви под Бахчисараем богослужение для оставшихся после переселения греков и русских военнослужащих, официальные власти столкнулись с рядом трудностей: не было православных священников, их облачений, иконостаса, храмовой утвари, книг. Постепенно история переселения христиан и вывезенное ими имущество стали предметами споров и, зачастую, диаметрально противоположных предположений (Араджиони 1991, с. 7—8; Лашков 1886, 1886, с. 91—156; Дионисий 1870, с. 7—8; Лебединцев 1883, с. 204—210).

Одним из первых исследователей, обратившихся к этнической истории крымских греков и дальнейшей судьбе церковных древностей, был архиепископ Херсонский и Таврический (позже — Тверской и Кашинский) Гавриил (в миру —

В. Ф. Розанов, 1781—1858). В 1844 г. он опубликовал некоторые заметки о переселении греков и их обустройстве на новом месте. По его материалам митрополит Игнатий вывез из Крыма большое число серебряной церковной утвари и 14 иконостасов. Гавриил особо отметил икону Божьей Матери, которая некогда находилась в Успенской церкви под Бахчисараем. В его описании указано, что этот образ написан на мастике, приведена надпись на старом серебряном окладе иконы, выполненная на греческом языке, с датой 20 апреля 1774 г. (Гавриил, 1844а, с. 202; Гаврили 1844б, с. 320—328; Гавриил 1857, с. 75—79).

Паряду с настоящими предметами старины, у маринупольских греков встречались подделки и мнимые древности, происхождение одной из них исследовал Гавриил: когда греки были поселены у устья р. Кальмиуса, находившаяся там запорожская походная Свято-Николаевская церковь, точнее, принадлежащая ей утварь и иконостас, были перевезены вместе с прежними жителями этих мест в г. Павлоград. От нее остался лишь дом с простым железным крестом на крыше. Этот крест каким-то образом попал в греческое селение Богатырь, где благоговейно почитался под именем Константинопольского или вообще вывезенного из Греции (Гавриил, 1854, с. 168—172).

Исследования Гавриила продолжил его ученик и соратник Серафим Антонович Серафимов (?—1874), историк церви, внук одного из переселившихся крымских греков священника Троицкой церкви с. Керменчик Серафима Константинова, Серафимов 1886, с. 804; Ведомость 1792, л. 230). Уже живя в Крыму, а затем Одессе он, по настоянию архиепископа, неоднократно совершал поездки в Мариупольский уезд (в 1849 г. и последующих), где собирал материал по истории и культуре своего народа (с. 10). На основании этих наблюдений, в 1862 г. Серафимов опубликовал большое исследование, выдержавшее три издания. Автор, великолепный знаток древне- и новогреческого языков, родного урумского языка (турецкой группы, близок к крымскотатарскому), впервые коснулся проблем местных греческих диалектов. Он описал особенности богослужения, религиозных и семейных праздников маринупольских греков, вскользь упомянул о храмовой утвари и вывезенных из Крыма иконах, в частности об уже известной по работам Гавриила иконе Божьей Матери или, как называли ее потомки переселенцев, «Панагии» (Серафимов, 1901, с. 18—24, 26—40).

Для накопления научных знаний большое значение имеет мемуарная литература — воспоминания, путевые заметки,

письма и т. д. Примером этого являются «Письма из Екатеринослава» Г. Титова, донесшие до современных исследователей традиционной культуры приазовских греков неповторимый колорит Мариуполя середины XIX в.. Г. Титов довольно подробно описал особенности жилища, одежды, быта местного населения, их язык, фенотип, правственность, уровень образования, общественный уклад жизни, отмечая при этом живучесть «татаршины», обычая, характерных для крымских татар у потомков переселенцев. Особо автор рассказал об Успенской церкви в Мариуполе и находящейся в ней иконе, привел легенду о ее явлении в Крыму, записанную от одного из местных жителей (Титов 1849, с. 140—159).

В связи с организацией Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии (далее — ОЛЕАЭ) Русской этнографической выставки в Москве (1867 г.), весной и летом 1866 г. ее распорядительный комитет разослав местным органам власти «Инструкции для сбора предметов» и программы описания традиционной культуры народов России. Глава Мариупольской городской думы, местный уроженец А. Аттарипов, вероятно при участии Семена Пандирма, Константина Кечечи, Михаила Арпабаева, Дмитрия Келеш и Николая Базаджи, составил «Описание быта маринупольских греков», которое было заслушано и обсужденено на заседании этнографического отдела ОЛЕАЭ № 3 от 12 октября 1868 г. и рекомендовано к публикации. В 1868 и 1874 гг. с несколько искаженной фамилией автора «Анторинов» работа вышла в свет. В ней довольно подробно сообщалось о традиционном жилище, пище, костюме, сельскохозяйственной и домашней утвари. Последнее представляется наиболее интересным: описанная кухонная и столовая посуда почти вся была сделана из серебра и меди и, в основном, привезена из Крыма. Некоторые блюда и кувшины украшены чеканкой и являлись произведениями искусства, изготовленными мастерами-ремесленниками Понта и Кавказа (Описание быта, л. 55—64; Анторинов 1868, с. 330—340; Анторинов 1874, с. 44—47).

В начале 70-х гг. XIX в. профессор-славист Новороссийского университета Виктор Иванович Григорович (1815—1876), исследуя языки «для разъяснения остатков разных культур», в частности древних и византийских греков, совершил научную командировку в Мариупольский уезд к потомкам «крымских старожилов». Основной его целью было: собрать лингвистический и фольклорный материалы, разыскать древние рукописи и памятники христианского искусства. Эти изыскания входили в первую часть задуманной

В. И. Григоровичем программы исследования древнего населения Крыма, некогда жившего в окрестностях Севастополя и Бахчисарая. Большую помощь и поддержку в организации этих исследований профессору оказал его коллега Ф. И. Брун, под влиянием которого В. И. Григорович заинтересовался проблемами исторической географии Новороссийского края (Григорович 1874, с. 1—74; Григорович «Докладная записка», л. 4—13; Успенский 1890, с. 1—15).

За 10 дней командировки антиквар посетил г. Мариуполь и греческие села Сартану, Чирманли (Чермалык), Карань, Анадоль, Енисалу, Чердакли, Эски-Крым (Старый Крым), Мангуш, Ялту и Гурзуф (Урзуф). Исследователь зафиксировал этнонимы и экзоэтнонимы греко- и татароязычной частей этноса, провел лингвистический анализ местных греческих диалектов и, выделил 2 группы говоров, собрал глоссарий (Григорович, 1874, с. 4—9, 48, 1—111).

Несмотря на большой собирательский и исследовательский опыт по поиску рукописей, ничего древнее Триоди XV в. из Рождественской церкви г. Мариуполя (основали выходцы из г. Карасубазара) и рукописного Евангелия из церкви с. Чермалык, написанного греческими буквами на татарском языке, В. И. Григоровичу обнаружить не удалось. Он констатировал, что попытка «осуществить свою задушевную мечту открыть следы древней письменности Тавриды в Приазовье» не увенчалась успехом. Тем не менее, исследователь собрал небольшую коллекцию рукописей XVIII — середины XIX вв. на греческом и татарском языках, часть которой была опубликована О. Блау в 1884 г. В дальнейшем, В. И. Григорович настойчиво продолжал свои поиски через поверенных лиц в г. Мариуполе, так как в среде греков существовали предания о древних национальных реликвиях, написанных на «своеобразном греческом наречии «аила», которые хранятся у неких частных лиц» (Григорович 1874, с. 10; Григорович 1875, л. 13—13 об; Викторов 1879; Blau, 1884, с. 562—583; Александрович 1884, с. 40).

В. И. Григорович изучал также церковную утварь и иконы, хранившиеся в храмах г. Мариуполя и окрестных селах. По мнению исследователя, почти вся утварь была весьма грубой работы и изготовлена не ранее XVIII в. Иконы же произвели на него впечатление: довольно древними ему показались образы св. Спиридона, св. Трифона, св. Николая из Мариупольской Рождественской церкви; св. Иоанна Предтечи, Пресвятой Богородицы из церкви Марии Магдалины и св. Харлампия. Икона св. Георгия Победоносца из Харлампьевской церкви, которая по преданиям была вывезена жи-

телями крымского с. Ласпи из Георгиевского монастыря, профессор считал «первостепенным памятником византийского искусства». В. И. Григорович был наслышан о чудотворной иконе Панагии из Успенской мариупольской церкви, которую упоминали Гавриил и Серафимов, но увидев ее с удивлением отмечал: «Из всех других виденных [в Приазовье] образов, этот показался мне позже прочих» (Григорович 1874, с. 9—12).

Исследователь обратил внимание на то, что ни в одной греческой церкви Мариупольского уезда не было икон Стефана Сурожского, Херсонских святых и других, прославившихся своими деяниями в Таврике. В. И. Григорович, подводя итог своим изысканиям у потомков древнего христианского населения Крыма, пришел к выводу, что «судя по остаткам византийского искусства Мариупольский округ можно еще почесть пропилеями древней христианской культуры в Тавриде» (Григорович 1874, с. 11).

В начале 80-х гг. Одесское общество истории и древностей, продолжая традиции Русского географического общества и ОЛЕАЭ, разосло инспекторам народных училищ Одесского учебного округа программы для описания традиционной культуры и современного состояния «инородцев» Новороссийского края. Ряд учителей, работавших в греческих селах Мариупольского уезда откликнулись на просьбу ООИД: 23 ноября 1884 г. описание жителей с. Большая Каракуба выслал Иван Нестеренко (Описание сел, л. 30—32), Михаил Дмитриевич Закруткин зафиксировал особенности традиционного быта греков с. Урзуф (Закруткин л. 1, 2). К сожалению, остался безымянным автор этнографического очерка о греческом с. Константинополе (Описание сел, л. 5—7 об).

В очерках были отражены: 1) история образования села, его географическое положение, особенности местности, планировка; 2) материальная культура (хозяйство, жилище, традиционный костюм, пища); 3) некоторые аспекты национальной психологии, семейные и общественные обычаи, отношения к религии; 4) социальные моменты (имущественное состояние, уровень образования, нравственность населения); 5) местные достопримечательности и древности. Авторы описаний констатировали, что «замечательных церковных вещей нет», как не обнаружено и древностей, вывезенных греками из Крыма, хотя был выявлен ряд черт традиционной культуры, приобретенных христианами на полуострове (Закруткин, л. 2; Описание сел, л. 31).

Спустя 10 лет после публикации своего труда о древних

памятниках христианства в Крыму, в 1886 г. в Мариупольский уезд приехал художник Д. М. Струков. Целью его путешествия было знакомство с потомками греков, чьи храмы он изучал в Крыму, исследования архитектуры мариупольских церквей и предметы культа, вывезенные переселенцами (Струков 1876, с. 1—56; Струков «Воспоминания», л. 10—12). Он стал участником традиционного престольного праздника греков «панайр», довольно подробно описал его. Струков зарисовал полотенчатый головной убор гречанок «перифтар», который он считал «отголоском древней эллинской культуры». Исследователь привел список селений и храмов Мариупольского уезда, дни когда в этих села проходит панайр, указал жители каких крымских сел основали приазовские населенные пункты. Эту информацию он записал со слов местного уроженца Н. Пяуницы («О раскопках» 1889, л. 26—31 об).

Струков сообщил, что при соборном храме г. Мариуполя хранился архив Готской митрополии, который был не разобран, и поэтому не доступен исследователям. Однако, судя по письму митрополита Игнатия, привезенные из Крыма документы, вместе с его личным архивом, погибли в пожаре еще в 1780 г. («О раскопках», л. 21, 27 об—31 об; Лашков 1886, с. 136). Вероятно, Д. М. Струков писал об архиве Мариупольского греческого суда, органа самоуправления в греческой общине Приазовья с 1784—1869 гг. После его упразднения, документы хранились в городском соборе, а в 20-е гг. были переданы в фонды Мариупольского музея (Мариуполь, 1892, с. 94—114, 116—126).

Художник особо остановился на описании иконы Божьей Матери Одигитрии (Панагии у Серафимова и Григоровича): «Изображение было выложено полурельефом из воскомастики на кипарисной доске, подобно т. н. «Смоленской иконе». Д. М. Струков, несколько склонный к преувеличениям в вопросах датировок, считал, что выполненных в этой технике икон в мире известно всего семь и относятся они к IV в. н. э. В отличие от В. И. Григоровича, других древностей среди утвари мариупольских церквей художник не обнаружил (Струков 1890, с. 1—2).

В 1890 г. на средства Императорской Археологической комиссии и Русского географического общества в Мариупольский уезд был командирован Федор Александрович Браун — приват-доцент Санкт-Петербургского университета, историк, археолог (Семенов 1896, с. 1273—1274; Дело ИАК 1890, л. 1—3 об). Так как ареал расселения готов на Крымском полуострове совпадал с территорией, где до переселения в

Приазовье жили татароязычные греки, то некоторые исследователи склонны были считать урумов потомками готов. В программе поездки Ф. А. Браун наметил, изучение традиционной культуры мариупольских греков, поиск старинных икон, крестов с надписями, церковной утвари, книг, рукописей, и собирание народных преданий, свидетельствующих о генетической связи части приазовских греков с готами, тех самых рукописей, которые безуспешно искали все его предшественники. Эту работу предполагалось проводить параллельно с изучением Мангупа, сел Сюрен и Бия-Сала в Крыму, так как по сообщению барона Бусбека (XVII в.), встреченные им в Константинополе готы греки были родом из этих мест (Браун «О поездке» л. 1—3; Браун 1891, с. 78—91; Браун 1893, с. 15—18).

По окончании командировки Ф. Браун писал, что «ясных несомненных следов готских не нашел, в преданиях и песнях сохранились воспоминания лишь о тяжелой жизни в Крыму, но вглубь времен народная память не проникала, о гото-греческом Мангупском княжестве ничего не знали, из церковной утвари древних вещей нет» (Браун 1891, с. 78—79; Браун «О поездке», л. 1—2). Исследователь сделал ряд замечаний об антропологическом типе местного населения, зафиксировал некоторые особенности языка, традиционной материальной и духовной культуры. Среди храмовой утвари наиболее ранней находкой Ф. Брауна был потир с латинской надписью и датой 1599 г. из церкви с. Мангуш. По мнению исследователя этот предмет, вероятно, принадлежал в Крыму какой-либо генуэзской католической церкви и случайно попал в Мангушский храм (Браун 1891, с. 90).

В Приазовье сохранились также греческие печатные Евангелия венецианской работы, почти все в новых переплетах и окладах: 1672 г. в Старом Крыму, 1689 г. в с. Стыла и т. д. Был найден Апостол на татарском языке, но напечатанный греческими буквами (Венеция, 1793) в с. Улаклы, рукописное турецкое Евангелие без даты в с. Бешево, и Евангелие 17773 г. в с. Богатырь. Из икон самой замечательной, как считал Ф. Браун, был образ Панагии, однако в отличие от Д. Струкова, ближайшие аналогии ей, также написанные на мастике, археолог нашел в церквях с. Ласпи и с. Бешево. Ф. Брауну удалось приобрести рукописи, собранные греческим просветителем Ф. А. Хартахаем в греческих селах Мариупольского уезда: песенник из с. Сартаны, сборник греческих и татарских песен и рассказов, четыре татарские рукописи различного содержания, написанные греческими буквами и другие материалы, представляющие интерес для изу-

чения языка и фольклора потомков крымских христиан. Все они были переданы в Санкт-Петербургскую публичную библиотеку (ныне — Российская национальная библиотека), где хранятся и поныне. Часть этого собрания была опубликована Т. Н. Чернышевой в 1959 г. (Браун 1891, с. 90—92; Чернышева 1959, с. 113—124; «Греческие рукописи»).

В с. Богатырь Ф. Браун увидел «древний» железный крест, высотой 150 см, покрытый медными рельефными украшениями русской работы. По его словам, местными жителями он считался явленным: пастухи нашли его в поле незадолго до выселения из Крыма. Его перенесли в церковь, но крест дважды возвращался на прежнее место, пока его не поместили в доме одной набожной вдовы. Когда греки покидали полуостров, крест «не захотел оставить излюбленного места. Сняли его наконец с молитвами, положили на телегу и повезли, но ее оглобли повернули назад в деревню». Наконец крест связали, прикрутили к телеге, и таким образом отвезли его с собой в Россию (Браун, 1891, с. 90). Интересно, что найденная «древность» не что иное, как крест с Кальмиусской Николаевской церкви, о котором упоминал еще Гавриил, а легенда, записанная исследователем от местных жителей полвека спустя, очень напоминает предания греков о явлении близ Успенского скита иконы Божьей Матери Одигитрии и иносказательно отражает настроение, с которым христиане покидали полуостров.

В 1891 г. земские учителя Мариупольского уезда Г. Афанасьев (с. Чермалык), Н. Богоявленский (с. Ялта), В. Гоф (с. Камарь), И. Нестеренко (с. Большая Каракуба) представили в ОЛЕАЭ описания традиционного костюма местного греческого населения. Однаковая структура очерков свидетельствует о том, что они были составлены по специальному вопроснику-программе. Эти описания и поныне не утратили научного значения, так как были выполнены на профессиональном уровне, снабжены иллюстрациями и образцами тканей. Авторы очерков довольно подробно описали женские украшения, многие из которых были вывезены из Крыма: пояса «холаны» из серебряных пластин или тканевые с массивными бляхами, наборы шейных и нагрудных украшений из турецких монет и серебряных цепочек, браслеты, кольца и т. д.— все они также являлись непременной принадлежностью традиционного костюма крымских армян, татар, караимов и крымчаков (Сведения об одежде, л. 1—8 об., 17—19 об.; Араджиони 1993, с. 82—94).

Большим шагом вперед в изучении этнической истории и традиционной культуры потомков крымских переселенцев

явилось издание в 1892 г. отчета об учебных экскурсиях Мариупольской Александровской мужской гимназии, проведенных в апреле—мае 1889 г. Помещенные в сборнике материалы отражают историю переселения греков и основания Мариуполя, различные аспекты административного и хозяйственного управления в уезде, развития образования и культуры, жизнь религиозных общин города и многое другое. Особый интерес представляют статьи Г. И. Тимошевского о православных храмах города, а также находящихся в них «древностях», и С. И. Маркова, впервые описавшего традиционную культуру и язык греков-урумов г. Мариуполя (Мариуполь, 1892, с. 5—45, 63—89, 114—139).

Из исследования Г. И. Тимошевского, во многом опиравшегося на материалы Феодосия (Макаревского) видно, что икона Иоанна Крестителя, которую В. И. Григорович считал одной из древнейших, ранее принадлежала прихожанам Феодоро-Стратилатовской церкви, устроенной для жителей Кефайского квартала в 1780 г. В середине 80-х гг. XIX в. церковь сгорела и более не восстанавливалась, а уцелевшая после пожара утварь, в т. ч. вывезенная из Крыма плащаница, серебряные чаши и другое, образ Иоанна Крестителя, почитавшийся как и Панагия чудотворным, были переданы в русскую церковь Марии Магдалины (Мариуполь 1892, с. 117—121, 127—128; Григорович 1874, с. 9—11; Феодосий 1880, с. 315—333).

Поистине сокровищницей крымских древностей был соборный храм г. Мариуполя, освященный в честь св. Харлампия. На полуострове у греков не было церкви с таким престолом, но по преданию, во время переселения, дабы избежать «повальных болезней» христиане, по совету Игнатия, дали обед св. Харлампию — построить на новом месте одногименный храм. В соборе хранились в особом ковчеге мощи св. Пантелеймона, культ которого очень почитаем в Малой Азии, и как свидетельствуют наши полевые исследования в 1993 г., популярен в среде потомков крымских греков (Мариуполь 1892, с. 122; Житие 1880, с. 1—194).

В церкви стоял также гроб с телом митрополита Игнатия, его облачение и вещи: митра, омофор, епитрахиль, палица, подrizник, архиерейские ризы, крест, кадило 1778 г., Евангелия 1671 г., 1740 г. и 1679 г., принадлежавшее некогда митрополиту Гедеону, блюдо с турецким клеймом 1732 г., лжица 1759 г., сосуды, алавастр, кадило 1714 г., две чаши 1775 г. и т. д. Приведенный далеко неполный перечень предметов культа наиболее богатой «крымской стариной» Харлампиев-

ской церкви отчасти дает представление об утвари, которая бытовала у греков в Крыму (Мариуполь, 1892, с. 121—128).

В 1849 г. был построен новый, трехпрестольный храм (главный — св. Харлампия), куда прихожане перенесли эту утварь. Один из престолов храма был устроен в честь чудотворной иконы св. Георгия Победоносца, которую по одной из версий вывезли монахи Балаклавского Георгиевского монастыря. Тимошевский приводит описание этой иконы по документу 1859 г.: «Икона, вырезанная на доске и покрыта мастикой, на которой изображен лик святого в позолоченной резной раме, на ней шата серебряная, на полях страдания великого святого, также покрыты серебряной штой, на голове святого — серебряный, вызолоченный венец, украшенный стразами и яхонтами» (Лебединцев, 1883, с. 205; Мариуполь, 1892, с. 121—129).

В церкви Рождества Богородицы, построенной для жителей карасубазарского квартала, по замечанию Г. Тимошевского, хранились крест и архиерейские ризы из Крыма, плащаница 1717 г., чаша, кадило и два Евангелия на греческом и турецком языках. Особенно чтилась прихожанами икона св. Козьмы и Дамиана, написанная на доске. В Крыму она находилась там, где в XIX в. была восстановлена Косьмо-Дамиановская киновия — у подошвы Чатыр-Дага, у истока р. Альмы. Особым уважением пользовалась также икона св. Параскевы, которая некогда, по преданию, спасла г. Мариуполь от холеры. С тех пор в день свершившегося чуда (8 августа) в церкви собирались только женщины и праздновали своеобразный «женский панаир» (Мариуполь 1892, с. 128—129).

Для прихожан Успенской церкви под Бахчисараем, привнесшим в Приазовье чудотворную икону, был возведен одноглавый храм недалеко от старого Мариуполя. Тимошевский отметил, что в народе эта церковь была известна как монастырь. Действительно, существуют свидетельства о том, что в XVI—XVII вв. в Мариямполе (близ Салачика) находился монастырь Успения Богородицы, но по мнению исследователя, во время выхода христиан из Крыма там уже была обычная приходская церковь. Тем более, что в списке крымских церквей Игнатий об этом монастыре ничего не упоминал. (Мариуполь 1892, с. 131). В источниках, освещдающих историю Крыма этого периода, нет данных, что здесь находился духовный центр крымских христиан. Митрополичья кафедра при Гедеоне была в Каффе и, вероятно, из-за политической и военной нестабильности на полуострове в 1770-х гг., Игнатий перебрался в Мариямполь — ближе к крымско-

му хану, под покровительство русских войск (Гозадинов, 1915, с. 116).

Описывая икону Божьей Матери Одигитрии, исследователь отметил, что из Крыма были вывезены две иконы — подлинник и копия, которая также почтась прихожанами. Серебряный оклад иконы, описанный Гавриилом, остался на копии образа, а новый оклад, уже изготовленный в Приазовье, — на подлиннике. Тимошевский тщательно проанализировал легенды о явлении этой иконы, приведенные А. Лызловым, Дионисием, М. Родионовым, В. Кондараки. Он пришел к выводу, что в них соединились два различных предания о двух иконах. Первое сказание повествует о поражении змея, в нем есть копье — то есть атрибут, соответствующий образу св. Георгия. Предположительное место явления этой иконы — скала на Чуфут-кале. Вероятно, после разгрома Кырк-ора татарами, пишет автор, предание о пропавшей или погибшей местной иконе (по всей видимости св. Георгия) было забыто, и перенесено на ближайшую, более позднюю, икону Богородицы. Второе сказание, по Г. Тимошевскому, действительно относится к ущелью, идущему от Кырк-ора до Бахчисарая, где и возник монастырь в честь новоявленного образа Богородицы (Мариуполь 1892, с. 131—135).

Во время подготовки выставки к XIII Археологическому съезду в г. Екатеринославе в 1904—1905 гг., В. А. Бабенко, члену Харьковского историко-археологического общества и его жене — народной учительнице Е. Р. Никитиной-Бабенко — Д. И. Яворницкий поручил изучить традиционную культуру жителей Екатеринославской губернии и собрать для экспонирования оригинальные этнографические материалы. На выделенные земством средства были обследованы почти все уезды, в т. ч. и Мариупольский. Особое внимание было обращено на «старожилов» этого края — греков. На основании собранных коллекций, В. А. Бабенко построил экспозицию этнографического раздела выставки, где использовал также фотографии и рисунки. После выставки экспонаты были переданы в Екатеринославский музей. Их описание В. А. Бабенко поместили в первом путеводителе по музею 1905 г. (Смолій, 1992, с. 9—10).

В. А. Бабенко опубликовал также ряд информационных заметок о проделанной работе, где упомянул о вышивках, элементах традиционного костюма, собранных у греков, и фундаментальную источниковоедческую работу по описанию народного быта Екатеринославского края. В ней освещены особенности хозяйственного быта, традиционного жилища, одежды, духовной культуры греков, валахов, болгар и укра-

инцев (Бабенко, 1905а, с. 337; Бабенко, 1905б, с. 1—90; «Этнографическое обследование 1905 с. 302—303»). Часть собранного материала, не вошедшего в собрание Екатеринославского музея — экспонаты, фотографии, описания обрядов, В. А. Бабенко в 1909 и 1910 гг. предложил этнографическому отделу Русского музея в г. Санкт-Петербурге (ныне Российский этнографический музей — РЭМ). На основании его замечаний, приобретенные музеем материалы были аннотированы и объединены в две коллекции: предметов традиционной культуры (кол. 1737) и фотонегативов (кол. 3270).

Работа Н. И. Репникова летом 1914 г. в Мариупольском уезде подвела черту этнографическому изучению потомков крымских греков в дореволюционное время. Исследователь приехал в Приазовье с целью познакомиться с традиционной культурой греков, изучить христианские древности, возможно сделать то, что не удалось его предшественнику Ф. Брауну — разыскать следы крымских готов. Н. И. Репников изучал в основном материальную культуру — в первую очередь то, что можно проследить на археологическом материале, найти аналогий. Об этом свидетельствуют темы исследования: традиционное жилище, одежда, антропологический тип, церковная утварь.

Изучение греков-эллинофонов, как видно из описей коллекций в РЭМе, Н. И. Репников проводил в селах: Каракуба (ныне — с. Раздольное), Малая Янисоль (с. Куйбышево), Сартана, Стыла, Урзуф (Приморское), Чермалык (с. Заможное), Ялта; а также работал в населенных пунктах, основанных в 1780 г. греками-татарофонами («урумами») — Бешево (пгт. Старобешево), Мангуш (пгт. Первомайское), Старой Карани (с. Гранитное), Старом Керменчике (с. Старомлиновка), Старой Ласпе, Старом Крыму. Кроме этих населенных пунктов, Н. И. Репников побывал в Большой Янисоли, которую основали урумы и румен — выходцы из крымских сел Салгир Ени-сала и Айян, в Старогнатьевке, основанной вышедшим с полуострова вместе с греками грузинами, говорящими по-татарски. Археолог исследовал также храмы г. Мариуполя.

Материалами, собранными во время поездки по Мариупольскому уезду, Н. И. Репников распорядился следующим образом: тексты на греческом языке, послания архиепископа Никифора и епископа Дорофея, другие документы, обнаруженные в с. Каракуба у о. Алексея, потомка Трифиллия Карагоглу, были переданы для перевода и публикации Н. И. Веселовскому и В. В. Латышеву (Латышев 1915, с. 42—64). Коллекция вещей — детали традиционного женского и муж-

ского костюмов, вышивки и др., а также негативы фотографий — были куплены у автора Этнографическим отделом Русского музея. При участии Н. И. Репникова все предметы и фотографии были снабжены подробными описаниями и сформированы в особые коллекции: вещи — кол. 3071 (№ 1—69, 73 е. х.); фотографии — кол. 3282 (№ 1—31, 44 е. х.) и кол. 3283 (№ 1—91, 125 е. х.). Фотоотпечатки с этих негативов были переданы, по-видимому, самим Н. И. Репниковым А. Л. Бертье-Делагарду, который также интересовался этнической историей крымских христиан. Таким образом, фотографии сделанные Н. И. Репниковым в поездке по греческим селам Мариупольского уезда в 1914 г., стали составной частью собрания РЭМ по традиционной культуре приазовских греков и архива рукописных материалов А. Л. Бертье-Делагарда в Крымском республиканском краеведческом музее. Собранные Н. И. Репниковым материалы, и особенно фотографии, могут служить иллюстрацией к описаниям церковной утвари, сделанным предыдущими исследователями. (Арапджони, 1994).

Итак, слабость источниковедческой базы вынудила ряд исследователей искать ответы на некоторые «недоуменные вопросы крымского средневековья» у приазовских греков. Поэтому первыми к проблемам этнической истории и культуры потомков переселившихся христиан обратились специалисты различных гуманитарных дисциплин, интересующиеся в первую очередь Крымом, его историей и культурой. Исследователи, как правило, обманывались в своих ожиданиях, однако в процессе поисков «крымских древностей» ими была проделана большая работа по сбору и фиксации этнографической информации, были описаны почти все элементы традиционной материальной и духовной культуры, семейного и общественного быта мариупольских греков, многие из которых на сегодняшний день полностью утрачены. Немаловажно, что все авторы этнографических очерков о приазовских греках выявили целый ряд особенностей традиционной культуры этноса, сформировавшихся еще в Крыму, под влиянием культур народов, населявших полуостров в средние века, и отмечали значительную устойчивость этих элементов.

На основании вышеизложенного, рассказы о бесценных материальных и духовных сокровищах, вывезенных с полуострова, можно считать преувеличенными: древних рукописей (по крайней мере византийского времени) не обнаружено, хотя отмечено существование византийской письменной традиции (Гранстрём, 1981, с. 86—92). Были найдены рукописи на татарском языке, написанные греческим алфавитом, кото-

рые являются уникальными памятниками истории и языкоznания. Выявленные богослужебные книги — рукописные и печатные (в основном изданные в Венеции) — были датированы XVII—XVIII вв. Особенного внимания заслуживают их оклады, так как некоторые, судя по технике исполнения, довольно ранние, местной работы. Церковная утварь также относится ко второй половине XVII—XVIII вв., в основном была сделана из серебра, что противоречит другой точке зрения, которой придерживались ряд церковных историков и краеведов — о крайней бедности христианских храмов в период существования крымского ханства (Хартахай, 1867, с. 1—70).

Большинство авторов высказывали сомнения, что известные как чудотворные крымские иконы св. Георгия и св. Божьей Матери Одигитрии были написаны ранее XIII—XV вв. Это подтверждается также исследованиями А. Л. Бертье-Делагарда (1920, с. 1—120; 1910, с. 1—108). Выявлен еще ряд образов, одновременных этим, в сельских церквях Мариупольского уезда. Дальнейшая судьба описанных крымских древностей довольно плачевна: многие исчезли в 20—30-е гг., особенно изделия из серебра, книги, иконы. По рассказам информаторов, икона Панагии погибла в пожаре в период Великой Отечественной войны, образ св. Георгия ныне экспонируется в одном из музеев г. Киева. Небольшая часть сохранившейся церковной утвари находится в фондах Мариупольского и Донецкого краеведческих музеев.

Итак, на протяжении всего XIX и XX вв. исследования традиционной культуры и этнической истории проводились историками, археологами, искусствоведами, лингвистами с основной целью — выявить крымские древности, которые могли бы пролить свет на этническую историю и культуру старожильческого христианского населения Таврики, выявить степень устойчивости элементов традиционной культуры, сформировавшихся у греков еще на полуострове. Образно говоря, увидеть уголок Крыма на берегах Азовского моря. Лишь исследования земских учителей и местных чиновников по программам ОЛЕАЭ, РГО, ООИД, экспедиция В. А. Бабенко, в большей мере посвящены исследованию традиционной культуры греков, сложившейся уже в Приазовье, под влиянием нового этнического окружения. Нам представляется, что период с 40-х гг. XIX в. по 10-е гг. XX в., время активного поиска крымских древностей в Приазовье, можно считать начальным этапом исследования этнической истории и культуры мариупольских греков, в котором исследователи

от описания и накопления материала уже начали преходить к его осмыслинию и анализу.

ЛИТЕРАТУРА

Александрович (Гончаренко А. А.) Краткий обзор Мариупольского уезда.—Мариуполь, 1884.

Апториев А. Домашний быт Мариупольских греков // Московские университетские известия.—1868.—№ 4.

Апториев А. Домашний быт Мариупольских греков // ИОЛЕАЭ.—М., 1874.—Т. 13.—Вып. 1. Труды этнографического отдела.—Кн. 3. Вып. 1.

Араджиопи М. А. К вопросу об эмиграции христианского населения Крыма в конце XVIII в. // Проблемы истории Крыма: Тезисы докл. и сообщ. научной конференц. (г. Симферополь, 23—28 сентября 1991 г.).—Симферополь, 1991.—Вып. 1.

Араджиопи М. А. О материалах Н. И. Репникова по этнографии Мариупольских греков в фондах Крымского Республиканского краеведческого музея // Крымский музей.—Симферополь, 1994 (в печати).

Араджиопи М. А. Традиционная женская одежда позднесредневековых крымских греков // Южный архив.—Херсон, 1993.—Вып. 1.

Бабенко В. А. Из этнографических наблюдений в Екатеринославской губернии // Сборник Харьковского историко-филологического общества.—1905 а.—Т. 14.

Бабенко В. А. Этнографический очерк народного быта Екатеринославского края.—Екатеринослав, 1905 б.

Бертье-Делагард А. Л. К истории христианства в Крыму (минимо тысячелетие) // ЗОИД.—1910.—Т. XXVIII.

Бертье-Делагард А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК.—1920.—Вып. 57.

Браун Ф. А. Исследования в Крыму // Отчет Археологической комиссии за 1890 г.—СИБ., 1893.

Браун Ф. А. Мариупольские греки // Живая старина.—1891.—Вып. 2.

Браун Ф. А. О поездке в Мариупольский уезд.—Архив Русского географического общества.—Разряд 13.—Оп. 1.—Е. х. 14.

Ведомость г. Мариуполя с уездом церквам и причту, учиненная в 1792 г.—Отдел рукописей Центральной научной библиотеки АН Украины.—Ф. V (ООИД).—Д. 506.

Викторов А. Е. Собрание рукописей В. И. Григоровича.—М., 1879.

Гавриил, архиеп. Известия о времени построения Мариупольской церкви // Сочинения Гавриила.—М., 1854.—Ч. 2.—Отд. 1.

Гавриил, архиеп. Переселение греков из Крыма в Азовскую губернию и основание Готфской и Кафской епархии // ЗОИД.—1844 а.—Т. 1.

Гавриил, архиеп. Остатки христианских древностей в Крыму // ЗОИД.—1844 б.—Т. 1.

Гавриил, архиеп. Очерк повествования о Новороссийском kraе из оригинальных источников почерпнутый.—Тверь, 1857.

Гозадинов И. И. По поводу одной старой рукописи // Русская старина.—1815.—Т. 163.

Гранстрем Е. Э. К истории заговоров и апокрифических молитв в византийской письменности (неизвестный сборник греческих врачебных молитв) // Палестинский сборник.—1981.—Т. 27 (90).

Греческие рукописи Ф. А. Хартахая.—Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.—Греч. 802—806.

Григорович В. И. Докладная записка на имя ректора Новороссийского университета.—Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.—Ф. 86. Григорович В. И.—Картон 3.—Е. х. 39.

Григорович В. И. Записка антиквара о поездке его на Калку и Кальмис.—Одесса, 1874.

Григорович В. И. Записная тетрадь 1875 г.—Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.—Ф. 86. Григорович В. И.

Дело ИАК о раскопках Ф. А. Брауна на юге России.—Архив ИИМК.—Ф. 1.—1890.—Д. 40.

Дионисий, архим. Панагия или Успенский Бахчисарайский скит в Крыму.—Симферополь, 1870.

Житие, страдания и чудеса св. великомученика и целителя Пантелеимона.—М., 1880.

Закруткин М. Д. Сведения о с. Урзуф Мариупольского уезда.—Отдел рукописей Центральной научной библиотеки АН Украины.—Ф. V (ООИД).—Д. 706.

Латышев В. В. К начальной истории г. Мариуполя // ЗООИД.—1915.—Т. XXXII.

Лашков Ф. Ф. Статистические сведения о Крыме, сообщенные каймаканами в 1783 г. // ЗООИД.—1886.—Т. XIV.

Лебединцев А. Столетие церковной жизни Крыма (1783—1883) // ЗООИД.—1883.—Т. XIII.

Мариуполь и его окрестности.—Мариуполь, 1892.

Описание быта мариупольских греков.—Госархив Донецкой области.—Ф. 107.—Оп. 1.—Д. 3.

Описание сел Константиновки (Константинополя), Богородицкого, Инзовки, Большой Каракубы.—Госархив Одесской области.—Ф. 98.—Оп. 1.—Д. 178.

О раскопках художника Д. М. Струкова в южных губерниях России.—Архив ИИМК.—Ф. 1. (1889).—Д. 87.

Письма архиепископа Розанова В. Ф. Серафимову Г. А.—Отдел рукописей Центральной научной библиотеки АН Украины.—Ф. 175.—Д. 2040.

Сведения об одежде крестьян Екатеринославской губернии.—Архив Института этнографии Российской Академии наук.—Ф. ОЛЕАЭ.—Е. х. 8.

Семёнов П. П. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества (1845—1895).—СПб, 1896.—Т. 3.

Серафимов С. А. Крымские христиане (греки) на северных берегах Азовского моря // Херсонеские епархиальные ведомости.—1862.—№ 3.

Серафимов С. А. Крымские христиане (греки) на северных берегах Азовского моря.—Екатеринослав, 1901.

Серафимов С. А. Некролог // ЗООИД.—1886.—Т. XIV.

Смоляй Ю. О. Етнографічна діяльність В. О. Бабенка на Катеринославщині // Етнографічні дослідження Південної України: Тез. докл. наук. конференц. (м. Запоріжжя, 6—8 жовтня 1992 р.).—Запоріжжя, 1992.

Струков Д. М. Воспоминания о путешествии в Крым.—Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.—Ф. Струков Д. М.—П. 1.—№ 32.

Струков Д. М. Древние памятники христианства в Тавриде.—М., 1876.

Струков Д. М. Страница из истории Крыма // Крым.—1890.—№ 141.

Титов Г. Письма из Екатеринослава.—Одесса, 1849.

Успенский Ф. Воспоминания о В. И. Григоровиче.—Одесса, 1890.

Феодосий (Макаревский) Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии. Церкви и приходы XVIII столетия.—Екатеринослав, 1880.—Вып. 2.

Хартахай Ф. Христианство в Крыму.—Симферополь, 1867.

Чернышева Т. Н. Греческий словарь Ф. А. Хартахая // Вестник Киевского университета. Серия филологии и журналистики.—1959.—№ 2.—Вып. 2.

Этнографическое обследование Екатеринославской губернии. Хроника // Этнографическое обозрение.—1905.—М., 1906.—№ 2—3.

Blaauw O. Greichisch-turkische Sprach-Probleme aus Mariupoler Handschriften // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft.—Leipzig, 1884.—Bd. XXVIII.

В. П. КАЗАРИН

ИЗ ИСТОРИИ НАПИСАНИЯ ПУШКИНЫМ СТИХОТВОРЕНИЯ «БУРЯ»

В 1825 г. в Михайловском Пушкин написал стихотворение «Буря». Напомню его читателям:

Ты видел деву на скале
В одежде белой над волнами,
Когда, бушуя в бурной мгле,
Играло море с берегами,

Когда луч молний озарял
Ее весчасно блеском алым,
И ветер бился и летал
С ее летучим покрывалом?

Прекрасно море в бурной мгле
И небо в блесках без лазури;
Но верь мне: дева на скале
Прекрасней волн, небес и бури.

(II, 443)¹

Пушкинисты и краеведы всегда ощущали в этом стихотворении следы путешествия поэта по Тавриде в 1820 г. «Буря» неизменно относили к кругу «крымской» лирики Пушкина (Маркевич 1899, с. 51; Петухов 1927, с. 10; Недзельский 1929, с. 72). Два обстоятельства априорно говорили в пользу такого решения. Во-первых, именно в Михайловском, где была написана «Буря», в самосознании поэта вновь оживают впечатления от «волшебного края», и он создает

¹ Здесь и далее все ссылки на сочинения Пушкина с указанием римской цифрой тома, арабской — страницы даются по изданию: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16-ти тт.—АН СССР, 1937—1949.

целый ряд несомненно связанных с Крымом стихов: «О дева-роза, я в оковах...», «Виноград», «Фонтану Бахчисарайского дворца», «Чедаеву» («К чему холодные сомненья?»), «Блестит луна, недвижно море спит...» и др.

Во-вторых, в самом стихотворении «Буря» легко «читаются» крымские реалии: скала, море, буря, дева. Это явно не холодная Балтика, не песчаный Азов или Тамань, не равнинная Одесса. Это, конечно, скалистый Южный берег Крыма. Лирика Пушкина всегда принципиально биографична. Та же элегия «Погасло дневное светило ...» отражает, помимо всего прочего, реальные впечатления от морского перехода на парусном корабле из Феодосии в Гурзуф. Исследователи всегда чувствовали, что какие-то действительные события лежат также и в основе замысла «Бури». Но только какие?

Думается, теперь на этот вопрос можно отчасти ответить.

Работая в архиве Военно-морского флота в Ленинграде, среди разнообразных документов из фондов Черноморского флота я наткнулся на дело «Об исправлении повреждений в Севастополе, причиненных бурей 27 августа 1820 г.» (ЦГА ВМФ, д. 1280). Пушкин в Севастополе, как известно, не был. Но так как речь шла о каких-то событиях в тот период, когда поэт еще был в Крыму, я заказал это дело. И не пожалел об этом!

Оказывается, 27 августа (8 сентября по н. ст.) 1820 г. во второй половине дня на Севастополь обрушилась необыкновенной силы буря, которая сопровождалась береговым тифоном (воздушным насосом). Буря унесла жизни 6 человек, 21 попали с ранениями в госпиталь, городу и порту был нанесен ущерб на 50 000 рублей (одного стекла было перебито на 5000, а черепицы — на 10 000 рублей).

Очень выразительно и точно, с рядом важных для нас подробностей об этом происшествии рассказывается в «Кратком описании действия, произведенного в Севастополе громовыми ударами», которое Севастопольский флотский начальник контр-адмирал Ф. Т. Быченский 1-й направил 1 декабря 1820 г. Главному командиру Черноморского флота и портов вице-адмиралу А. С. Грейгу (ЦГА ВМФ, д. 1280, л. 60—70).

Приведем необходимые цитаты из этого официального документа: «До 27-го августа 1820 года в Севастополе и в окружности оного продолжались сильные жары. По Реомюровому термометру от 24 до 26 градусов теплоты (30—33 градуса по Цельсию, и это, естественно, в тени, что же творилось на солнцепеке?! — В. К.). Okolo двух месяцев не было ни одного дождя».

Донесение Ф. Т. Быченского 1-го полностью согласуется

со сведениями других источников. Так, о двухмесячной засухе, прерванной на два дня (13—14 августа) дождем и штором, пишет в «Путевых записках» по прибытии в Тамань Г. В. Гераков (Гераков 1828, с. 113—114, 117).

К 27 августа Пушкин уже 8 дней находится в Гурзуфе. Можно себе представить, какие купания в теплом море устраивала, спасаясь от жары, молодежь — четыре сестры Раевские, их брат Николай и поэт, которому три месяца назад исполнился 21 год. Какое изобилие фруктов было в орошаемых садах Южного берега (ведь по новому стилю это была первая декада сентября)! И как мало располагал раскаленный безоблачный небосклон к каким-либо (верховым или пешим) путешествиям по окрестностям. Все это нашло самое буквальное отражение в письмах самого поэта: «В Юрзуфе жил я *сиднем*, купался в море и обедался виноградом (курсив Пушкина — В. К.) ...» (ХIII, 251).

Продолжим чтение донесения: «27-го августа поутру дули ветры, то восточный, то юго-восточный, тихие; потом при облачной погоде средние. В воздухе теплота была ощущительная. В 9-м часу до полудня на северо-западной стороне в горизонте моря видны были дождевые тучи, сверкающая молния и слышны были глухие громовые удары. В полдень ветер продолжался тот же и переменившийся; но в то же время в юго-западной и северо-западной стороне видна была в горизонте моря буря при сильном ветре от стороны юго-востока».

Обитатели Гурзуфа, таким образом, получили 27 августа с утра передышку от пеистового зноя всех последних недель. Воздух был теплый, но все усиливающийся ветер, конечно, приносил какое-то облегчение. К Севастополю буря приближалась со стороны Одессы. В Гурзуфе ее видеть не могли, так как побережье закрывает горная гряда, но приближающаяся перемена погоды, несомненно, чувствовалась.

Читаем далее: «В половине 4-го часа при жестоком ветре от юга вдруг весь горизонт помрачился, пошел проливной дождь с градом, довольно крупным, сопровождаемый сильными громовыми ударами и молнией».

С этого момента обитатели Гурзуфа могли наблюдать бурю, надвинувшуюся на Севастополь, так как она пришла с юга и, несомненно, закрывала весь горизонт над морской гладью. Поэтому многое из того, что описывает контр-адмирал Ф. Т. Быченский 1-й, поэт и его друзья могли видеть с вершины одной из гурзуфских скал (или даже просто из окон дома Ришелье, в котором они расположились), так же как

севастопольцы позднее до 11 часа ночи наблюдали удалявшуюся на восток и продолжавшую бушевать бурю.

«В половине 5-го часа ветр продолжался во всей силе от юга, и при сильных густых черных тучах, обращающихся, движущихся в различные и даже противные стороны, увеличивались дождь, гром и молния. С тем вместе явился и Тифон, или водяной столб, от юго-запада, при собственном своем ветре или вихре. Сие страшное явление стремлением своим противодействовало всем ветрам, которые были в ужасном волнении без всякого определения. Словом, все ужасало не только людей, но и самую природу! В одно время гром гремел с большим треском, повторялись удар за ударом, и так, что гул одного удара не проходил, как другой с большим ужасом гремел; казалось, что многие громы происходили от одного облака и в одном месте. В 8 минут более 70 самых сильных ударов громовых раздалось над Севастополем, и из них действительных и замеченных по несчастному действию их на город в разных местах было 16. В то же время молния, беспрерывно сверкая, освещала и самый день».

В принципе, уже эта картина, которую поэт сначала мог наблюдать издалека, имеет целый ряд несомненных параллелей со стихотворением «Буря»: море, которое, бушуя, играет с берегами; луч молний, озаряющий героиню вспесочно блеском алым; ветер, который бьется и летает. Кстати, в последнем случае в пушкинском стихотворении сначала было «ветер воил» (в значении «выл») (II, 975; XI, 149), то есть появлялась еще одна деталь из описания Ф. Т. Быченского 1-го: необыкновенный грохот, сопровождавший бурю.

Но есть одно обстоятельство в стихотворении «Буря», которое заставляет думать, что оно отражает впечатления не наблюдателя за ненастем, разыгравшимся в стороне, а человека, оказавшегося в центре свирепой стихии. В пушкинском стихотворении все описанное происходит не днем, а «в бурной мгле», то есть ночью, когда буря, покинув Севастополь, добралась до Гурзуфа.

Достаточно подробно рассказывается в «Кратком описании» о тифоне (устаревшем название смерча, тайфуна), редком для Крыма и Черного моря явлении: «В то же время тифон, сей страшный феномен, приводил всех в трепет. Он собственно собою производил шум острый, похожий на отголосок стука металлического с визгом. Но сей шум, соединясь с треском пагубного его действия над строением, с которого срывал черепицу, камни, лес и все, что встречалось, принимая к себе и вознося на воздух, производил страшный вид

и слух. А все это, соединясь с громовыми ударами, молникою и черными тучами, кипящими в воздухе, представляло как будто бы изменяющуюся природу».

Тифон отнес на «довольное» расстояние будку с часовым, подхватил на воде 14-весельный катер с людьми и перенес его по воздуху на середину бухты, из воды выбрасывал на берег камни весом до 650 кг, всасывал морскую воду на высоту до 10 м и выгонял ее на берег на 20 м, вырвал с корнями до 50 молодых дубов, рушил стены толщиной до 90 см, срывал и скатывал верхний слой земли.

Даже разрушившись, тифон напоминал о себе жителям города совершенно необыкновенными явлениями: «После сего ужасного феномена Севастополь наполнен был крепким серным смоляным запахом, продолжающимся некоторое время. Атмосфера была густа. Воздух столь наполнен был электрическою силою, что люди чувствовали ненатуральное испарение и во всем теле какую-то слабость».

К счастью, тифон, диаметр которого составлял 60 м (!), миновал центр города и рейдовую бухту, в которой стояла вернувшаяся после летнего плавания эскадра. Страшно представить, какие бы он мог причинить Севастополю и кораблям разрушения. Явление это было уникальное, поэтому Ф. Т. Быченский 1-й подчеркивает, что «самые старые люди, в Крыму живущие, говорят, что они не запомнят и от предков своих не слышали, чтобы были когда столь ужасные гром и молния».

Стихия успокоилась так же быстро, как и налетела: «В продолжение 8 минут все прошло. Гром и молния направление имели от Севастополя на восток и беспрерывное свечение последней видно было до 11-го часа ночи. Тифон также разрушился ...»

Таким образом, поздно вечером буря накрыла Гурзуф, над которым она и бушевала в той самой «бурной мгле», о которой пишет Пушкин. Она еще сохраняла большую силу. Достаточно сказать, что через сутки, с 28 на 29 августа, буря достигнет, перевалив через Азов, Таганрога, где будет срывать крыши с домов, вызовет наводнение, угонит одно судно в море и три затопит.

В целом ряде пушкинских «крымских» стихов говорится оочных прогулках к морю. Назовем хотя бы стихотворение «Редсет облаков летучая гряда...» (1820):

Там некогда в горах, сердечной думы полный,
Над морем я влажил задумчивую лень,
Когда на хижины сходила ночи тень (...)
(II, 157)

Аналогичное признание будет сделано через десять лет в восьмой главе в лирическом монологе поэта о своей Музе:

Как часто по брегам Тавриды
Она меня во мгле ночной
Водила слушать шум морской (...)
(VI, 166—167)

Можно привести некоторые другие примеры. На фоне той изнуряющей жары, которая стояла в тот год, такиеочные прогулки были даже неизбежны: днем спасались от зноя за толстыми стенами дома Ришелье, ночью, когда приходила характерная для континентального климата Крыма прохлада, отдыхали под звездным небом. Те же морские купания могли организовываться по ночам или ранним утром (последнее предположение подтверждается творческой историей стихотворения «Нереида»).

Такой ночной образ жизни, конечно же, благоприятствовал разного рода встречам и свиданиям. 27 августа 1820 г. во время очередной прогулки (или свидания) Пушкина и его спутнику (а может быть и спутников) как раз и захватила приближавшаяся в течение дня буря.

Последующие два дня путешественники, видимо, провели в доме за разговорами и чтением книг, поскольку, как докладывал Ф. Т. Быченский 1-й, «28-го и 29-го чисел августа погода была пасмурная, довольно прохладная, с западным и северо-западным ветрами, тихими».

Пять лет спустя в Михайловском воспоминание об этом происшествии подарило нам стихотворение «Буря».

ЛИТЕРАТУРА

Гераков Г. В. Путевые записки по многим Российским губерниям: 1820.—Петроград, 1828.

Маркевич А. И. А. С. Пушкин и Крым.—ИТУАК.—Симферополь, 1899.—Вып. 30.

Недзельский Б. Л. Пушкин в Крыму.—Симферополь, 1929.
Петухов Е. В. Крым и русская литература.—Симферополь, 1927.
ЦГА ВМФ.—Ф. 243.—Оп. 1.—Д. 1280.

Л. И. БРОНШТЕЙН, Е. В. АНДРЕЙКО

БАХЧИСАРАЙСКИЙ ДВОРЕЦ В ВОСПРИЯТИИ ПУШКИНА И ЕГО СОВРЕМЕННИКОВ

С конца XVIII в. Крым начинает постепенно терять свой восточный колорит: появляются имения и дачи русских помещиков, строятся новые города — Симферополь и Севастополь. В то же время Бахчисарай остается настоящим восточным городом, полностью сохранившим свой облик.

Современники Пушкина, знавшие Крым, чувствовали магическую прелесть Бахчисарай. Не случайно Густав Олизар советовал Мицкевичу обязательно побывать в этом городе, потому что именно он хранит печать Востока.

Для Пушкина Крым — это «полуденный берег», «брега Тавриды», «Таврида», «брега веселые Салгира»¹.

Бахчисарай же поэт всегда выделял особо. В поэзии: «Скажи, Фонтан Бахчисарай...», «Увы, Дворец Бахчисарай // Скрывает юную княжну», или «Порой восточный краснобай // И удивлял Бахчисарай».

В декабре 1824 г. в письме к Дельвигу из Михайловского Пушкин пишет: «Растолкуй мне теперь: почему полуденный берег и Бахчисарай имеют для меня прелесть неизъяснимую? От чего так сильно во мне желание вновь посетить места, оставленные мною с таким равнодушием?» (Пушкин 1926, с. 107).

В первом черновом варианте этого письма пропущено слово «берег» и текст звучит так: «Растолкуй же мне теперь: почему полуденный Бахчисарай имеют для меня прелесть неизъяснимую?» (1926, с. 110).

С подлинным мусульманским Востоком Пушкин встретился в Бахчисарае. Поэт увидел новый для себя мир, и этот мир, бывший загадкой для него, захватил Пушкина. Поэма «Бахчисарайский фонтан» вскрыла верхний слой этой загадки, но Пушкин чувствовал, что все намного сложней и глубже.

Осенью 1824 г. в Михайловском он вновь возвращается к теме Востока и непосредственно к Крыму и Бахчисараю. Это отразилось в стихах «Фонтану Бахчисарайского дворца», «Виноград», «О, дева роза, я в оковах», «Пока супруг тебя, красавицу младую», цикле «Подражания Корану». Из от-

¹ В поэтической речи в начале XIX в. принято было называть страну по главной реке. Брегами Салгира часто называли весь Крымский полуостров, а не только те места, где протекает Салгир.

дельных писем, черновиков, рисунков этой осени тоже можно увидеть увлечение Пушкина темой Востока.

В письме к брату Л. С. Пушкину поэт просит: «Пришли мне: ... «Путешествие по Тавриде» Муравьева ... Я тружусь во славу Корана и написал еще кое-что...» (Х, 106)². По-видимому, намекая на свой вынужденный отъезд из Одессы в Михайловское, Пушкин говорит: «Между тем принужден был бежать из Мекки в Медину, мой Коран пошел по рукам и доныне правоверные ожидают его» (Х, III).

Интересны и черновики Пушкина этой осени. В черновиках, рисунках, которые там разбросаны, поэт приоткрывает тайну своей творческой лаборатории. Можно проследить за ходом его мысли, прикоснуться к некоторым проблемам, которые мучили поэта.

Рассмотрим два листа черновиков. На первом — «Подражания Корану» чисто переписанные, тут же сбоку черновое VIII «Подражание»..., затем рисунок — фигура турка в чалме. На следующем листе стихи: «Пока супруг тебя, красавицу младую», на этом же листе черновое: «Фонтан любви, фонтан живой...», и внизу карандашный черновой набросок «Не стану я жалеть о розах», там же рисунок, на котором изображена ветка винограда.

В этот период Пушкин обращается к Востоку на более высоком философски осмысленном уровне. Это итог четырехлетнего осмысления личных впечатлений и переживаний, когда Восток взорвал в поэте и уже сознательно, опосредованно просится на бумагу, что и происходит именно в Михайловском, потому что это первая длительная остановка, пауза в деселе кочевой беспокойной жизни.

Восточная культура требует несуэтного, спокойного, углубленного размышления, и именно Михайловское дает поэту возможность побывать в относительном одиночестве, чтобы подвести итоги периоду странствий и путешествий. Мы видим в Михайловском, что очень сильным впечатлением за эти четыре года было именно Восток. Осида и обращение к Корану, как к истоку и итогу восточной философии, и тематика стихов, рисунков поэта. Но среди восточных впечатлений одним из самых сильных оказался Бахчисарай. Об этом Пушкин и говорит в письме к Дельвигу (1926, с. 105—107).

Вполне вероятно, что толчком для написания письма по-

² Здесь и далее все ссылки (кроме специально оговоренных) на сочинения Пушкина с указанием римской цифрой тома, арабской — страницы даются по изданию А. С. Пушкина. Полн. собр. соч., в 10-и т.—АН СССР, 1962—1966.

служила книга И. М. Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде в 1820 году». Оба черновых варианта письма начинаяются с упоминания книги И. М. Муравьева-Апостола. Первая редакция: «(Я прочел) Путеш. по Тавр. прочел я с жадностью и чрезвычайным удовольствием (Пушкин, 1926, с. 109). И второй черновой вариант: «Путешествие по Тавриде» прочел я с чрезвычайным удовольствием... Но знаешь ли, что более всего поразило меня в этой книге? различие наших впечатлений». (1926, с. 107).

«Различие впечатлений» у Пушкина не только с И. М. Муравьевым-Апостолом, но и с некоторыми другими путешественниками по Крыму. В отдельных местах они приобретают форму скрытой полемики с ними.

В. Измайлов в «Путешествии в полуденную Россию», книге, которую Пушкин знал, восторгается ремонтом, произведенным в Бахчисарайском дворце к приезду Екатерины II: «Недавно рука Европейского искусства прибавила еще к нему (Бахчисарайскому дворцу — А. Б.) печать свою. Не мудрено; ибо в нем жила несколько дней Екатерина II. Нежность вкуса ее могла ли довольствоваться грубым убранством восточных комнат?» (1805, с. 138).

В. Измайлову вторит Г. В. Гераков, посетивший Бахчисарай в 1820 году, в то время, когда архитектор И. Колодин готовит дворец к реставрации. Г. В. Гераков даже самоуваженно высказывает свои пожелания-рекомендации по ремонту дворца: «Но я бы желал привести весь дворец в то положение, в каковым был он, когда Матерь Отечества занимала оный и уверен, что сие будет исполнено приказанием Императорским» (1830, с. 23).

Взгляд Пушкина совершенно другой: «Я обошел дворец с большой досадою на небрежение, в котором он истлевает, и на полуевропейские переделки некоторых комнат» (1926, с. 106—107).

Плачевное состояние дворцовых построек не могло не вызвать «досаду» поэта. Под действием непогоды бывшая ханская резиденция медленно разрушалась: разлагались деревянные детали построек, «истлевало» внутреннее убранство комнат, рушились стены зданий. Общую картину запустения, царившего во дворце в 1820 году, помогают восстановить документы, хранящиеся в Крымском государственном архиве.

31 мая 1820 года смотритель дворца в очередной раз докладывал губернатору А. Н. Барапову: «Дворцовые здания внутри и снаружи требуют... починок, для произведения коих теперь наступило самое удобное время». Для ремонта требовалось — 1900 рублей (ЦГАК ф. 26, д. 4967, л. 5).

Сумма немалая для того времени. Очевидно, объем необходимых работ был велик.

Разрушались не только здания дворца, но и постройки в саду. 10 июня 1820 года смотритель отправил Таврическому губернатору депешу: «В вверенном мне казенному Бахчисарайском дворце сего месяца 6 числа в верхнем трехступном саду большая с правой стороны каменная стена от большого джодя развалилась до основания, всего саженей до пятнадцати...» (ЦГАК ф. 26, ОП №, Д. 4967.— л. 10). Справедливо-сти ради надо отметить, что несмотря на отсутствие денег кое-какой ремонт все-таки производился. Однако, характер работ был весьма сомнительным. Разрушающиеся здания попросту разбирали, чтобы они не рухнули и не повредили относительно целые постройки. 27 июля 1820 года (до приезда Пушкина оставалось чуть более месяца) смотритель дворца докладывал А. Н. Барапову: «... в персидском отделении... высокая восьмиугольная башня весьма ветха и довольно наклонилась на одну сторону, на случай ее падения поломается и прочее окружающее оную строение, при том же опасно сие и для людей. Поднять ее нет возможности, а надежнее было разобрать до основания оную... в прочем за всеми дворцовыми частями наблюдается внимательное смотрение, и потерпящие времени повреждения не допускается к расслаблению и неупустительно подкрепляются». (ЦГАК, ф. 26, ОП 1.— Д. 4967 — л. 31).

Путешественнику, едва вступившему за дворцовую ограду, бросалась в глаза ветхость ханской резиденции. Тягостное впечатление производили рухнувшая ограда, разрушенный и полузасыпанный ров, окружавший дворец, ставшие и осевшие центральные ворота. Смотритель писал губернатору: «Над окружающей дворец канавой ... палисадник совсем сгнил ... Канава внизу оного палисадника, полукружьем отделанная, имет повреждения: некоторые камни с стены водой вынесены, а дерево, связующее их, сгнило, оная требует немедленного исправления. В окончании сего палисадника пред въездными воротами большой каменный мост... В нем по обеим сторонам брусья совершенно сгнили и в скорости обрушатся...» (ЦГАК, ф. 26, ОП 1.— Д. 4967, л. 32 (об)).

Сам дворец был настолько ветхий, что пребывание под его крышей было подчас просто опасно для жизни — полу-скшившие полы и лестницы могли рухнуть под ногами путешественников. По свидетельству смотрителя «внутри дворца (во флигеле) первая комната над воротами требует сделать к ней лестницу, а в середине потолок, двери, окна, вновь оштукатурить ее и при ней в нужном месте положить новый

пол с перекладинами...» «С крыльца ведущая в верхние парадные комнаты лестница и перила в орнамент (?) осели, должно оные переделать». «В цареградской комнате с ходу в нее по левую руку под стеклянными окнами верхняя стена разломалась, должно сделать новую». (ЦГАК, ф. 26, ОП. 1.— Д. 4967.— л. 39).

Документов, свидетельствующих о разрушении дворца, в «Деле о Бахчисарайском казенном дворце» немало. Отчеты смотрителя свидетельствуют, что практически все постройки дворца требовали немедленного ремонта. Некогда пышная и богатая резиденция крымских ханов выглядела в 1820 году нищей и разоренной.

Досаду и недовольство вызывают у Пушкина также «полуевропейские переделки». Не только и не столько потому, что они вызваны желанием угодить «утонченному» вкусу просвещенной европеизированной монархии...

Императрица продолжала традицию русских государей после Петра I, потащившего Россию волоком на европейский уровень через прорубленное им окно, пренебрежительно не замечая русскую, а также любую другую самобытность национальной культуры.

Именно эта нивелировка и возмущает Пушкина в произведенных реконструкциях Бахчисарайского дворца. Чувствуя своеобразие Востока, особенность его культуры, Пушкин не может принять фальши, внесенной верноподданнической реставрацией именно потому, что она убивала самобытность дворца, его национальный дух, его суть, как явления восточной культуры.

Не имея националистических предрассудков, Пушкин глубоко уважал явления национальные и понимал, что насилиственное неорганическое внесение чужеродного губит национальное. Безлиное понятие «европейское», по мнению Пушкина, лишало своего лица и Дворца.

В письме к Дельвигу Пушкин говорит о том, что «прежде слыхал о странном памятнике влюбленного хана», имея ввиду фонтан Слез. И в этом же письме: «Что касается до памятника ханской любовницы, о котором говорит М., я о нем не вспомнил, когда писал свою поэму, а то бы непременно им воспользовался». (1926, с. 107).

В первом черновом варианте письма Пушкин даже пишет, что и не знал о существовании мавзолея (1926, с. 110).

До Пушкина легенду о романтической любви хана связывали только с мавзолеем (дюрбе) Диляры-Бикеч. Еще была известна Зеленая мечеть, которая тоже посвящена этой женщине. Но никто из путешественников конца XVIII в.,

начала XI Хвв. не связывал фонтан Слез с именем Диляры. «Легенда о Крым-Гирее и Диляре-Бикеч — фонтан Слез — исторически достоверный образ Крым-Гирей хана, художественное воплощение которой мы находим лишь у А. С. Пушкина в поэме «Бахчисарайский фонтан» (Малиновская 1993, с. 19).

Одно из первых свидетельств о таинственной любви хана мы встречаем у английской путешественницы миледи Крауен еще в 1786 году, но она упоминает только о мавзолее: «Из моих окошек я увидела род купола, который возбудил во мне любопытство, и я узнала, что хан соорудил его в память своей жены — христианки, которую он так нежно любил, что по смерти ее не мог утешиться. Он для того поставил этот монумент, чтобы часто наслаждаться удовольствием, видя место, заключающее в себе драгоценные и любезнейшие для него остатки» (1795, с. 286).

Через семь лет в 1793 году академик Паллас пишет об этом дюрбе: «Над верхним фруктовым садом стоит куполообразный мавзолей с золотым шаром над куполом; здесь похоронена грузинка, жена храброго хана Крым-Гирея» (1881, с. 79).

Фонтан Слез Паллас особо не выделяет, он упоминает о нем в одном ряду с другими достопримечательностями дворца: «Здесь и находился вход в самый дворец, через первые сени налево, в углу, в которых плещет фонтан» (с. 78).

П. Сумароков тоже не связывает этот фонтан с легендой, хотя о дюрбе он пишет: «Немного подалее виден еще каменный купол, воздвигнутый над прахом одной Ханской жены Христианки, которая им страстью была любима». (1800, с. 137).

И. М. Муравьев-Апостол довольно подробно описывает фонтан, но и он не связывает его с легендой, хотя перед поездкой в Бахчисарай в Саблах, в имении А. М. Бороздина, он встречается с семьей Раевских, которые, если бы знали, могли бы рассказать ему о фонтане Слез.

И. М. Муравьев-Апостол в связи с легендой вспоминает только дюрбе: «...безотрадный Керим соорудил любезной памятник сей, дабы ежедневно входить в оный и утешаться слезами над прахом незабвенной» (1823, с. 118).

После выхода в свет «Бахчисарайского фонтана» центром внимания почти всех путешественников стал фонтан Слез. Пушкинская поэма стала, как бы путеводителем по дворцу.

Все путешественники, начиная с П. П. Свиньина, постоянно цитируют поэму. Об этом хорошо сказал В. Пассек: «Из всех фонтанов случай сделал любимым фонтан Слез... Мечта

поэта в живых прекрасных картинках представляла наш Восток, и теперь привлекает внимание всех путешественников к Бахчисарайскому фонтану (1838, с. 164—165).

Легенда о фонтане Слез стала обратить новыми, ничем не обоснованными подробностями и деталями.

Например, Олимпиада Шишкина в «Заметках и воспоминаниях русской путешественницы по России в 1845 году» пишет: «Поблизости показывают две небольшие горницы³ с особым входом, будто бы принадлежавшие Марии Потоцкой, о которой беспрерывно вспоминают в Бахчисарае (1848, с. 88).

Появилась легенда, что Малая дворцовая мечеть была превращена в молельню для ханской жены. Об этом тоже пишет О. Шишкина: «Из тех же сеней с фонтанами вход и в домовую мечеть, основанную Селямет-Гиреем в 1740 году⁴. В ней внизу окна в сад, где бассейн и еще несколько окон вверху. Она совсем оставлена и, кажется, невозможno, чтобы тут в Ханском дворце была когда-нибудь, как иначе многие думают, церковь для любимой жены Марии, как называл ее Пушкин, или Диляры, как зовут татары» (с. 93).

Даже во второй половине XIX в. во дворце рассказывали о комнатах Потоцкой, о ее молельне. В «Воспоминаниях о Крыме» княгини Ел. Горчаковой мы встречаем тот же сюжет, даже найдена «темница», где якобы взаперти сидела Мария Потоцкая: «...внизу, но с противоположной стороны дворца, большая круглая комната, или ротонда: это темница Марии Потоцкой, в которой она томилась почти год, пока ее тайно не извела ее соперница Феря, любимая жена хана. Вот легенда, сохранившаяся до сих пор в татарском народе, как предание, и так поэтично передаваема нам Пушкиным в его «Бахчисарайском фонтане» (1881, с. 76).

«Бахчисарайский фонтан» Пушкина имел такую силу воздействия на читателей, что они во дворце искали и находили бытовые реалии, подтверждающие существование жизни романтических героев поэмы.

Психологически это вполне объяснимо: существует фонтан и памятник (дюрбе) — реалии, подтверждающие смерть геронии; значит должны быть реалии, подтверждающие ее жизнь. То есть, если есть могила, то должна быть жизнь, предшествующая ее смерти.

³ Речь идет о двух проходных комнатах в личных покоях ханов.

⁴ Обычно считается, что Малая дворцовая мечеть сооружена в XVI в. В 1740 г. в правление хана Селямет-Гирея она была отремонтирована после пожара 1736 г.

В данном случае мы наблюдаем как бы психологическую инверсию. Движение от реалии смерти к реалиям жизни.

По легенде во дворце жила женщина, которая должна оставить свои приметы приспособленности к чужому быту, к чужому укладу. Фантазия услужливо подсказывает нам молельню из-за ее близости к фонтану Слез, две небольшие комнаты в личных покоях хана превращаются в покой Марии Потоцкой, а невинная ротонда (скорее всего беседка Селямет-Гирея) становится темницей, где почти год томилась герния.

4 ноября 1823 года Пушкин просит П. А. Вяземского напечатать «Бахчисарайский фонтан» «... еще просьба, приплиши к «Бахчисараю» предисловие или послесловие... — пишет Пушкин, — прилагаю при сем полицейское послание, яко материал; почерпни из него сведения (разумеется, умолчав об их источнике). Посмотри также в «Путешествии» Апостола-Муравьева статью «Бахчисарай», выпиши из нее что посноснее — да заворожи все это своею прозою, богатой наследницею твоей прелестной поэзии (Х, с. 69—70).

При публикации первого издания «Бахчисарайского фонтана» в 1824 году в приложении к поэме была напечатана «Выписка из путешествия по Тавриде» И. М. Муравьева-Апостола, а вместе предисловия к поэме был помещен П. А. Вяземским его манифест романизма «Вместо предисловия. Разговор между издателем и классиком с Выборгской стороны или с Васильевского Острова».

П. А. Вяземский писал: «Предание известное в Крыму и поныне, служит основанием поэмы. Рассказывают, что хан Керим-Гирей похитил красавицу Потоцкую и содержал ее в Бахчисарайском гареме; полагают даже, что он был обвенчен с нею. Предание сие сомнительное и г. Муравьев-Апостол в путешествии своем по Тавриде, недавно изданным, восстает против... вероятия сего рассказа (имеются в виду сомнения И. М. Муравьева-Апостола в том, что во второй половине XVIII в. крымские ханы не смогли бы похитить женщину из рода Потоцких — А. Б.) Как бы то ни было, сие предание есть достояние поэзии... — продолжает Вяземский, — и наш поэт очень хорошо сделал, присвоив поэзии Бахчисарайское предание и обогатив его правдоподобными вымыслами (1824, с. XIII—XIV). О этом «бахчисарайском предании» А. П. Гроссман очень точно сказал: «Таков был первоисточник поэмы, зарождение «Бахчисарайского фонтана», момент переключение народного сказания в новое искусство лиро-эпического повествования» (1960, с. 77).

Вяземский-издатель в «Выписке из путешествия по Тав-

риде» изъял перевод надписи на фонтане Слез, которую приводит И. М. Муравьев-Апостол:

«Слава всевышнему Богу! Развеселился вновь лицо Бахчисарай, благоворенным о нем попечением Светлейшего Керим-Гирея Хана. Он то утолил жажду страны своей щедрою рукою и тщится еще вящее оказать благодеяние, когда будет на то помочь Божия. Попечительным старанием своим он открыл славный ток воды. Ежели есть другой подобной красоты фонтан, да предстанет он! — Видали мы города Шам? и Багдад, не такого прекрасного фонтана нигде не видывали. Сочинявший надпись сию писец, но именно Шейхий⁵. Человек томимый жаждою, сквозь воду, из тоненькой как палец его трубки, истекающую, прочтешь начертание сие на фонтане. Но что же она гласит? Приди, пей сию прозрачную воду из самого чистого источника текущую: она здравие дает...»

То что этот перевод не попал в «Выписку...» можно объяснить: в надписи ничего не говорится о таинственной любви хана, а это, как предполагал П. А. Вяземский, слишком профанически разрушило бы «поэзию бахчисарайского предания», что не соответствовало бы романтической задаче.

«Романтическая ориентация» находит для вещей уже известных новые, еще никем не установленные связи. Новое осмысление вещей придает им романтический колорит, мы их узнаем и не узнаем; новое истолкование — это и новый колорит, странность, причудливость. Смещение знакомого с неизвестным, известного с неизвестным, явного с до сей поры таинственным романтики считают особо ценным, особо выразительным явлением в поэзии, живописи, музыке» (Берковский, 1971, с. 374).

В литературе принято считать, что знатных путешественников сопровождали по дворцу местные жители и они же переводили надписи. «Вопрошать мрамор Пушкин мог только через своего путеводителя-татарина, прочесть хвалу дальней стране, т. е. Дамаску и Багдаду, поэт мог лишь в устном переводе своего ученого спутника; только от него автор «Бахчисарайского фонтана» мог узнать, что этот ханский памятник польской княжне не называет ее имени» (Гроссман, 1960, с. 79).

⁵ Перевод «писец по имени Шейхий» неточный. Во всех последующих переводах надписи на фонтане Слез, начиная с перевода А. А. Борзенко (1850, с. 492), текст переводится так: «О шейхи!» На это обратила внимание Л. Н. Малиновская: «...вызывает интерес восклицание: «О шейхи!» Следует отметить, что в Крыму в средневековые было значительно распространено учение суфиев. Шейхи, как главы суфийских братств и покровители цехов, пользовались авторитетом мусульманского населения Крыма» (1993, с. 177).

Это не совсем так. Обратимся к И. М. Муравьеву-Апостолу: «Переводом сей и следующих надписей я обязан г-ну Ананьичу, Бахчисарайскому Полицмейстеру. Он для сего употребил одного Муллу, знающего Аравский язык; но как язык сей неизвестен ни г-ну Ананьичу, ни мне, то за исправность перевода я ручаться не смею». (1823, с. 108—109).

В переводе надписи на фонтане Слез, которую приводит в «Путешествии...» И. М. Муравьев-Апостол, упоминаются города Шам и Багдад.

В сносках И. М. Муравьев-Апостол пишет: «Я оставил Шам так как он написан в переводе; но какой тут город разумеется, этого отгадать не могу» (Муравьев-Апостол, 1893, с. 111).

Шам в переводе с арабского — Сирия, Дамаск⁶. И ученый Мулла, «знающий арабский язык», если бы сопровождал путешественника, то легко разъяснил бы недоразумение.

И. М. Муравьев-Апостол подчеркивает, что оставил Шам так как он написан в переводе. Написанный перевод был у полицмейстера Ананьича, который и сопровождал И. М. Муравьева-Апостола по дворцу.

Вспоминает Ананьича и Г. В. Гераков: «Городничий, или Полицмейстер Ананьич, приготовья для меня покой во дворце по приказанию Губернатора, был на отъезде в свои недавно купленные хутора: я, за учтивость его ко мне просил ехать и остался на руках частного пристава Грека Константина Ивановича, который водил меня по дворцу» (Гераков, 1830, с. 22).

Из этого текста мы явно видим, что сопровождать по дворцу Г. В. Геракова должен был полицмейстер. Ананьич перепоручает присмотр за гостем тоже государственному чиновнику, своему непосредственному подчиненному частному приставу греку Константину Ивановичу.

Пушкин с Раевским, Г. В. Гераков и И. М. Муравьев-Апостол почти в одно время были в Бахчисарае.

Наиболее вероятно, что знаменитого генерала с его спутниками принимал, водил по дворцу и читал заготовленные ученым муллой переводы надписей на стенах дворца и на фонтанах полицмейстер Ананьич.

И. М. Муравьев-Апостол называет Ананьича полицмейстером. Г. В. Гераков, который педантично записывает чины и должности, говорит об Ананьиче: «Городничий или полицмейстер».

⁶ Автор благодарит сотрудника аБхчисарайского историко-культурного заповедника Эбубекирова С. У. за данное разъяснение.

Полицмейстер (полицеймейстер) — в России с 1782 г. начальник полиции губернского города, ему подчинялись частные приставы — (СЭС 1980, с. 1043). Городничий — прежде начальник полиции уездных городов... (ЭС Павленкова, 1910, с. 573).

В письме к П. А. Вяземскому от 4 ноября 1823 года Пушкин пишет: «...прилагаю при сем полицейское послание, яко материал; почерпни из него сведения (разумеется, умолчав об их источнике)»⁷ (х, с. 69).

Источником полицейского послания скорей всего был Бахчисарайский полицмейстер Ананьич, который по долгу службы и просто из любознательности пытался получить какие-то знания о дворце; а главное — имел записи (переводы надписей), которыми он делился со своими гостями.

К надписи на фонтане Слез Пушкин неоднократно обращался в своей поэзии.

В «Бахчисарайском фонтане»:

«Есть надпись:
Едкими годами
Еще не сладилась она,
За чуждыми ее чертами
Журчит во мраморе вода» (IV, с. 192).

Чужды черты надписи на фонтане Слез трансформировались в узор «надписи надгробной на непонятном языке» в стихотворении «Что в имени тебе моем» (Бронштейн 1993, с. 11—12).

Из строк стихотворения осени 1824 года:

«Фонтан любви, фонтан печальный!
И я твой мрамор вопрошал:
Хвалу стране прочел я дальней;
Но о Марии ты молчал...» (II, с. 202).

видно, что поэт был знаком с переводом надписи на фонтане Слез.

Отрывок 30-х гг. «Сей белокаменный фонтан» большинство исследователей справедливо связывают с Крымом.

Б. В. Томашевский в примечаниях к этому незаконченному стихотворению писал: «Отрывок — воспроизведение над-

⁷ Еще Б. Л. Модзалевский, комментируя это письмо, писал: «Какое «полицейское» послание» приложил Пушкин к письму неизвестно» (1926, с. 283).

Современный исследователь Н. М. Лобкова говорит: «Невозможно установить, что Пушкин определял термином «полицейское послание», которое он прилагал как материал для предисловия (1974, с. 41).

писи на крымском фонтане (вероятно на Гурзуфском)» (III, с. 531).

Этот отрывок — описание одного из типов восточных фонтанов, которые часто встречались в Турции, Крыму, на Кавказе; он соответствует описанию таких фонтанов турецким исследователем Д. Эссадом: «Поэты старались уместить в последнем полустишье свое имя, имя основателя и дату (см. у Пушкина «Сооружен и изваян...» — А. Б.). Эти стихи, вырезанные на камне буквами, служат большим украшением, благодаря декоративной форме восточных писем» (Эссад, 1919, с. 260).

У Пушкина читаем:

«Сей белокаменный фонтан
Стихов узором испещренный
Сооружен и изваян...» (III, с. 394).

Следующие строчки у Пушкина: «Железный ковшик... // цепью прицепленный», соответствуют описанию Д. Эссадом привешанных на цепочках к фонтану бронзовых стаканчиков, из которых пьют прохожие (Эссад, 1919, с. 261).

Интересен у Пушкина перечень людей, которые посещают фонтан:

«Кто б ни был ты, пастух
Рыбак иль странник утомленный
Приди и пей» (III, с. 394).

Пастух и странник — герои, встречающиеся в русском и восточном фольклоре, можно даже рассматривать их как библейских героев (Например, Иаков из бедного, бездомного странника превращается в пастуха, а затем во владельца многочисленных стад крупного и мелкого скота).

Рыбак выбивается из этого перечня и это еще раз может служить доказательством того, что отрывок связан больше с Крымом, а не Кавказом. На Кавказе Пушкин почти не встречает моря, а в Крыму его маршрут проходит через Керчь, Феодосию, Гурзуф, Георгиевский монастырь. В этих местах ремесло рыбака было одним из самых распространенных.

Строчка «Приди и пей» почти буквально совпадает с известным Пушкину переводом надписи на фонтане Слез: «Приди, пей сию прозрачную воду...» Кроме того, отрывок «Сей белокаменный фонтан» — еще одна из реминисценций эпиграфа из Саади к «Бахчисарайскому фонтану»: «Многие, так же как и я, посещали сей фонтан; но иных уже нет, другие странствуют далече» (IV, с. 175).

Крым Бахчисарай были первой «восточной любовью» Пушкина. Именно там он увидел воочью, ощутил, прочувствовал Восток.

«Знакомство с книгой И. М. Муравьева-Аpostола, оживив былые впечатления, способствовало окончательному воплощению давно оформленвшегося образа» (Казарин, Андрейко Шавшин, 1993, с. 195).

Психология художественного творчества такова, что большую силу имеют воспоминания возвышенной эмоциональной окраски, всегда сопровождающие первое знакомство, первое впечатление. Оно не всегда самое верное, но всегда самое сильное как, скажем, первая любовь.

Об этом сам Пушкин и говорит в «Отрывках из путешествия Онегина:

«Таков ли был я, расцветая?
Скажи, фонтан Бахчисарай!
Такие ль мысли мне на ум
Навел твой бесконечный шум,
Когда безмолвно пред тобою
Зарему я воображал...
Средь пышных, опустелых зал...» (V, с. 203—204).

ЛИТЕРАТУРА

Берковский Н. Я. Романтизм // Краткая литературная энциклопедия.—М.: Советская энциклопедия, 1971.—I. 6.

Борзенко А. А. Бахчисарайские арабские и турецкие надписи // ЗООИД.—Одесса, 1850.—I. II.

Бронштейн А. И. О некоторых восточных мотивах в творчестве А. С. Пушкина // II Крымские пушкинские чтения: тез. докл.—Симферополь, 1993.

Вяземский П. А. Вместо предисловия. Разговор между издателем и классиком с Выборгской стороны или с Васильевского Острова // Пушкин А. С. Бахчисарайский фонтан.—М., 1824.

Гераков Г. В. Продолжение путевых записок по многим Российским губерниям, 1820-го и начало 1821-го — Пгд., 1830.

Горчакова Е. Воспоминание о Крыме кн. Е. Г.-ей.—М., 1881.

Гросман А. П. У истоков «Бахчисарайского фонтана» // Пушкин исследование и материалы — М.—Л.: АН СССР, 1960.—I. III.

Измайлова В. Путешествие в полуденную Россию Владимира Измайлова.—М., 1805.—Ч. II.

Казарин В. П., Андрейко Е. В., Шавшин В. Г. Пушкин и Георгиевский монастырь // История и археология Юго-Западного Крыма.—Симферополь: Таврия, 1993.

Кравчен Э. Путешествие в Крым и Константинополь в 1786 г.—М., 1795.

Лобкова Н. М. Пушкин и Восток.—М., 1974 г.

Малиновская Л. Н. Семантическое поле Бахчисарайского фонтана («Слез») в контексте исламской традиции // История и археология Юго-Западного Крыма.—Симферополь: Таврия, 1993.

Малиновская Л. Н. К вопросу о фонтане «Слез» // Русская культура и Восток. III Крымские Пушкинские чтения; тез. докл. Симферополь, 1993.

Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 году.— Спб., 1823.

Паллас П. Путешествие по Крыму академика Палласа // ЗООИД — Одесса, 1881.— I. XII.

Пассек В. Очерки России.— Спб., 1838.— Ч. II.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10-ти т.— М.; АН СССР, 1962—1966.

Пушкин. Письма. М.— Л., 1926.— I.I.

Советский Энциклопедический Словарь (СЭС) — М.; 1980.

Сумароков П. И. Путешествие по всему Крыму и Бесарабии в 1799 г.— М., 1800.

Центральный государственный архив Крыма (ЦГАК) Ф. 26, ОП. 1.— Д. 4967.

Шишкина О. Заметки и воспоминания русской путешественницы по России в 1845 году.— Спб., 1848. Ч. II.

Энциклопедический словарь Ф. Павленкова.— С.-Петербург, 1910.

Эсад Д. Константинополь.— М., 1919.

А. Г. ЗАРУБИН

ИЗ ИСТОРИИ БАХЧИСАРАЙСКОГО ДВОРЦА-МУЗЕЯ

Война не жалеет ни людей, ни дёла их рук. Национальные ценности в военное лихолетье всегда под угрозой. В этой связи небезынтересно такая страница истории крымской культуры, как борьба за спасение Бахчисарайского дворца в 1917—1919 гг.

Как управлялся дворец до революции?

В 1783 г. Ханский дворец перешел в ведение Министерства внутренних дел Российской империи и содержался за счет Государственного казначейства (по § 13, статье 13 сметы МВД) под непосредственным наблюдением таврического губернатора. Запасное помещение дворца было открыто для посещений научными работниками, художниками и учащимися, а также для отдыха пребывавших в Бахчисарае государственных лиц. В дворцовом саду проводились массовые гуляния.

Дворец неоднократно осматривали царствующие особы, посадившие, в частности, рядом с ним деревья. В 1913 г. здесь был открыт памятник 300-летию Дома Романовых. Тогда же дворец в последний раз посетил Николай II. «...Его величеством,— свидетельствует документ,— было обращено особое внимание на желательность не только поддержания дворца, но и производства действительной его реставрации, причем по высочайшему повелению была образована специальная Комиссия на этот предмет под председательствовани-

ем Великого Князя Петра Николаевича и при участии известного профессора Н. П. Кондакова, но война, а затем вспыхнувший переворот не дали возможности осуществиться этому предположению» (ЦГАК. Д. 26, л. 1, об.).

Дворец давал доход от продажи фруктов, цветов и овощей. Управление дворца, впрочем, мало считалось с тем, что он является национальной реликвией крымских татар. С целью повышения его доходности администрация начала к 1917 г. разводить «всякую хозяйственную живность, зачастую даже и свиней» (Там же, л. 10, об.), оскорбляя тем самым религиозные чувства мусульман.

После Февральской революции с наступившей смутой дворец оказался в угрожающем состоянии. Так севастопольские матросы разрушили памятник 300-летию Романовых, покушаясь и на сам дворец. Органы Временного правительства, будучи не в состоянии организовать охрану дворца, не решались, однако, передать его крымскотатарскому национальному движению. Последнее, проявляя бурную активность, рассматривало дворец уже не только как национальную и религиозную святыню, но и как политический символ борьбы за освобождение.

Временный крымскотатарский (мусульманский) исполнительный комитет (образован 25 марта 1917 г.) явочным порядком берет дворец под свое управление. 25 сентября Исполком назначил директором дворца, а также сада всех прилегающих зданий и имущества Усеина (Хусаина) Абдурефьевича Боданинского (1887—1937)¹. Таврический губернский комиссар Н. Н. Богданов, считаясь с фактом, отдал 4 октября приказ: «Назначаю художника Усеина Абдурефьевича Боданинского комиссаром Бахчисарайского б. ханского дворца» (Там же, л. 3).

В ноябре 1917 г. во дворце был торжественно открыт национальный музей. Именно здесь лидер национального движения Нуман Челеби Джихан (Челеби Челебиев) выступил с яркой программной речью, обосновывая лозунг «Крым для крымцев» (Кандымов, 1991).

Потрясения гражданской войны поставили под вопрос существование музея. До сентября 1919 г. он оставался, однако, в фактическом ведении крымскотатарского национального правительства (Директории) при заведывании У. А. Боданинского.

¹ Художник и археолог, преподавал рисунок в Симферопольском коммерческом училище, бахчисарайской Татарской художественно-промышленной школе. Занимался книжной графикой. Погиб в годы сталинского террора (Губогло, Червонная 1992, с. 272—273).

данинского, оценки деятельности которого в источниках разнятся. Начальник Симферопольского уезда докладывал 9 сентября 1919 г. (после распуска в августе Директории администрацией белой Добровольческой армии) таврическому губернатору: «... Считаю своим долгом, с тяжелым чувством грусти, доложить Вашему Превосходительству, что этот крупный ценный исторический памятник, за время заведывания... Боданинским, пришел в состояние разрушающегося и погибающего наследия: памятные деревья вырублены, памятник полуничтожен, фонтаны прекратились... соколиная башня рушится, цветники находятся в забросе, часть мебели дворца и другого инвентаря ненавистно где, по слухам экспонаты музея уже исчезли и, если заменены частью новыми, то далеко не равноценными и т. п.; хозяйства нет, доходов от дворца никаких и т. д. и т. д.» (ЦГАК, д. 26, л. 1, об.—2). Доклад визирован: «Согласен. 19/IX».

Нам представляется более соответствующей истине иная оценка деятельности У. А. Боданинского (Ялыбайский, 1991). Имению управление дворца и общественный совет при нем сумели отстоять помещения музея от посягательств всевозможных политических сил. Так еще в октябре 1917 г. на дворец безрезультатно претендовала канцелярия Бахчисарайского отдела управления вакуфами, в ноябре столь же безрезультатно Курултай пытался занять для своего постоянного местопребывания «зал судилища», 20 декабря 1917 г. было отказано в помещении штабу и канцелярии 2-го Крымского конного полка, а весной 1919 г.— большевикам, желавшим занять «графский флигель» (ЦГАК, д. 26, л. 17—17, об.). Неизбежное исчезновение отдельных предметов возмешалось добровольными пожертвованиями крымских татар.

Боданинский не смог противостоять только германским оккупантам. В 1918 г. два месяца в музее размещался штаб 7-го Егерского полка, который, оставляя Крым, основательно, вплоть до кухонной посуды, пограбил дворец.

Упомянутый выше начальник Симферопольского уезда предложил сместить Боданинского и передать музей особой комиссии из представителей бахчисарайских властей и «двух, трех, пользующихся общественным доверием татар...» (Там же, л. 2). Скорее по политическим, нежели по иным мотивам заведующим музеем 10 октября 1919 г. был назначен статский советник Плаксин, который, впрочем, в должность не вступил. 21 октября, по инициативе крымских ученых— Таврического университета и ТУАК, состоялось совещание с представителями лояльного белым Таврического магометанского духовного правления и Вакуфной комиссии. Докладчи-

ком выступил остававшийся на своем месте У. А. Боданинский. Было принято решение передать дворец комиссии в составе представителей от Министерства внутренних дел, ТУ и ТУАК, Духовного правления и Вакуфной комиссии, Общества философских исторических и социальных знаний при ТУ и Бахчисарайского отдела общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины (Там же, л. 14).

Таким образом, усилиями крымских энтузиастов в годы гражданской войны удалось спасти Бахчисарайский дворец-музей от разгрома и расхищения.

ЛИТЕРАТУРА

Губогло М. Н., Червонная С. М. Крымскотатарское национальное движение. Том I: История, проблемы, перспективы.— М.: РАН.— Центр по изучению межнациональных отношений, 1992.

Кандымов Ю. Курултай. Как это было // Авдат.— 1991.— 12 апреля.

Центральный государственный архив Крыма (ЦГАК).— Ф. Р.— 2235.— Оп. 1.— Д. 26.

Ялыбайский Э. Как спасали Ханский дворец // Мераба.— 1991.— № 1.

А. В. ЕФИМОВ

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ БАХЧИСАРАЙСКОГО МУЗЕЯ

После Февральской революции 1917 г. появились условия для культурного возрождения народов России.

Создание института национального управления, введение новых образовательных программ, открытие музеев — все это первый опыт демократических преобразований в России.

Открытие 3 ноября 1917 г. в бывшем Ханском дворце музея явилось проявлением подъема национального самосознания в Крыму.

Публикуемые ниже материалы из газеты Временного Крымского Мусульманского Исполнительного комитета «Голос татар» объясняют мотивы создания культурно-просветительных учреждений и иллюстрируют события, связанные с их открытием.

В текстах сохранена редакция оригиналов.

ДОКЛАД, ПРОЧИТАННЫЙ У. А. БОДАНИНСКИМ
НА ЗАСЕДАНИИ ВРЕМ. КР.—МУС. ИСП. КОМИТ. 26 сент. 1917 г.
О МЕРАХ ПО ЗАЩИТЕ И СОХРАНЕНИЮ ПАМЯТНИКОВ
ТАТАРСКОГО ИСКУССТВА В КРЫМУ

Татары появились на Таврическом полуострове в XIII в., когда Крымская орда отделилась от Золотой Орды и образовала ханство, сначала зависимое от Великой орды, потом автономное, а с XV в. по конец XVIII в. Крымское ханство находилось под верховным протекторатом Турции.

Эти исторические этапы обуславливают характер развития татарского искусства в Крыму. В период времени от XIII в. по XVIII в. искусства всех европейских народов находились под сильным воздействием итальянского ренессанса — это влияние далеким отзвуком отразилось и на татарском искусстве в Крыму, особенно в XVIII веке.

Так называемое «барокко» передавалось в Крым через турецких, греческих и итальянских мастеров.

Татарское искусство раннего периода от XIII в. по XV находилось под влиянием арабско-персидского искусства. Влияние арабской культуры шло из Багдада на восток в Самарканд, особенно интенсивно, при великом Тимур-Беке (Тамерлан), который был не только замечательным военачальником, но также любил искусства, науку и делал все для того, чтобы привлечь в Самарканд ученых, мастеров, зодчих и художников.

Из Средней Азии таким образом распространились религия Магомета, культура и искусство арабов на запад, вплоть до Крымского полуострова. Влияние арабского искусства было так сильно, что до сих пор заметно оно даже на русском искусстве, как, например, золоченые главы московских старинных церквей и т. д.

Татарских памятников этого периода в Крыму сохранилось несколько: 1) мечеть, построенная ханом Золотой Орды Узбеком в Солхате, нын. Эски-Крым (Старый Крым). 2) Дюрбе принцессы Ненекеджан-Ханым в «Чуфут-Кале», (Бахчисарай). 3) Кладбище «Кырк-Ализлер» в Эски-Юрте (Бахчисарай). 4) Эски-Дюрбе в Бахчисарае и несколько других памятников.

С момента перенесения столицы из Солхата в Бахчисарай в татарской культуре и искусстве начинается второй период — период Гиреев, династия которых правила крымским юртом до конца XVIII века, т. е. до времени падения крымского ханства. Этот период был временем высшего культурного расцвета и военного могущества крымской орды. Дина-

стия Гиреев дала татарам ряд весьма замечательных и просвещенных ханов, поощрявших, кроме военного ремесла, еще ученых, поэтов, философов, зодчих, художников и ремесленников. Богословская школа «Зинжиры-Медресе», основанная Менгли-Гиреем, была известна далеко за пределами крымского ханства; изящная поэзия и архитектура процветала при бахчисарайском дворе, цехи многочисленных ремесленников в ханстве получили правильную организацию и их изделия отличались тонкостью, изяществом; садоводство и сельское хозяйство стояли очень высоко; крымские татары были вместе с тем отличными наездниками, мужественными воинами и высоко терпимыми людьми; с терпимостью татар связана еще одна черта — доверчивость. Эта слабость сыграла роковую роль в их исторической судьбе, и крымский юрт стал добычей воинствующего имперализма России конца XVIII века. Так закончил свое самостоятельное существование славный крымский юрт.

Последующая судьба крымских татар под эгидой русского самодержавия была сплошной трагедией: систематический гнёт, постепенное обезземеливание татар-крестьян, умышленная поддержка правительством невежества, провоцирование переселения татар в Турцию, колонизация территории крымского ханства отбросами центральной России и Украины, полное экономическое и культурное оскудение крымско-татарского народа, привели его к катастрофической развязке.

Хищническая политика феодальной татарской аристократии, которую всеми силами поддерживала местные правительственные агенты, нанесла предательский удар внутрь, в самое сердце татарского народа и окончательно его растопила. Наряду с черными страницами истории крымского юрта были и светлые страницы. К таким страницам относится то, что сам татарский народ, в лице лучших своих сынов, с середины XIX в. сознал глубокую трагичность своего положения, понял, что жить так дальше нельзя и что как можно скорее нужно приниматься за культурную работу в пользу своих гибнущих в невежестве и экономическом разорении братьев; работа началась и особенно интенсивно пошла с 1900 годов; было обращено внимание на национальные школы, молодежь лихорадочно начала учиться в русских школах и в Турции. Отлив татарской молодежи в Константинополь за светом усилился особенно в связи с насилиями бывшего царского правительства над национальной татарской школой. Татарская интеллигенция таким образом вступила в борьбу, и это обстоятельство предвещало в конечном результате раскрепощение татарского народа. Это — заря национального

самосознания. Наконец, в феврале 1917 года взошло давно жданное солнце российской свободы и своим горячим, ослепительным светом осветило и Крым; встрепенулось и встало во весь свой рост национальное татарское общественное самосознание, ибо просвещенные демократические элементы Крыма жаждали этого момента, были в готовности стать под огромный красный стяг, поднятый высоко над Великой Россией. Немедленно была объявлена всеобщая мобилизация демократических, культурных сил татарского народа. На зов явилось все, способное на самоотверженную творческую работу. С пламенным желанием и готовностью просвещенная молодежь объединилась вокруг демократического крымско-мусульманского исполнительного комитета, с первых же дней началась лихорадочная работа по строительству татарской жизни: школа, духовные дела, реорганизация правительственной комиссии по управлению вакуфным имуществом, улучшение социального и экономического положения крымских татар, земельные взаимоотношения, финансовая организация, военное дело, охрана исторических памятников татарского народа,— все это стало на очередь и повелительно требовало своего разрешения.

Комитет взялся за все это многосложное дело, поставил во главе каждой отрасли хорошо подготовленных людей и дисциплинированные органы.

Переходя к теме настоящего доклада позвольте, товарищи, подчеркнуть следующее обстоятельство: занимаясь несколько лет изучением исторических памятников крымского юрта и собиранием коллекции художественно-промышленной индустрии я, на основании фактов, беру на себя смелость утверждать, что татарский народ оставил за собой великое историческое прошлое.

Это утверждение можно смело базировать на памятниках материальной культуры татар вообще и крымских татар в частности.

Бахчисарайский ханский дворец есть высшее достижение татарского искусства и зодчества в Крыму; в его причудливых архитектурных массах и тончайших узорах внутреннего убранства заметны грезы и фантазия артиста-сына Востока, зодчего-художника, воспитанного на архитектурных и художественных образцах итальянского возрождения, но своеобразно их трактовавшего.

Бахчисарайский дворец был построен в начале XVI в. и судьба его была чрезвычайно многострадальна: в 1736 году, в ханство Каплан-Гирея, Бахчисарай был взят русским полководцем Милихом и ханский дворец был сожжен. Во время

пожара сгорело почти все, за исключением каменных частей дворца; в 1740 г. дворец был заново построен Селямет-Гирей-Ханом; в этом же году была построена Хан-Джами (ханская мечеть), при дворце, в 1742 г.— входные двери в залу суда; в 1753 г.— беседка в гаремном саду, разрушенная в начале текущего столетия.

В 1764 г. Крым-Гирей-Хан построил известный, воспетый Пушкиным и польским поэтом Мицкевичем «Фонтан Слез», ремонтировал Хан-Джами и закончил постройку Ханского дворца в целом. Дворец был великолепно отделан, полы всюду были мраморные, покрыты тонкими цыновками, полки всюду были деревянные с тончайшей резьбой, позолотой и художественной раскраской; в некоторых помещениях были мраморные фонтаны. В залах, как например, в зале суда, висели прекрасные венецианской работы люстры, всюду на стенах были ценные ковры и зеркала; «сеты» (длинные диваны) покрыты были всюду шитой разноцветными шелками материй, от которой в настоящее время сохранились одни лоскуты. Особого внимания заслуживают и поныне замечательные окна со сказочными по своей красоте узорами, выложенными чудесной окраски кусочками стекол и спаинами между собой алебастровыми рамками. С падением Крымского ханства бахчисарайский дворец подвергался нескользким реставрациям. Первая генеральная реставрация была произведена по предписанию князя Потемкина в конце XVIII века. Начальник области Каховский поручил работу капитану Томашевскому, обязанности архитектора выполнял грек Юсуф Кальфе, рабочие были главным образом из солдат и арестантов, маляры из г. Нежина, а краски и другие материалы были привезены из Харькова. Прекрасное намерение Потемкина «сохранить вкус, в котором все построено», понятно, при таком составе реставраторов не могло быть выполнено. Работы производились в течение трех лет, причем издержано было 8542 р. 87 коп. Потемкин остался однако недоволен результатами работ по весьма простым причинам: работа была произведена ниже всякой критики, и на место Томашевского был назначен секунд-майор Емануил де Рибас.

Но, по-видимому, и эта перемена не помогла делу. Материалы для меблировки и убранства дворца закупались тогда отчасти на месте, отчасти в Стамбуле, а большей частью в Москве и Харькове. Кроме того, часть меблировки была взята из феодосийского, часть из аккерманского дворцов. Особенно пострадали от реставрации некоторые покои дворца, как спальня Екатерины II. Здесь были допущены явно гру-

бые и бесцеремонные переделки, ничего общего не имеющие с татарским стилем.

Императрице, видимо, хотели угодить искажением восточного стиля; из смешения татарского и европейского стилей получилась какая-то карикатура.

Во время ремонта 1783—1787 гг. сильно пострадала и стенная живопись; аляповатая и грубая мазня нежинских живописцев-маляров совершенно не гармонировала с тончайшей старинной росписью, например, Золотого кабинета, обнаруженной под позднейшей раскраской художником Болдыревым, или с прекрасной росписной скульптурой сводика беседки, построенной Селямет-Гиреем в 1753 г.

Составленные губернским инженером Гести в 1798 г. чертежи и план дворца были отправлены в Петербург и в следующем 1799 г. Бахчисарайский дворец, по высочайшему повелению, был подчинен гоф-интенданской конторе и на ремонт дворца было отпущено единовременно 8106 р. 90 коп. и впредь, на содержание его, по требованию местного полицмейстера — 887 р. 85 коп. Что же касается до переделок во дворце, то они были поручены предводителю дворянства Акмечетского уезда Астрафию Нотара.

Из отчетов Новороссийского генерал-губернатора Михельсона 1801 г. видно, что починка обошлась в 7458 р. 53 1/2 коп. и что на эти деньги были починены крыши, полы, потолки, двери и окна, а также штукатурка наружная и внутренняя. Следующий капитальный ремонт произошел в 1822 году под руководством архитектора Колодина, при сотрудничестве бахчисарайского грека Михаила Кладо как «известного мастера азиатской работы» с товарищами; малярную часть выполнял унтер-офицер Дорофеев «по азиатскому вкусу искусственным художеством с прочностью и приличной красотой, какая до сего прежде находилась».

Однако, назначенная Новороссийским генерал-губернатором кн. Воронцовым ревизия из архитектора Фраполи и княжеского адъютанта Херхеулидзе, обнаружила в производстве работ много неточностей и злоупотреблений как, например, производство работ по реставрации стенной росписи без предварительной зарисовки вида первоначальной росписи, что являлось недопустимым и давало полный простор фантазии живописца. В результате архитектор Колодин был заменен архитектором Эльсоном, который проработал над починкой дворца шесть лет и переделал заново все, что было сделано Колодиным, в том числе «позолоту плафонов, дверей и окон, отделку масляными красками дверей и других частей

комнат и стенной живописью, клеевыми красками, для наружной и внутренней отделки на азиатский манер».

Весь ремонт дворца обошелся в 188 188 р. 99 1/2 к. После этого дворец ремонтировался вновь в 1837 г. и 1845 г., когда наблюдение за производством работ имел караимский гахам Сима Бобович; К 1845 г. относится исчезновение из дворца мраморных полов и великолепных люстр венецианской работы из Залы Суда.

Во время Севастопольской обороны Бахчисарайский дворец был превращен почти на два года в военный госпиталь. За это время дворец сильно пострадал по свидетельству очевидца Н. Берга; он пишет, что «исчезли мавританские рогожи, мраморные столы, хитрые разукрашенные зеркала, фарфоровые шандалы, хрустальные люстры, гардероб ханских жен, туфли, опахалы».

Большие ремонты производились с 1858 г. по 1893 г., но позволительно думать, что искажение и порча характера дворца продолжались вплоть до 1892 г., когда по докладу Таврического губернатора последовали два высочайших повеления об исправлении древней ханской мечети, ханских усыпальниц и набережной «Чурук-Су», примыкающей к дворцу.

Были составлены сметы по восстановлению дворца в точном древнем виде. Министерство внутренних дел высказалось в пользу того, чтобы реставрация производилась при содействии Археологической комиссии, в видах обеспечения этому древнему памятнику исторической неприкосновенности. Дело как будто бы стало, наконец, на правильный путь. С целью производства предварительных изысканий Археологическая комиссия командировала в 1894 г. в Бахчисарай академика Котова, который высказался в своем отчете в том смысле, что необходимо предварительно, до реставрации, произвести целый ряд подготовительных работ: отмыкту красок, отбивку штукатурки, отыскание старинных орнаментальных образцов и т. д. В виду этого министерство внутренних дел снеслось с Академией художеств, откуда в 1897 г. был получен характерный для этого бюрократического учреждения отзыв, сильно делу повредивший. Академия писала, что «художественное значение этого памятника весьма не высоко и, конечно, не может заслуживать особых жертв на поддержание»...

В виду такого ответа Академии, вопрос о полной реставрации был признан увлечением и сам собою отпал. Археологическая комиссия все же постановила 28 мая 1897 г. испросить у Министерства внутренних дел отпуска 15 000 руб. на безотлагательный ремонт дворца. В 1900 году по инициа-

тиве Археологической комиссии образовалась особая научно-художественная комиссия, проработавшая до 9 октября 1908 г. К этому времени относится и положение начала музею при дворце. Много поработали над этим академик Кондаков и архитекторы Краснов и Фомин. Комиссия эта обратила внимание министерства внутренних дел на необходимость немедленного ремонта, и министерство предложило составление проекта ремонта и реставрации дворца Археологической комиссии, которая и согласилась взяться за дело, только после окончания предварительного исследования. По поручению Археологической комиссии исследования эти продолжал до 1914 г. архитектор Некрасов, работы которого прервались вследствие загоревшейся Европейской войны.

С начала революции, т. е. с марта 1917 года, вопрос о Бахчисарайском дворце остался висеть в воздухе, и в настоящий момент положение этого памятника прямо угрожающее. Все брошено на произвол, стена в одном месте между большим двором и ханским усыпальницами рухнула. Большой двор загажен до последней степени; верхняя часть вторых внутренних ворот заколочена досками для того, чтобы предупредить проникновение разных лиц во внутренние дворы и помещения дворца.

Выдающееся национальное достояние крымских татар гибнет на наших глазах. Необходимо принятие срочных мер для приостановления дальнейшего разрушения. По моему мнению, необходимо принять следующие меры: 1) Дворец — историческое достояние крымских татар, потому Крымско-Мусульманскому Исполнительному Комитету, как правомочному демократическому центральному органу крымских татар, по соглашению с губернским комиссаром, необходимо озабочиться судьбой выдающегося памятника татарского искусства и назначить временного директора по управлению Бахчисарайским дворцом и всеми памятниками искусства и старины в гор. Бахчисарае; 2) на временного директора возложить еще обязанность следить за историческими коллекциями, собранными научно-художественной комиссией в 1900—1908 г., и, ввиду быстрого исчезновения из Крыма художественно-исторических памятников, временный директор должен взять на себя функции этой комиссии и продолжать пополнение национального татарского музея при Бахчисарайском ханском дворце; 3) директор должен принять дворец и весь инвентарь в нем заключающийся по описи, строжайше все проверив; 4) должен завести инвентарную книгу, в которую под номерами необходимо вносить все имущество, находящееся на дворцовой территории; 5) необходимо озабочиться приве-

дением всех разрушений последнего времени в должный порядок; 6) не предпринимать никаких работ могущих исказить историческую неприкосновенность памятника; 7) директор должен взять на себя инициативу составления правил для граждан, посещающих дворцовую сад; 9) для прекращения безобразий, творящихся на территории ханского дворца, дирекция должна выработать соответствующее воззвание к гражданам и вывесить его на видном месте; 10) так как в Бахчисарай стекается много публики, желающей осматривать ханский дворец и в связи с этим увеличивается интенсивность его разрушения и, следовательно, увеличивается затрата на поддержание, поэтому необходимо установить платный билет на право осмотра дворца, музея при нем и ханских мавзолеев; 11) на территории дворца имеется фруктовый сад и луг, поэтому необходимо доход, приносимый этими статьями, поставить на учет и включить в смету доходов; 12) для пополнения средств дворца дирекции по управлению дворцом должно быть предоставлено право взимать со всех платных публичных гуляний и увеселений во дворе ханского дворца 10 % сбор с валовой выручки; 13) дирекция обязана ежегодно давать публичный финансовый отчет по управлению дворцом и о состоянии музея с опубликованием имен лиц, которые пришли на помощь своими пожертвованиями.

Кроме ханского дворца и памятников старины в г. Бахчисарае и его окрестностях в Крыму разбросано много разнообразных, весьма ценных исторических татарских памятников: 1) в г. Евпатории — ханская мечеть и много частных домов; 2) в г. Карабузбазаре — ханская мечеть, остатки Караван-Сарай; 3) массу первоклассного материала тант в себе процветвшая во времена золотоордынских наместников Крымского юрта столицы Эски-Крым (Старый Крым) и много других памятников, причем все эти исторические памятники татарского искусства вместе с массой предметов Художественной промышленности, остаются до сих пор без внимания и давно ждут своих исследователей. Между тем в составе Крымского татарского исполнительного комитета есть лица, которые, как нам известно, очень любят и понимают искусство, готовы самоотверженно работать во славу татарского народа и великого искусства своих предков. Было бы грешно с нашей стороны оставлять эти драгоценные силы втуне и бросать на произвол судьбы те памятники в виде построек, старинных книг, художественно-промышленных изделий, монет, утвари, оружия и проч. памятники, в которых таится все будущее счастье татарского народа, весь его дух, традиции и вся его история.

Комитет должен собрать воедино своих членов-художников и других артистов, организовать комиссию по защите и сохранению татарских памятников искусства и старины в Крыму. В компетенцию этой комиссии должно входить следующее: 1) общее руководство охраной от разрушения и расхищения всего исторического достояния татарского народа; 2) регистрация и изучение всех памятников архитектуры, скульптуры и художественной промышленности; 3) научная разработка всего обширного исторического материала; 4) популяризация научно-историко-художественных идей среди широких слоев татарского народа и 5) культурная работа, всемерно содействующая тому, чтобы татарский народ, создавший когда-то великие памятники искусства и бывший 200 лет назад могущественным и культурным народом, вернулся бы на позабытый путь национальной преемственности.

С М Е Т А
ПО УПРАВЛЕНИЮ БАХЧИСАРАЙСКИМ ХАНСКИМ ДВОРЦОМ
И НАЦИОНАЛЬНЫМ ТАТАРСКИМ МУЗЕЕМ ПРИ НЕМ

1. Ежегодный расход.

1. Жалованье временному директору по управлению музеем и надзору за историческими памятниками г. Бахчисарай и его окрестностей 2400 р.; 2) жалованье 2 сторожам по 1000 руб. каждому — 2000 руб.; 3) жалованье садовнику 1200 руб.; 4) пополнение национального татарского музея при Бахчисарайском дворце 1000 руб.; 5) поддержание исторических памятников и ремонт дворца 1000 руб.; 6) жалование сторожу по надзору за историческими памятниками предметов «Азиз» и «Эски-Юрт» около Бахчисарай 600 руб., всего 8200 руб.

2. Ежегодный приход.

1) Плата за вход в Ханский дворец в течении 5 месяцев — (май, июнь, июль, август, сентябрь) в среднем 15 человек в день по 20 коп. (20 раз по 15) × 150 — 450 руб.; 2) доход от продажи урожая фрукт в садах Ханского дворца 500 р.; 3) доход от продажи сена 200 руб.; 4) доход от культуры и сбыта овощей и цветов 300 р.; 5) пособие от Вакуфной Комиссии 2000 руб.; 6) от Бахчисарайского городского общественного управления 1000 р.; 7) от Бахчисарайского общества взаимного кредита 1000 р.; 8) от 6 татарских благотворительных обществ Крыма: Бахчис., Симфероп., Евпатор.,

Карасуб, Ялтинск., Феодосийск. по 300 р.— 1800 руб. 9) от Таврического Губернского Земства 2000 руб. 10) 10 % сбор с валовой выручки всех гуляний и увеселений на территории Бахчисарайск. дворца 500 руб., итого 9750 руб.

«Голос татар», № 10, 30 сент. 1917 г.

БАХЧИСАРАЙ 3-го НОЯБРЯ с. г.

3-го ноября в Бахчисарае открываются:

- 1) Национальный татарский музей в Ханском дворце;
- 2) Преобразованное на новых началах «Зынджирлы-медресе», известный во все времена храм науки, основанный 400 с лишним лет крымским ханом Менгли-Гиреем;
- 3) Учительская семинария имени Исмаил Бея Гаспринского и 4) Татарская художественно-промышленная школа в помещении «Орта-медресе», в котором до последнего времени помещался лазарет Красного Креста.

К этому дню предложено пригласить в г. Бахчисарай муфтия Челебиджан-Эфенди и по одному или по два представителя из каждой татарских организаций Крыма. По видимому к 3-му ноября съедутся сюда несколько тысяч представителей татарского народа. Для выработки плана и порядка этого дня образовалась распорядительная комиссия из членов совета при Ханском дворце, музея и членов бахчисарайского татарского исполнительного комитета, союза учителей, союза молодежи, женского комитета и татарских профессиональных организаций.

На днях состоялось несколько заседаний этой комиссии. Было постановлено не придавать дню торжества политического характера, многие члены комиссии указывали, что каким-бы то ни было торжествам в это тяжелое время, переживаемое общей родиной, теперь не место и поэтому нужно избегать выступлений, которые могут скромному культурному празднику придать характер политической демонстрации; по этому распорядительная комиссия решила не посыпать никому специальных приглашений, ограничившись только газетным объявлением; решено никаких национальных флагов не водружать, а в крайнем случае ограничиться общим революционным флагом. Главная цель торжества — это сбор пожертвований на содержание и расширение национального музея и вновь открываемых школ. Циркулирующие в последнее время слухи, о том, что будто бы над Ханским дворцом в городе Бахчисарае поднят турецкий флаг и, что крымские татары собираются избрать хана, предварительно объявив

политическую и территориальную независимость Крымского полуострова — есть таким образом плод фантазии темных контрреволюционных элементов; слухи носят подчас такой дикий и нелепый характер что неловко даже их опровергать на страницах политического органа мало-мальски себя уважающего.

На 8-е ноября выработан следующий план: В 10 часов утра — молебствие и открытие музея в Бахчисарайском Ханском дворце; сбор пожертвований членами женского комитета в пользу национального татарского музея; в 12 часов дня проповедь Муфтия в Хан-Джами (ханской мечети); в 12 часов дня пятничная молитва там же; от 3—4 часов дня открытие «Зынджирлы-медресе» (институт Менгли-Гирея); от 4 до 4½ посещение могил Менгли-Гирея и И. Б. Гаспринского; от 5—6 часов вечера открытие учительской семинарии имени Гаспринского и татарского художественно-промышленной школы в здании «Орта-медресе», тут же сбор пожертвований на содержание этих школ; от 6 до 8 часов вечера перерыв, в 8 часов вечера — начало спектакля, устраиваемого «Союзом татарской молодежи» в пользу фонда при ханском дворце на расширение музея.

Этим заканчивается программа.

У (сein) Б (однанинский)

«Голос татар», № 14, 1 ноября, 1917 г.

ПРАЗДНЕСТВО 3-го НОЯБРЯ в г. БАХЧИСАРАЕ

3-го ноября в г. Бахчисарае при торжественной обстановке состоялось открытие целого ряда татарских национальных культурно-просветительных учреждений: национального музея, дарула-мугаллима (учительской семинарии) имени покойного Исмаил-бека Гаспринского, художественно-промышленного училища и реформированного на европейский лад в духовную академию Зынджирлы-медресе.

К вновь возникающим рассадникам национальной культуры и просвещения татарское население Крыма проявило весьма живой интерес. Несмотря на то, что кроме некоторых лиц в том числе и крымского муфтия, никому из инигородних никаких приглашений не было послано, ко дню открытия в Бахчисарай съехалась со всех концов Крыма масса желавших участвовать в торжестве открытия родных очагов просвещения. Благодаря этому торжество принял характер грандиозного культурного национального праздника.

Торжество началось речью муфтия, обращенной к много-

тысячному народу, собравшемуся во дворе ханского дворца, после муфтия выступило ряд ораторов осветивших смысл настоящего культурного праздника для мусульман Крыма, значение тех национально-исторического и просветительского характера учреждений, которым в этот день кладется основание.

В числе представителей отдельных народностей, приехавших на торжество 3-го ноября, между прочим выступил с приветствием от украинского народа представитель центральной рады. После речей и приветствий объявлено было об открытии национального музея, которому отведено помещение в здании Ханского дворца. Тут же одновременно было объявлено открытие двух вновь созидаемых и одного реформируемого учебного заведения.

Торжество закончилось вечером спектаклем на татарском языке. Поставлена была составленная О. Э. Акчокраклы специально для данного торжества историческая пьеса из жизни крымских ханов.

«Голос татар», № 15, 11 ноября 1917 г.

В. Г. ЗАРУБИН

К ВОПРОСУ О ВОССТАНИИ КРЫМСКИХ ТАТАР В ГОРНОМ КРЫМУ (1918 г.)

События гражданской войны в Крыму резко обострили межнациональные отношения на полуострове. Ухудшение их началось еще с мировой войны. Достаточно воспомнить частото необоснованные подозрения и репрессии властей, отравившиеся на психологии населения, в отношении крымских немцев, а также татар; депортации из Крыма турецко-, германско- и австро-венгерских подданных (Кащенко 1991, с. 30—32). В период войны развернулось, с благословления властей Российской империи, переселение в Крым армянского и греческого населения из Турции, спасавшегося от резни (1915 г.) и, естественно, проинкнутого антисламскими настроениями.

После Февральской революции на полуострове создаются и действуют всякого рода национальные общества и организации (Дементьев, Зарубин 1993, с. 1). Наиболее влиятельной из них стал Мусульманский исполком, начавший с июня 1917 г. формировать собственные вооруженные силы. Это привело к конфронтации с губернскими властями и аресту пред-

седателя Мусисполкома, муфтия Н. Челеби Джихана (Челеби Челебиева) (ЦГАК, ф. Р — 1694, оп. 1, д. 63; Сеитбекиров, 1992). Контакт национальных организаций не получался не только с органами Временного правительства, но и с Советами. Так, 30 марта 1917 г. исполком Симферопольского Совета отклонил просьбу татар о предоставлении им мест в этом органе. Участник событий, меньшевик левого толка И. Ф. Федосеев вспоминал: Совет «среди нацменьшинств определенной работы не вел. В своем составе представителей от нацменьшинств не имел (...) По существу, Совет был противником национальной автономии» (Зарубин 1990, с. 25). К сожалению, сколько-нибудь оформленной программы решения национального вопроса в Крыму мы не найдем в документах ни одной общеполитической крымской организации.

Октябрьский переворот в Петрограде вызвал негативную реакцию руководства крымскотатарского национального движения, равно как и большинства политических партий Крыма. На антибольшевистской основе 20 ноября складывается многопартийный Таврический губернский совет народных представителей (СНП), включавший активистов различных национальностей (из 48 членов — 3 от татар, 3 от украинцев, 3 от великороссов, 2 — от евреев и крымчаков, 2 немца, по одному — от греков, армян и эстонцев) (Южные Ведомости 1917, 25 ноября). 26 ноября начинает работу крымскотатарский Курултай, сформировавший национальное правительство — Директорию и провозгласивший Крымскую Народную (Демократическую) Республику. СНП и Директория находят общий язык и создают объединенный Штаб крымских войск, основу которого составили крымскотатарские кавалеристы — эскадронцы. Штаб возглавили один из лидеров национального движения татар Дж. Сейдамет и полковник Макухин. Большевики в союзе с левыми эсерами в конце 1917 — начале 1918 гг. утверждают в Севастополе (Зарубин, Зарубин 1993, с. 202—212).

Стороны накапливают силы, ибо именно сила начинает определять ход и результаты дальнейших событий. Штаб крымских войск вербует добровольцев — русских офицеров, крымских татар; формируются греческий батальон, еврейский отряд, армянская и польская роты (в целом эти силы составляли примерно шесть тысяч человек). Что касается большевиков и левых эсеров, то они установили контроль над значительной частью Черноморского флота. С 20-х чисел декабря дело доходит до вооруженных столкновений между противниками. Так в Крыму начинается гражданская война.

Крайний характер принял события на Южном берегу.

После падения в конце апреля 1918 г. власти большевиков утвердившееся на время правительство М. А. Сулькевича, опиравшееся на германские войска, «в виду обострения отношений между представителями различных национальностей, населяющих Южный берег Крыма» (ЦГАК, ф. 483, оп. 4, л. 1198, л. 15, 19), предприняло расследование происходившего. Параллельно вела расследование следственная комиссия Курултая. Дело также изучала особая комиссия по расследованию злодеяний большевиков при Главнокомандующем вооруженными силами на Юге России (1919 г.).

Источники донесли до нас следующую картину событий. Так, 8—16 января ареной кровавых событий стала Ялта. Матросы (миноносаца «Хаджибей») вступили в бой с эскадронцами. В сражении участвовала даже авиация. Корреспондент столичной газеты свидетельствует: «Паника создалась невообразимая: застигнутые врасплох жители бежали в одном белье, спасаясь в подвалах, где происходили душераздирающие сцены (...) На улицах форменная война: дерутся на штыках, валяются трупы, течет кровь. Начался разгром города». Ялта была взята большевиками, последовали аресты и расстрелы. «Расстреляно множество офицеров. Между ними князь Мещерский, Захарово, Федоров. Расстреляны также 2 сестры милосердия, перевязывавшие татар». Жертв было насчитано до 200 человек (Петроградское эхо, ЦГАК, ф. П — 150, оп. 1, д. 67, л. 24—24, об.).

Татарское население, спасаясь от артобстрела, покинуло деревни Дерекой и Ай-Василь (ныне входящие в территорию г. Ялты), уходя в Биюк-Озенбаш (ныне с. Счастливое Бахчисарайского района). Их дома и имущество грабились аутскими греками (ЦГАК, ф. 483, оп. 4, д. 1285, л. 7—9, 27—28).

С этого времени межэтнические (а, по существу, во многих случаях бытовые) конфликты экстремизируются. Среди эскадронцев усиливаются русофобские настроения, среди матросов ЧФ — антитатарские. Эскадронцами было разграблено имение Мордвинова (ЦГАК, ф. Р — 1694, оп. 1, д. 66, л. 80, 98). Вряд ли могли успокоить страсти такие слова воззвания Севастопольского военно-революционного комитета (9 января 1918 г.): «Товарищи матросы, солдаты и рабочие, организуйтесь и вооружайтесь все до одного! В опасности Севастополь, весь Крым. Нам грозит военная диктатура татар! Татарский народ, как и всякий народ, нам не враг. Но враги народа рисуют события в Севастополе в таком виде, чтобы натравить на нас татарский народ. Они изображают севастопольских матросов разбойниками, угрожающими жизни и спокойствию всего Крыма. Наэлектризованные злостной

агитацией, темные татары — эскадронцы ведут себя в Симферополе, в Ялте и в других городах, как завоеватели. На улицах там нередко происходят избиения на гайками, как при царском режиме. Эскадронцы в Симферополе проезжают по тротуарам, тесня толпу лошадьми, как царские жандармы, подслушивают, оглядывают каждого прохожего. Худшими временами самодержавия грозит нам военная диктатура татар, вводимая с согласия Центральной Рады» (Борьба за Советскую власть в Крыму 1957, с. 154). Что касается украинской Центральной Рады, официально, в своем третьем Универсале (ноябрь 1917 г.), отказалшейся от претензий на Крым, но фактически уже с осени этого года предъявлявшей таковые,— то Черноморский флот, согласно постановлению 10 января 1918 г., выступил против нее (Бош 1990, с. 171—172).

Очевидец ялтинских событий, барон П. Н. Врангель, чудом избежавший расправы, вспоминал о тогдашних настроениях матросов (кто-то успокаивал барона) «Мы никого не трогаем, кроме тех, кто воюет с нами». «Мы только с татарами воюем»,— сказал другой. «Матушка Екатерина еще Крым к России присоединила, а они теперь отлагаются...» Как часто впоследствии вспоминал я эти слова, столь знаменательные в устах представителя «сознательного» сторонника красного интернационала» (Врангель, 1992, с. 85).

Согласно документальным свидетельствам, большевиков активно поддержала часть греческого населения, в основном из района Балаклавы и Южного берега, среди которого было немало рыбаков, лодочников, ремесленников, чернорабочих, «листринтов», воспетых А. И. Куприным. Большевистская риторика удачно наложилась на местную социально-этническую почву. К тому же в национальных устремлениях крымских татар греческое население могло увидеть угрозу своим правам.

Один из свидетелей ялтинской трагедии позже на следствии показывал (татарин из Дерекоя): среди матросов и красногвардейцев, участвовавших в погромах, были «ялтинские, балаклавские «босяки», аутские, балаклавские греки, были и жители Дерекоя — русские» (ЦГАК, ф. 483, оп. 4, д. 1285, л. 9, об.—10). А привлеченный к следствию грек П. К. Харламбо из Ялты объяснял случившееся побуждениями, «проистекавшими из племенной вражды греков к татарам» (ЦГАК, ф. 483, оп. 4, д. 1285, л. 87, об.).

В декабре 1917 — январе 1918 гг. бои прокатились не только по Ялте, но и по Керчи, Феодосии, Симферополю; сражения произошли под Севастополем, у станции Сюрень

(ныне Сирень), Альмой (ныне Почтовая) и в других местах. Макухин и почти все члены Штаба крымских войск были взяты в плен и расстреляны. Дж. Сейдамет, бросив остатки эскадронцев, бежал в Турцию. В Крыму установилась диктатура большевиков и левых эсеров. Начался террор. Сотни офицеров и эскадронцев, представителей буржуазии, были убиты. 23 февраля 1918 г. (и. ст.) в Севастопольской тюрьме матроны бессудно расстреляли муфтия Н. Челеби Джихана.

Нельзя обойти вниманием тот факт, что в составе большевистских отрядов этого времени мы находим некоторую (видимо, весьма незначительную) часть крымских татар. Так, из 88 человек, после падения власти Советов подлежавших аресту и разыскиваемых летом 1918 г. «по делу о массовых убийствах в Евпатории», было 4 татарина (ЦГАК, ф. 483, оп. 4, д. 1225, л. 179).

После победы большевиков значительные группы эскадронцев и офицеров, не сложив оружия, укрылись в горах, как писал Дж. Сейдамет, «выжидая соответствующего момента, чтобы изгнать захватчиков» (Sejdemet, 1990, S. 77).

Новая власть пыталась привлечь на свою сторону татарское население, выпускала воззвания, но, по словам участника событий большевика В. Елагина, «татарские эскадронцы... уходили в свои степи и горы, не читая этих воззваний, написанных на непонятном им русском языке,— уходили, полные горечи и ненависти к победителям — большевикам. В этом символ: Советская власть в Крыму, с момента возникновения ее до момента гибели под натиском немцев, оставалась русской, говорила на чуждом для татар языке. Крымские большевики в 1918 году не смогли разрешить национального вопроса» (Елагин, 1992, с. 105).

Хотя в Совете Народных Комиссаров Социалистической Советской Республики Тавриды (19 марта — конец апреля 1918 г.) было два татарина — И. К. Фирдевс (Керимджанов), первый большевик из крымских татар (в качестве наркоминдел и наркома по делам национальностей), и И. С. Идрисов, его помощник,— заметных следов своей работы они не оставили (Зарубин 1990, с. 48). А ведь еще 24 ноября 1917 г. II съезд РСДРП(б) Таврической губернии принял резолюцию, в которой, признавая, «что население Крыма состоит из различных национальностей, из которых татары не являются численно преобладающим элементом (только 18 % всего населения)», сделал вывод: «В силу местных особенностей единственно правильным решением вопроса об автономии Крыма (является.— Авт.) референдум (народное голосование) среди всего населения Крыма» (Борьба за Со-

ветскую власть в Крыму 1957, с. 118). Сам И. К. Фирдевс, рассуждая о национальном аспекте создания Республики Тавриды признавал позже, что она была организована «без принципиального обсуждения этого вопроса в рядах партий и Советских органов в плоскости осуществления национальной политики» (Зарубин 1990, с. 251). Национальная линия, во всяком случае части руководства Тавриды четко выражена в заявлении председателя Таврического губернского съезда Советов, земельных и революционных комитетов Н. И. Пахомова (март, 1918, г.): «Национальным вопросам места быть не может» (цит. по: Атлас 1933, с. 143). И это при том, что среди делегатов съезда было (из примерно 700 человек) 120 крымских татар. Национальный вопрос в повестку дня не включался. В состав ЦИК не был избран ни один татарин (Советов, Атлас 1933, с. 7).

Такой подход, разумеется, отталкивал от властей татарское население. Вызывали недовольство также и огульная национализация предприятий, и трансформация имений в совхозы, коммуны, артели, несмотря на желание крестьян разделить эту землю поровну, и продовольственная диктатура, и насилистенные мобилизации, и разверстка лошадей и пр.

Поручик М. Хайретдинов показывал следственной комиссии Курултая: «Большевики хорошо знали, что их декреты не имели для татар особенного значения и не проводятся в жизнь. Кроме того, несмотря на упорные требования военных комиссаров, ни один татарин не записался в Красную армию и при мобилизации специалистов ни один татарин не пошел служить. Все эти обстоятельства давали большевикам чувствовать, что татары относятся к ним не только не сочувственно, но даже враждебно» (О протоколах следственной комиссии Курултая, с. 91).

Ему вторит П. Н. Врангель, скрывавшийся с конца февраля 1918 г. в Мисхоре: «Хотя в ближайшей татарской деревушке Кореизе был также введен советский строй и имелся свой совдеп, но татарское население, глубоко враждебное коммунизму, принял внешние формы новой власти, по существу осталось прежним» (Врангель 1992, с. 93).

Межнациональные отношения на полуострове оставались сложными. Стычки продолжали сотрясать различные уголки Крыма. Особенно серьезным положение было в горных районах, где большинство жителей составляли крымские татары. Январские погромы не были ими забыты.

Стоило в середине апреля германским частям и украинским дивизиям Рады подойти к Перекопу, а Советской власти — перейти к защите, как на побережье от Судака до Ял-

ты стычки стали перерастать в вооруженные выступления. В двадцатых числах апреля на Южном берегу разгорается крымскотатарское восстание, которое сами участники называли «народной войной» (ЦГАК, ф. 483, оп. 4, д. 1219, л. 2). С гор спускаются эскадроны и офицеры, увлекая за собой местное население.

Показателен эпизод, имевший место в деревне Кизилташ (ныне Краснокаменка Ялтинского горсовета). Он расследовался после падения власти большевиков исполняющим обязанности судебного следователя И. А. Буниным. Числа 21—22 апреля в деревню прибыло «два автомобиля с вооруженными офицерами, украинцами и татарами. Они, обратившись к собравшимся, объявили им о занятии Симферополя германцами и убеждали их организовать отряды и наступать на Гурзуф и Ялту с целью свержения власти большевиков» (ЦГАК, ф. 483, оп. 4, д. 1219, л. 119). На следующий день к Гурзуфу через Кизилташ проследовал украинско-татарский отряд численностью до 140 человек.

Восстание разгоралось. По-видимому, центром его являлась Алушта, «где организовавшийся в ночь на 22 апреля мусульманский комитет фактически взял всю власть в свои руки» (Елагин, 1992, с. 106). Выступления повстанцев произошли также в Феодосии, Судаке, Старом Крыму и Карабузаре (Белогорске). В трех последних городах им удалось захватить власть. Председатель Судакского ревкома Суворов был арестован и зверски замучен (Гарчев, Конопенко, Максименко, 1990, с. 96). Восставшие заняли деревни Кучук-Узень (ныне Малореченское), Корбек (Изобильное), Биюк-Ламбат (Малый Маяк; все — Алуштинского горсовета), Коуш (Шелковичное), Улу-Салу (Синапное; оба — Бахчисарайского района) и др. Движение охватило значительную территорию горного Крыма.

Татары обрушили гнев не только на большевиков, но и на местное христианское население, особенно греков, с которыми они отождествляли Советскую власть. (Обратим внимание, что как раз в это время — 22 апреля — праздновалась православная пасха). Громились греческие поселения.

Уроженка Ялты Варвара Андреевна Кизилова, 1905 г. рождения, рассказывала автору статьи, что столкновения с татарами происходили и на окраинах Ялты. Один из ее родственников, бежавший в город из Гурзуфа, где также шла резня христианского населения, был здесь схвачен и вскоре убит татарами только за то, что выстроенная им пристройка к дому закрывала вид на мечеть. Повстанцы, видимо, были достаточно организованы. По свидетельству вернувшегося в

мае на полуостров Дж. Сейдамета, «вступив в Крым, немцы застали здесь не только татарские военные силы, которые почти всюду шли в авангарде немецкой армии против большевиков, но и татарские организации даже в маленьких деревушках, где их приветствовали национальными флагами» (Sejdamat, 1990, S. 78).

Не имея возможности оказать сопротивление вторгшимся в Крым в нарушение Брестских договоренностей германцам и не дождавшись корабля из Севастополя, бежавшие в Ялту несколько членов руководства Республики Тавриды — А. Слуцкий, Я. Тарвацкий, С. Новосельский, А. Коляденко, И. Финогенов, И. Семенов, С. Акимочкин и два члена Севастопольского Совета — решили добраться на автомобиле по побережью до Феодосии. 21 апреля у деревни юк-Ламбат они попали в засаду, устроенную повстанцами, и отправлены в Алушту. 22 и 23 апреля во время допросов арестованные подверглись пыткам и издевательствам, после чего, 24 апреля, были расстреляны в балке близ Алушты. Остаться в живых удалось только тяжелораненным Акимочкину и Семенову (Семенов 1933, с. 43—56).

Однако у большевиков еще были силы для сопротивления. Из Севастополя в Ялту прибыл миноносец с десантным отрядом, который вместе с местными красногвардейцами двинулся на Алушту. Как и в январе 1918 г., красногвардейцев и матросов поддержали многие греки, движимые жаждой мести. 23 апреля, в 12 км от Ялты, татарские повстанцы были разбиты, началось их преследование, сопровождавшееся насилиями по отношению к татарскому населению. Свидетельница Лидия Ломакина в показаниях упомянутому И. А. Бунину заметила о событиях в Кизилташе: «...Подступив к деревне, красногвардейцы и греки поставили в разных пунктах на шоссе пулеметы и начали обстреливать деревню; одновременно с тем ими произведены были поджоги... в тот же день началась ловля татар красногвардейцами и греками и стрельба по ним; через два-три дня после того деревня была подожжена в центре... пожар распространился на всю так называемую Старо-Мечетную часть Кизильташа, в коей выгорело до 20 домов; пожаром уничтожено и все находившееся в них имущество». Население в страхе разбегалось. Следователь констатировал, что «небольшая шайка красногвардейцев из греков-жителей г. Гурзуфа ... терроризировала жителей деревни, производя убийства и расстрелы татар, поджоги их домов, разграбление имущества и прочие насилия...» В селении было расстреляно 13 жителей. Их трупы были обнаружены в могилах и общих ямах обезображенными, «у некото-

рых... обрезаны уши и носы, разбиты прикладами головы...»; заметно, что их избивали камнями (ЦГАК, ф. 483, оп. 4, д. 1219, л. 119—125).

Из местных жителей, по показаниям свидетелей, активную роль в зверствах сыграл немец П. Л. Бейерле. Однако конкретную вину его, кажется, так и не удалось доказать. Более того, он заявил, что еще 7 апреля, в районе Коуша, был убит его отец, а 18 апреля в Кизилташе убита мать, дом сожжен, имущество разграблено. Сам он был арестован татарами и содержался в Биюк-Ламбате, откуда его освободили большевики (ЦГАК, ф. 483, оп. 4, д. 1219, л. 42, 45).

24 апреля красногвардейцы вошли в Алушту. Этот день, пишет современник, — «является одним из печальнейших дней в истории уродливой большевистско-татарской борьбы. После обстрела Алушты артиллериическим огнем с миноносца разъяненные гибелю комиссаров матросы, сломав сопротивление восставших, ворвались в городок. Рассыпавшись в погоне за отступавшими по его узеньким улицам, они рубили без разбора всех попадавшихся им навстречу татар. Татарское население Алушты и окрестных деревень, побросав свои очаги, бежало в горы и скрывалось там вплоть до того момента, когда матросские отряды, прошедшие с боем почти до Симферополя, были оттянуты в Ялту, а Алушту 27 апреля занял эскадрон немецких уланов» (Елагин 1992, с. 106).

Теперь — свидетельства алуштинских татар. Группа красногвардейцев ворвалась в дом Бекира Мемедова, где пряталось несколько жителей, и потребовала выдачи якобы скрывавшихся в доме эскадронцев. «Им заявили, что никаких эскадронцев нет, после чего они сделали обыск. Один из красногвардейцев — грек, ругаясь, стоя у лестницы, сказал, что вы еще будете воевать 100 раз, но за каждого убитого грека убъем 100 татар — весь Гурзуф мы перебили и вас всех сейчас перережем». Семеро мужчин были уведены в неизвестном направлении, и больше их никто не видел (ЦГАК, ф. 483, оп. 4, д. 1224, л. 4—6). Антитатарские погромы зафиксированы также в Никите и Ялте (ЦГАК, ф. 483, оп. 4, д. 1224, л. 7).

В Феодосии части красногвардейцев и матросов с помощью миноносцев «Фидониси», «Звонкий» и «Пронзительный» легко подавили татарское выступление. Затем большевистские отряды с боем взяли Судак (Гарчев, Кононенко, Максименко 1990, с. 96). В отдельных районах восстание продолжалось до 30 апреля, до окончательного падения Республики Тавриды.

Особая комиссия по расследованию злодеяний большеви-

ков, состоящая при Главнокомандующем вооруженными силами на Юге России, обобщив факты, собранные следственной комиссией Курултая, 24 июня 1919 г. в Екатеринодаре сделала заключение, что «за два, три дня апреля месяца убито мирных жителей более 200, уничтожено имущество, точно зарегистрированного, на 2 928 000 рублей, общий же ущерб, причиненный большевиками татарскому населению Алушты, Кизильташа, Дерекоя, Алупки и более мелких поселков, по приблизительному подсчету превышает 8 000 090 рублей. Тысячи жителей оказались нищими» (Фельштинский 1990, с. 47). Межнациональные столкновения продолжались в течение некоторого времени и после падения большевистской власти в Крыму.

Такова мрачная страница крымской истории времен начала гражданской войны. В описываемых событиях смешались классовая и национальная нетерпимость, бесмыслиенная ярость толпы, развязанные безнаказанностью инстинкты, да и просто желание поживиться за счет ближнего своего. В условиях хаоса и безвластия, наступления внешних сил, имевших собственные цели, появился «удобный» повод отомстить за прошлые обиды, ограбить и унизить, если не убить соседа. Будем знать и помнить об этом, дабы не допустить повторения в любой форме, ведь в гражданской войне не бывает и может быть победителей.

ЛИТЕРАТУРА

- Атлас М. Л. Борьба за Советы. Очерки по истории Советов в Крыму (1905—1919 гг.).—Очерк.—Киев, депон. № 432245.—1990.
Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы.—Симферополь: Крымиздат, 1957.—Т. 1.
Бош Е. Б. Год борьбы.—Киев: Издательство политической литературы Украины, 1990.
Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г.—ноябрь 1920 г.).—Москва: ТЕРРА, 1992.—Ч. I.
Гарчев П. І., Кононенко А. П., Максименко М. М. Республика Тавріда.—Київ: Видавництво політичної літератури України, 1990.
Дементьев Н. Г., Зарубин А. Г. История Крыма.—Симферополь: Атлас, 1993.
Елагин В. Националистические иллюзии крымских татар в революционные годы // Забвению не подлежит. (Из истории крымскотатарской государственности и Крыма).—Казань: Татарское книжное издательство, 1992.
Зарубин А. Г. Из истории формирования Советской власти в Крыму (1905—1919 гг.).—Очерк.—Киев, депон. № 432245.—1990.
Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Крымскотатарское национальное движение в 1917—начале 1918 гг. // История и археология Юго-Западного Крыма.—Симферополь: Таврида, 1993.
Кашенко С. Г. Немецкое население Крыма в годы первой мировой войны // Проблемы истории Крыма: Тезисы докладов научной кон-

ференции 23—28 сентября.—Симферополь: Редотдел Крымского управления по печати, 1991.—Вып. 2.

О протоколах следственной комиссии Курултая // Советов В. Атлас М. Расстрел советского правительства Крымской Республики Тавриды.—Симферополь, 1933.

Сейтбекиров Э. Впереди еще была борьба... // Авдят.—1992.—17 сентября.

Семенов И. Расстрел Совнаркома и Центрального исполнительного комитета Республики Тавриды в 1918 году. Воспоминания расстрелянного // Советов В. Атлас М. Расстрел Советского правительства Крымской Республики Тавриды.—Симферополь, 1933.

Советов В., Атлас М. Расстрел Советского правительства Крымской Республики Тавриды.—Симферополь: Крымгиз, 1933.

Фельштинский Ю. Безумие во имя идеи. Особая комиссия по расследованию злодеяний большевиков, состоящая при Главнокомандующем вооруженными силами на юге России, сообщает: // Родина.—1990.—№ 10.

Южные Ведомости.—1917.—25 ноября.

Sejdamej Dż. Krym // Zycie muzułmańskie (The Islamic Life).—1990.—Nr. 2—3 (Warszawa).

О. Б. БЕЛЫЙ

КАРАИМСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПЕРИОДИКА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

(Из истории изучения восточноевропейских караимов)

Обращаясь к истории изучения восточноевропейских караимов нельзя обойти вниманием караимские национальные периодические издания, появившиеся в первой половине XX в. на территории Российской империи, а затем и ее наследников: СССР и Польши. Издания эти выходили на русском, польском, караимском и литовском языках. К настоящему времени насчитывается около десяти-двадцати наименований журналов и газет. Не все они были равнозначны: такие издания как «Караимская жизнь».—М., 1911/1912, «Караимское слово».—Вильно, 1913/1914, «Известия Караимского Духовного Правления».—Евпатория, 1917/1919 имели довольно широкую известность, и во время издания в той или иной мере претендовали на роль общенационального печатного органа другие же — менее известные, выступали в роли региональных печатных органов «Бызым Йол» — для Крыма и юга Украины, «Mysl karaimska» и «Karaaj awazy» — для Польши и Литвы, Галиции.

Остальные издания имели более узкую тематику и носили литературно-публицистический, деловой характер, и были значительно меньше известны: «Сабах».—Луцк, 1914, «Опаг-тасч» — Panewezes, 1935—1939, «Dostu kagaipup».—Troká, 1931, газета «Сагашымыз»,— Вильно, 1927 и др.

Восточноевропейские караимы попали в состав Российской империи в конце XVIII в. В то время это была этноконфессиональная общность, состоящая из нескольких относительно изолированных (поддерживающих, впрочем, между собой связи) территориальных групп: в Крыму, Литве, Польше, Галиции. В этнокультурной ориентации они тяготели к Восточному миру (особенно крымские). Самосознание было этноконфессиональным, с превалированием конфессионального модуса.

Понадобилось более века чтобы в их среде произошли значительные изменения. Так, во многом сместилась этнокультурная ориентация, на базе этноконфессионального, начало формироваться этническое самосознание. Этноинтеграционные процессы на фоне усиливающейся этнокультурной и языковой ассимиляции, вызвали у зарождающейся национальной интеллигенции озабоченность в сохранении национального наследия.

«Возникавшие уже с XVIII в. этнические и социальные конфликты стимулировали у караимов обостренное ощущение своей этнической и языковой самобытности. Мотив этнической самобытности наложил отпечаток на всю караимскую культуру XIX—XX вв., чему весьма способствовала активная полемика вокруг вопроса о гражданских правах караимов, принявшая в XIX в. крайне острые формы, сыграло свою роль также создание таких караимских учреждений как Таврическо-Одесское и Трокское (Тракайское) Духовные правления, Александровское караимское Духовное училище и т. д. (Капланов 1985, с. 99—100)».

Время издания большинства караимских журналов и газет, как мы видим,— первая половина XX в. И это не случайно: в это время среди караимов было немало людей, получивших светское образование, владеющих в совершенстве русским языком. В их среде начинает просыпаться интерес к своей истории, культуре, искусству.

Появление первого рукописного журнала «Давул» датируется шестидесятыми-семидесятыми годами XIX в. и связано с острыми противоречиями между старшим поколением, выступавшим за сохранение традиционного образа жизни, и европеизированным молодым поколением, понимавшим необходимость перемен в жизни караимов. Конфликт выражался в противоборстве двух «партий» — «аксакалов» (белобородых) и «карасакалов» (чернобородых), журнал «Давул» выпускался «партией» «карасакалов». Противостояние выплескивалось на страницы периодики, оказывая большое влияние на политическую и культурную жизнь караимов.

К настоящему времени не существует сколько-нибудь подробного описания караимских периодических изданий, хотя интерес к этой тематике проявляли различные авторы. Так, еще в 1964 г. К. С. Мусаев в работе «Грамматика караимского языка» (1964.— с. 30) представил один из первых библиографических списков караимских журналов и газет¹. В последнее время внимание данной теме начали уделять различные авторы. В 1985 г. в статье, посвященной караимскому литературному языку, краткую характеристику журналов «Караимская жизнь», «Mysl karaiimsk», «Karaaj awazy» дал московский исследователь Р. М. Капланов (1985, с. 100, 102, 103). За ним описание отдельных изданий мы находим в работах караимских авторов: так, об истории журнала «Бизым Йол» (Симферополь, 1927), который к настоящему времени считается малоизвестным, пишет С. И. Кушуль (1990, с. 193). Московские авторы В. И. Кефели, Я. И. Бараш, С. Я. Шамаш (Бараш и др., 1993, с. 21—28), дают более обстоятельные очерки, посвященные караимским периодическим изданиям, описывая перепетии издания, характеризуя такие издания как «Давул», «Караимская жизнь», «Караимское слово», «Известия Караимского Духовного Правления», «Карај awazy», «Mysl karaiimsk», «Бизым Йол» (Наш путь), «Oparmach».

Биографические данные об издателях некоторых караимских журналов приводятся в Караимском биографическом словаре Б. С. Ельяшевича (Караимы, 1983, с. 167—168, 171—178, 216 и др.).

Несмотря на несомненные достоинства вышеупомянутых очерков, в них есть и фактические ошибки: так, например, В. И. Кефели неверно называет главного редактора журнала «Караимская жизнь» (1992, с. 58), описывая материалы, опубликованные в журнале «Mysl karaiimsk» автор допускает ошибку, перепутав труд С. М. Шапшала, изданный в 1928 г. в Турции (Szapszal, 1928) с историографической статьей Т. Ковальского, посвященной этой работе (Кефели, 1992, с. 57). В совместной статье Я. И. Бараш, В. И. Кефели, С. Я. Шамаш (1993, с. 22, 23) неправильно назван язык издания журнала «Mysl karaiimsk» и его издатели.

Кроме того, все приведенные выше очерки, посвященные караимским периодическим изданиям первой половины XX в., дают очень краткие, сжатые сведения.

¹ Библиографический список основных статей из караимских периодических изданий, помещен, также в «Караимско-русско-польском словаре» среди авторов которого были: С. М. Шапшал, А. Зойончковский, К. С. Мусаев и др. (1874, с. 14—34).

Назрела настоятельная необходимость в создании полноценного обзора караимской периодики и скорейшего введения в широкий оборот этих зачастую малоизвестных и малодоступных широкому кругу исследователей изданий. Этому и посвящается настоящая статья.

Первый из известных нам журналов — «Давул» (Барaban), был рукописным, к сожалению, сведений о нем очень мало. Как уже говорилось, выпускался он в Одессе в 1864—1872 гг. «карасакалами» — чернобородыми; членами этого кружка были И. И. Казас, поэт И. И. Эрак, общественные деятели А. Ю. Мичри, И. И. Шамаш и др. Журнал имел сатирическое направление, выходил, по некоторым сведениям, на караимском языке еврейской графикой. Эпиграфом к каждому номеру журнала являлось выражение: «англайна сиври синек саз, англамаяна давулзури аз» («понимающему и жужжание комара музыка, не понимающему и барабана с дудкой мало») (Караимы 1993 б, с. 144 и др.). Подобные журналы появляются в это время во многих крупных караимских общинах юга Украины и Крыма.

В начале нынешнего века появился целый ряд изданий, заявивших о себе как об общеподнациональных. Выходили они, как правило, на русском языке, и хотя пользовались довольно широкой поддержкой, зачастую выступали выразителем каких-либо определенных групп караимского общества.

В 1911 г. в Москве начал выходить журнал «Караимская жизнь», редактором издателем был заявлен Вениамин Иосифович Синани, но фактическим редактором являлся Савелий (Садук) Семенович Раецкий — в то время студент Московского университета. (Караимы 1993 б, с. 171—173; ЦГАК, ф. 241, оп. 1, д. 1230, с. 26—27; Караемская жизнь 1911, с. 2).

Журнал выходил два года — с 1911 по 1912. Всего было выпущено 12 номеров, из них в 4-х объединялись два номера: №№ 3—4, 5—6, 10—11. После конфликта с определенными слоями караимской общественности, поддерживающими С. Шапшала, журнал потерял подписчиков и прекратил свое существование.

В «Караимской жизни» печатались самые разнообразные материалы, освещая самый широкий спектр вопросов, посвященных истории, этнографии, культуре, политике, экономике караимов, проживающих на территории Российской империи и за ее пределами.

Журнал являлся по сути дела выразителем довольно значительной к тому времени прослойки караимской интеллигенции, получившей зачастую первоклассное европейское образование, испытывавшей влияние российского либерализма, что

во многом определило позицию редакции. Целью журнала было пробуждение национальных чувств, изучение родной истории, этнографии, национальное возрождение и т. д. В публикациях «Караимской жизни» во многом продолжалась традиция той просвещенной части караимского общества, выразителем которой в 60—70 гг. XIX в. был кружок «карасакалов», ратовавший за скорейшую интеграцию караимов в российское общество и реформацию быта, обычаяев и т. д.

На страницах «Караимской жизни» немало публикаций посвящено высмеиванию нелепых отживших обычаяев, критике косности традиционного общества и т. д. Этой тематике посвящаются как публицистические статьи на злободневную тему, так и письма читателей, литературно-художественные произведения. Катык 1911, с. 6—19; 35—46; Пигит 1911, с. 8—15; 43—52; Дуван 64—72; Катык 1912, с. 38—57; Раецкий 1911, 1912 и др.).

Значительную часть публикаций журнала занимают материалы, посвященные истории и этнографии караимов. Позиция редакции журнала по этому вопросу ясно обозначена уже во вступительной статье: «Первая задача такого органа будет заключаться в собирании всего того, что имеется в печатном и рукописном виде по истории нашего прошлого, чтобы составить таким образом из «Караимской жизни»: подобие национальной караимской энциклопедии. Перепечатывая труды некараимских ученых, мы будем стремиться к ознакомлению наших читателей и с произведениями караимских писателей, давая их в переводах и комментариях. Помимо этих караимских писателей прошлого, есть в настоящее время среди нас лица, посвятившие себя изучению родной стороны...» (Наши задачи 1911, с. 6). Исходя из программного заявления редакция журнала подготовила к публикации статьи и выдержки из них, опубликованные ранее в различных изданиях как русскоязычных, так и иностранных (последние даются в переводе и зачастую сопровождаются комментариями редакции). (Например: Балабан, 1911, с. 12—16; Имеются ли ... 1911, с. 12—24; Откуда ... 1911, с. 46—52; Януш, 1912, с. 65—70; Смолинский, 1912, с. 21—35 и др.).

Так, в публикациях передаются описания караимов из работ известных краеведов и исследователей XIX в.: Е. Маркова (Мертвый Город 1911, с. 3—12), В. Х. Кондараки (Караимы, 1912, с. 76—81) и др. Немало внимания уделялось истории и этнографии различных караимских общин как на территории России, так и за границей, а также различных этноконфессиональных групп, по мнению редакции, близких к караимам, при этом в журнале публиковались статьи из-

вестных российских ученых, зарубежных исследователей (Вайсенберг, 1912, с. 44—47; Балабан, 1911, с. 12—16; Януш, 1912, с. 65—70; Среди галичских ... 1912, с. 7—74; Смолинский, 1912, с. 21—35 и др.), так и свидетельства очевидцев, путешественников, местных жителей (Имеются ли ... 1911, с. 12—24; Из истории трокских ... с. 24—31; Ж-на 1911, с. 86—103; Китайские израильтяне 1911, с. 88—90; Письма караима ... 1912, с. 74; Н. М. 1912, с. 21—30; Иерушалми, 1912, с. 49—52; Ибн-Иегуда, 1912, с. 47—48; Письмо испанского ... 1912, с. 59—61 и др.).

В статьях работников редакции представлены обзоры современных материалов и исследований по караимской этнографии, антропологии, статистике и т. д. (Антропология ... 1911, с. 17—29; Синани, 1911, с. 30—39; К антропологии ... 1912, с. 36—44; Статистические таблицы 1912, с. 47—49; Статистическая таблица 1912, с. 49—50 и др.).

Немало внимания на страницах журнала уделялось личности А. С. Фирковича и его исследованиям: так была начата публикация перевода путевых дневников из работы А. С. Фирковича «Авнэ Зиккарон» (Фиркович, 1911, с. 37—72, 82—88; 1912, с. 16—21; 10—21), статья «Деятельность А. С. Фирковича по архивным данным» (1912, с. 54—57), ряда полемических статей Ю. Д. Кокизова в защиту исторических построений А. Фирковича, опубликованных в противовес работам академических исследователей: А. Я. Гаркави, А. Кунника и др. (Ю. Кокизов, 1911а, с. 40—58; Ю. Кокизов, 1911 б, с. 52—62; Ю. Кокизов, 1912, с. 5—54 и др.).

В журнале помещались исторические хроники караимских историографов (Азарья-бен Ильягу, 1911, с. 52—80), архивные документы (Исторические права ... 1911, с. 31—34; Ханский ярлык ... 1912, с. 57—59; Права и обязанности ... 1911, с. 29—31).

На страницах «Караимской жизни» приводятся довольно обширные этнографические материалы, богатые фольклорные подборки, авторские сочинения на караимском языке, описание религиозных обрядов, бытовых подробностей и др. (Конушмаджи, 1911, с. 59—61; Ельяшевич, 1911, с. 37—40; И. К. 1911, с. 78—86; Эгиз, 1912, с. 13—16; К этнографии ... 1912, с. 30—33; Брачный акт ... 1911, с. 29—31; Н. Н. (Казас) 1911, с. 37—72; Бейм, 1911, с. 72—82 и др.), публикуется большое количество изобразительных материалов: караимы в национальных костюмах, бытовые сцены; значительны рубрики, касающиеся религиозной и общественной жизни караимов: изображение кенас, их внутреннего и внешнего убранства, культовых предметов, портреты различных религиозных и об-

щественных деятелей в национальных костюмах, изображение мест жизни караимов и др.

Помимо исторической тематики, на страницах журнала уделялось внимание освещению общественно-политической жизни, печатались материалы национальных съездов, хроника общинной жизни. В редакционных статьях, в работах национальных деятелей обсуждались вопросы национального устройства, самосознания и т. д. (Раецкий, 1911, 1912; Национальный съезд 1911, с. 70—90; 59—64; Ельяшевич, 1912, с. 35—40; Д. Кокизов, 1911 а, с. 34—37; Д. Кокизов, 1911 б, с. 21—35; Дераи, 1912, с. 52 и др.).

Два номера журнала — №№ 7 и 8—9 — мемориальные и посвящены двум видным национальным деятелям — гахаму С. М. Панпулову и И. И. Казасу — известному просветителю и педагогу.

Печатались в журнале и литературно-художественные произведения.

В 1913—1914 гг. в Вильно (ныне Вильнюс) вышел первый номер нового караимского журнала «Караимское слово», официальным редактором-издателем которого был А. И. Шапаковский, но его фактическим редактором и главным сотрудником являлся Овадий Ильич Пилецкий². Всего вышло 12 номеров, из них сдвоенные — №№ 3—4, 7—8, 9—10, 11—12. Свое существование «Караимское слово» прекратил после переезда О. Пилецкого к месту нового служебного назначения (Караимы 1993 б, с. 167—169). Журнал был значительно меньше по объему, нежели его предшественник, стоял на умеренных позициях, и, в отличие от «Караимской жизни», поддерживал в своих публикациях С. М. Шапшала и группировавшуюся вокруг него часть духовенства, интеллигенции, значительную группу крупных землевладельцев, промышленников, купцов и т. д., имевших более традиционалистскую ориентацию, и являлся выразителем их взглядов. Оппозиционность к своему предшественнику — журналу «Караимской жизни» — редакция «Караимского слова» неоднократно подчеркивала в редакционных статьях по различным вопросам, но чаще всего в связи с выдвижением С. М. Шапшала кандидатом на пост Одесского и Таврического караимского гахама (официального духовного главы караимов в Российской империи).

Журнал был заявлен как «ежемесячный и историко-лите-

² О. И. Пилецкий также сотрудничал в «Известиях Караимского Духовного Правления», посыпал корреспонденции в «Караимскую жизнь» (Караимы 1993 б, с. 167—169).

ратурный», разделы и тематика в общем те же, что и у его предшественника. Можно отметить разве что не столь широкий подбор авторов, причем их состав во многом отличен от «Караимской жизни». Исторические материалы немногочисленны, представлены небольшими заметками (М. Г. 1913, с. 8—9; Шишман, 1913, с. 12—13 и др.), в одной из них рассматриваются некоторые обстоятельства и время появления караимов в Литве, приводятся документальные свидетельства. Другая заметка посвящена публикации и трактовке документа, относящегося в XII в., и в связи с этим рассматриваются вопросы принятия хазарами караимизма или иудаизма и т. д. В журнале опубликованы две небольшие статьи малоизвестного севастопольского автора — Троицкого Эзры Езекиелевича — «Мангуп-кале» и «Караимы» (Троицкий 1914а, с. 3—8; 2—8; Троицкий 1914 б, с. 10—18). Статьи, имевшие компилятивный характер, написаны в соответствии с традициями, характерными для караимской историографии XIX—XX в. (Белый 1992, с. 154—156). Небольшая заметка М. Я. Фирковича посвящена поездке на Мангуп-кале с целью осмотра производимых там раскопок, содержит размышления об истории караимов (Фиркович 1914, с. 8—10).

Помимо исторического материала в журнале публиковались фольклорные и литературно-художественные произведения, воспоминания, легенды (Катык 1913, с. 15—17; Пилецкий 1913, с. 9—11; Фом 1913, с. 7—8; Синани 1914, с. 4—10 и др.).

После Февральской революции, с мая 1917 г., начал выходить официальный орган Караймского Духовного правления, издававшийся первоначально под названием «Известия Таврического и Одесского Караймского Духовного Правления» (1917), а в последствии — «Известия Караймского Духовного Правления» (1918—1919 гг.). Редактор-издатель журнала — С. М. Шапшал, бывший в то время карайским гахамом, редакторы — члены духовного правления старшие газзаны А. И. Катык, Б. С. Ельяшевич (ЦГАК, д. 9). Предполагалось, что журнал должен будет выходить два раза в месяц, но впоследствии он выходил ежемесячно, а позже —нерегулярно. В журнале наряду с общественно-политическими и религиозными вопросами, уделялось внимание истории и этнографии караимов.

Рассматривая материалы журнала, в первую очередь нужно отметить статью С. М. Шапшала «Краткий очерк тюркотатарской литературы», опубликованной под псевдонимом Г. С. В статье автор останавливается на исследовании различных видов караймского творчества — как светской лите-

ратуры XIX — начала XX вв., так и различных типов народного караймского фольклора — сказок, пословиц, поговорок, песен и т. д. В статье С. М. Шапшал подробно разбирает сюжеты, особенности тех или иных произведений, проводит аналогии с фольклорными произведениями окружающих караимов народов (Г. С. 1918 а, с. 13—16, 13—18). При этом автор делает попытки выявить более ранние древнетюркские слои в изучаемом материале. Он исходит из концепции тюрко-хазарского происхождения караимов. Впоследствии эти взгляды найдут отражение в его последующих работах (Шапшал 1949, и др.; библиография работ С. М. Шапшала см. в работах Баскаков, Тынфович 1973; Белый 1992, с. 155, 156, 158, 162; Караймско ... 1874, с. 26; Zajuczkowski 1936, S. 21—30).

Как и предшественники, журнал «Известия КДП» публикует на своих страницах исторические документы, воспоминания (Караймские исторические ... 1919; с. 6—26 и др.). Так же как и «Караймская жизнь», «Известия ...» начинают публикацию путевых дневников А. С. Фирковича из его книги «Авиэ-Заккарон» в переводе К. Катыка (Авиэ-Зиккарон, 1918, 1919).

Отметим также публикации, посвященные описанию жизни караймских общин в России и за границей — из последних обращают на себя внимание очерки «О караимах Галича» и «О караимах беженцах из Литвы» (автор последней О. Пилецкий) (О караимах города ... 1917, с. 24—31. О караимах беженцах .. с. 39—41). В статьях приводится краткий историко-этнографический очерк жизни караимов в этих местах, отмечаются изменения в жизни и быте, прозошедшие в связи с событиями первой мировой войны.

Немало места в журнале уделяется общественно-политической тематике, обсуждению национальных вопросов, этому посвящены статьи С. С. Ельяшевича, О. И. Пилецкого, А. Катыка, М. Фирковича, С. Шапшала (Об уменьшении ... 1917, с. 13—16; Ельяшевич, 1917—1918 а, с. 21, 18—20; Ельяшевич, 1918 б, с. 11—13; Катык, 1917, с. 25—26; Катык, 1919, с. 1—6; Пилецкий, 1917, с. 39—41; Фиркович, 1917, с. 41—43; Г. С. 1918 б, с. 1—3; Г. С. 1918 в, с. 4—6 и др.).

Представляют интерес материалы Совещания карайнского духовенства, проходившего в июне-июле 1917 г., общекараймского съезда духовенства и национального съезда караимов.

Издание журнала прекратилось вследствие изменения политической обстановки в Крыму.

В 20—30 гг. существовало несколько периодических изданий как в СССР, так и за его границами (Галиция, Литва).

В 1927 г. в Крыму вновь созданное Крымское объединение караимских общин (КрымОКО) подготовило к печати первый выпуск журнала «Бызым Йол» («Наш путь»). В это время отмечается определенный подъем в национальной культурной деятельности крымских караимов. Открывались караимские школы, национальные клубы, проводились конференции, было организовано КрымОКО. Но к концу 20-х гг. в связи со свертыванием программы национального строительства, повсеместным ужесточением политического режима в СССР, усилением давления на религиозные организации, сошла на нет оживившаяся было национальная, общественная и религиозная жизнь караимов. Организация КрымОКО к середине 30-х гг. прекратила свое существование. Единственный вышедший номер журнала «Бызым йол» стал библиографической редкостью.

Как и вся советская национальная периодика этой эпохи, журнал проникнут «революционным пафосом», содержит перепечатки статей и воззваний партийных деятелей, национальных съездов и конференций (Бызым йол, 1927, с. 25—52), общественно-политические статьи (Наш путь ..., с. 18—19; Итоги ..., с. 19—22; Синани, 1927 а, с. 22—24, Кушуль, 1990, с. 24—25).

Интересны материалы, посвященные истории и этнографии. Отметим новые тенденции: в названиях большинства статей присутствует термин «караимско-татарский» (Шамаш, 1927, с. 79—83; Синани, 1927 б, с. 89; Авах, 1927, с. 84—87; Эгиз, 1927, с. 87—88). Так, если в публикациях «Караимской жизни» употребление татарского языка объяснялось «ассимилирующим влиянием, отсталостью и т. д.», теперь мы видим несколько другую картину, но явление это более сложное, чем кажется на первый взгляд.

Так, авторы уже не упоминают древнееврейский язык в качестве родного для восточноевропейских караимов, напротив, всячески аргументируют утверждение, что разговорный тюркский язык остался у караимов как наследие их предков хазар, (что в общем-то встречалось и в прошлом в караимской периодике), при этом подчеркивается также всяческая близость к татарскому языку, что было, по-видимому, неизбежным реверансом в сторону «титульной» национальности Крыма в 20—30 гг. XX в. (в свое время подобные заявления делались и в пользу русского языка) (Д. Кокизов, 1911, с. 34—37). Все это может свидетельствовать о некоторой размытости, неоформленности этнического самосознания и, как

составной его части,— самосознания языкового, впоследствии взгляды эти стали более унифицированными, приобрели более четкую формулировку (Белый, Белая 1991, с. 15—17).

Интересны заметки, посвященные изучению караимской этнографии, памятников (Катык с. 89—91; Чепурина с. 91—93; Я. М. с. 93—94).

С прекращением деятельности КрымОКО на долгие годы была прервана нормальная национально-культурная жизнь караимов, проживающих на территории СССР, а издания, аналогичные журналу «Бызым йол» так и не появились.

Совершенно другой была ситуация у литовских и галицких караимов, чей ареал проживания оказался (по крайней мере до конца 30-х гг.) вне территории СССР. Выше мы уже отмечали многообразие печатных и рукописных изданий. Объяснялось это многими причинами, не последнюю роль сыграл тот факт, что вследствие революции и гражданской войны значительная часть национальных деятелей, в том числе С. М. Шапшал, постепенно оказалась за границей, большинство — на территории Польши, в состав которой входили земли, на которых проживали литовские и лужские караимы, куда и переместился в это время центр национально-культурной жизни восточно-европейских караимов. Так, в Польше в 20—30 гг. существовало Общество любителей караимской истории и литературы, печатным органом которого являлся журнал «Mysl kagaimska», в ряду караимской периодической печати этот журнал стал долгожителем — выходил он с 1924 по 1939 г. в городе Вильно, а также в 1946—1948 гг. в городе Вроцлав. Главным редактором журнала первоначально был А. Рожески, а в последствии А. Зайончковский, в редакционный комитет входили в разное время Тадеуш Ковальский, Э. Шпаковский, С. Фиркович и др. После своего переезда в Литву в журнале активно сотрудничал С. М. Шапшал. На страницах журнала публиковали свои статьи как учёные, так и общественные деятели — А. Зайончковский, С. М. Шапшал, Б. Кокенай, А. Мардокович, М. Мореловский, С. Фиркович и др. Публикации журнала отличал довольно высокий научный уровень. Нужно отметить работы профессора Т. Ковальского, посвященные караимской фольклористике, языкоznанию, его историографические обзоры (Kowalsky, 1946, S. 35—37; Kowalsky, 1929, S. 1—9; 1934, S. 19—28; 1926, S. 12—23; 1936, S. 19—18 и др.). Близки к нему по проблематике и работы А. Зайончковского (1929, S. 9—24; 1926, S. 7—17; 1939, S. 90—99; 1946, S. 5—34; 1930, S. 26—42; 1929 б, S. 23—31; 1928, S. 23—32; 1939, S. 41—60; S. 90—91 и др.). Изучению караимских тканей и вышивок посвящена обширная работа

М. Мореловского (1934, S. 37—87). Автор приводит подробный анализ орнаментов, приемов, сравнивая их с таковыми у других народов и на основании сравнительного анализа предпринимает попытку решения вопроса о происхождении западных караимов: им сделан вывод о возможности происхождении караимов от хазар.

Разнообразны по тематике статьи С. М. Шапшала, опубликованные на страницах журнала (*Szapszal*, 1929, S. 5—25; 1936, S. 8—11 и др.). Это и «Караимы на службе у крымских ханов», «Адам Мицкевич в гостях у караимов», «Эвлия Челеби о крымских караимах» и др.

Интересны работы Б. Кокеная, посвященные аграрным отношениям крымских караимов. К этой тематике до него обращались мало, упоминая лишь вскользь о данной проблеме вследствие укоренившегося мнения, что караимы являются преимущественно городским населением. (*Kokenay*, 1929, S. 32).

Помимо оригинальных научных исследований, редакция журнала помещала в каждом выпуске регулярные историографические обзоры вновь вышедшей литературы о караимах, делались обзоры и хроника научных событий. В журнале опубликованы ценные изобразительные материалы, по различным аспектам этнографии.

Рядом с научными материалами на страницах журнала можно было найти хронику общественной жизни караимов в Польше.

После присоединения территории, на которых проживали караимы к СССР, выпуск журнала прекратился. После окончания Второй мировой войны, когда вследствие нового передела территории несколько сот западных караимов было депортировано в Польшу, где члены Общества любителей караимской истории и литературы попытались восстановить выпуск журнала, издав несколько номеров (1946—1948) *«Mysl Karaimskiego»*.

Жизнь луцкой караимской общины освещалась на страницах журнала, издававшегося в Луцке в 1931—1938 гг. под редакцией известного караимского издателя и журналиста А. Мардоковича (Кокизова), под названием *«Kagaï Awazy»* (Голос караима) №№ 1—12. Журнал выходил на караимском языке латинской графикой. В его публикациях охватывались многочисленные вопросы жизни луцкой караимской общины, в статьях уделялось внимание описанию религиозной жизни, обычаям обрядов, особенностей языка и т. д. Специальные выпуски посвящались фольклорным произведениям, поэтическому творчеству караимских авторов — Я. Малец-

кого, С. Рутковского и др. Среди авторов публиковавшихся на страницах журнала можно назвать фамилии А. Зайончковского, З. Абрахамовича, С. Лобанос, С. Рудковского, С. Шапшала и др.

В г. Вильно О. И. Пилецкий при поддержке родственников — А. Н. и И. Н. Тыфович, предпринял попытку издания первой караимской газеты, которая вышла 1 июля 1927 г. под названием *«Cahyszymys»* («Сагашымыз» — Наша мысль)³. Газета была издана на караимском языке с параллельным переводом на русский. После смерти О. И. Пилецкого издание прекратило свое существование.

В Троках в 1930—1935 г. Кружок караимской молодежи *«Bir-Baw»* выпустил несколько номеров рукописного журнала. Первый номер вышел под названием *«Przyjaciel Karaitymów»* (1930 г.), а остальные под названием *«Dostu karaajpup»* (№№ 2—3, 1932—1935).

В 1934—1939 гг. Объединение литовских каримов издавало журнал *«Opactmach»* (под редакцией М. Тыфовича). Всего вышло три номера журнала: первый в 1934 г. в Каунске, второй — в 1938 г. в Пасвалисе (Pasvalys), третий в Паневежисе в 1939 г. На его страницах освещалась община жизнь литовских караимов, их соплеменников в Крыму, Галиче и др., деятельность караимских просветителей, публиковались статьи А. Зайончковского (1939, S. 2—7). Б. Кокеная (1939, S. 5—10 и др.), С. Шапшала и др., печатались литературные произведения и стихи С. Кобецкого, С. Крыма, С. Лопато и др. (Кефели 1992, с. 56—58; Бараш и др. 1993, с. 22—23; Мусаев 1964, с. 30; Капланов 1985, с. 102, 103, 106; Кардамско... 1974, с. 14—34 и др.). В последнее время в связи с оживлением общинной жизни предпринимаются попытки выпуска новых караимских национальных периодических изданий, в частности, в Польше это журнал *«Awazymys»*. Община французских караимов на протяжении нескольких лет также имеет свой печатный орган.

ЛИТЕРАТУРА

Авах. Караимско-татарские народные песни // Бызым Иол.—Симферополь, 1927.—№ 1.

Азарья-бен Илиягу. События случившиеся в Крыму в царствование Шагин-Гирей-хана // КЖ.—М., 1911.—№ 5—6.

Антрапология караимов // КЖ.—М., 1911.—№ 1.

Балабан М. К истории караимов в Галиции // КЖ.—М., 1911.—№ 1.

³ В литературе встречается и другая транскрипция названия — Санысчымыз» (Караимы 1993 б, с. 167—169).

Бараш Я. И., Кефели В. И., Шамаш С. Я. Краткая история крымских караимов // Караймы.—М., 1993.—Кн. 1.

Баскаков Н. А., Тынфович М. С. Сергей Маркович Шапшал // Советская Тюркология.—1973.—№ 3.

Бейм С. Свадьба у караимов 100 лет тому назад // КЖ.—М., 1911.—№ 7.

Белая И. Н., Белый О. Б. К вопросу об особенностях формирования этнического самосознания крымских караимов // Проблемы истории Крыма. Тезисы докладов научной конференции.—Симферополь, 1991.—Вып. I.

Белый О. Б. Караймская община Чуфут-Кале (обзор источников и историографии) // Проблемы истории «Пещерных городов в Крыму».—Симферополь: Таврия, 1992.

Брачный акт караимов // КЖ.—М., 1912.—№ 8—9.

Вайсенберг С. Каирские караимы (Очерк) // КЖ.—М., 1912.—№ 12.

Деятельность А. Фирковича по архивным данным // КЖ.—М., 1912.—№ 12.

Дерай М. Слава в кредит // КЖ.—М., 1912.—№ 10—11.

Дуван Я. В. Мои детские и юношеские годы (Автобиография) // КЖ.—М., 1911.—№ 7.

Ельяшевич С. Заметки об Александровском Караймском Духовном училище // Известия КДП.—Евпатория, 1917.—№№ 4, 5—6.

Ельяшевич С. Карай-Битикилиги // Известия КДП.—Евпатория, 1918.—№ 2.

Ельяшевич С. С. Религиозно-музыкальные мотивы караимов // КЖ.—М., 1911.—№ 2.

Ельяшевич С. С. Цивилизация и национальность // Известия КДП.—Евпатория, 1917—1918.

Еще о первом национальном съезде // КЖ.—М., 1911.—№ 2.

И. Ж.-и-а. «Русские караимы» // КЖ.—М., 1911.—№ 3—4.

Ибн-Иегуда. Письмо из Каира // КЖ.—М., 1912.—№ 12.

Иерушалими. Письмо из Иерусалима // КЖ.—М., 1912.—№ 10—11.

Из истории трокских караимов // КЖ.—М., 1911.—№ 2.

Имеются ли в Абиссинии караимы? // КЖ.—М., 1911.—№ 2.

Исторические права на землю // КЖ.—М., 1911.—№ 2.

И. К. (Казас) Богослужение караимов // КЖ.—М., 1911.—№ 3—4.

Н. Н. (Казас И. И.) Общие заметки о караимах // КЖ.—М., 1911.—№ 3—4.

Караимы.—М., 1993.—Вып. 2.

К антропологии караимов // КЖ.—М., 1912.—№ 12.

Караимско-русско-польский словарь.—М.: Русский язык, 1974.

Караимы за границей. Корреспонденция из Константинополя и Каира // КЖ.—М., 1911.—№ 1.

Капланов Р. М. К истории караймского литературного языка // Малые и дисперсные этнические группы в Европейской части СССР.—М., 1985.

Катык А. И. Записки караймского школьника // КЖ.—М., 1911.—№ 3—4, 5—6.

Катык А. И. Дневник жениха // КС.—Вильна, 1913—1914.—№ 2—5.

Катык А. И. Краткий обзор моей литературной деятельности // Бызым Йол.—Симферополь, 1927.—№ 1.

Катык А. И. К родителям караймской учащейся молодежи // Известия КДП.—Евпатория, 1919.—№ 1.

Катык А. И. О комиссии по изучению быта и истории караимов

при Ассоциации Востоковедения // Бызым Йол.—Симферополь, 1927.—№ 1.

Катык А. И. Учитель // КЖ.—М., 1912.—№ 8—9, 10—11.

Кефели В. И. Караймы.—Пушкино, 1992.

Китайские израильяне // КЖ.—М., 1911.—№ 5—6.

Кокизов Д. М. Национальное самосознание // КЖ.—М., 1911.—№ 3—4.

Кокизов Д. М. Русский язык или татарский? // КЖ.—М., 1911.—№ 2.

Кокизов Ю. Д. В защиту памяти А. Фирковича // КЖ.—М., 1911.—№ 7.

Кокизов Ю. Д. Новые доказательства против старых обвинений // КЖ.—М., 1911.—№ 1.

Кокизов Ю. Д. Ответ «Еврейской старине» // КЖ.—М., 1912.—№ 12.

Кондараки В. Х. Караймы // КЖ.—М., 1912.—№ 8—9.

Конушмаджи. Изучение караймской песни // КЖ.—М., 1911.—№ 11.

Кушуль С. И. Общественная жизнь караимов Крыма в 20—30 // Крымская АССР. Вопросы. Ответы.—Симферополь: Таврия, 1990.

Кушуль Ю. К земледельческому труду // Бызым Йол.—Симферополь, 1927.—№ 1.

К этнографии караимства // КЖ.—М., 1912.—№ 10—11.

Марков Е. «Мертвый город» // КЖ.—М., 1911.—№ 2.

Я. М. Внимание памятникам нашей культуры // Бызым Йол.—Симферополь, 1927.—№ 1.

Мусаев К. М. Грамматика караймского языка.—М.: Наука, 1964.

Наш путь. Правление Кр. ОКО // Бызым Йол.—Симферополь, 1927.—№ 1.

Наши задачи // КЖ.—М., 1911.—№ 1.

О караимах Галича // Известия КДП.—Евпатория, 1917.—№ 4.

Откуда пришли караимы в Россию? // КЖ.—М., 1911.—№ 5—6.

М. П. Историческая заметка // КС.—Вильна, 1913.—№ 1.

Первый национальный караймский съезд в Евпатории // КЖ.—М., 1911.—№ 1.

Пилецкий М. Из преданий старины // КС.—Вильна, 1913.—№ 2.

Пилецкий О. Караймская Богадельня // Известия КДП.—Евпатория, 1917.—№ 5—6.

Пилецкий О. Клочки жизни // КС.—Вильна, 1913.—№ 1.

Пилецкий О. О караимах-беженцах из Литвы // Известия КДП.—Евпатория, 1917.—№ 4.

Письмо испанского ученого // КЖ.—М., 1912.—№ 12.

Письмо караима из Галиции // КЖ.—М., 1912.—№ 8—9.

Раецкий С. На родные темы // КЖ.—М., 1912—1911.—№№ 1—12.

Раецкий С. Продолжается подписка на ежемесячный журнал «Караймская жизнь» // КЖ.—1911—1912.—№№ 1—12.

Г. С. (Шапшал С. М.) Караймские исторические документы // Известия КДП.—Евпатория, 1919.—№ 1.

Г. С. (Шапшал С. М.) Краткий очерк тюркско-татарской литературы // Известия КДП.—Евпатория, 1918.—№ 1—3.

Г. С. (Шапшал С. М.) История происхождения должности и характер деятельности караймских гахамов // Известия КДП.—Евпатория, 1918.—№ 2.

Г. С. (Шапшал С. М.) К уменьшению числа караимов // Известия КДП.—Евпатория, 1918.—№ 2.

Синани В. И. К статистике караимов // КЖ.—М., 1911.—№ 1.

Синани М. С. Об участии караимов в горсоветах // Бызым Иол.— Симферополь, 1927.— № 1.

Среди галичских караимов // КЖ.— М., 1912.— № 8—9.

Смолинский И. Караваны и их храм в Луцке // КЖ.— М., 1912.— № 12. Статистические таблицы // КЖ.— М., 1912.— № 8—9, 12.

Троицкий Э. И. Караваны (исторический очерк) // КС.— Вильна, 1914.— № 6, 7—8.

Троицкий Э. И. Мангуп-кале // КС.— Вильна, 1914.— № 2.

Фом. Размышления на седьмое Ав // КС.— Вильно, 1914.— № 2.

Фиркович А. С. Авнэ Зиккарон // КЖ.— М., 1911—1912.— №№ 3—4—12.

Фиркович А. С. Авнэ Зиккарон // Известия КДП.— Евпатория, 1918—1919.

Фиркович М. Я. Национальная караимская библиотека при Духовном Правлении «Карай-Битикилиги» // Известия КДП.— Евпатория, 1917.— № 4, 5—6.

Фиркович М. Я. Поездка в Мангуп // КС.— Вильно, 1914.— № 7—8.

Ханский ярлык Каравану Иосифу-Ага // КЖ.— М., 1912.— № 127.

ЦГАК.— Ф. 241.— Оп. 1.— Д. 1236.

ЦГАК.— Ф. 241.— Оп. 2.— Д. 9.

Чепуриня П. Я. В редакцию «Бызым Иол» // Бызым Иол.— Симферополь, 1927.— № 1.

Шамаш Я. Б. Разговорный язык крымских караимов и новый тюркско-татарский алфавит // Бызым Иол.— Симферополь, 1927.— № 1.

Шапашал С. М. История тюрок-караимов в Крыму, Литве и Польше.— Архив БГИКЗ.— Ф. 14.— Д. 5/4.

Шишман А. Историческая заметка // КС.— Вильна, 1913.— № 5.

Януш Б. Кладбище в Кукизове // КЖ.— М., 1912.— № 8—9.

Zajęczkowski A. O kulturze chazarskiej i jej spadkobiercach // Myśl karaimska.— Wrachlaw, 1946.— T. I.

Zajęczkowski A. Opis podróży do Ziemi Świętej // Myśl karaimska.— Wilno, 1930.— T. II.

Zajęczkowski A. Unikanie wyrażeń antropomorficznych w przekładach Karaimskich // Myśl karaimska.— Wilno, 1929.— T. II.— Z. II.

Zajęczkowski A. Wróżby z drgania części ciała // Myśl karaimska.— Wilno, 1929.— T. II.— Z. I.

Zajęczkoski A. Terminologia muzułmańska a tradycje nomadów w słownictwie Karaimskim // Myśl karaimska.— Wroclaw, 1947.— T. II.

Kokenai B. Bir — nieča bergianliar Karaj sioz — bitiktian // Onarmach.— Panewézys, 1939.— III.

Kokenai B. Stosunki agrarne Karaimów na Krymie // Myśl karaimska.— Wilno, 1929.— T. II.— Zeszyt I.

Kowalski T. Język Karaimski // Myśl karaimska.— Wilno, 1926.— T. I.

Kowalski T. Najpiękniejsze zadania Karaimoznawstwa // Myśl Karaimska.— Wilno, 1936.— N 11.

Kowalski T. Turecka monografia o Karaimach Krymskich // Myśl karaimska.— Wilno, 1929.— T. II.— Z. II.

Kowalski T. Materiały karaimske s. p. Jana Grzegorzewskiego // Myśl karaimska.— Wilno, 1934.

Kowalski T. Wyrazy kipczackie w jeryku Ormian jolskich // Myśl karaimska.— Wilno, 1939.— Z. I.

Mogielowski M. Tkani ludowe Karaimskie a sprawy pochodzenia Karaimów Krymskich i polskich // Myśl karaimska.— Wilno, 1934.— Z. 10.

Szapszał S. Karaimi w służbie u chanów krymskich // Myśl karaimska.— Wilno, 1929.— T. II.— Z. I.

Szapszał S. Kirim Karaj Türkleri.— Istanbul, 1928.

Szapszał S. Słów Kilka o Książętach Karaimskich Czelebi i ch działalności oświatowej // Myśl karaimska.— Wilno, 1936.— Z. II.

Szapszał S. Adam Mickiewicz w gościnie u Karaimów // Myśl karaimska.— Wilno, 1934.— Z. 10.

Zajączkowski A. Adam Mickiewicznii «Kyrym Sonetar» // KA.— Luck, 1931.— Z. 1.

Zajączkowski A. Karaj tili // Onarmach.— Panewézys, 1939.— III.

Zajączkowski A. Literatura Karaimskia // Myśl karaimska.— Wilno, 1926.— T. I.— Z. 3.

Zajączkowski A. «Pieśni Kobeckiego» // Myśl karaimska.— Wilno, 1928.— T. I.— Z. 4—5.

Zajączkowski A. Najstarsza wiadomość o języku tureckim Karaimów w Polsce // Myśl karaimska, 1939.— Z. 12.

Zajączkowski A. Bibliografia prac J. E. H. Seraji Szapożola Ha-chana Karaimow w Polsce // Myśl karaimska.— Wilno, 1939.— Z. I.

О. Б. БЕЛЫЙ, И. И. НЕНЕВОЛЯ

ОХРАННЫЕ РАБОТЫ НА ТЕРРИТОРИИ БАХЧИСАРАЙСКОГО РАЙОНА В 1993 г.

В 1993 г. Отделом охраны и учета памятников истории и культуры при БГИКЗ велись охранные раскопки и инспектирование разрушаемых памятников археологии на территории Бахчисарайского района.

Так, летом—осенью 1993 г. были проведены археологические раскопки на позднесредневековом могильнике, находящемся в 2,5 км к югу от окраины Бахчисарай в зоне новостройки.

В ходе раскопок было исследовано 21 погребение, совершенное в подбойных могилах. Погребальные камеры большинства могил были закрыты сырцовыми и земляными кирпичами,ложенными в 1—3 ряда, либо деревянными брусками, поставленными вертикально. У целого ряда могил признаки закладов не прослеживаются. Конструктивные особенности в устройстве могил и закладов позволили выделить несколько их вариантов.

Вариант I, могилы 1, 9, 10, 15, 16, 19.

Входная яма удлиненной формы, дно наклонено в сторону подбоя и заканчивается ступенькой высотой 0,05—0,08 м. Погребальная камера в форме вытянутого овала, дно подбоя наклонено в сторону южной продольной стенки и несколько вогнуто в центральной части. Погребальная камера отде-

лена от входной ямы закладом из сырцовых либо земляных (колыб) кирпичей уложенных в 1—3 ряда на глиняном растворе либо без него. В некоторых могилах соблюдена перевязка швов (могилы №№ 10, 15, 19).

Вариант II, могилы №№ 14, 18, 20.

Входная яма подпрямоугольной в плане формы. Дно входной ямы наклонено к подбою и заканчивалось ступенькой высотой от 0,08 до 0,2 м.

Погребальная камера подпрямоугольной формы закрыта закладом из глиняных (могилы №№ 18, 20) и земляных кирпичей (могила № 14), уложенных в 3—4 ряда в следующем порядке: нижние 2—3 ряда лежат горизонтально на глиняном растворе с перевязкой швов, верхний ряд кирпичей поставлен на «попа» и наклонен в сторону подбоя.

Вариант III, могилы 4, 5, 8, 12, 17.

Входная яма удлиненной формы, дно ровное либо наклонено к продольной стенке входной ямы (могила № 3) заканчивалась ступенькой высотой от 0,06 до 0,38 м. Погребальная камера подпрямоугольной формы, дно подбоя ровное или несколько вогнуто (могила № 4). Заклад состоял из деревянных брусков цилиндрической либо квадратной формы в сечении от $0,02 \times 0,02$ до $0,06 \times 0,06$ м.

Вариант IV, могилы №№ 7, 11.

Могилы прямоугольной с закругленными углами формы. Четкой границы между входной ямой и погребальной камерой нет. Дно входной ямы и подбоя находятся на одном уровне. Подбои могил были закрыты деревянными брусками $0,03 \times 0,03$ высотой до 0,5 м.

Вариант V, могилы №№ 3, 6, 21.

Входная яма неправильной подпрямоугольной формы, дно ровное, у входа в подбой заканчивается ступенькой высотой от 0,03 до 0,11 м. Погребальная камера подпрямоугольной формы, дно подбоя ровное или несколько наклонено в сторону входной ямы (могила № 21). Заклад не прослежен.

Вариант VI, могилы №№ 2, 13.

Могилы подпрямоугольной формы с закругленными углами. Граница между входной ямой и подбоем не обозначена. Дно входной ямы на одном уровне с дном погребальной камеры, оно несколько вогнуто в центральной части. Заклад не прослежен.

Все погребенные лежат вытянуто на спине, либо на правом боку головой на запад, юго-запад (лицевая часть черепа, как правило, обращена к югу).

Руки прямые или согнуты в локтях.

Ноги выпрямлены (исключение составляют два погребе-

ния, где ноги согнуты в коленях и повернуты вправо (могила №№ 5, 18). В погребальных камерах и входных ямах некоторых могил наблюдалось обилие деревесных углей. Все погребения безинвентарные. В земляных кирпичах из закладов могил обнаружено несколько фрагментов позднесредневековой простой и «поливной» посуды, что позволяет предварительно датировать могильник XVIII—XIX вв. н. э.

Конструкция могил, особенности погребального обряда дают основания полагать, что исследовавшийся могильник оставлен мусульманским населением Крыма.

Наряду с археологическими исследованиями, сотрудниками Отдела охраны и учета памятников истории и культуры были совершены выезды на вновь открытые памятники, с целью постановки их на учет. Было выявлено 3 новых могильника первых веков н. э., подвергающихся грабительским раскопкам.

Могильник Суворово находится в 0,6 км к югу от одноименного села и 0,4 км к востоку от позднеантичного поселения Вишневое на возвышенности, господствующей над долиной р. Кача.

В настоящее время значительная часть могильника уничтожена грабительскими раскопками. Разрыто более 250 погребальных сооружений различной конструкции. Подъемный материал из этого могильника представлен оселком удлиненно-прямоугольной формы из светло-серого мелкозернистого песчаника (рис. 1, 1) и лепным нелошеным сероглиняным горшочком с округлым туловом и прямоугольной в сечении ручкой (рис. 1, 2). Горшки подобного типа довольно часто встречаются на поселениях Северо-Западного Крыма и в могильниках Центральной и Юго-Западной части полуострова и имеют довольно широкую датировку: конец III в. до н. э.—III в. н. э. (Дашевская, 1991, табл. 17, рис. 5; табл. 20, рис. 16, 20; Высотская, 1972, с. 114, рис. 28, № 28, 29).

Не в лучшем состоянии находится и могильник у с. Брянское, расположенный в 1,5 км к юго-востоку от окраины, на правом берегу так называемой Сакальской балки. Разрушено и разграблено около 70 грунтовых могил. Среди находок: фрагмент краснолаковой тарелочки на низком кольцевом поддоне (рис. 1, 3). Такие тарелки датируются некоторыми исследователями I в. н. э. (Силантьева, 1958, с. 285, рис. 1, 3; Корпусова, 1983, с. 123, табл. XI 26), однако, встречаются и в погребениях II в. н. э. (Лобода, 1981, с. 27, рис. 109), бронзовая «смычковая» одночленная фибула (рис. 1, 5) I—II вв. н. э. (Амброз, 1966, с. 47, табл. 6, рис. 11—12), провинциальноморимская шарнирная фибула-

брошь с эмалью (рис. I, 6), железный нож (рис. I, 4) с прямым лезвием, усеченно-биконическое сплюснутое пряслище (рис. I, 7), бусы из сердолика, янтаря, пасты и бугристые пронизи из стекла с металлической прокладкой (рис. I, 8), датируемые II в. н. э. (Алексеева, 1978, с. 32, табл. 26, рис. 59).

Менее всего пострадал от грабительских раскопок могильник, находящийся в 2,5—3 км к югу, юго-западу от с. Красная Заря, близ урочища Кара-Тау. Здесь разрушены более десяти подобных могил и могил с заплечиками.

Из этого могильника происходит ряд вещей, переданных музею главным лесничим Бахчисарайского лесхоза Г. В. Голубем.

Перечень вещей:

Кубок красноглиняный, покрытый буроватой обмазкой, с туловом яйцевидной формы на низком кольцевом поддоне и профилированным венчиком (рис. II, 1) близок по очертаниям кубкам из могильника Бельбек IV, датируемых Гущиной И. И. I—II вв. н. э. (Гущина, 1982, с. 21, рис. 5, 40, 8, 53; № 9, 38; 10, 29, 39).

Тарелка краснолаковая с отвесным бортиком на кольцевом поддоне, на внутренней стороне дна — клеймо в форме ступни в сандалии (рис. II, 3). Аналогичные тарелки были широко распространены в Северном Причерноморье и датируются I в. н. э. (Книпович, 1952, с. 298, рис. 2, 2; Косяненко, 1980, с. 216—219, рис. 110).

Краснолаковая тарелочка малоазийского производства на низком кольцевом поддоне с «личным» клеймом на внутренней стороне и волютообразными налепами на вогнутом бортике (рис. II, 2). Такие тарелки обычны в некрополях юго-западного Крыма и могут датироваться не позднее I в. н. э. (Шелов, 1972, с. 134).

Краснолаковый кувшин-оинохоя с грушевидным туловом на кольцевом поддоне. Ручка прикреплена к краю венчика и плечикам корпуса (рис. III, 1). Сосуды близких типов встречаются в могилах I—III вв. н. э. некрополя Неаполя Скифского (Сымонович, 1983, с. 49, 74, табл. V — 1, 2).

Буролаковый кубок с округлым туловом и двумя петлево-образными ручками (рис. III, 2) аналогичен кубкам из Бельбекского могильника. Их дата I — нач. II вв. н. э. (Гущина, 1982, с. 21, рис. 8, 3; 10, 30).

Весьма интересны два краснолаковых одноручных кувшина, (рис. II, 45) полные аналогии которым нам не известны. Вероятно, что время их производства не выходит за рамки II в. н. э.

Украшения представлены двумя бронзовыми браслетами с несомкнутыми концами в виде змейных головок (рис. III, 3) и бусами из сердолика, пасты, египетского фаянса и стекла (рис. III, 4) некоторые типы которых датируются I—III вв. н. э. (Алексеева, 1978, с. 66, 67, табл. 33, 10—14).

Набор погребального инвентаря из могильников Суворово, Брянское и Красная Заря датируются первыми веками н. э. Более узкая датировка этих интереснейших памятников возможна лишь при незамедлительном и всестороннем их изучении.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ.—М.: Наука, 1975.—Вып. Г. 1—12.—Т. 1.
Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // // САИ.—М.: Наука, 1978.—Вып. Г. 1—12.—Т. 2.
Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР // САИ.—М.: Наука, 1966.—Вып. Д. 1—30.
Высотская Т. Н. Поздние скиты в юго-западном Крыму.—Кiev, 1972.
Гущина И. И. О локальных особенностях культуры населения Бельбекской долины Крыма в первые века н. э. // Археологические исследования на юге Восточной Европы.—М., 1892.
Дашевская О. Д. Поздние скиты в Крыму // САИ.—М.: Наука, 1991.—Вып. Д. 1—7.
Книпович Т. Н. Краснолаковая керамика первых веков н. э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935—1940 гг. // МИА.—М., 1952.—№ 25.
Корпусова В. Н. Некрополь Золотое.—Кiev: Наукова думка, 1983.
Косяненко В. М. Краснолаковая керамика из некрополя Кобякова городища // СА.—М., 1980.—№ 3.
Лобода И. И. Отчет о раскопках Усть-Альминского могильника в 1981.—Архив БГИКЗ.—Д. 18.
Силантьева Л. Ф. Краснолаковая керамика из раскопок Илурата // МИА.—М., 1958.—№ 85.
Сымонович Э. А. Население столицы позднескифского царства.—Кiev: Наукова думка, 1983.
Шелов Д. Б. Танаис и нижний Дон в первые века нашей эры.—М., 1972.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Е. И. ЛАЗАРЕНКО

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ ИЗ ФОНДОВЫХ СОБРАНИЙ БАХЧИСАРАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ЗАПОВЕДНИКА

Настоящая работа является продолжением публикаций фондовых коллекций БГИКЗ (см. Лазаренко 1992; 1993). Предыдущие публикации охватили археологические материалы из раскопок «пещерных городов» и лапидарные памятники.

Предлагаемая работа освещает коллекции предметов археологии, начиная с эпохи камня и до позднего средневековья.

н/п №	Объект раскопок	Дата раскопок	Время поступления в фонды или дата записи в книге поступлений	Место пакета	Руководитель раскопок	Код-№ ед. измерения	№ инв. в книге	Инвентарный номер
1	Айвовое	1971	24/X—78 г. 29/IV—72 г. 16/III—45 г.	поселение раскопки	Чореф М. Я. Чореф М. Я. Передано из Севастополь- ского музея краеведения	143 2 56	6356 6274—6275 6254	А-Д-4718-4860 А-Д-5261-5262 А-Ж-1994-2049
2	Айвовое	1972				1	6267	А-К-49
3	Ай-Колада	1927					6098	А-К-53-152
4	Ай-Петри	—	31/1—52 г. 23/XII—53 г.	подъемный материал стоянка	Формо- зов А. А. Богдано- ва Н. А.	100	6226—6230	А-А-120-196
5	Алымовский навес	1952	16/IV—56 г.	городище	—	77		
6	Алма-Кермен	1954	28/XII—62 г.	городище	Высот- ская Т. Н.	114	6056	А-А-996-1109
7	Алма-Кермен	1960	28/XII—62 г.	городище	Высот- ская Т. Н.	69	6071	А-А-1110-1178
8	Алма-Кермен	1961	31/1—52 г.	городище	—	1	6163	А-К-50
9	Армянск	1952	29/VIII—72 г. 5/VI—46 г.	подъемный материал могильник	Лобода И. И. —	48 417 22	6072—6082 6170 7449—7470	А-Г-5398-5445 А-И-5743-6159 А-И-8771-8792
10	Аромат Аллама-Дер	1968	15/XI—84 г.	поселение	Крис Х. И.	1566	6166—6167, 6418	А-И-6160-7539, 7972—7980, 8000—8009, 8539—8705
11	Аромат Аллама-Дер	1946	11/XI—52 г.	поселение				
12	Аромат Аллама-Дер	1949	17/III—80 г.	поселение				
13	Аромат Аллама-Дер	1950—1951						

1	2	3	4	5	6	7	8	9
14	Ашлама-Дере	1970	25/V—78 г.	подъемный материал	Чореф М. Я.	84	6348	А-И-8240-8323
15	Балаклавский угес Бахчисарай	1925— 1926 1948	26/III—45 г. 11/X—50 г.	— случайная находка	—	157	6120	А-Ж-2050-2206
16	Бахчисарай	1977	11/XI—78 г.	подъемный материал	Чореф М. Я.	30	6366	А-К-48
17	Баштановка	1961	28/I—71 г.	случайная находка	—	4	6962—6265	А-Д-5231-5260
18	Баштановка	1969	29/XI—78 г.	Чореф М. Я.	26	6361	А-Г-5494-5497	
19	Баштановка	1973	10/XI—75 г.	Чореф М. Я.	16	3348	А-Г-7753-7778	
20	Баштановка	1976	30/IV—79 г.	Батарова Л. Н.	1	6379	А-И-798—7996	
21	Баштановка	1945	29/III—45 г.	случайная находка	—	11	6162	А-Г-8351
22	Бельск (река)	1948	11/VI—48 г.	Могильник	Белый А. В.	48	6268	А-Г-5346-5393
23	Бия-Сала	1978	26/V—79 г.	Могильник	Чореф М. Я.	20	6377	А-Ж-2819-2838
24	Богатырь	1973	7/XII—78 г.	подъемный материал	—	3	6364	А-Д-5228-5230
25	Верхоречье	1983	22/XII—86 г.	курган	Лобола И. И., Хоменко В. Н., Вдовиченко И. И.	25	8278	А-«Курганы»-1-25
26	Вилино	—	—	подъемный материал	—	—	—	А-К-51
27	Волчий грот	—	31/I—52 г.	подъемный материал	Чореф М. Я.	1	6164	А-Г-7748-7752
28	Высокое	1970	3/XII—78 г.	подъемный материал	—	5	6363	А-Д-5206-5227
29	Высота «206»	1945	26/III—45 г.	—	поступило из Севастопольского музеяного объединения	22	6053	

—		—		—		—		—		—	
Городицкий мъс		4/III—45 г.		—		—		—		—	
30	31	Гераклея	1925	13/III—45 г.	раскопки	52	6101	А-Л-1-52			
	32	Гераклея	1926	14/III—45 г.	раскопки	157	6102	А-Л-53-209			
	33	Гераклея	1927	14/III—45 г.	раскопки	7	6103	А-Л-210-216			
	34	Гераклея	1928	15/III—45 г.	раскопки	23	6104	А-Л-217-239			
	35	Гераклея	—	14/III—45 г.	раскопки	163	6105	А-Л-240-402			
	36	Глубокий Яр	1971	3/XII—71 г.	находка	1	6280	А-Б-3929			
37	Гурзуф	1927	3/IV—45 г.	—	—	—	6152	А-И-7997			
	38	Гурзуф	—	3/IV—45 г.	—	—	6153	А-И-8010			
	39	Дальний Баш	1947	11/X—50 г.	—	—	6168	А-К-11-467			
	40	Дальнинное	—	20/XI—64 г.	—	—	3	5751—5753	А-А-1496-1498		
	41	Железнодо- рожное	—	22/II—71 г.	клад	—	5138—5256	А-А-1499-1617			
	42	Железнодо- рожное	1974	16/V—77 г.	курган	—	5116—5117	А-А-1619-1620			
	43	Железнодо- рожное	1975	—	—	—	5118—5119,	А-А-1621-1622,			
	44	Заветное	1954	12/XII—54 г.	могильник	3	5136	1618			
	45	Заветное	1955	1955 г.	могильник	150	5347,	А-А-1-119, 197-227			
	46	Заветное	1956	8/IХ—56 г.	могильник	275	6107	А-А-228-502			
	47	Заветное	1958	1958 г.	могильник	70	6108	А-А-503-572			
	48	Заветное	1959	1959 г.	могильник	232	6109	А-А-573-804			
	49	Заветное	1960	28/XII—62 г.	могильник	162	6113	А-А-805-966			
	50	Заветное	1961	28/XII—62 г.	могильник	29	6084	А-А-967-995			
	51	Заветное	1962	28/XII—62 г.	могильник	84	6094	А-А-1179-1262			
	52	Заветное	1963	28/XII—63 г.	могильник	136	6086	А-А-1263-1398			
7*						97	5080,	5132,	А-А-1399-1495	6087	

1	2	3	4	5	6	7	8	9
53	Загайтанская скала	1952	29/XII—53 г.	западные склоны скалы	экспедиция музея «Пещерных городов» и Херсонесского музея	928	6245	А-Д-2101-3028
54	Загайтанская скала	—	26/III—45 г.	подъемный материал	—	85	6225	А-Д-2016-2100
55	Залесье	1952	31/I—52 г.	—	—	1	6165	А-К-52
56	Зефир-Коба	—	15/III—45 г.	стоянка	Формозов А. А.	108	6255	А-Ж-2208-2315
57	Кабази	1952	23/XII—53 г.	стоянка	Формозов А. А.	144	6123	А-К-153-296
58	Кабази	1955	23/XII—53 г.	струйная находка	поступило из Севастопольского музея краеведения	1644	6222	А-К-7197-8840
59	Калеяни	—	29/III—45 г.	—	—	3	6239—6241	А-Ж-2316-2318
60	Камышлы Кая-Арасы	1956	6/IV—45 г. 16/V—56 г.	стоянка	Щепинский А. А.	21	6131—6151	А-Ж-2319-2339 А-К-3944-7196
61	Кара-Даг	—	21/III—51 г. 8/XII—46 г.	разведки стоянка	—	1	6282	А-И-7998
62	Кинк-Коба	1946	20/XI—64 г.	поселение	—	10	6266	А-К-1-10
63	Козу-Кулак	1937	19/VII—78 г.	поселение	Чореф. М. Я.	20	5746	А-И-7765-7971
64	Козу-Кулак-	1969	20/XI—78 г.	подъемный материал	Чореф. М. Я.	18	6351	А-И-8324-8343
65	Козу-Кулак-	1970	1940 г., 20/VI—47 г., 22/II—71 г.	—	передана из ГИМа	24	6360	А-И-8344-8361
66	Козу-Кулак-	—	—	—	—	24	5265—5286, 5299—5300.	А-Г-5321-5344
67	Коллекция монет	—	—	—	—	—	—	—
68	Коллекция предметов археологии	1945	20/I—45 г.	раскопки	передана из Херсонесского музея	208	6095	А-Л-1046-1253
69	Коллекция подъемного материала (Бахчисарайский район)	1946	21/III—51 г., 23/XIII—53 г., 20/III—80 г.	разведки	Веймарн Е. В.	251	6169, 6419	А-И-7540-7725, 8706-8770
70	Коллекция предметов из эпизодических работ	1953	23/XII—53 г.	раскопки	Веймарн Е. В.	211	6058	А-Ж-2593-2803
71	Коллекция предметов археологии (Бахчисарайский район)	1954	16/V—56 г.	разведки	Веймарн Е. В.	1993	6100	А-Ж-1-1993
72	Коллекция предметов археологии	—	13/III—45 г., 20/XI—64 г.	—	передана из Севастопольского музея краеведения	643	5745	А-Л-403-1045
73	Коллекция славянских вещей XI—XII вв.	—	23/XII—53 г.	—	передана из Киевского исторического музея	14	6310	А-Ж-2805-2818
74	Коминтерн	1952	23/XII—53 г.	курган	Веймарн Е. В.	—	—	—
75	Куршун-Богаз	—	26/III—45 г.	струйная находка	Чореф. М. Я.	29	6233, 6283	А-И-7726-7753, 7999
76	Краснозорье	1970	10/VI—78 г.	городище	Чореф. М. Я.	84	6347	А-Д-4472-4551
77	Краснозорье	1972	12/XII—78 г.	городище	Лобода И. И.	101	6368	А-Д-4552-4652
78	Красный Мак	1983	7/II—85 г.	могильник	Лобода И. И.	179	7501—7679	А-«Курганный»-87-265
79	Красный Мак	1984	10/XII—85 г.	—	—	87	8037	А-«Курганный»-266-351

1	2	3	4	5	6	7	8	9
80	Кудрино	1977	15/XI—78 г.	гончарные печи	Чореф М. Я.	3	6359	А-Г-8352-8354
81	Кучук- Мускомья	—	18/XII—45 г.	—	—	2	6289—6290	А-Ж-2343-2344
82	Кыз-Кулес- Бурун	—	15/III—45 г.	—	—	101	6292	А-Ж-2346-2446
83	Лакки	1973	10/XII—78 г.	подземный материал магистраль	Чореф М. Я.	18	6365	А-Д-4868-4885
84	Лесниковое	1971	16/V—77 г.	Герцен А. Г.	1	5089	А-Ж-2804	
85	Лесниковое	1979	1980 г.	Белья А. В.	7	8980	А-Ж-2839-2845	
86	Магарац	1985—	1993 г.	Лобода И. И.	334	8922	А-«Курганы»-352- 685	
87	Магарац	1986	10/III—87 г.	Хоменко В. Н.				
88	Макру-Мале	—	3/IV—45 г.	Лобода И. И.	61	8280	А-«Курганы»-26- 86	
89	Мало-Садовое	1981	15/IX—81 г.	—	—	4	6215—6218	А-Ж-2447-2450
90	Мало-Садовое	1982	26/II—83 г.	Омелько- поселение	Омелько- ва Л. А.	44	6433—6434	А-МС-1745-1784
91	Мало-Садовое	1983	14/III—84 г.	поселение	Омелько- ва Л. А.	92	6939	А-МС-25-91
92	Мало-Садовое	1984	20/IX—84 г.	магильник	Омелько- ва Л. А.	72	7087	А-Е-5272-5343
93	Мало-Садовое	1984	20/IX—84 г.	поселение	Омелько- ва Л. А.	79	7209—7287	А-МС-92-170
94	Мало-Садовое	1985	20/VIII—85 г.	магильник	Омелько- ва Л. А.	83	7288—7370	А-МС-171-253
95	Мало-Садовое	1985	21/VIII—85 г.	поселение	Омелько- ва Л. А.	260	8027—8031,	А-МС-254-513
						35	8033	А-МС-514-548
						8032		

96	Мало-Садовое	1986	22/XII—86 г.	магильник	Омелько- ва Л. А.	212	8274—8276	А-МС-549-760
97	Мало-Садовое	1986	6/VIII—87 г.	поселение	Омелько- ва Л. А.	139	8282—8283,	А-МС-761-899
98	Мало-Садовое	1987	3/I—87 г.	поселение	Омелько- ва Л. А.	58	8277	А-МС-900-958
99	Мало-Садовое	1988	1988 г.	поселение	Омелько- ва Л. А.	75	8279	А-МС-959-1033
100	Неаполис	1945—	29/III—45 г.	—	переведена из научно-испо- льзования фонда	35	6243	А-А-1623-1657
101	Неаполис- Скифский	1959	1990—1991 гг.	—	Пуздов- ский А. Е. Богдано- ва Н. А.	1087	8631	А-А-1765-2852
102	Озерное I	1959	1959 г.	магильник	Богдано- ва Н. А.	32	6083	А-Б-363-394
103	Озерное I	1960	28/XII—62 г.	магильник	Богдано- ва Н. А.	31	6085	А-Б-482-512
104	Озерное III	1963	19/XII—63 г.	магильник	Богдано- ва Н. А.	95	6059—6070	А-Б-269-362, 877
105	Озерное III	1964	19/VIII—64 г.	магильник	Лобода И. И.	20	6088	А-Б-395-414
106	Озерное II	1964	20/XI—64 г.	магильник	Богдано- ва Н. А.	270	5511—5744, 5133, 6193	А-Б-1-268, 879- 880
107	Озерное II	1965	14/XI—65 г.	магильник	Гущина И. И. Лобода И. И.	293	5081, 5349,	А-Б-513-795, 878, 886-894.
108	Озерное II	1967	15/XII—67 г.	магильник	Лобода И. И.	6110,	6119—6203	
109	Озерное II	1968	26/IV—69 г.	магильник	Лобода И. И.	81		А-Б-796-876
110	Озерное II	1969	14/V—70 г.	магильник	Лобода И. И.	26	6089—6090	А-Б-415-440
111	Орга-Кая	1970	1/VII—78 г.	поселение	Чореф М. Я.	41	6091—6093	А-Б-441-481
112	Панткапай	—	14/III—75 г.	—	—	177	6349	А-И-8362-8538
113	Пифос	—	19/XII—45 г.	—	—	6	6125—6130	А-Л-1254-1259
						1	6316	А-Д-4863

1	2	3	4	5	6	7	8	9
114	Поляна	1971	1/XII—78 г.	подъемный материал	Чореф М. Я.	38	6362	A-Б-17069-17106
115	Сардык- Черноречен- ский Староселье	—	30/III—45 г., 23/XII—53 г.	—	—	28	6224	A-Ж-2565-2592
116	Танковое	1952— 1953	23/XII—53 г.	стойка	Формо- зов А. А.	3620	6097	A-К-324-3943
117	Танковое	1975	21/V—78 г.	поселение, разведки	Чореф М. Я.	57	6346	A-А-1688-1744
118	Танковое	1981	15/IX—81 г.	поселение	Омелько- ва Л. А.	20	6433	A-А-1745-1764
119	Таш-Джарган	1954	20/II—78 г.	городище,	Шепти- цкий А. А.	229	6339	A-И-8011-8239
120	Тенистое	1970	29/VIII—72 г.	городище, Могильник	Герцен А. Г., Лобода И. И.	116	6270	A-Д-4147-4262
121	Тенистое	1970	10/XI—78 г.	городище	Чореф М. Я.	209	6358	A-Д-4263-4471
122	Тенистое	1971	12/XII—78 г.	городище	Чореф М. Я.	60	6367	A-Д-4658-4717
123	Тенистое	1982	15/IV—87 г.	курган	Лобода И. И.	15	8281	A-Д-5263-5276
124	Тиберти	1940	13/III—45 г.	Могильник	Хоменко В. Н., Вдовичен- ко И. И.	18	6051	A-А-1659-1676
125	Тиберти	1941	19/I—45 г., 13/XI—71 г.	Могильник	—	1	6049	A-А-1677
126	Тиберти Трудолюбовка	1946	1/XI—78 г.	Могильник	Чореф М. Я.	9	6052	A-А-1678-1686
127	Тиберти Трудолюбовка	1971	20/VIII—72 г.	гогнарные печи	Якобсон А. Л., Чореф М. Я.	214	6357	A-Г-7779-7992
128	Трудолюбовка	1972	26/III—45 г.	—	Высот- ская Т. Н.	35	6311—6312, 3351	A-Г-5446-5480
129	Уппа	—	13/XI—71 г.	Могильник	—	26	6242	A-Ж-2463-2488
130	Усть-Альма	1964	—	—	Высот- ская Т. Н.	91	5754—5844	A-Е-430-520
131	Усть-Альма	1968	3/XI—71 г.	Могильник	Высот- ская Т. Н.	145	5845—5988, 6206	A-Е-532-675, 15097.
132	Усть-Альма	1969	13/XI—71 г.	Могильник	Высот- ская Т. Н.	60	5989—6048	A-Е-676-735
133	Усть-Альма	1970	16/X—72 г.	Могильник	Высот- ская Т. Н.	349	5086—5087,	A-Е-736-1084
134	Усть-Альма	1971	16/X—72 г.	городище	Высот- ская Т. Н.	83	6248	A-Е-1085-1167
135	Усть-Альма	1971	16/V—77 г.	Могильник	Высот- ская Т. Н.	1	5088	A-Е-1168
136	Усть-Альма	1971	29/III—79 г.	Могильник	Хоменко В. Н.	257	6376	A-Е-1531-1787
137	Усть-Альма	1972	8/V—81 г.	городище	Высот- ская Т. Н.	106	6428	A-Е-9446-9551
138	Усть-Альма	1972	10/VII—80 г.	Могильник	Высот- ская Т. Н.	864	6425	A-Е-9732-10395
139	Усть-Альма	1973	16/V—77 г.	Могильник	Высот- ская Т. Н.	3331	5092—5102,	A-Е-1169-1224,
140	Усть-Альма	1974	16/V—77 г.	Могильник	Высот- ская Т. Н.	3008	6421	3367-6641.
141	Усть-Альма	1975	10/V—76 г.	Могильник	Высот- ская Т. Н.	514	5103—5115, 5134, 5137,	A-Е-1225-1386, 1526-1527,
142	Усть-Альма	1975	10/V—76 г.	городище	Лобода И. И.	65	6422	6642-9606, A-Е-1837-1527,
143	Усть-Альма	1976	16/XII—78 г.	Могильник	Высот- ская Т. Н.	154	6369	A-Е-1949-1988, 9618-9731
144	Усть-Альма	1976	16/XII—78 г.	городище	Высот- ская Т. Н.	172	6370	A-Е-1787-1948, 1528-1530,
145	Усть-Альма	1977	16/XII—78 г.	городище	Высот- ская Т. Н.	87	6372	11388-11395
146	Усть-Альма	1977	16/XII—78 г.	Могильник	Высот- ская Т. Н.	247	6371, 6380—6384	A-Е-1989-2075
					Лобода И. И.			A-Е-2076-2317, 3-374-377, 3п-16

1	2	3	4	5	6	7	8	9
147 Усть-Альма	1978 Усть-Альма	1978 Усть-Альма	1/II—80 г. 4/II—80 г.	могильник городище	Лобода И. И. Высот-ская Т. Н.	872 177	6415 6416	А-Е-2495-3366 А-Е-2318-2494
148 Усть-Альма	1978 Усть-Альма	1979 Усть-Альма	12/XII—82 г. 20/II—84 г.	могильник городище	Лобода И. И. Высот-ская Т. Н.	787 134	6709 7086	А-Е-12318-13104 А-Е-13105-13238
149 Усть-Альма	1979 Усть-Альма	1980 Усть-Альма	8/V—81 г. 8/V—81 г.	могильник городище	Лобода И. И. Высот-ская Т. Н.	652 140	6427 6427	А-Е-10596-11247 А-Е-11248-11387
150 Усть-Альма	1979 Усть-Альма	1981 Усть-Альма	10/VII—82 г.	городище	Лобода И. И. Высот-ская Т. Н.	115	6701	А-Е-11396-11510
151 Усть-Альма	1980 Усть-Альма	1981 Усть-Альма	10/VII—82 г. 20/XI—83 г.	могильник городище	Лобода И. И. Высот-ская Т. Н.	807 198	6700 7084	А-Е-11511-12317 А-Е-14191-14388
152 Усть-Альма	1980 Усть-Альма	1982 Усть-Альма	20/XI—83 г.	могильник	Лобода И. И. Высот-ская Т. Н.	952	7085	А-Е-13239-14190
153 Усть-Альма	1981 Усть-Альма	1983 Усть-Альма	19/V—84 г. 22/XII—86 г.	могильник городище	Лобода И. И. Высот-ская Т. Н.	412 107	7088 8273	А-Е-14389-14800 А-Е-14801-14907
154 Усть-Альма	1982 Усть-Альма	1983 Усть-Альма	6/VIII—85 г.	городище	Лобода И. И. Высот-ская Т. Н.	189	7680—7868	А-Е-14908-15096
155 Усть-Альма	1982 Усть-Альма	1984 Учан-Су-Исаар	26/III—45 г. 10/III—45 г.	— могильник	— Музей «пе- щерных горо- дов»	1 10	6156 6117	А-Ж-2462 А-Ж-2452-2461
156 Шантан-Мердвенъ	1982 Эфендикой	1985 1952	30/III—45 г. 23/XII—53 г.	— подъемный материал	Формо- зов А. А.	76 27	6244 6099	А-Ж-2489-2564 А-К-297-323
1. Чуфуг-Кале	1992	1993 г.	Дополнение (Лазаренко, 1992)	городище	Ганжа А. И.	435	8923	А-Г-8419-8853

ЛИТЕРАТУРА

Лазаренко Е. И. Археологические коллекции «пещерных городов» в фондах Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму.— Симферополь: Таврия, 1992.

Лазаренко Е. И. Лапидарная коллекция Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника. Каталог // История и археология юго-западного Крыма.— Симферополь: Таврия, 1993.

T. N. KРАСНОВА

КОЛЛЕКЦИЯ КЕРАМИЧЕСКИХ КУРИТЕЛЬНЫХ ТРУБОК ИЗ ФОНДОВ БГИЗК

В настоящей статье описывается коллекция курительных трубок (19 ед.) из фондов БГИЗК (рис. 1). На примере этой серии, основываясь на фактическом материале, мы даем представление о сырье, технологии изготовления, формообразования, видах и способах их декорирования.

Все описываемые трубы имели утраты венчика или мундштука, составляющие до 50 % общего объема изделия. Однако, сохранившийся профиль или аналог помогли провести их полную или частичную реставрацию (рис. 1, 4, № 5, 5, № 15, 9, № 14) и восстановить первоначальный вид.

Особенности формообразования позволили выделить несколько групп. Самую большую — 8 шт. (рис. 1, 1—2) представляют ангобированные трубы, чашечка которых имеет форму колокола, а мундштук — конуса, острье которого врезается в донышко чашечки постепенно теряя свой объем и разделяя ее на части. На № 16, 17, 18 (рис. 1, 2) клин доходит до середины чашечки, причем разделение объемов в этой части происходит только за счет рельефного геометрического орнамента (квадраты высотой 1 мм). Высота чашечки и мундштука равны. По характеру декора в этой группе можно выделить №№ 2, 9, 10, 12 (рис. 1, 1), на которых украшена только верхняя часть мундштука тремя рядами ленточного орнамента в виде рельефных столбиков высотой 1—2 мм, выполненных методом накатки, и №№ 16, 17, 18 (рис. 1, 2) — трубы меньшего размера, на которых украшены еще и чашечки контурным изображением символа катящегося солнца (солярный знак). На трубке № 11 декор отсутствует. Трубы № 2, 17, 18 (рис. 1, 1—2) отмечены знаком производителя, но из-за плохой сохранности клейма нечеткие.

К следующей группе можно отнести коричневые трубы разных оттенков — №№ 1, 6, 7 (рис. 1, 3) с невысокой ши-

рокой чашечкой и коротким утолщенным мундштуком. Высота чашечки и мундштука равны. Чашечка состоит из двух объемов: цилиндрического венчика и широкого полусферического тулова. Наружная часть венчика имеет слабо выраженную форму десятигранника. Для усиления зрительного восприятия грани оформлены двумя вертикальными полосами, выполненными в технике гравировки (вырезания) таким образом, что получены прямоугольные членения, заполненные тремя рядами цветочного орнамента, каждый элемент которого представляет половину цветка (рис. 1, 3), причем нижний ряд располагается уже на плечиках тулова и имеет перевернутое изображение. Тулово имеет такие же и вертикальные членения, как и венчик, только изменена центральная часть орнамента. Он представляет собой вертикально расположенный эллипс, окруженный мелкими лучами. Орнаменты выполнены в контурье с помощью штампа. Венчик утолщен и украшен рельефным геометрическим орнаментом в виде треугольников (№ 1) и квадратов (№№ 6, 7) (рис. 1, 3). Клиновидное соединение чашечки и мундштука, расположенное на донышке, выражено как объемом, так и ленточным орнаментом, выполненным накаткой. У основания мундштука трубки № 6 расположено клеймо (рис. 1, 3). Близка к этой группе по форме трубка № 5 (рис. 1, 4), однако большая потеря венчика чашечки не дает возможности судить о его декоре. Центральная часть чашечки орнаментирована рельефом из вытянутых шестиугольников.

Еще одну группу (рис. 1, 5) составляют трубки, покрытые красным (№ 15) и черным (№ 3) ангобом с цилиндрической чашечкой, перетянутой в средней части рельефным пояском, округлым донышком, мягко переходящим в тулово и коротким полусферическим мундштуком. Клиновидное соединение мундштука и чашечки выражено тонкой выгравированной линией на трубке № 3. Такие же линии проходят по центру мундштука.

Остальные группы представлены единственным экземпляром.

Трубка № 4 (рис. 1, 7) из светлой глины имеет усеченную книзу У-образную форму с широкой цилиндрической чашечкой и тонким мундштуком, обрамленным широким коническим ободком. Дно плоское. На изломах масса зернистая с большим количеством включений (возможно шамот).

Трубка № 8 (рис. 1, 8) из светлой глины. Мундштук составляет половину высоты и ширины чашечки. Верхняя — цилиндрическая половина чашечки — декорирована десятью поперечными рельефными полосами. Нижняя, мягко переходо-

дящая из цилиндра в полусферу донышка, имеет десять вертикальных членений, расположенных на небольшом расстоянии друг от друга. Место соединения мундштука и чашечки определено тонкой гравированной линией, образующей клин на донышке. Венчик мундштука имеет утолщенный ободок.

Форма чашечки трубы № 13 (рис. 1, 6) из красной глины представляет собой цилиндр, слегка вогнутый в центральной части с высоким венчиком и тулово, переходящим в слегка выпуклое дно. Мундштук утрачен. Тулово богато декорировано двумя рядами точечного ленточного орнамента, разделяющими на два яруса орнамент из концентрических окружностей и тонкие вертикальные ряды мелкого елочного орнамента (рис. 1, 6). Соединение мундштука и чашечки на донышке выражено объемом и обрамлено точечным орнаментом. Для изготовления этой трубы использовалась масса, аналогичная ангобу на трубках №№ 9, 10, 11, 18.

Трубка № 14 (рис. 1, 9) из коричневой глины. Венчик чашечки утрачен. Тулово сферической формы. Мундштук сильно утолщен в средней части, орнаментированной в виде чаши, наискось расположенным линиями точечного орнамента и гравированными линиями, и заканчивается высоким тонким ободком. Разделение этих объемов усилено рядом столбчатого орнамента. Верхняя часть сферы тулова чашечки украшена двумя рядами геометрического орнамента: нижний — треугольниками, верхний — вытянутыми шестиугольниками с изогнутыми внутрь сторонами и вписанными в них еще более вытянутыми шестиугольниками. Соединение двух основных частей трубы на донышке выражено как объемом, так и двумя рядами мелкого геометрического орнамента. По тыльной стороне мундштука расположены три ряда столбчатого орнамента. Все они выполнены в технике накатки. Внизу на боковой стороне чашечки имеется клеймо (рис. 1, 9).

Ангобированная трубка № 19 (рис. 1, 10). Чашечка в форме перевернутой трапеции, посаженной на круглое выступающее основание (донышко). Мундштук конический, переходящий в донышко, на котором заканчивается в виде выступающей трапеции. Высота чашечки и мундштука равны. Ленточный орнамент окаймляет венчик и нижнюю часть тулова чашечки.

По излому черепка, его фактуре, цвету, степени спекания, характеру обработки, декорирования изделия и т. д. можно судить о некоторых деталях его производства. В частности: для производства трубок использовалось различное керамическое сырье — карьерная (осадочная) и материковая глина (№№ 1, 2, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 14), глина с добавлением

отощающих материалов, например, шамота (№№ 3, 4, 2) и хорошо отмученная пластичная глина (№ 13). О содержании добавок: оксида железа и перекиси марганца, можно судить по цвету изделия. Наименьшее их количество в трубах №№ 4, 8, так как они имеют бледно-серый и слабо розовый цвета. С увеличением содержания железа цвет приобретает различные оттенки желтого, вплоть до коричневого и красного (№№ 1, 5, 6, 7, 9, 10, 11, 12, 13), а добавление марганца окрашивает их в темносерые и черные тона (№№ 2, 3) (Гольперина, 1971).

Все изделия выполнены ручной отминкой (лепкой) в формах, состоящих из двух частей. На гипсовую матрицу накладывалась пластичная глиняная масса влажностью 12—25 %. Тщательно проминалась, чтобы заполнилось вся внутренняя поверхность формы, и затем обе половины соединялись. Места стыков проминали особенно тщательно (ни на одном изломе в местах стыка форм не обнаружено пустот или воздушных пузырей). Следили, чтобы толщина пласта была примерно одинакова во избежание растрескивания (как на дне трубы № 1) или деформации при сушке и обжиге. В мундштуке длинным металлическим прутом со слегка загнутым концом продевалось отверстие (после него остается характерный след на внутренней поверхности чашечки в месте ее соединения с мундштуком). После подсыхания слегка влажное изделие вынимали из формы и зачищали (на №№ 11, 14, 15, 17, 18 остался заметный шов).

Чтобы скрыть истинную окраску черепка или придать изделию большую декоративность, некоторые трубы покрывались ангобом: красным (№№ 9, 10, 11, 12, 16, 17), черным (№№ 2, 3). Причем, слой ангоба довольно тонкий: иногда настолько, что просвечивает истинный цвет основы (№№ 10, 11). Наиболее толстый слой ангоба на трубке № 2. При ее производстве не были соблюдены все технологические требования, поэтому связь основы (черепка) с ангобом слабая, вследствие чего наблюдается его отслоение и осыпь. Во всех остальных случаях использовали очень жидкую шликер. На его изготовление шли силикатные композиции, состоящие из песка, легкоплавких железистых и высококачественных глин — для получения красных и коричневых цветов, а для черных — использовали добавки оксида железа и марганца (Лукич, 1979; Миклашевский, 1971; Августинник, 1975; Акунова, Крапивин, 1984).

Декор паносился на хорошо подвяленное изделие, которое без труда могло удерживать форму. Получение рельефного изображения закладывалось в форму (рис. 1, 8, № 8), спе-

циальными колесиками накатывали различные виды ленточного орнамента, а использование штампа увеличивало арсенал художественных средств мастера (Акунова, Крапивин 1984).

Дальнейшее изучение и публикация новых материалов о керамических курительных трубках позволит расширить наше представление о развитии декоративно-прикладного искусства позднего средневековья, выявить центры производства, а также датировать их с большой степенью вероятности.

ЛИТЕРАТУРА

Августинник А. И. Керамика.—Л.: Промстройиздат, 1975.
Акунова Л. Ф., Крапивин В. А. Технология производства и декорирования художественных керамических изделий.—М.: Высш. школа, 1984.

Гольперина М. К. и др. Глины для производства керамических изделий.—М.: Технiform, ЦНИИ ТЭстрома, 1971.

Лукич Г. Е. Конструирование художественных изделий из керамики.—М.: Высш. школа, 1979.

Миклашевский А. И. Технология художественной керамики.—Л.: Стройиздат, 1971.

И. Н. ХРАПУНОВ, Л. Н. ХРАПУНОВА,
Е. Е. ТАРАТУХИНА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ КРЫМСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ.

Предшественник Крымского краеведческого музея Центральный музей Тавриды был создан в 1922 г. в результате слияния трех организаций: археологического отделения при историко-географическом музее Симферопольской мужской гимназии, Симферопольского музея древностей при Таврической ученой архивной комиссии и Естественно-исторического музея при Таврической тубернской земской управе. Первые два учреждения, как явствует из их названий, имели собрания древностей.

Музей при Симферопольской мужской гимназии был открыт в 1887 г. Пополнялся он, главным образом в результате экскурсий, которые регулярно совершали ученики и пре-

подаватели на разные, в том числе и археологические, памятники (Первая учебная экскурсия..., 1889; Вторая учебная экскурсия..., 1888; Третья учебная экскурсия..., 1890).

В 1887 г. была основана Таврическая ученая архивная Комиссия (ТУАК). Одной из важнейших своих задач Комиссия считала работу по сбору и хранению археологических памятников (ИТУАК, 1897, с. 20—21). Созданный в 1889 г. членами ТУАК Симферопольский музей древностей пополнялся экспонатами, полученными при раскопках, которые вели члены Комиссии и другие, работавшие в Крыму, ученые. Немалую долю в коллекциях музея составляли вещи, принесенные в дар и купленные у коллекционеров или случайных людей.

В 1909 г. музей Комиссии принял на хранение экспонаты, находившиеся в музее Симферопольской мужской гимназии. Таким образом, слились оба археологических собрания, существовавшие до этого в Симферополе.

В 1920-е—1930-е гг. в Центральный музей Тавриды, переименованный перед Великой Отечественной войной в Центральный музей Крыма, передавали находки, главным образом, экспедиции, в которых участвовал заместитель директора по научной работе и заведующий археологическим отделом Н. Л. Эрнст.

Война нанесла огромный ущерб собранию музея. Наиболее ценные вещи отправили в эвакуацию, где они бесследно исчезли, часть находок экспроприировали оккупанты. Утеряны довоенные книги поступлений, поэтому сейчас нельзя составить полное представление о коллекциях, ранее хранившихся в музее.

После войны музей получил свое нынешнее название. Фонды пополнялись, впрочем, весьма нерегулярно, различными, работавшими в Крыму, обычно в окрестностях Симферополя, экспедициями.

В настоящее время археологические коллекции насчитывают более 26 тыс. экспонатов, относящихся ко всем эпохам, изучаемым археологией.

Ниже мы по хронологическому принципу охарактеризуем наиболее интересные материалы, хранящиеся в музее.

Палеолит

В 1922—1937 гг. в Центральном музее Тавриды работал Н. Л. Эрнст. Он принимал участие практически во всех раскопках Крымской палеолитической экспедиции, возглавляемой Г. А. Бонч-Осмоловским (Эрнст 1931). Поэтому в музей поступили находки из основных раскопочных объектов экс-

педиции. В частности, из мустырской стоянки Кник-Коба (Бонч-Осмоловский 1940; 1941; 1954) и верхнепалеолитической — Сюрень I (Векилова 1957). В 1928—1936 гг. Н. Л. Эрнст исследовал мустырскую стоянку Чокурча на окраине Симферополя (Эрнст, 1929; 1934). Судьба находок из этого памятника печальна. Многое хранилось в квартире Н. Л. Эрнста и пропало где-то в недрах НКВД после его ареста (Храпунов, 1989, с. 112). Другая часть коллекции находилась у П. А. Двойченко в Геологическом кабинете Крымского педагогического института (Письмо Н. Л. Эрнста — С. Н. Олтаржевской). Известно, что П. А. Двойченко во время оккупации Крыма фашистами перебрался в Одессу. Возможно, поэтому часть вещей из Чокурчи оказалась в Одесском археологическом музее (Колосов, 1960). Некоторые находки, очевидно, попали к немцам. Во всяком случае, одно из орудий, по сообщению Е. А. Векиловой, после войны было возвращено в СССР из ФРГ. Впрочем, не исключено, что фашисты захватили находки, которые сделал Б. И. Татаринов, руководивший раскопками Чокурчи в 1940. Ныне в Крымском краеведческом музее хранится небольшая коллекция орудий и кости мамонта из этой стоянки.

Несколько кремневых орудий, переданных в музей А. А. Щепинским, происходят из известной мустырской стоянки Кабази (Щепинский, 1954) и из сборов 1970—1971 гг. в районе Ак-каи.

Мезолит

Наиболее крупная коллекция мезолитических орудий, из хранящихся в музее, найдена в той части стоянки Сюрень II, которая была раскопана Крымской палеолитической экспедицией (Бонч-Осмоловский 1934). Довольно много микролитов обнаружено в разные годы на яилах. Некоторые из них снабжены пометками «с Бабугана», «с Гурзуфского седла», «у оз. Сарыголь» и др. Частично эти изделия собраны известным симферопольским краеведом С. И. Забниным, причем некоторые после появления его публикации (Забнин 1918). Другие, возможно, найдены Н. Н. Клепининым (Клепинин 1918) или А. С. Моисеевым (Моисеев 1920).

Известно, что активное участие в работах на яиле принимал Н. Л. Эрнст (Жуков 1927, с. 25). Может быть, какие-то из хранящихся в музее артефактов, собраны им, хотя утверждать это сейчас невозможно. Еще одна коллекция из 132 микролитических орудий, обнаруженных на стоянке Зуя I, передана в музей симферопольским врачом, членом ТОИАЭ В. В. Лоренцем.

Неолит.

Неолитическая эпоха представлена кремневыми изделиями и фрагментами керамической посуды, найденными С. И. Забниным на месте известной Ай-Петринской стоянки Балин-Кош. Несколько сот не опубликованных кремневых изделий в разные годы обнаружены в саду Щербины, который располагался на месте нынешнего Детского парка в Симферополе.

Еще одна довольно обширная коллекция (309 единиц), собранная близ с. Денисовка Симферопольского района, также не опубликована.

Эпоха бронзы.

В 1927 г. С. И. Забин собрал у села Ново-Федоровка Сакского района фрагменты каменных орудий и обломки сосудов. Небольшие работы на этом поселении провела О. А. Махнева. Она исследовала расположенные в том же районе поселения эпохи поздней бронзы у сел Ивановка и Михайловка. Все находки из этих памятников в 1977 году переданы в музей.

Альминские стоянки конца бронзового — начала железного века представлены многочисленными обломками керамики и кремневыми изделиями. Эта коллекция начала формироваться еще членами ТУАК, затем пополнялась С. И. Забним, в 1921 г.—Н. Л. Эрнстом. Некоторые вещи поступили из раскопок 1938 г., но кто их проводил, в книге поступлений не указано.

В музее осталось несколько находок из кургана, раскопанного в 1925 г. Н. Л. Эрнстом у с. Красная Горка под Симферополем (Эрнст 1925, л. 9).

Хранятся в фондах лепные сосуды и кремневые изделия из эпонимного для археологической культуры памятника — кургана Кеми-Оба под Белогорском.

Керамические сосуды, каменные и бронзовые изделия всех известных в Крыму степных культур эпохи бронзы представлены в коллекции из раскопок сезонов 1962—1964 гг. Северо-Крымской экспедиции.

Охранные исследования курганов вели сотрудники музея. Так, в 1980 г. И. Н. Храпуновым был раскопан курган у с. Вилино Бахчисарайского района (Храпунов 1992а), в том же году В. А. Колотухиным и И. Н. Храпуновым курган у с. Жемчужина Нижнегорского района, в 1979 г. С. Г. Колтуховым и И. Н. Храпуновым — курган у с. Приречное Ниж-

негорского района. В этих курганах наряду с могилами, относящимися к разным культурам эпохи бронзы, раскопаны скифские и средневековые погребения.

А. А. Щепинский передал в музей находки из кургана у с. Зольное, но не из известного впускного погребения эпохи раннего железа (Щепинский 1962), а из основного захоронения эпохи бронзы.

В 1963 г. в книгу поступлений были записаны вещи из кургана «Елохина могила», расположенного близ Симферополя. Это миниатюрный сосуд, заполненный охрой, маленькое бронзовое тесло, кремневый наконечник стрелы, кремневые наконечники дротиков лавролистной формы. О самом кургане больше ничего не известно, но находки получены от А. А. Щепинского. Датируются они, вероятно, временем существования древнеямной культуры.

В 1926 г. из кургана у Карабана, что на Южном берегу Крыма, поступил острореберный горшок срубного времени (Лесков 1965, с. 138, рис. 35, 3). Еще один сосуд эпохи бронзы, орнаментированный отпечатками полой трубочки, найден в кургане Бай-Коченлы неким г. Додоковым, и стараниями Ю. Кулаковского попал в музей.

Курганы, которые находились на месте нынешнего Симферопольского водохранилища, содержали погребения как эпохи бронзы, так и кизил-кобинской культуры (Столяр, Щепинский 1980, с. 85; 1981). Найденные при их раскопках, хранятся ныне в музее.

Кизил-кобинская культура

Кизил-кобинская культура представлена находками, главным образом, из трех пунктов. Первый из них — эпонимное для культуры поселение у пещеры Кизил-Коба. С. И. Забин произвел там сборы еще в 1915 г., задолго до того, как сама дефиниция «кизил-кобинская культура» была введена в научный оборот Г. А. Бонч-Осмоловским (Бонч-Осмоловский 1926, с. 91). Вероятно, ни один год собирали в районе Кизил-Кобы подъемный материал В. В. Лоренц, а затем передал свою коллекцию в музей. О третьей группе артефактов из Кизил-Кобы в книге поступлений сказано: «Из раскопок Эрнста, 1921 г.». Сам Н. Л. Эрнст отмечал, что эти раскопки произведены им совместно с Г. А. Бонч-Осмоловским (Эрнст 1931, с. 78). И С. И. Забин, и В. В. Лоренц, и Н. Л. Эрнст передали, в общем, однотипные материалы. Во всех трех коллекциях преобладают обломки лощеных сосудов с врезным ор-

наментом, довольно много кремневых изделий, единичны наконечники стрел скифских типов и раковины каури.

Еще одна значительная группа кизил-кобинских материалов происходит из так называемого Симферопольского поселения, расположенного на восточном склоне Петровских скал (Дашевская 1951).

Третье кизил-кобинское поселение, представленное в фондах многочисленными находками — Чумакары. Оно было открыто А. А. Щепинским (Щепинский 1957 а). Им же собран подъемный материал: фрагменты типичных кизил-кобинских сосудов и кремневые изделия, главным образом, ножевидные пластины.

В коллекции В. В. Лоренца имеются обломки кизил-кобинских сосудов, зернотерки и прядильца, обнаруженные им близ с. Нейзац (ныне Красногорское Белогорского района) (Бонч-Осмоловский 1926, с. 77, 92). По нескольку кизил-кобинских черепков он нашел в пещерах Кош-Коба (Бонч-Осмоловский, 1926, с. 76, 92) и Змеиная. Керамику, относящуюся к той же культуре, собирая в Змеиной пещере и С. И. Забинин¹.

В музее сохранился отчет научного сотрудника В. Завьялова, который в мае 1941 г. наблюдал за земляными работами в симферопольском парке «Салгирка». В результате этих работ были открыты разновременные памятники. В их числе каменный склеп, вероятно XIX в., несколько погребений, рядом с которыми обнаружена черепица — «татарка», еще одна, разрушенная рабочими, могила с бусами и бронзовым колокольчиком, что, может быть, указывает на ее позднескифскую принадлежность. Кроме того, В. Завьялов на небольшом участке зачистил слой кизил-кобинской культуры с очагом и многочисленными обломками лепных сосудов. В фондах сохранилось несколько фрагментов кизил-кобинских сосудов, бусы и кованые гвозди (Материалы по обследованию склепа, открытого в 1941 г. на территории учебного хозяйства сельхозинститута. Архив Крымского краеведческого музея. КП-26136.)

В последние годы собрание музея пополняется находками из кизил-кобинского поселения Шпиль, расположенного близ с. Дружное Симферопольского района (раскопки И. Н. Храпунова). Там, наряду с обычными кизил-кобинскими сосуда-

¹ Не вполне ясно, откуда эти находки, из Змеиной пещеры, расположенной в нескольких километрах к западу от Симферополя (Щепинский 1951, с. 113, рис. 3), или из пещеры, которая находится в Змеиной балке, южнее с. Сюрень (Танковое) (Бонч-Осмоловский 1926, с. 77, 91). Более вероятно второе предположение.

ми и скифскими наконечниками стрел, обнаружены фрагменты позднехиосских, фасосских и, особенно многочисленных, гераклейских амфор (в том числе клейменных). На поселении Шпиль найдены также разнообразные изделия из слабообожженной глины, в частности, антропоморфные и зооморфные статуэтки.

Скифские подкурганные погребения.

В музее хранится часть находок из известных крымских курганов, раскопанных в конце прошлого — начале нынешнего века. Таковы курганы на землях Пастака (ОАК за 1892 г., с. 6—13). Талаевой (ОАК за 1890 г., с. 10; ОАК за 1891 г., с. 76—79; ОАК за 1895 г. с. 9—10), Бобовича (ОАК за 1895 г., с. 16), Крыма (ОАК за 1895 г. с. 13—14). Не имеет смысла характеризовать находки из этих памятников, так как это достаточно подробно сделала Т. Н. Троицкая (1957 а).

В 1924 г. Н. Л. Эрнст раскопал несколько небогатых скифских подкурганных погребений у с. Бахчи-Эли (ныне в черте Симферополя). Полностью результаты раскопок не опубликованы (отчет и полевая документация находятся в Крымском краеведческом музее), но вещи сохранившиеся в фондах, упоминались в изданиях неоднократно (Троицкая 1951, с. 90—92; 1957 а, с. 175, 179; 1957 б, рис. 4; Крис 1976, с. 242).

Е. Н. Черепанова передала находки из скифского погребения у с. Надежда (Черепанова, 1985), а С. Г. Колтухов — из кургана у с. Гришино (Вдовиченко, Колтухов, 1986).

Некоторые вещи происходят из разграбленного, вероятно, скифского погребения, в кургане, расположенном близ с. Урожайное. Это фасосская и гераклейская амфоры, браслет и многочисленные наконечники стрел.

В Советском районе найдены три целые клейменные гераклейские амфоры, которые, очевидно, и находились в разрушенном скифском подкурганном погребении.

А. В. Гаврилов раскопал скифское погребение у с. Фрунзе Нижнегорского района. В Кировском районе он исследовал поселение скифского времени, из которого происходят обломки лепной керамики, боспорские монеты, ручки амфор с клеймами, наконечники стрел и другие вещи. У с. Емельяновка Нижнегорского района также, вероятно, находилось скифское поселение IV в. до н. э. Во всяком случае, в 1965 году А. А. Щепинский собрал там и передал в музей большое количество обломков амфор из разных центров.

В музее хранится большая коллекция скифских наконечников стрел. Значительную часть составляют находки переданные из керченской гимназии Свищева, имеются также наконечники из сел Гвардейское и Заводское (ближайшие окрестности Симферополя).

Позднескифские памятники

Крымский краеведческий музей располагает крупнейшим собранием позднескифских древностей. Основу его составляют находки из раскопок столицы позднескифского государства, которую многие исследователи отождествляют с Неаполем Скифским.

Все время существования ТУАК члены Комиссии старались наблюдать за строительными и другими работами на территории городища и, особенно, некрополя Неаполя. Оснований для такой деятельности было более чем достаточно: Западный некрополь, расположенный на склоне Собачьей (ныне Петровской) балки, активно застраивался, причем камни для строительства обычно добывались из стен древних построек на городище (Маркевич 1929, с. 5, 11, 13). Некоторые симферопольские обыватели имели, по-видимому, специальные «археологические» интересы. Недаром 5 апреля 1876 г. городская управа выдала мещанину Алексею Захлебному свидетельство, дающее право искать на Неаполе клады (Письмо ТУАК в ИАК). Членам ТУАК иногда удавалось доследовать разграбленные погребения, но чаще дело сводилось к сбору вещей, которые оказывались у грабителей и не представляли для них большой ценности. Информация о спасенных памятниках публиковалась на страницах «Известий» Комиссии (См. напр. Ящуржинский 1889; Веселовский 1891). В результате в музее собралась довольно большая коллекция, насчитывающая сотни изделий: краснолаковые и лепные сосуды, разнообразные бронзовые и железные предметы, бусы и некоторые другие вещи. Практически все они не опубликованы (исключения см. Колтухов 1893; Сымонович, 1983, рис. 6). В 1926 г. Н. Л. Эрнст произвел первые крупномасштабные исследования Неаполя Скифского (Эрнст 1927). Вещи из этих раскопок пополнили фонды музея.

Находки из раскопок Тавро-Скифской экспедиции, которая исследовала городище с 1945 до конца 1950-х гг. (Шульц 1957; Высотская 1979), частично оказались в Симферополе, частично — в Бахчисарае. Некоторые ценные вещи, например, серебряная тарелка боспорской царицы Гипеперии (Яценко, 1962), были переданы в Государственный исторический му-

зей в Москве. В Крымском краеведческом музее хранится практически весь погребальный инвентарь из восточного некрополя Неаполя, добытый раскопками Тавро-Скифской экспедиции (Бабенчиков 1957; Сымонович 1983). Имеется также некоторое количество вещей из Мавзолея скифской знати, но наиболее ценные предметы из этого памятника находятся ныне в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (г. Москва).

Последние крупные поступления связаны с раскопками Неаполя и его некрополя, которые вела в 1978—1987 гг. экспедиция Института археологии АН Украины под руководством О. А. Махневой (Колтухов, Махнева 1988; Колтухов 1990; Пуздовский 1992).

Второе по размерам позднескифское городище — Кермен-Кыр (другие наименования Сарайлы-Кият, Красное). Известно, что в 1929 г. его исследовал Н. Л. Эрнст (Эрнст 1930, лл. 25—27), а в 1945 и 1951 гг. Тавро-Скифская экспедиция (Дашевская 1957). Находки из раскопок обеих экспедиций хранятся в музее. Кроме них, имеются весьма многочисленные фрагменты амфор и краснолаковых сосудов, обнаруженные разведками С. И. Забнина в 1925 г. и неизвестного лица в 1938 г. Отметим клеймо на ручке родосской амфоры фабриканта 'Аотца со звездами по углам (Рис. 1, 1), которое С. И. Забнин нашел в окрестностях городища Сарайлы-Кият². Д. Б. Шелов отмечал, что данных для хронологического определения этого фабриканта нет, но стиль и шрифт позволяют отнести его клейма ко времени не ранее второй половины II в. до н. э. (Шелов 1975, с. 90).

Еще один значительный позднескифский памятник — Булганакское городище — изучался экспедиций Симферопольского университета в 1981—1991 гг. (Храпунов 1991). Той же экспедицией исследовалось поселение Золотое Ярмо близ с. Дружное (Храпунов, 1992 б, см. также публикацию И. Н. Храпунова и др. в этом сборнике). Все находки из этих раскопок переданы в музей.

С. Г. Колтухов пополнил фонды находками из поселения Доброе (Мамут-Султан) (Колтухов 1980; 1981; Пуздовский 1988).

Подъемный материал с поселений Алма-Томак (Усть-Альминское), Кара-Тобе, Мамут-Султан (Доброе), Тас-Тепе, Ягумурча (Залесье), вероятно, собран Н. Л. Эрнстом. Во всяком

² Здесь и далее амфорные клейма определены Н. Ф. Федосеевым, которому мы приносим глубокую благодарность.

случае, все эти позднескифские городища, кроме Кара-Тобе, со ссылкой на доклад Н. Л. Эрнста перечислены в книге В. Ф. Гайдукевича (Гайдукевич 1949, с. 530—531).

Весьма интересны материалы из расположенной вблизи Симферополя Змеиной пещеры. Ее неоднократно обследовали Н. Л. Эрнст и С. И. Забнин (Протоколы заседания ТОИАЭ, лл. 12, 75) которые предполагали наличие в ней позднескифского могильника и собрали подъемный материал. Однако характер находок позволяет заключить, что они обнаружены, по крайней мере частично, не в разрушенных погребениях, а на расположенным рядом поселении (Щепинский 1975 б, с. 314—315). Это фрагменты позднеантичных амфор и краснолаковых сосудов, соответствующая им по времени лепная керамика, браслет, бусы. Особое значение для установления хронологии памятника имеют находки фибулы и двух амфорных клейм. Фибула (рис. 1, 4) раннелатенской схемы, точнее так называемого неапольского варианта. А. К. Амброз датировал такие застежки I в. до н. э. (Амброз 1966, с. 22), Б. Ю. Михлин — второй-третьей четвертью I в. до н. э., не исключая в качестве нижней даты конец II — начало I вв. до н. э. (Михлин 1980, с. 200).

Одно из амфорных клейм 'επί Τηλεφαθ [eos]/Θασιοθ с изображением кадуцея (Рис. 1, 2) принадлежит Фасосу и датируется 340—330 гг. до н. э., другое 'επί Δαη/μφος/εμίνθιον (Рис. 1, 3) — Родосу, его можно отнести ко II в. до н. э.

В связи с большой редкостью памятников античного времени на Южном берегу Крыма, отметим фрагмент двухствольной ручки светлоглиняной амфоры I в. до н. э.—I в. н. э., обнаруженный А. А. Бобринским около Гурзуфа.

Позднескифские могильники, кроме Неапольского, представлены находками у с. Дмитрово (Высотская, Махнева 1983, с. 66—73), в Тавельских курганах (Троицкая 1957а, С. 66—73) и в могиле у с. Саблы (ныне Партизанское), раскопанной П. А. Двойченко (ИТУАК, 1914, с. 289—290). Упомянем здесь и разнообразный инвентарь из сарматского по-требления, открытого у с. Константиновка (Орлов, Скорый 1989).

Могильники позднеримского времени

Музей располагает весьма значительным собранием находок из могильников, которые датируются второй половиной III—IV вв. н. э. Основу этой коллекции составляют предметы погребального инвентаря из могильника Дружное. В том

числе, амфоры, лепные, стеклянные и краснолаковые сосуды, предметы вооружения (мечи, копья, наконечники стрел, боевой топор), украшения (серги, кольца, браслеты, гривны, бусы), пряжки, фибулы, орудия труда (ножи, шилья, кузачные инструменты) и многие другие вещи (раскопки И. Н. Храпунова).

А. Е. Пуздовский передал находки из склепа, одновременного дружненским, который он раскопал в Перевальном.

Из разрушенного могильника близ Мангуша (ныне с. Прохладное) еще в начале века в музей переданы лепные краснолаковые сосуды, топорик и гривна (Высотская 1972, с. 87—88, рис. 8, 24).

Могильник Нейзац, расположенный в долине реки Зуя, был частично разрушен крестьянами (Высотская, Махнева 1983, с. 73—74). Из раскопок доследовавшего памятник Н. Л. Эрнста сохранились известная серебряная бляха с сарматским знаком (Шульц 1957, рис. 14e), кольца от конской сбруи, бусина, обломки серебряных и бронзовых пластин. Крестьянин из с. Барабаново нашел, по-видимому также в разрушенных погребениях Нейзата, бронзовые браслеты с завязанными концами, бусину и прядильце.

К позднеримскому времени относятся ранние комплексы могильника Лучистое, большинство погребений которого принадлежат к эпохе средневековья.

Из раскопок И. Бороздина и А. С. Башкирова некрополя в Александриаде на Гераклейском полуострове (Бороздин, 1925, с. 21—23) сохранились только шесть краснолаковых сосудов III—IV вв. н. э.

АНТИЧНАЯ ЭПОХА

В Крымском краеведческом музее нет вещей, которые были получены в результате планомерных раскопок какого-либо античного памятника. Однако собрание предметов, бесспорно изготовленных в античных мастерских, весьма обширно. В лучшем случае они снабжены пометками: «из коллекции ТУАК», «из Керченского музея», «из Херсонеса», «из гимназии Свищева». В 1925 году Центральный музей Тавриды по акту получил от Севастопольского Охриса 182 предмета из коллекции А. Я. Гидалевича (Опись коллекции А. Я. Гидалевича. Архив Крымского краеведческого музея. КП-26109). Это чернофигурные, краснофигурные, краснолаковые, стеклянные сосуды и терракоты. В качестве «предполагаемого места происхождения» в некоторых случаях указаны Керчь, Херсонес, Ольвия. Подлинность отдельных находок,

судя по пометкам на акте, вызывала сомнение у Н. Л. Эрнста и П. И. Голландского. Коллекция А. Я. Гидалевича сохранилась до настоящего времени не полностью.

Кое-что из античных вещей получено в дар от Н. Н. Клепинина, А. А. Бобринского, К. К. Косцюшко-Валюжинича, С. И. Забнина. Есть находки, происхождение которых нельзя установить даже приблизительно.

Собрание античных древностей насчитывает несколько сотен экземпляров, ни один из которых не опубликован. Среди них чернофигурные, чернолаковые, краснолаковые, другие гончарные и стеклянные сосуды, терракоты, светильники, грушила, черепицы, мозаика. Отдельно хранится несколько десятков амфорных клейм.

Средневековые памятники

В музее находятся первоклассные по составу и сохранности вещи, многочисленные коллекции из раннесредневековых могильников Лучистое и Эски-Кермен. Многие находки из этих могильников опубликованы А. И. Айбабиным (Айбабин 1990, Aibabiñ, 1994, S. 129—135). Еще один раннесредневековый могильник — Узень-Баш (Скеля) представлен материалами из раскопок Н. Л. Эрнста (Эрнст 1926).

Значительные собрания поступили из раскопок Тепсепя (Фронджуло 1968 а) и салтово-маяцкого поселения Тау-Кипчак (Баранов 1990, с. 26—34, 37—45).

Результаты раскопок печей в Чобан-Куле и Мисхоре представлены различными остатками гончарного производства (Фронджуло 1968 б, с. 136—138; Якобсон 1979, с. 39—51). Свои находки из раскопок в Судаке и его окрестностях в 1964—1966 и 1975—1976 гг. передал М. А. Фронджуло. Кроме того, в музее имеются случайно обнаруженные в разные годы в Судаке сосуды, в том числе поливные, и металлические изделия.

«Пещерные города» Юго-Западного Крыма представлены не очень выразительными находками. Это, в основном, подъемный материал, который был обнаружен на Мангупе Абдураманчиковым, служившим там одно время сторожем, и С. И. Забниным, на Эски-Кермене — Н. Л. Эрнтом (Эрнст 1929 б), на Бакле — В. В. Лоренцем, на Тепе-Кермене — С. И. Забниным. В музее оказались фрагменты мозаики, обнаруженной на Мангупе Ф. А. Брауном, а также несколько ядер, использовавшихся турками при штурме города в 1475 г.

Резко выделяется на этом фоне клад золотых вещей из раскопок А. Г. Герцена на Мангупском мысе Тешкли-Бурун

(Герцен 1980). С Баклы происходят немногочисленные находки 1929 г. (вероятно, из раскопок Н. Л. Эрнста) (Эрнст 1930), и в 1959—1960 гг. из экспедиции, руководимой Е. В. Веймарном.

В фондах хранятся случайные находки из Балаклавы (керамика, светильники, бусы) и Старого Крыма (фрагмент поливного сосуда, амфора, фляга, изразцы).

О. А. Махнева передала материалы из своих раскопок средневековых поселений у Фороса и Симеиза, а также могильника у с. Оползневое.

Самостоятельный интерес представляет фигурный бронзовый водолей из Кизил-Таша (Лапковская 1958).

Нумизматика.

Монеты, обнаруженные в ходе раскопок, хранятся вместе с материалами соответствующих экспедиций. Отдельно содержатся клады и монеты, полученные в дар или купленные музеем и не связанные с археологическими комплексами. Среди них случайно найденная в 1985 г. на территории Неаполя Скифского монета Скилура — единственная, обнаруженная в Крыму монета этого скифского царя. Имеются монеты, чеканенные в Ольвии, Херсонесе, Пантикее, Фанагории, а также от имени разных боспорских царей.

В музее хранится клад римских монет, найденный близ с. Прибрежное (Гилевич 1965). Монеты многих римских императоров, а также несколько византийских и херсонеско-византийских монет приобретены в разное время у случайных людей.

Джучидские монеты и монеты, чеканенные крымскими ханами, составляют солидную коллекцию, насчитывающую сотни экземпляров.

В заключение отметим, что в музее имеется множество монет, которые не изучались нумизматами и потому не определены.

Лапидарий

В лапидарии собраны различные каменные изваяния, плиты с рельефными изображениями и памятники лапидарной эпиграфики.

Здесь хранится знаменитая бахчи-элинская стела с древнейшими в Восточной Европе изображениями пахотных орудий (Краснов 1987, с. 79—81). Два грубых антропоморфа, вероятно III тыс. до н. э., найдены А. А. Щепинским у с. Емен-

льяновка Нижнегорского района и на кургане у Чокурчи (окраина Симферополя). Чокурчинское изваяние имеет чашевидные углубления.

К раннескифскому времени относится нижняя часть стелы из с. Дятловска (Надежда) (Шульц 1976, рис. 7, 1, Ольховский 1990, рис. 3 б) и несколько неизданных весьма примитивных изваяний, собранных в разные годы в степном Крыму.

Позднескифские произведения каменной пластики представлены трехярусной стелой из Кермен-Кыра (Дашевская 1991, рис. 45, 1) и двухярусной из Джан-Баба (Марьино) (Дашевская 1991, рис. 45, 3); надгробием из Фоти-Сала (Голубинка) (Дашевская 1991, рис. 43, 1), обломком плиты из Неаполя с изображением человеческого лица (Дашевская 1991, рис. 44, 1) и грубым антропоморфом из Кермен-Кыра (Дашевская 1991, рис. 42, 9).

Надписи на боспорских надгробиях изданы в КБН (КБН №№ 34, 73, 272, 312, 605, 659, 685, 890, 892). Беломраморная плита с посвящением богам Манам найдена в Риме и попала в музей, скорее всего, из собрания великого князя Александра Михайловича (Соломоник 1976, с. 314—317). Две мраморные плиты, одна с изображением Диониса, другая — Артемиды, обнаружены в Хараксе (Ростовцев 1911, табл. III, 2, V, 13).

Из Тесеня привезено несколько христианских надгробий (Бабенчиков 1958, рис. 14), в Узень-Баше экспедицией АН СССР в 1958 г. найдена антропоморфная надгробная стела. Известняковая плита с гравированным изображением тюркского всадника обнаружена в с. Донское (Баранов 1990, рис. 57).

Мраморная плита из Старого Крыма на одной стороне имеет надпись 1309 г. на арабском языке, на другой — надпись 1417 г.— на иврите (Маркевич 1892, с. 128—129). Строительная надпись 1474 г. принадлежит консулу Кафы Батиста Джустини (Стевен 1889).

Большая группа половецких изваяний сформировалась из находок разных лет в степном Крыму, но ни одно из них не найдено в результате археологических раскопок.

В лапидарии хранятся многочисленные мусульманские надгробия, обнаруженные в разных районах Крыма. Очень интересны несколько десятков антропоморфных стел из с. Портовое (Сары-Булат) Раздольненского района, на каждой из которых высечен тамгообразный знак.

* * *

Из приведенного выше материала можно заключить, что Крымский краеведческий музей располагает весьма обширными археологическими коллекциями, относящимися ко всем периодам истории первобытного, древнего и средневекового Крыма. Многие экспонаты представляют самостоятельный научный интерес, но далеко не все они опубликованы. Хранящееся в музее собрание позднескифских древностей не имеет равных по количеству и разнообразию находок. Разнообразными, часто уникальными, вещами представлены позднеримские и раннесредневековые могильники. В то же время, эпоха развитого и позднего средневековья, представлены немногочисленными коллекциями, в значительной степени состоящими из подъемного материала. Античные венцы, многие из которых очень интересны сами по себе, сплошь депаспортизированы. Единственный путь для исправления такого положения дел — организация собственных раскопок или участие в их финансировании, с условием передачи находок, от экспедиций других организаций. Полевые археологические исследования позволят музею целенаправленно создавать недостающие коллекции и вместе с тем, пополнять уже существующие.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени. // МАИЭТ.— Симферополь: Таврия, 1990.— Вып. 1.
Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР.— М.: Наука, 1966.
Бабенчиков В. П. Некрополь Неаполя скифского // ИАДК.— Киев: Изд-во АН УССР, 1957.
Бабенчиков В. П. Итоги исследования средневекового поселения на холме Тесенец // История и археология средневекового Крыма.— М.: Изд-во АИ СССР, 1958.
Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура).— Киев: Наук. Думка, 1990.
Бонч-Осмоловский Г. А. Доисторические культуры Крыма // // Крым.— 1926.— № 2.
Бонч-Осмоловский Г. А. Итоги изучения Крымского палеолита // Труды II Международной конференции Ассоциации по изучению четвертичного периода.— 1934.— Вып. 5.
Бонч-Осмоловский Г. А. Гrot Кики-Коба.— М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1940.
Бонч-Осмоловский Г. А. Кисть ископаемого человека из грота Кики-Коба.— М.; Л.; Изд-во АН СССР, 1941.
Бонч-Осмоловский Г. А. Скелет стопы и голени ископаемого человека из грота Кики-Коба.— М.; Л.; Изд-во АН СССР, 1954.

- Бороздин И. Новейшие археологические открытия в Крыму.—М., 1925.
- Вдовиченко И. И., Колтухов С. Г. Курган скифского времени в Северном Крыму // СА.—1986.—№ 2.
- Векилова Е. А. Стоянка Сюрень I и ее место среди палеолитических местонахождений Крыма и ближайших территорий // МИА.—1957.—№ 59.
- Веселовский Н. И. Скифский всадник // ИТУАК.—1891.—№ 14.
- Вторая учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии. Бахчисарай и его окрестности.—Симферополь, 1888.
- Высотская Т. Н. Поздние скифы в юго-западном Крыму.—Киев: Наук. Думка, 1972.
- Высотская Т. Н. Неаполь—столица государства поздних скифов.—Киев: Наук. Думка, 1979.
- Высотская Т. Н., Махнева О. А. Новые позднескифские могильники в Центральном Крыму // Население и культура Крыма в первые века н. э.—Киев: Наук. Думка, 1983.
- Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство.—М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
- Герцен А. Г. Тешклибурунский клад из раскопок Мангупа 1978 г. // Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг.—Днепропетровск, 1980.
- Гилевич А. М. Прибрежненский клад римских монет // НЭ.—1965.—Вып. V.
- Дашевская О. Д. Симферопольское поселение кизил-кобинской культуры // КСИИМК.—1951.—Вып. XXXIX.
- Дашевская О. Д. Скифское городище Красное (Кермен-Кыр). // КСИИМК.—1957.—Вып. 70.
- Дашевская О. Д. Поздние скифы в Крыму.—М.: Наука, 1991.
- Жуков Б. С. Раскопки и обследование стоянок культуры микролитов на Ай-Петринской яйле в июне 1927 г. // Крым.—1927.—№ 2 (4).
- Забин С. И. Находки каменного века в Крыму // ИТУАК.—1918.—№ 54.
- ИТУАК.—1897.—№ 1.
- Клепинин Н. Н. Находки орудий каменного века в Крыму. // ИТУАК.—1918.—№ 54.
- Колосов Ю. Г. Неопубликованные кремневые орудия из грота Чо-курча в Крыму // КСИА АН УССР.—1960.—Вып. 9.
- Колтухов С. Г. Раскопки у с. Доброс // АО 1979 г.—М.: Наука, 1980.
- Колтухов С. Г. Охранные раскопки поселения Доброс // АО 1980 г.—М.: Наука, 1981.
- Колтухов С. Г. Кинжал из некрополя Неаполя скифского // СА.—1983.—№ 2.
- Колтухов С. Г. Новые материалы к периодизации и реконструкции оборонительных сооружений Неаполя скифского // СА.—1990.—№ 2.
- Колтухов С. Г., Махнева О. А. Новый участок оборонительной стены Неаполя скифского // Архитектурно-археологические исследования в Крыму.—Киев: Наук. Думка, 1988.
- Корпус боспорских надписей.—М.: Наука, 1965.
- Краснов Ю. А. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы.—М: Наука, 1987.
- Крис Х. И. О впускных погребениях эпохи раннего железа в курганах долины Салгира // СА.—1976.—№ 2.
- Лапковская Э. А. Водолей, найденный в Крыму, и круг родственных ему произведений // История и археология средневекового Крыма.—М.: Изд-во АН СССР, 1958.
- Лесков А. М. Горный Крым в I тыс. до н. э.—Киев: Наук. думка, 1965.
- Маркевич А. И. Старокрымские древности // ИТУАК.—1892.—№ 17.
- Маркевич А. И. К столетию исследований на городище Неаполе у Симферополя (1827—1927 гг.) // ИТОИАЭ.—1929.—Т. II.
- Михлин Б. Ю. Фибулы Беляусского могильника // СА.—1980.—№ 3.
- Монсеев А. С. Предварительный отчет о находках следов каменного века на Яйле и южном берегу Крыма // ИТУАК.—1920.—№ 57.
- ОАК за 1890 г.—СПб., 1893.
- ОАК за 1891 г.—СПб., 1893.
- ОАК за 1892 г.—СПб., 1893.
- ОАК за 1895 г.—СПб., 1897.
- Ольховский В. С. Скифские изваяния Крыма // Проблемы скифо-сарматской археологии.—М., 1990.
- Орлов К. К., Скорий С. А. Комплекс з бронзовим посудом римського часу з поховання в центральному Криму // Археологія.—1989.—№ 2.
- Первая учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии. Севастополь и его окрестности.—Симферополь, 1889.
- Письмо ТУАК в ИАК от 1 июня 1889 г. Архив ИИМК.—Ф. 1.—1889 г.—Д. № 17.
- Письмо Н. Л. Эриста — С. Н. Олтаржевской.—ЦГАК.—Р.—3283,—Оп. № 1.—Ед. хр. № 18.
- Протоколы заседаний ТОИАЭ.—Архив Крымского краеведческого музея.—КП.—24584.—Д. 9516.
- Пуздревский А. Е. Мегарон позднескифского поселения у с. Добров // Архитектурно-археологические исследования в Крыму.—Киев: Наук. думка, 1988.
- Пуздревский А. Е. Новый участок некрополя Неаполя скифского // РА.—1992.—№ 2.
- Ростовцев М. Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре // ИАК.—1911.—№ 40.
- Соломоник Э. И. Две латинские надписи из музеев Крыма // СА.—1976.—№ 3.
- Стевен А. Генуэзская плита из Феодосии, принадлежащая музейской архивной комиссии // ИТУАК.—1889.—№ 8.
- Столяр А. Д., Щепинский А. А. Археологические памятники Симферопольского водохранилища (часть I). // Проблемы археологии Северной Осетии.—Орджоникидзе, 1980.
- Столяр А. Д., Щепинский А. А. Курганы у Симферопольского водохранилища (часть II). // Катакомбные памятники Северного Кавказа.—Орджоникидзе, 1981.
- Сымонович Э. А. Население столицы позднескифского царства.—Киев: Наук. думка, 1983.
- Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии. Симферополь и его окрестности.—Симферополь, 1890.
- Троицкая Т. Н. Скифские курганы Крыма // ИКОГО.—1951.—Вып. 1.
- Троицкая Т. Н. Находки из скифских курганов Крыма, хранящиеся в областном краеведческом музее // ИАДК.—Киев: Изд-во АН УССР, 1957 а.

Троицкая Т. Н. Погребение у с. Белоглинка. // СА.—1957 б.—№ XXVII.

Фронджуло М. А. Раскопки средневекового поселения на окраине с. Планерское 1957—1959 гг. // Археологические исследования средневекового Крыма.—Киев: Наук. думка, 1968 а.

Фронджуло М. А. О раннесредневековом ремесленном производстве в юго-восточном Крыму // Археологические исследования средневекового Крыма.—Киев: Наук. думка, 1968 б.

Храпунов И. Н. Микола Львович Ернст // Археология.—1989.—№ 4.

Храпунов И. Н. Булганакское позднескифское городище (по раскопкам 1981—1989 гг.) // МАИЭТ.—Симферополь: Таврия, 1991.—Вып. II.

Храпунов И. Н. Кеми-обинский курган у с. Вилино // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму.—Симферополь: Таврия, 1992 а.

Храпунов И. Н. Поселение Золотое Ярмо и могильник Дружное в Центральном Крыму // История и археология Слободской Украины.—Харьков, 1992 б.

Черепанова О. М. Скіфське поховання з села Надежда Кримської області // Археологія.—1985.—Вып. 50.

Шелов Д. Б. Керамические клейма из Танаиса III—I веков до н. э.—М.: Наука, 1975.

Шульц П. Н. Исследования Неаполя скифского (1945—1950 гг.) // ИАДК.—Киев: Изд-во АН УССР, 1957.

Кульц Т. Н. Скифские изваяния // Художественная культура и археология античного мира.—М.: Наука, 1976.

Щепинский А. А. Некоторые новые археологические находки в Симферопольском и Черноморском районах Крымской области. // ИКОГО.—1951.—Вып. 1.

Щепинский А. А. Новые сборы на палеолитических стоянках в окрестностях Симферополя // КСИИМК.—1954.—Вып. 54.

Щепинский А. А. Новые памятники кизил-кобинской культуры // КСИИМК.—1957 а.—Вып. 67.

Щепинский А. А. Археологические обследования Курцово-Сабловской долины // ИАДК.—Киев: Наук. думка, 1957 б.

Щепинский А. А. Погребение начала железного века у Симферополя // КСИА АН УССР.—1962.—Вып. 12.

Эрнст Н. Л. Отчет о раскопках кургана у Симферополя в 1925 г.—Архив ИИМК.—Ф. 2.—Оп. 1.—1925.—Д. № 116.

Эрнст Н. Л. Отчет о раскопках на Неаполисе и в Байдарской долине.—Архив ИИМК.—Ф. 2.—Оп. 1.—1926.—Д. № 198.

Эрнст Н. Л. Неаполь Скифский (к столетию со времени первых раскопок) // Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе.—Севастополь, 1927.

Эрнст Н. Л. Раскопки палеолитической стоянки в Чокурчинском гроте у Симферополя // ИТОИАЭ.—1929 а.—Т. III.

Эрнст Н. Л. Эски-Кермен и пещерные города Крыма // ИТОИАЭ.—1929 б.—Т. III.

Эрнст Н. Л. Отчет о раскопках в Крыму в 1929 г.—Архив ИИМК.—Ф. 2.—Оп. 1.—1930.—Д. № 143.

Эрнст Н. Л. Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму за десять лет (1921—1930) // ИТОИАЭ.—1931.—Т. IV.

Эрнст Н. Л. Четвертичная стоянка в пещере у дер. Чокурча в Крыму // Труды II Международной конференции Ассоциации по изучению четвертичного периода.—1934.—Вып. 5.

Яценко И. В. Тарелка царицы Гипепирии из Неаполя скифского // Историко-археологический сборник. - М.: Изд-во МГУ, 1962.

Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. - Л.: Наука, 1979.

Ящуржинский Х. Разведки о древнем скифском укреплении Неаполисе // ИТУАК. - 1889. - № 7.

Aibabin A. Goti in Crimea (secoli V-VII) // I Goti - Milano: Electa Lembardia, 1994.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДСВ - Античная древность и средние века.
 АИА АНУ - Архив института археологии Академии наук Украины.
 АИЮВЕ - Археологические исследования на юге Восточной Европы.
 АО - Археологические открытия.
 АСГЭ - Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
 БГИКЗ - Бахчисарайский государственный историко-культурный заповедник.
 ВВ - Византийский временник.
 ВДИ - Вестник древней истории.
 ГАИМК - Государственная академия истории материальной культуры.
 ГИМ - Государственный исторический музей.
 ГМИИ - Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина.
 ЗООИД - Записки Одесского общества истории древностей.
 ИАДК - История и археология древнего Крыма.
 ИАК - Известия археологической комиссии.
 ИАН - Известия Академии наук СССР.
 ИИМК - Институт истории материальной культуры.
 ИКДП - Известия Караймского Духовного правления.
 ИКОГО - Известия Крымского отделения Географического общества СССР
 ИТОИАЭ - Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии.
 ИТУАК - Известия Таврической ученой архивной комиссии.
 КА - Karay Awazy.
 КБН - Корпус боспорских надписей.
 КЖ - Караймская жизнь.
 Крым ОКО - Крымское объединение караимских обществ.
 КС - Караймское слово.
 КСИА - Краткие сообщения института археологии.
 КСИИМК - Краткие сообщения института истории материальной культуры.
 МАИЭТ - Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.
 МАУ - Материалы по антропологии Украины.
 МГУ - Московский государственный университет.
 МИА - Материалы и исследования по археологии.
 МЭИК - Материалы к этнической истории Крыма.
 НЭ - Нумизматика и эпиграфика.
 ОАК - Отчет археологической комиссии.
 РА - Российская археология.
 СА - Советская археология.
 САИ - Свод археологических источников.
 ТГЭ - Труды государственного Эрмитажа.
 ХГИАЗ - Херсонесский государственный историко-археологический заповедник.
 ХСб - Херсонесский сборник.
 ЦГАК - Центральный государственный архив Крыма.

I. ТАВРСКИЙ МОГИЛЬНИК В С. ЛЕСНИКОВО

Рис. 1. Схема расположения таврского могильника в с. Лесниково.

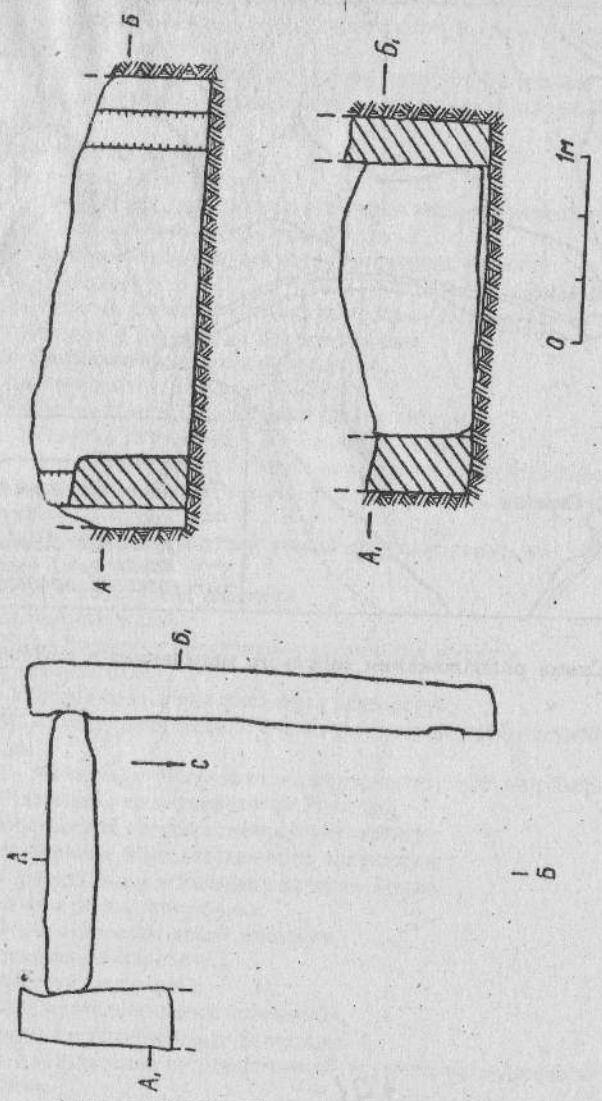

Рис. 2. Каменный ящик. План, разрезы.

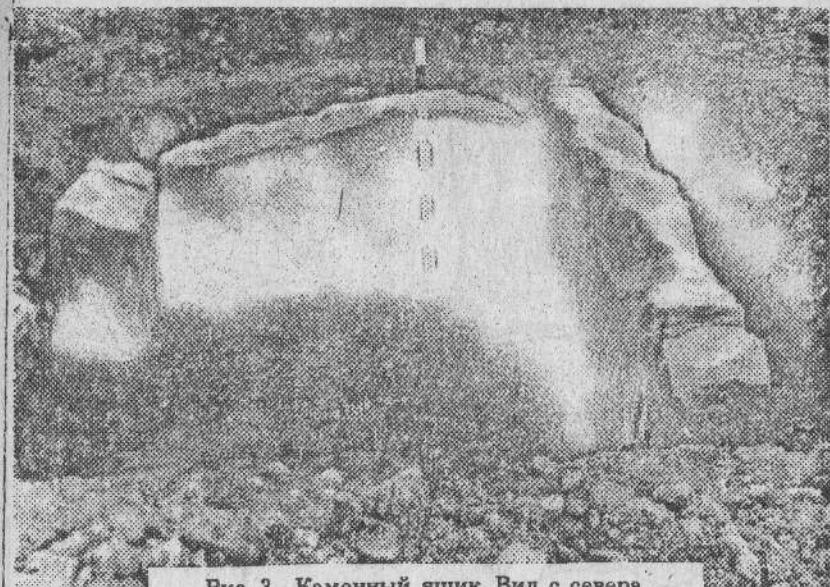

Рис. 3. Каменный ящик. Вид с севера.

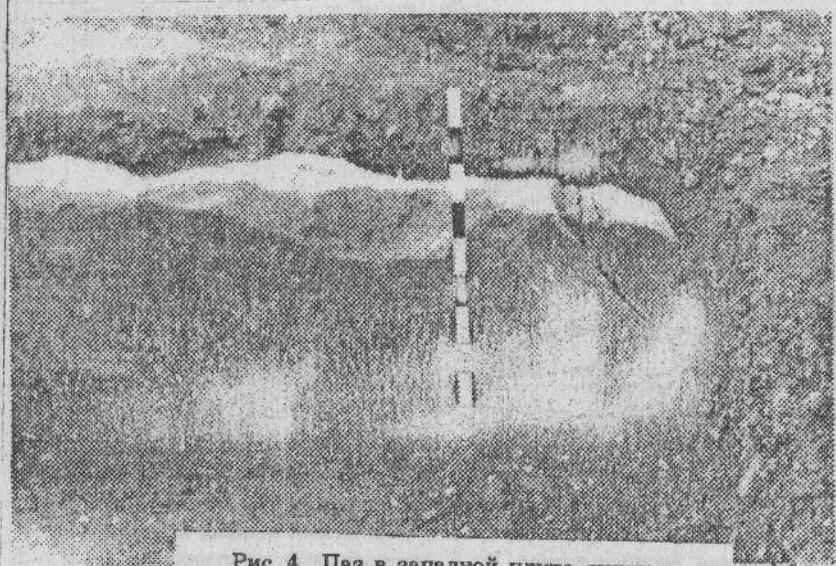

Рис. 4. Паз в западной плите ящика.

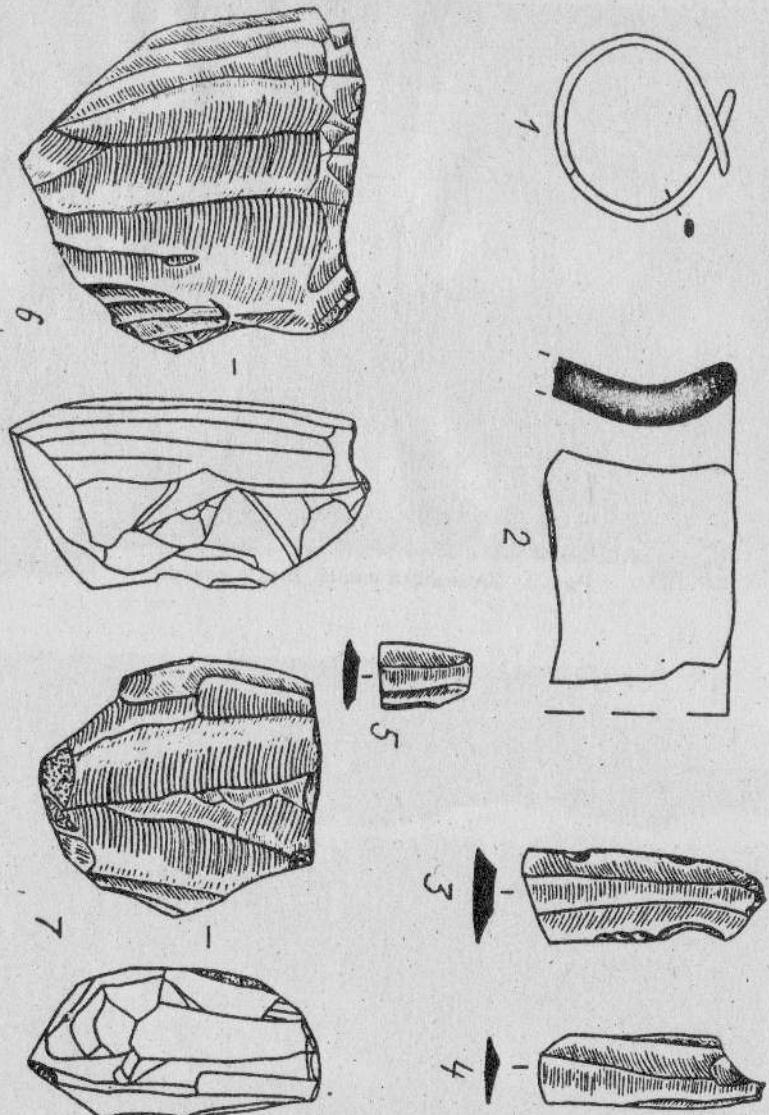

Рис. 5. Найденные при зачистке ящика (1 - 3, 5), и подъемный материал (4, 6, 7). 1 - бронзовое кольцо, 2 - фрагмент венчика лепного сосуда, 3 - 5 - ножевидные пластинки, 6, 7 - нуклеусы.

294

II. «СТАРЫЙ» ХЕРСОНЕС СТРАБОНА. УКРЕПЛЕНИЕ НА ПЕРЕШЕЙКЕ МАЯЧНОГО ПОЛУОСТРОВА.

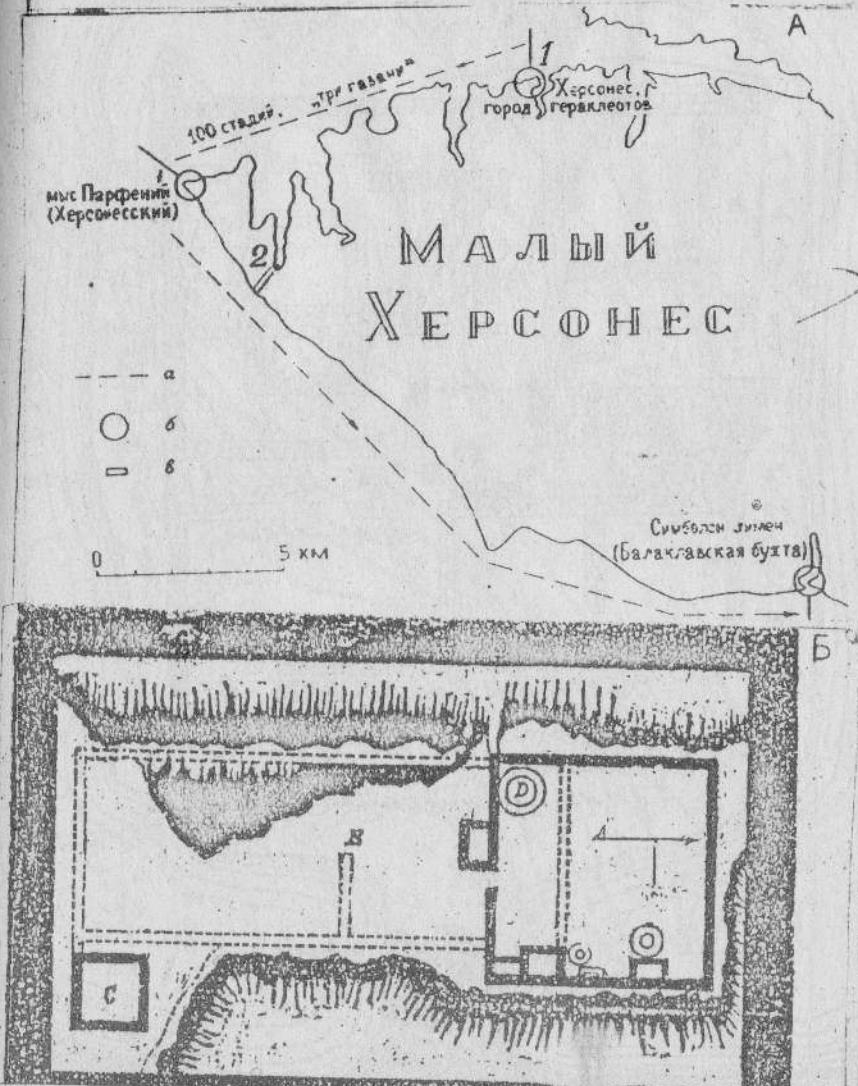

Рис. 1. А - Гераклейский полуостров по Страбону: а - направление последовательности описания прибрежных пунктов; б - локализованные пункты; в - городища (1 - Херсонесское, 2 - на перешейке Маячного полуострова). Б - план островка в Казачьей бухте, 1794 г. (Паллас 1881, с. 102).

295

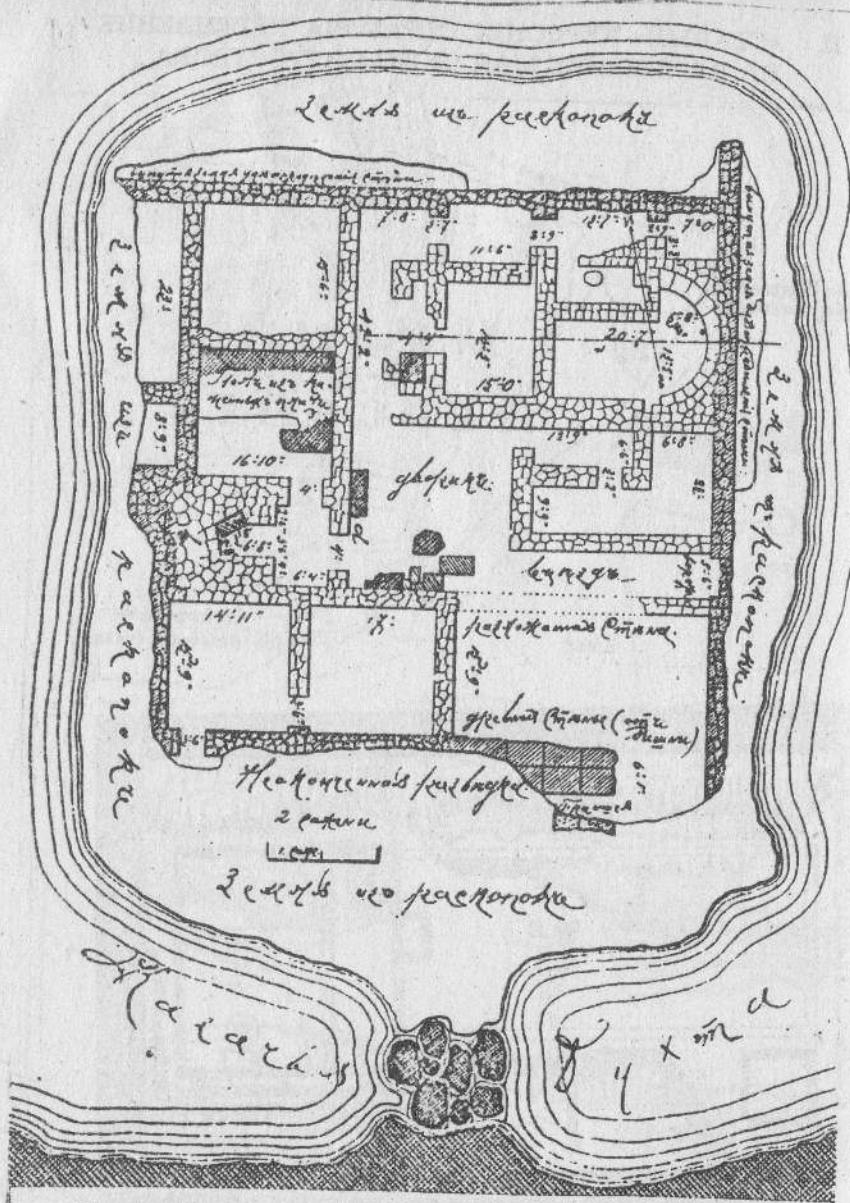

Рис. 2. План раскопок Косциушко-Валюжинича на островке в Казачьей бухте в 1890 г. Чертеж Скубетова (Айналов 1905, рис. 103).

296

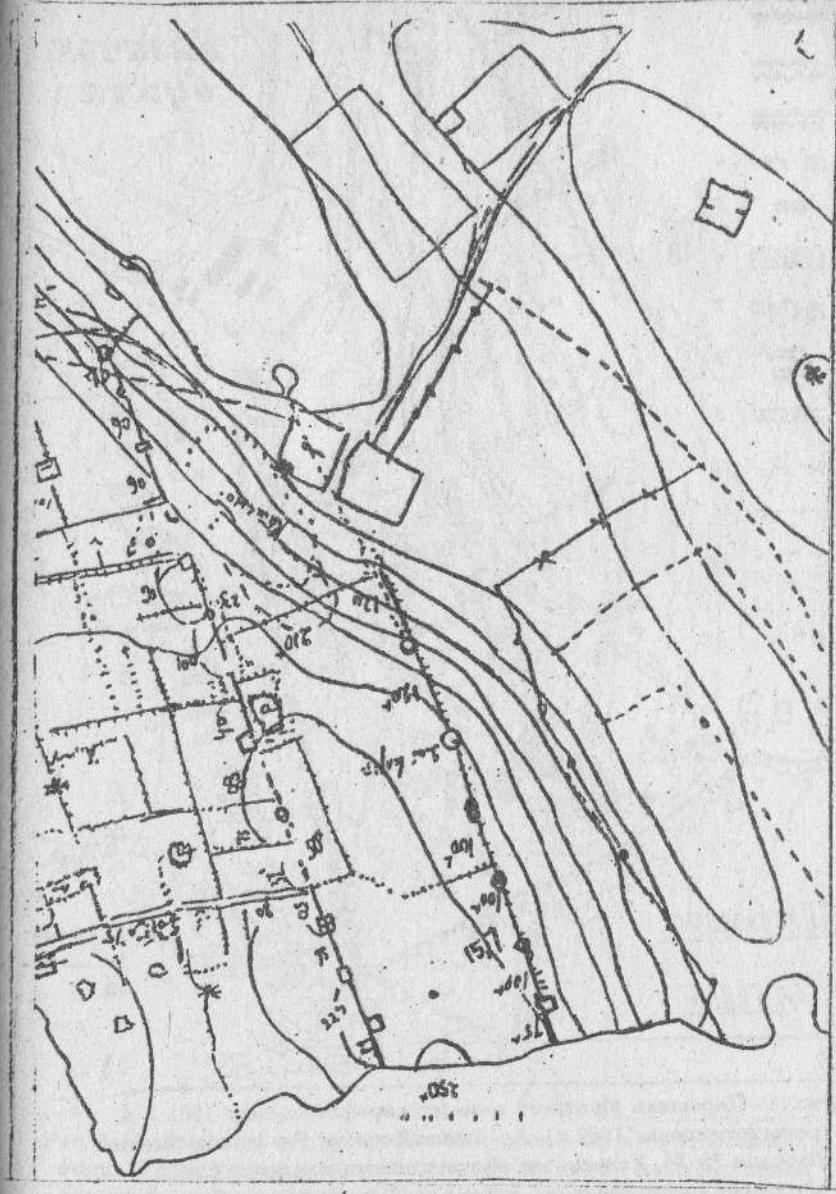

Рис. 3. Укрепление на перешейке Малчика п-ва. Фрагмент плана Печенигина 1910 г. (Архив ИИМК, ф. 27, д. 8, л. 2).

297

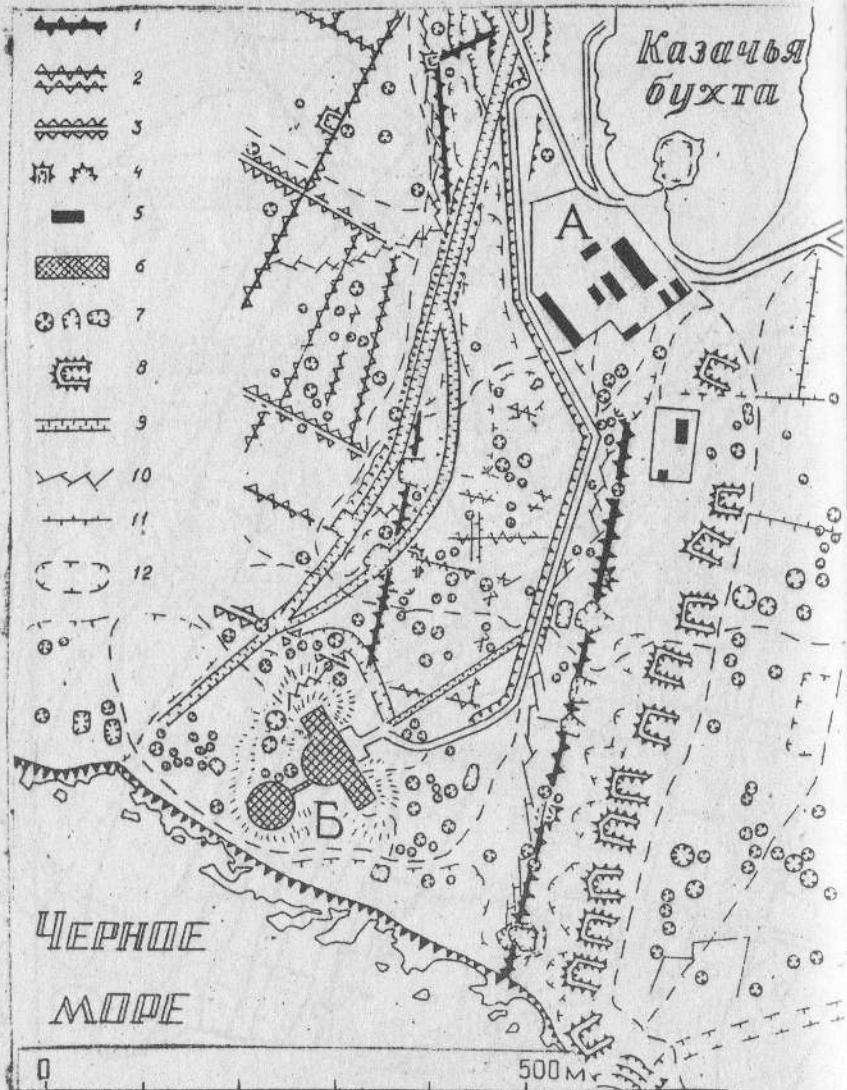

Рис. 4. Перешеек Малчного п-ва (по аэрофотосъемке 1961 г. и рекогносировке 1967 г.). А - бывший хутор, Б - руины бывшей батареи № 35. Условными обозначениями показаны следы античных крепостных (1), межевых (2) стен, дорог (3), построек (4); современные постройки (5), сооружения из желобетона (6), воронки, ямы, котлованы (7), капониры (8), рвы, траншеи, выемки (9), окопы (10), ограды XIX-XX в. (11), разрушения слоя (12).

298

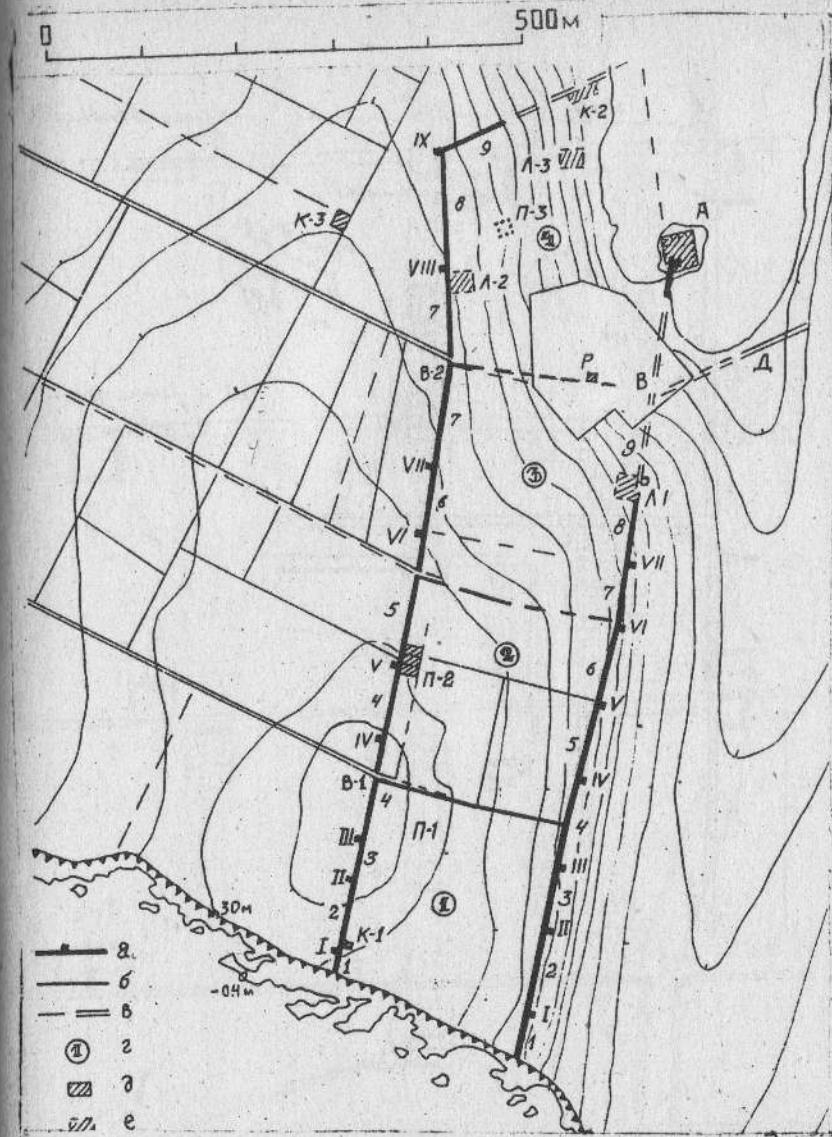

Рис. 5. Укрепление на перешейке Малчного п-ва: а - крепостные стены; б - монументальные поперечные стены; в - межевые стены, дороги; г - номера участков; д, е - раскопанные строительные комплексы с точной (д) и примерной (е) локализацией; ж - следы древней постройки.

299

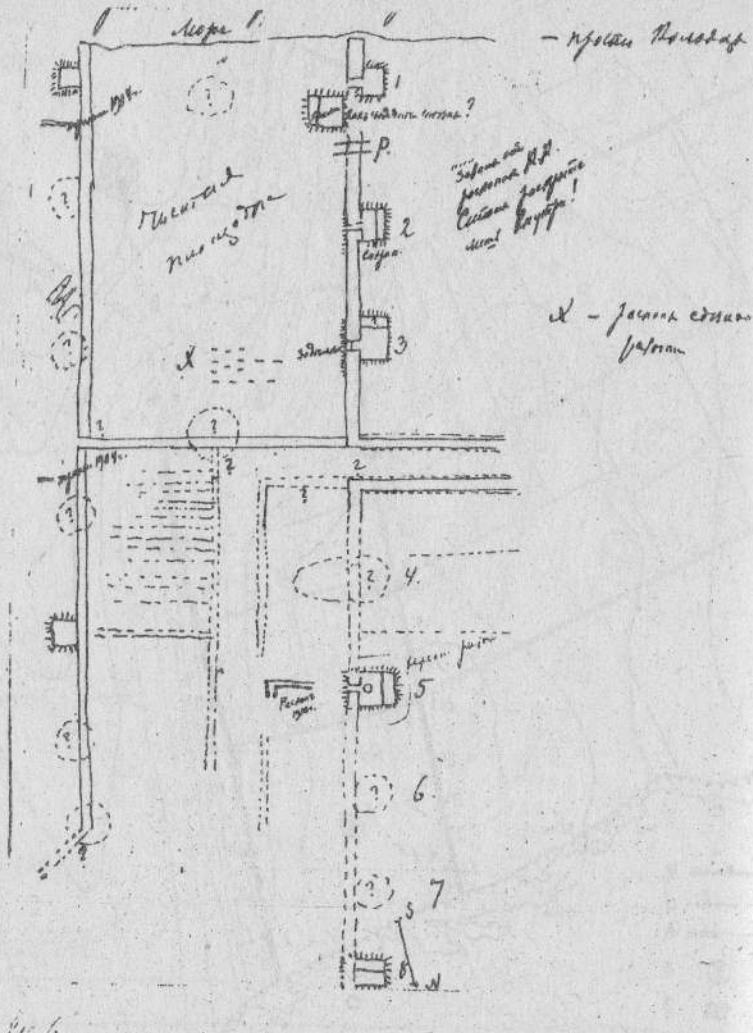

Рис. 6. Укрепление на перешейке. Схематический план Печенина 1911 г. (Архив ИИМК, ф. 27, д. 5, л. 38).

300

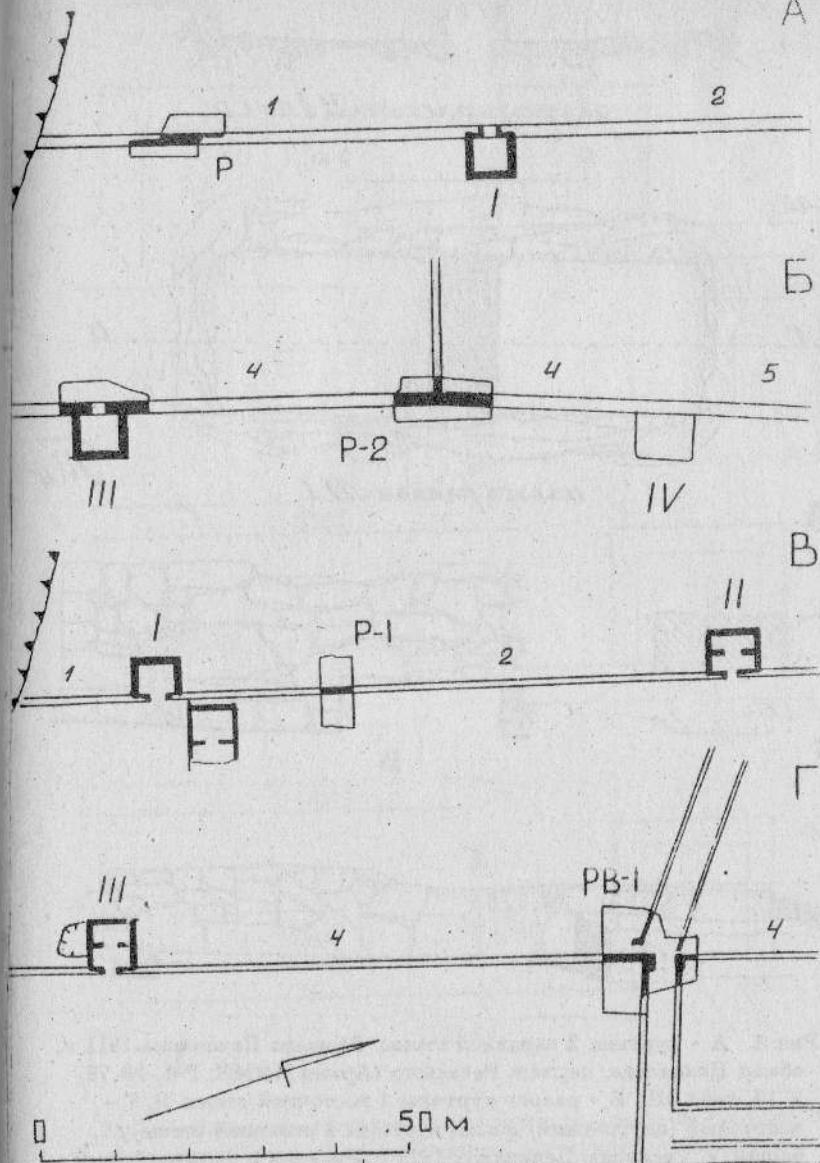

Рис. 7. Исследовавшиеся отрезки восточной (A, Б) и западной (B, Г) линий обороны. По плану Некрасова 1911 г. (Архив ИИМК, Р-1, № 78, табл. 1). Р, PB - раскопы Печенина.

301

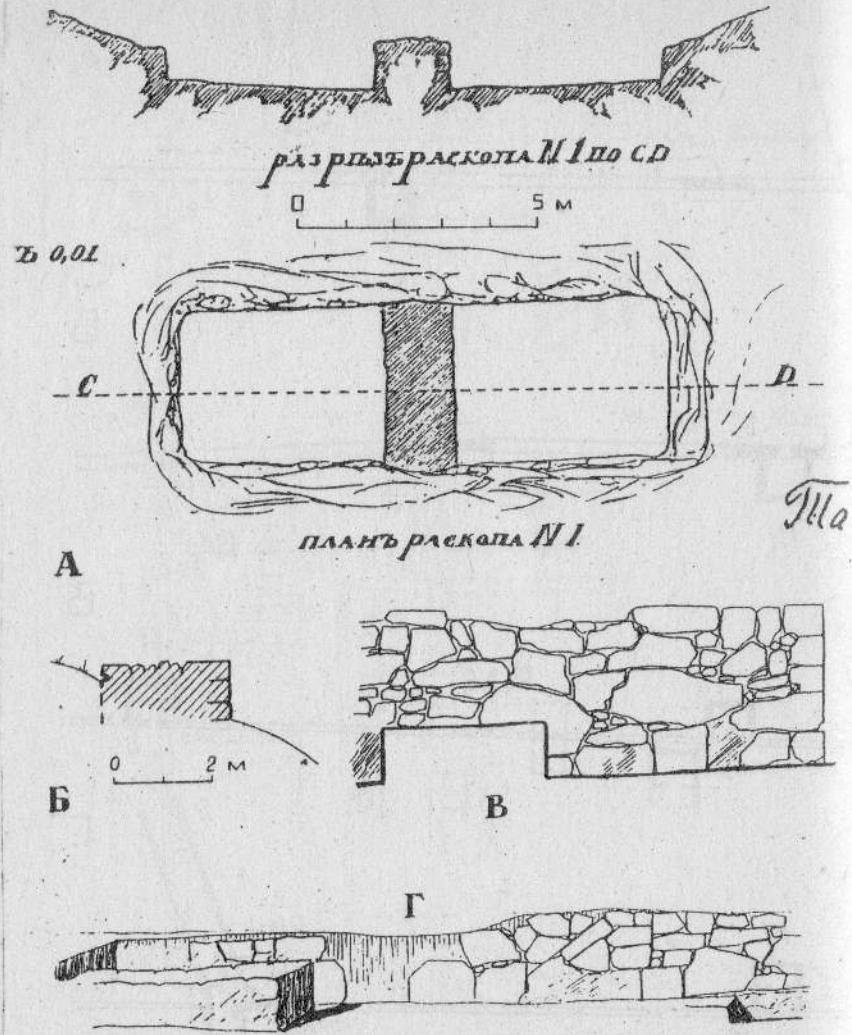

Рис. 8. А - куртина 2 западной стены. Раскопы Печенкина 1911 г., обмер Некрасова, чертеж Раевского (Архив ИИМК, Р-1, № 78, л. 12, табл. III). Б - разрез куртины 1 восточной стены. В, Г - восточный (внутренний) фасад куртины 4 западной стены у башни V. Раскопки Печенкина 1911 г. Рисунки с фотографиями (Фотоархив ИИМК, 0.701, 40, 49).

302

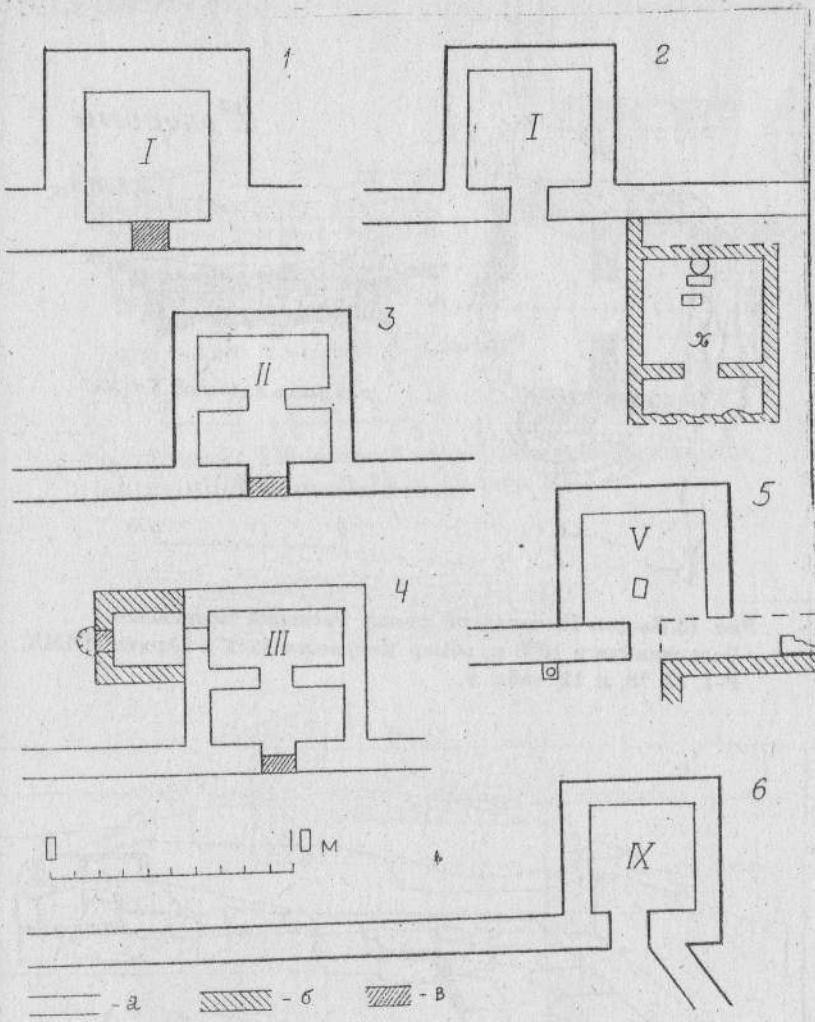

Рис. 9. Крепостные стены. Реконструкция планов по обмерам и описанию Косцюшко-Валюжинича, Печенкина и Некрасова: а - стены 1 строительного периода; б - стены последующих строительных периодов; в - заклады дверных проемов.

303

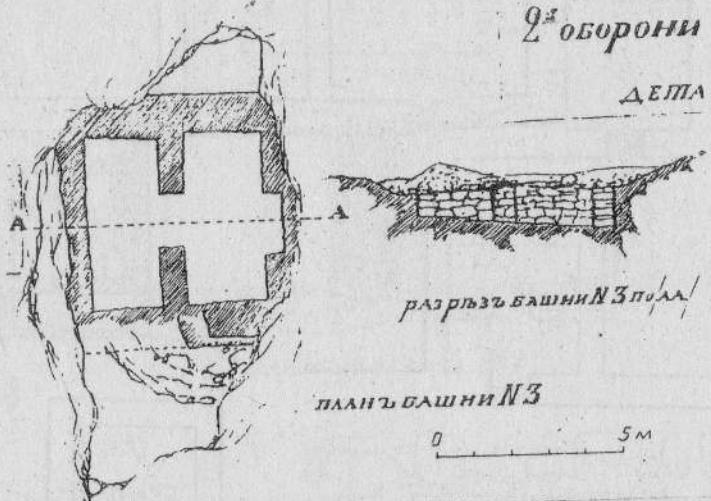

Рис. 10. Башня III западной стены. Раскопки Косцюшко-Валюжинича в 1890 г., обмер Некрасова 1911 г. (Архив ИИМК, Р-1, № 78, л. 12, табл. .)

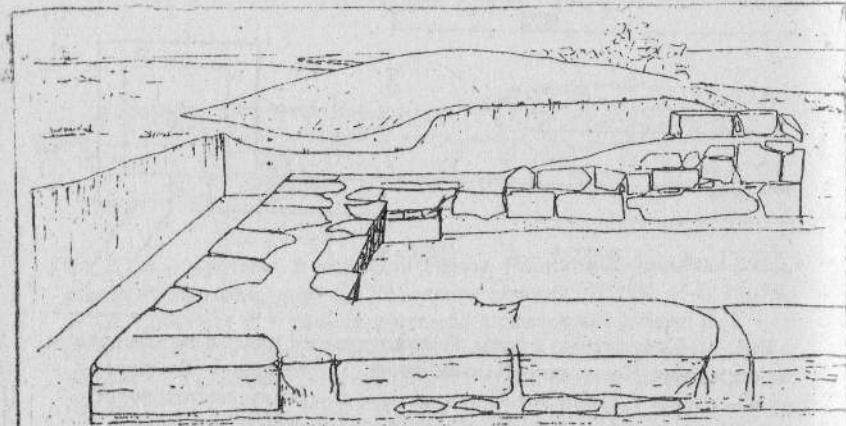

Рис. 11. Башня V западной стены. Раскопки Печенигина в 1911 г. Рисунок по фотографии полевой съемки (Фотоархив ИИМК, 0.701.33).

304

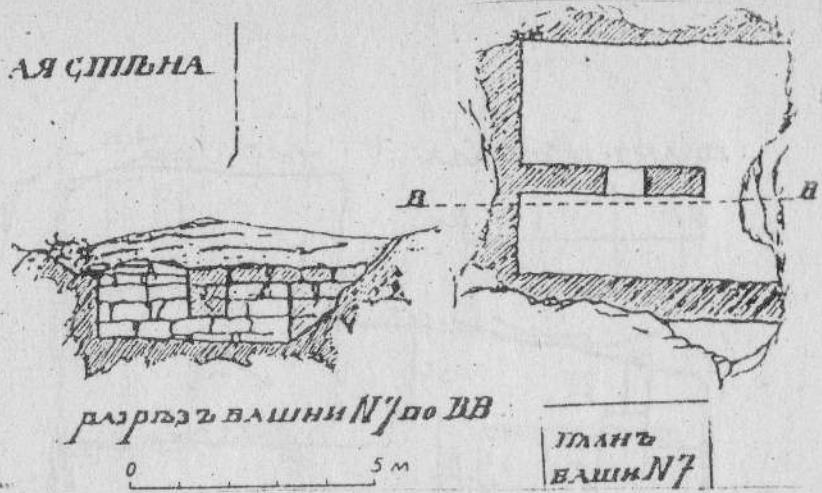

Рис. 12. Башня VII западной стены. Обмер Некрасова 1911 г. (Архив ИИМК, Р-1, № 78, л. 12, табл. III).

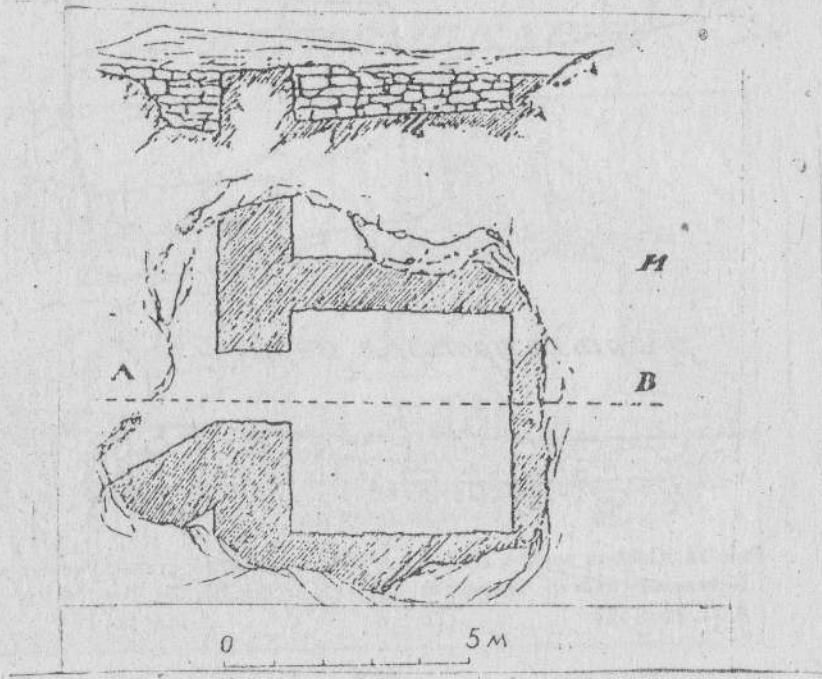

Рис. 13. Северная фланговая башня IX западной стены. Раскопки Косцюшко-Валюжинича в 1890 г., обмер Некрасова 1911 г. (Архив ИИМК, Р-1, № 78, л. 12, табл. III).

305

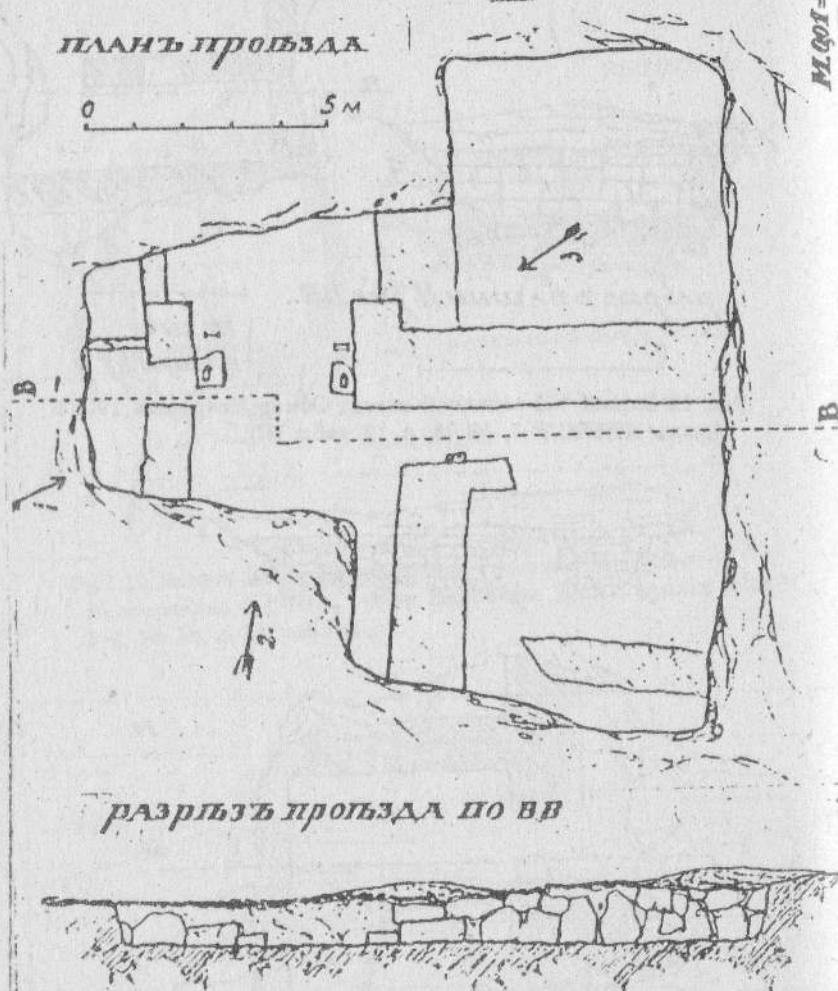

Рис. 14. Южные ворота № 1 в куртине 4 западной стены. Раскопки Печенкина, обмер Некрасова, 1911 г. (Архив ИИМК, Р-1, № 78, л. 11, рис. 60).

306

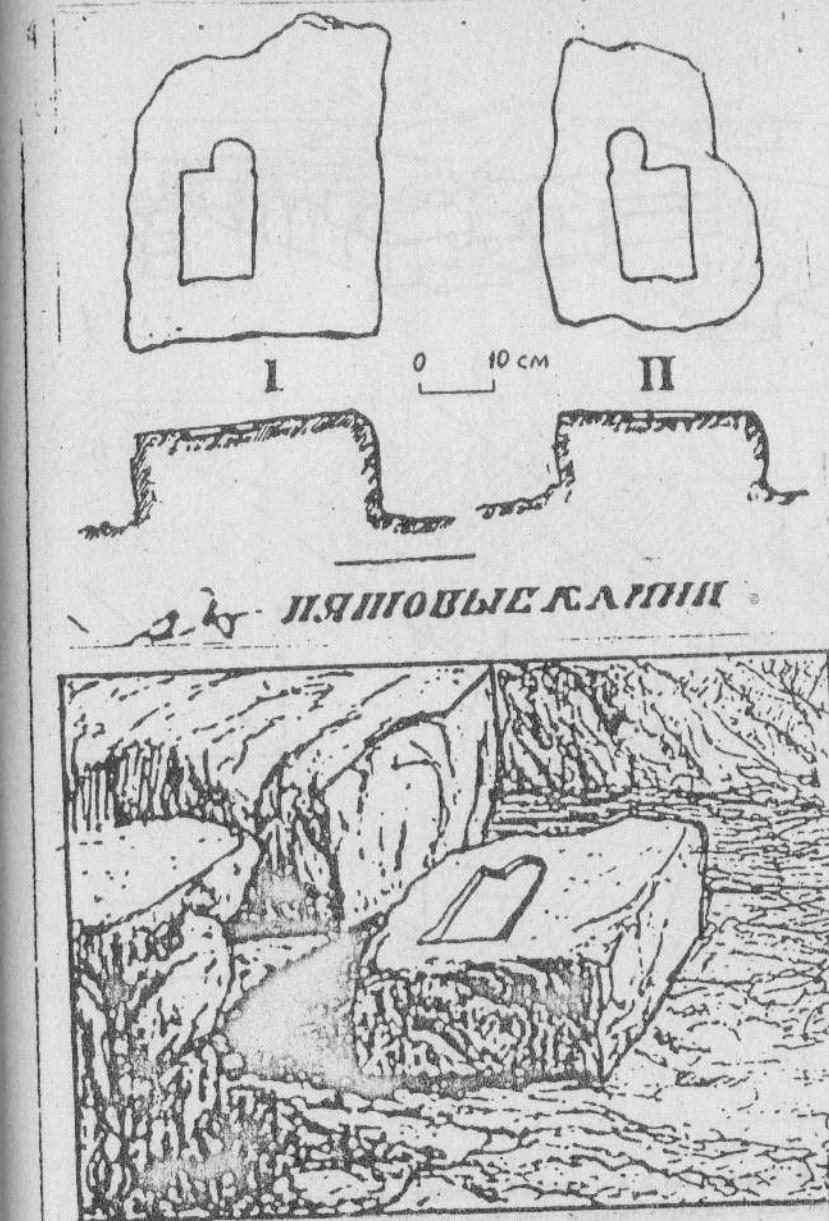

Рис. 15. Южные ворота № 1. Пятаковые камни. (Архив ИИМК, Р-1, № 78, л. 11, рис. 60).

307

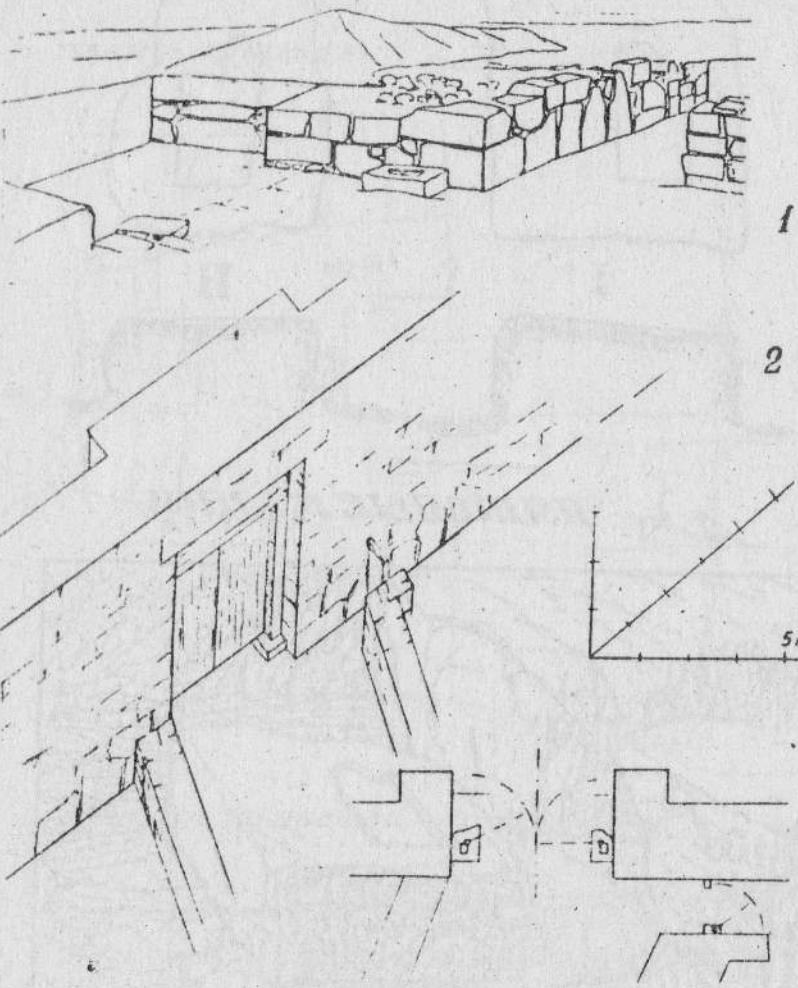

Рис. 16. Ворота № 1. 1 - южный пилон с прилегающими отрезками стен, вид с северо-запада. Рисунок по фотографии 1911 г. (Фотоархив ИИМК, 0.701.51). 2 - эскиз реконструкции (Щеглов).

308

1911
КЛЕОФЛ
№ 650.

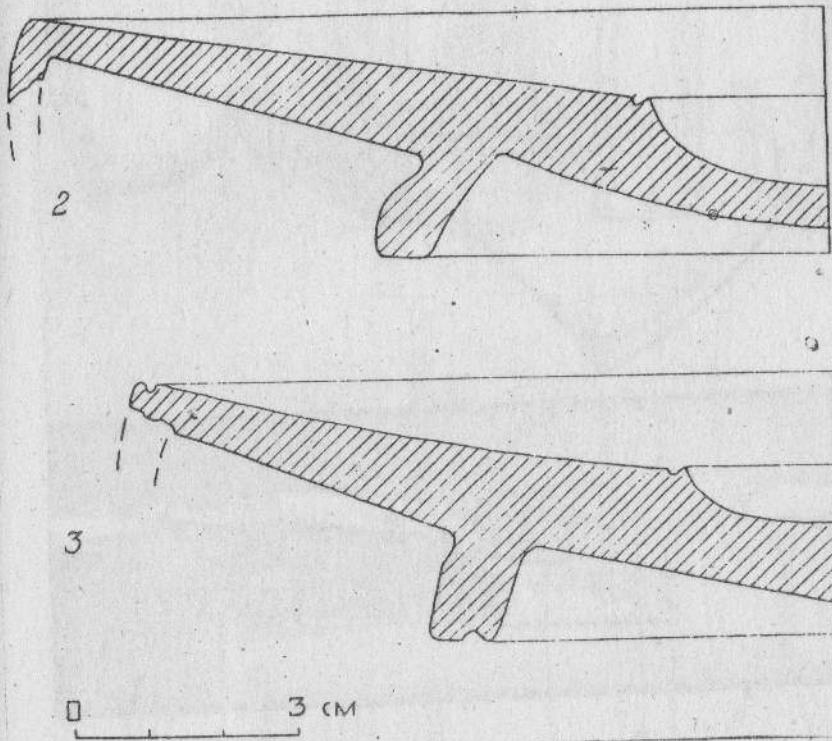

Рис. 17.1 - клеймо на ручке амфоры (ГХИАЗ, инв. № 15007).
Прорись Придика (Архив ИИМК, ф. 27, д. 7, л. 6). Чернолаковые
рыбные блюда: 2 - ГХИАЗ, инв. № 21837, 3 - ГХИАЗ,
инв. № 21773.

309

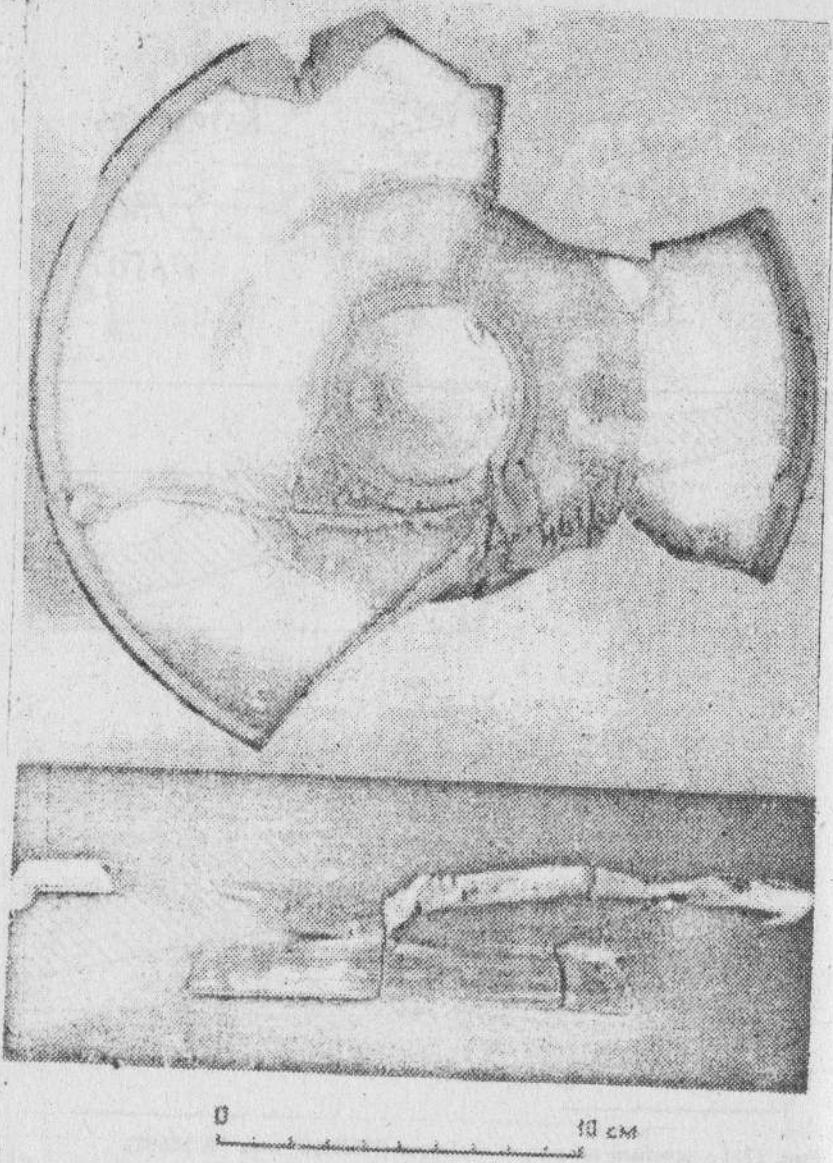

Рис. 18. Чернолаковое рыбное блюдо (ГХИАЗ, инв. № 21837).

30

III. О ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЯХ ЮГО-
ЗАПАДНОГО И ЦЕНТРАЛЬНОГО КРЫМА
В ПЕРВЫЕ ВЕКА Н.Э.

Рис. 1. Погребальные сооружения Юго-Западного Крыма:
(1-3, 5-8, 10) - Заветненский могильник; 4 - Усть-Альминский;
9 - Бельбек 1; 11 - Инкерманский.

311

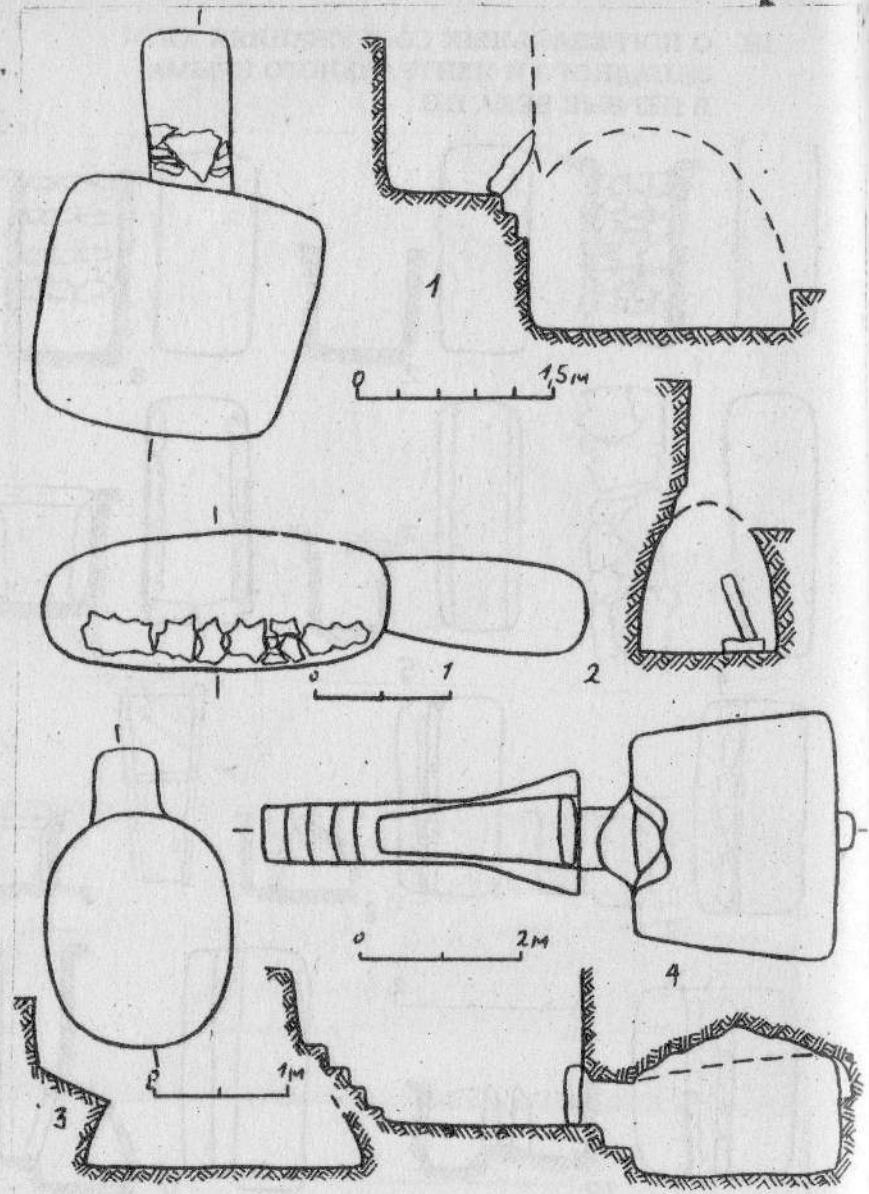

Рис. 2. План и разрезы склепов Юго-Западного Крыма:
(1-3) - Усть-Альминский могильник; 4 - Инкерманский.

312

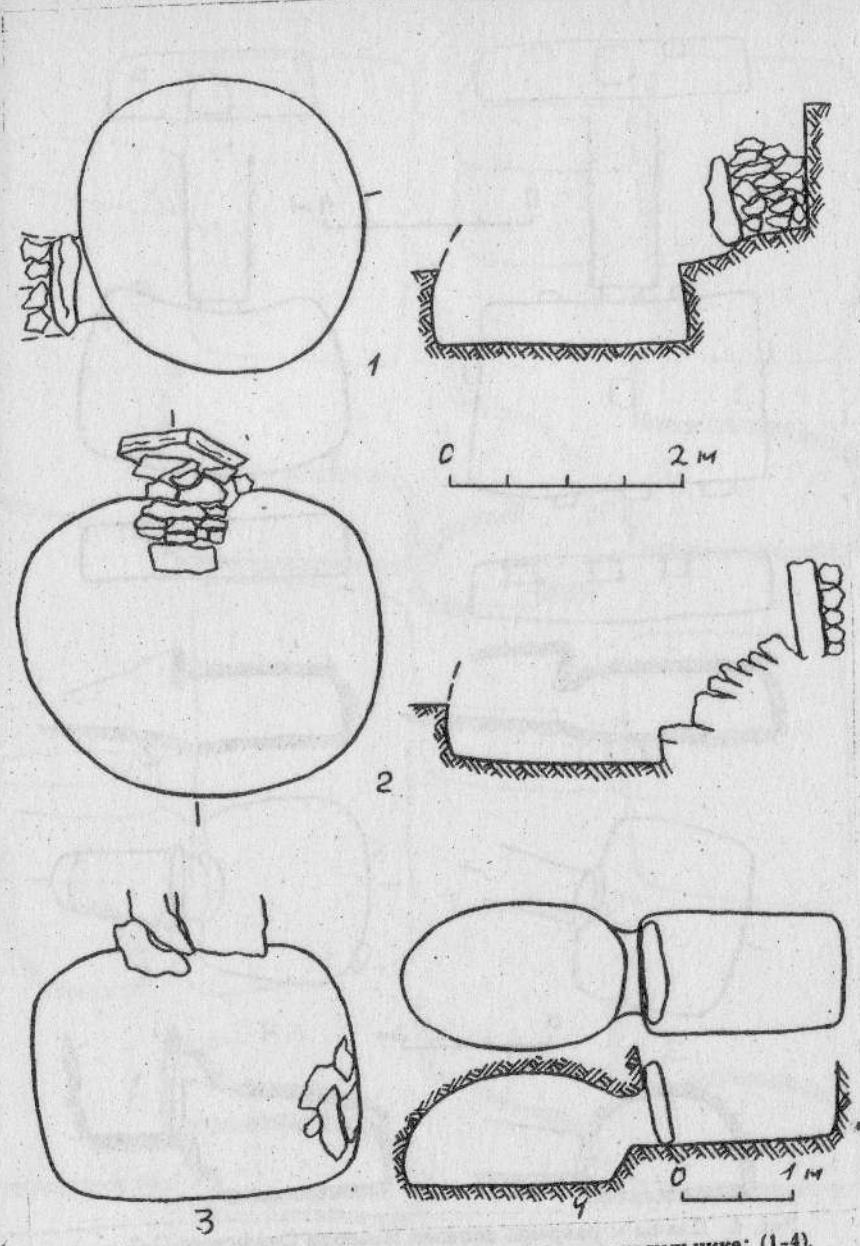

Рис. 3. Планы и разрезы склепов Неапольского могильника: (1-4).

313

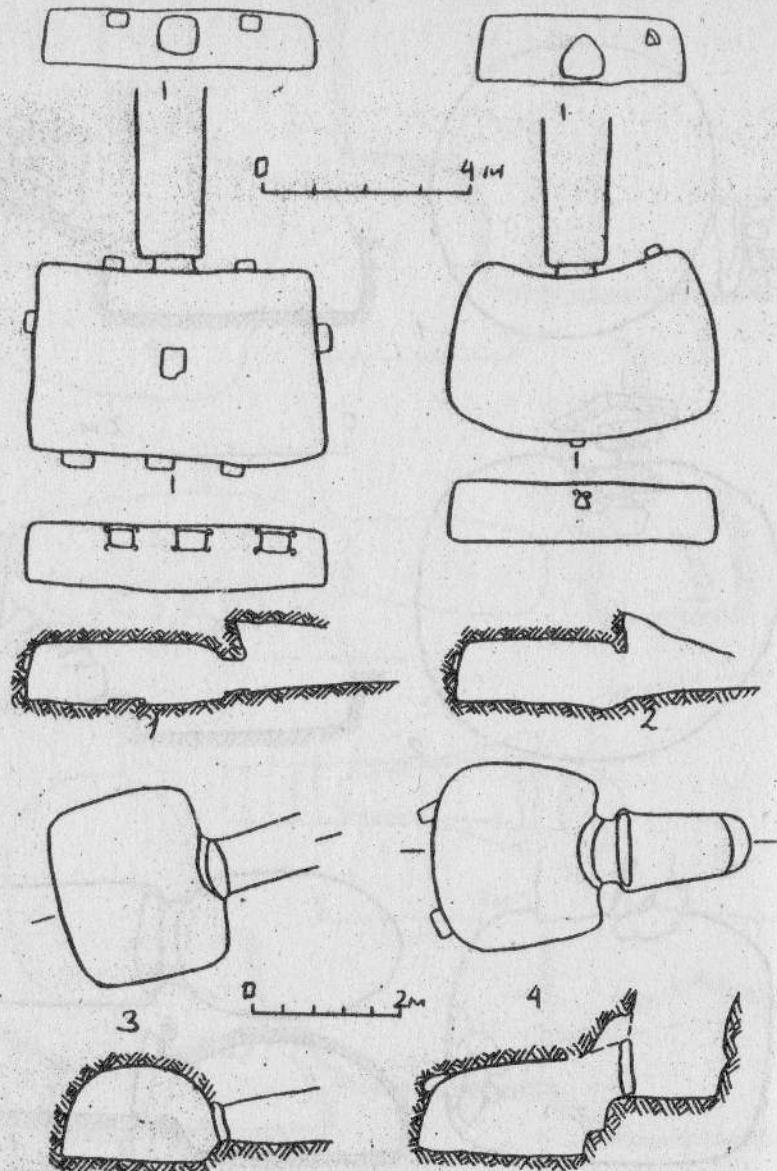

Рис. 4. Планы и разрезы склепов Неаполя Скифского (1-2 - вырубные склепы № 2 и 4) и Чернореченского могильника (3-4).

314

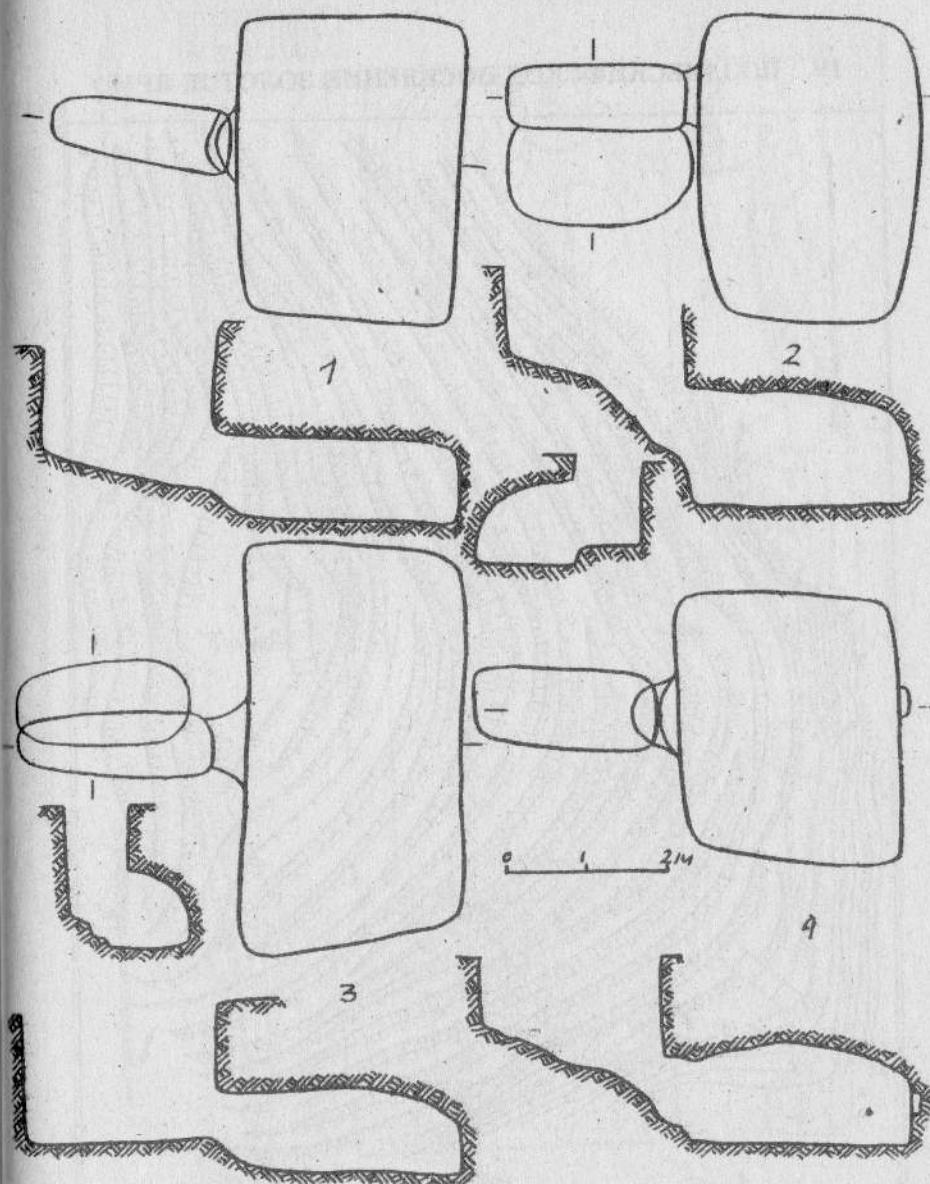

Рис. 5. Планы и разрезы грутовых склепов Перевальского могильника (1-4).

315

IV. ПОЗДНЕСКИФСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ЗОЛОТОЕ ЯРМО

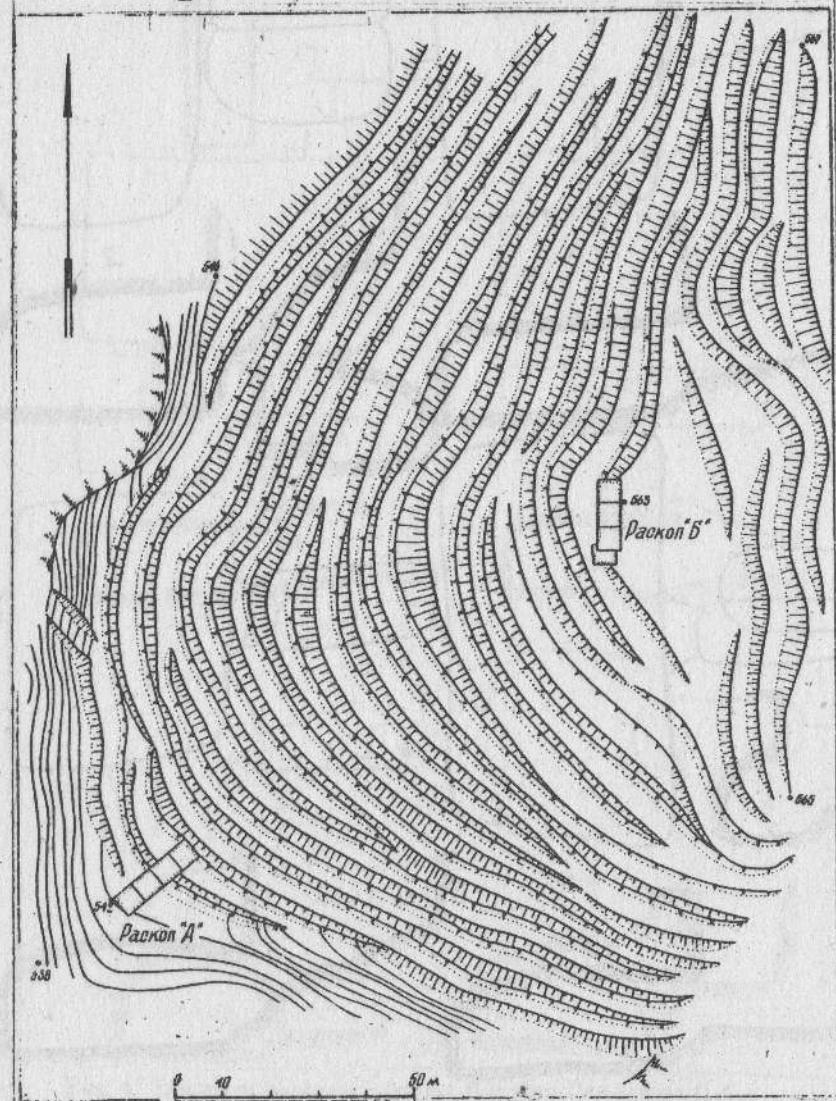
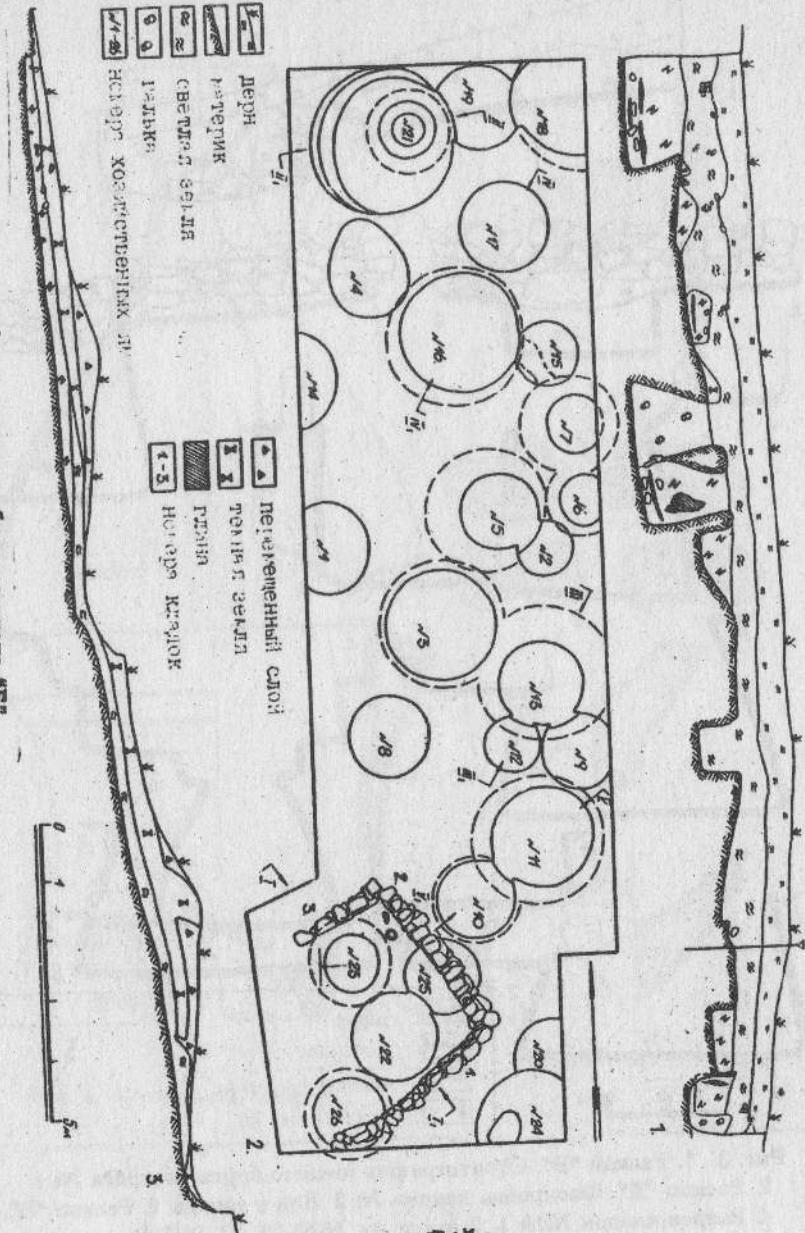

Рис. 1. Топографический план поселения Золотое Ярмо.

316

Рис. 2. 1 - стратиграфия восточного борта раскопа "Б",
2 - план раскопа "Б", 3 - стратиграфия северо-западного борта
раскопа "А".

317

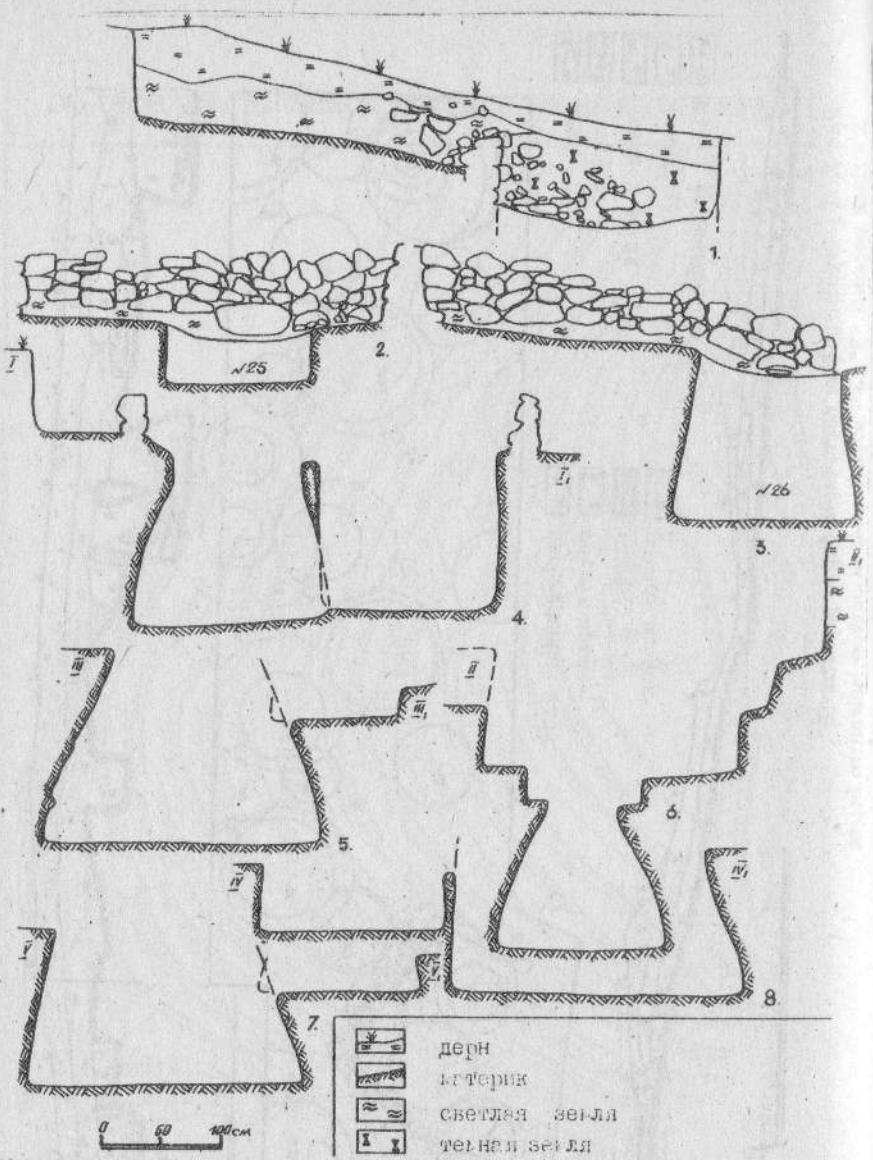

Рис. 3. 1. Раскоп "Б". Стратиграфия южного борта квадрата № 1.
2. Раскоп "Б". Фасировка кладки № 2. Вид с запада. 3. Раскоп "Б".
4. Разрез кладок №№ 1, 3 и хоз. ям №№ 22, 23. 5. Разрез хоз. ям
№№ 12, 13. 6. Разрез полуземлянки и хоз. ямы № 21. 7. Разрез
хоз. ям №№ 10, 11. 8. Разрез хоз. ям №№ 16, 17.

318

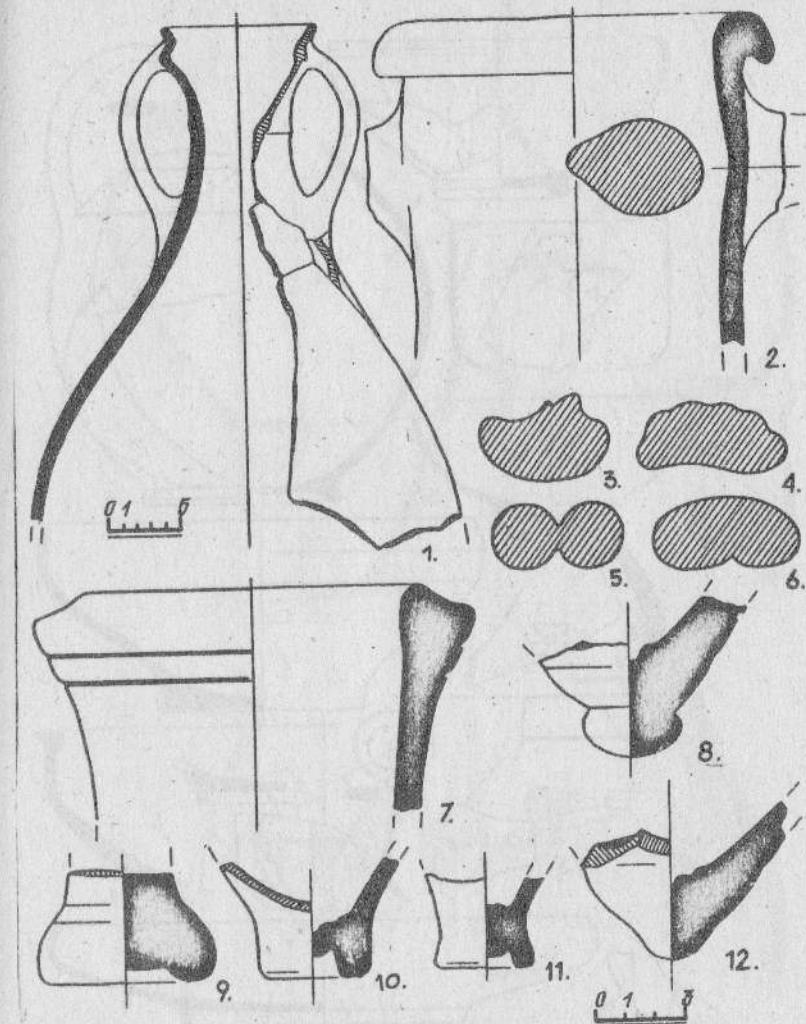

Рис. 4. Фрагменты амфор.

319

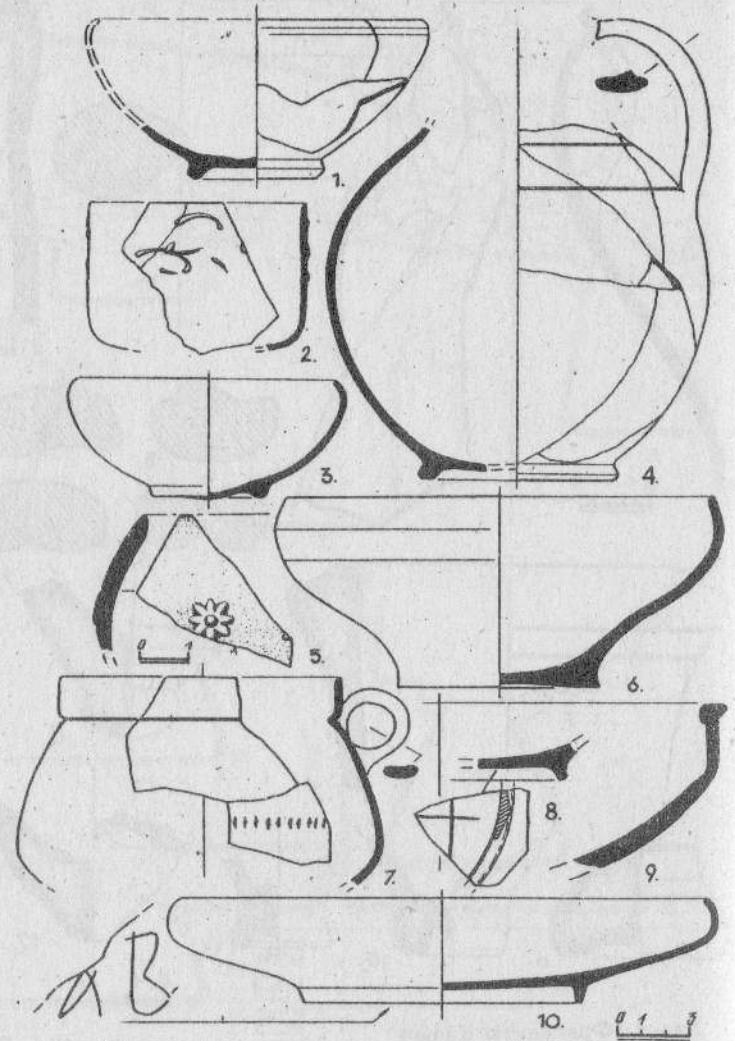

Рис. 5. Фрагменты гончарных сосудов.

320

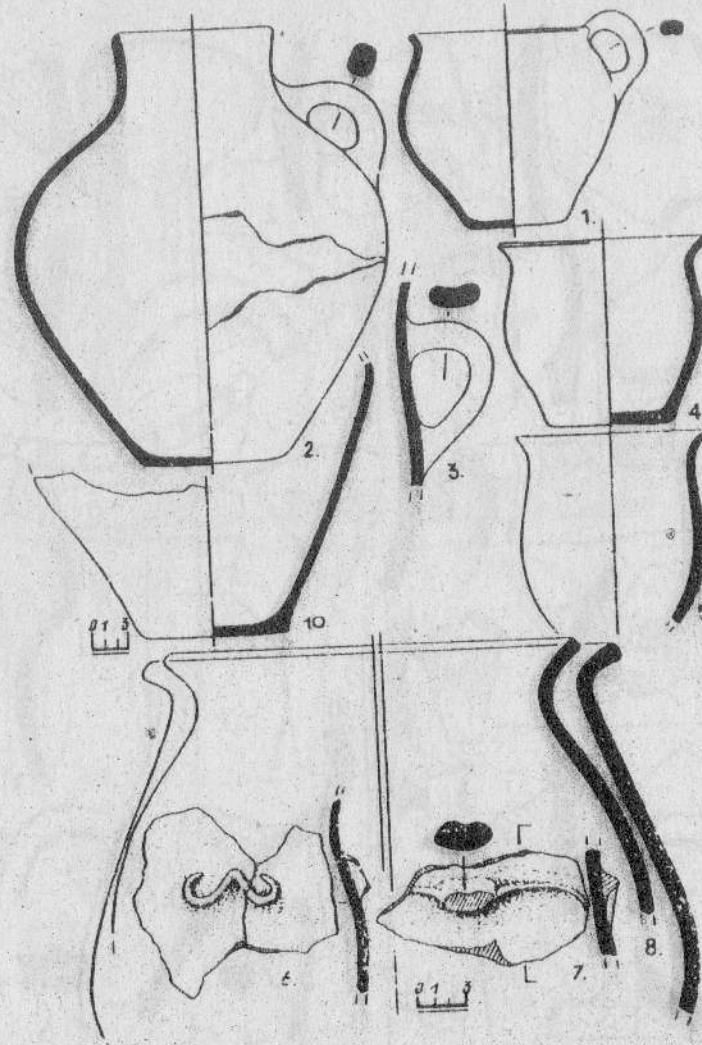

Рис. 6. Фрагменты лепных сосудов.

321

Музеи

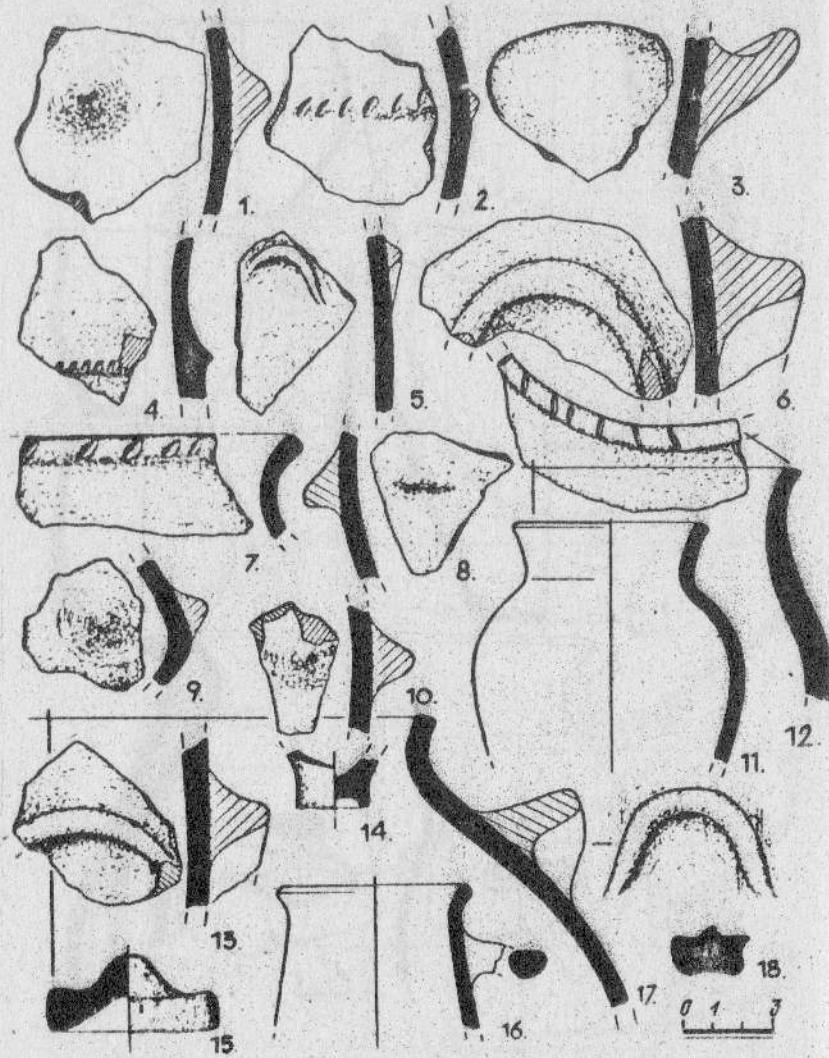

Рис. 7. Фрагменты лепных сосудов.

322

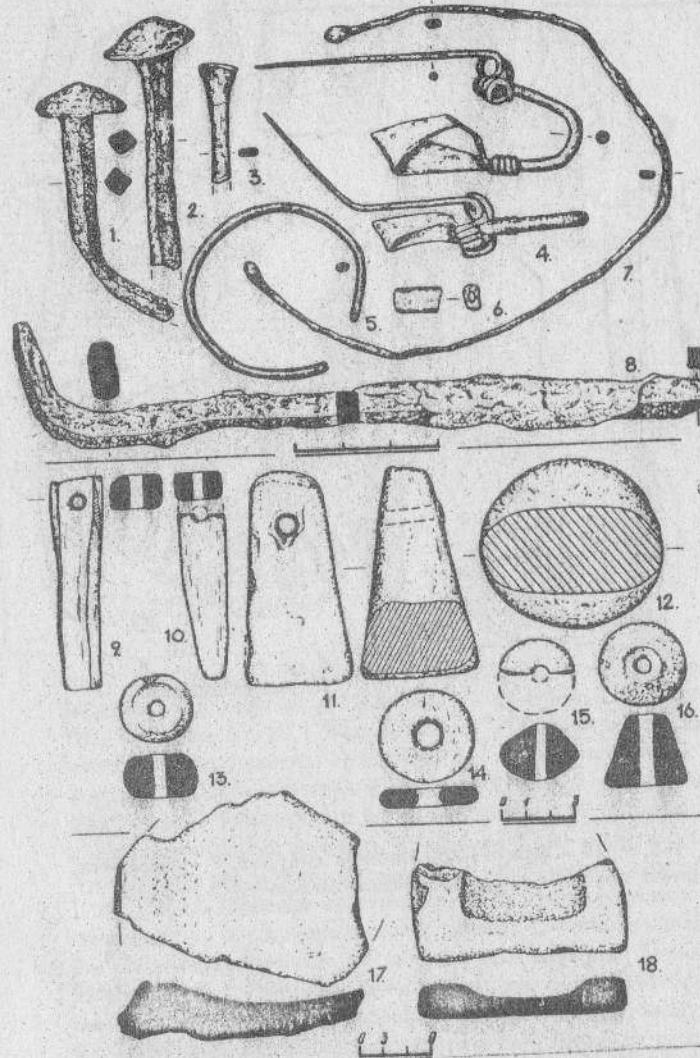

Рис. 8. 1-3 - железные гвозди, 4 - бронзовая фибула, 5, 7 - бронзовые браслеты, 6 - стеклянная бусина, 8 - железный костыль, 9, 10 - каменные оселки, 11 - глиняное грузило, 12 - каменный терочник, 13, 14 - глиняные пряслица, 15 - каменное пряслице, 17, 18 - каменные жернова.

323

V. МОГИЛЬНИК РИМСКОГО ВРЕМЕНИ У СТАНКОВОЕ

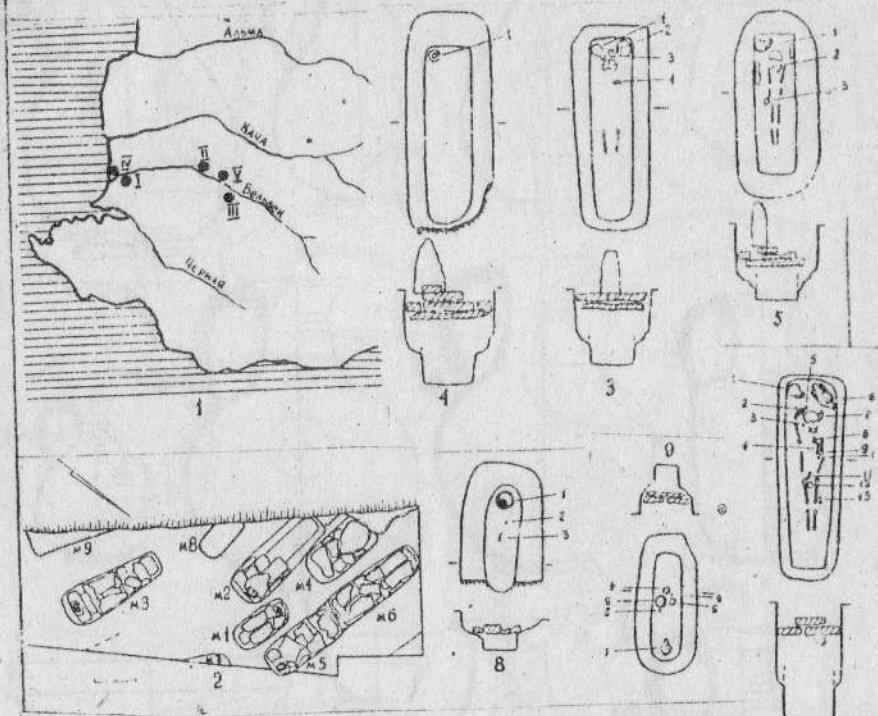

Рис. 1. 1) Схематический план расположения могильников римского времени на р. Бельбек. I - Бельбек I, II - Бельбек II, III - Бельбек III, IV - Бельбек IV, V - Танковое. 2) План раскопанного участка. 3) Могила 3. 1 - краснолаковый кувшин, 2 - краснолаковая чашка и железный нож, 3 - бронзовые детали шкатулки, 4 - бронзовая лучковая фибула. 4) Могила 2. 1 - краснолаковый кувшин. 5) Могила 5. 1 - буролаковый кувшин, 2 - обломок железного предмета, 3 - бронзовый браслет. 6) Могила 1. 1 - краснолаковый кувшин, 2 - бочковидная бусина с перистым орнаментом, 3 - краснолаковая чашка, 4 - стеклянный сосуд, 5 - бронзовый браслет, 6 - серебряный денарий Каракаллы. 7) Могила 6. 1 - краснолаковый кувшин, 2 - кость животного и железный нож, 3 - серебряная серыга, 4 - амулетница, 5 - железные детали шкатулки, 6 - светлоглиняная амфора, 7 - миниатюрный краснолаковый кувшинчик, 8 - серебряная фибула с надетым на иглу бронзовым и серебряным кольцами, 9 - бронзовое кольцо, 10 - подвеска-монета, 11 - серебряные перстни, 12 - стеклянный сосуд, 13 - серебряные монеты.

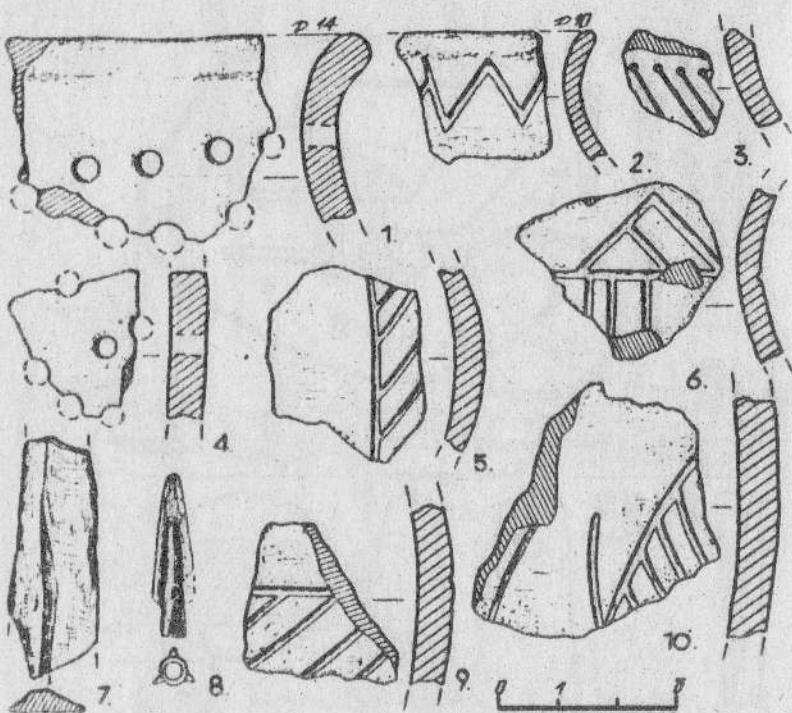

Рис. 9. 1-6, 9, 10 - фрагменты лепных сосудов, 7 - фрагмент кремневой пластины, 8 - бронзовый наконечник стрелы.

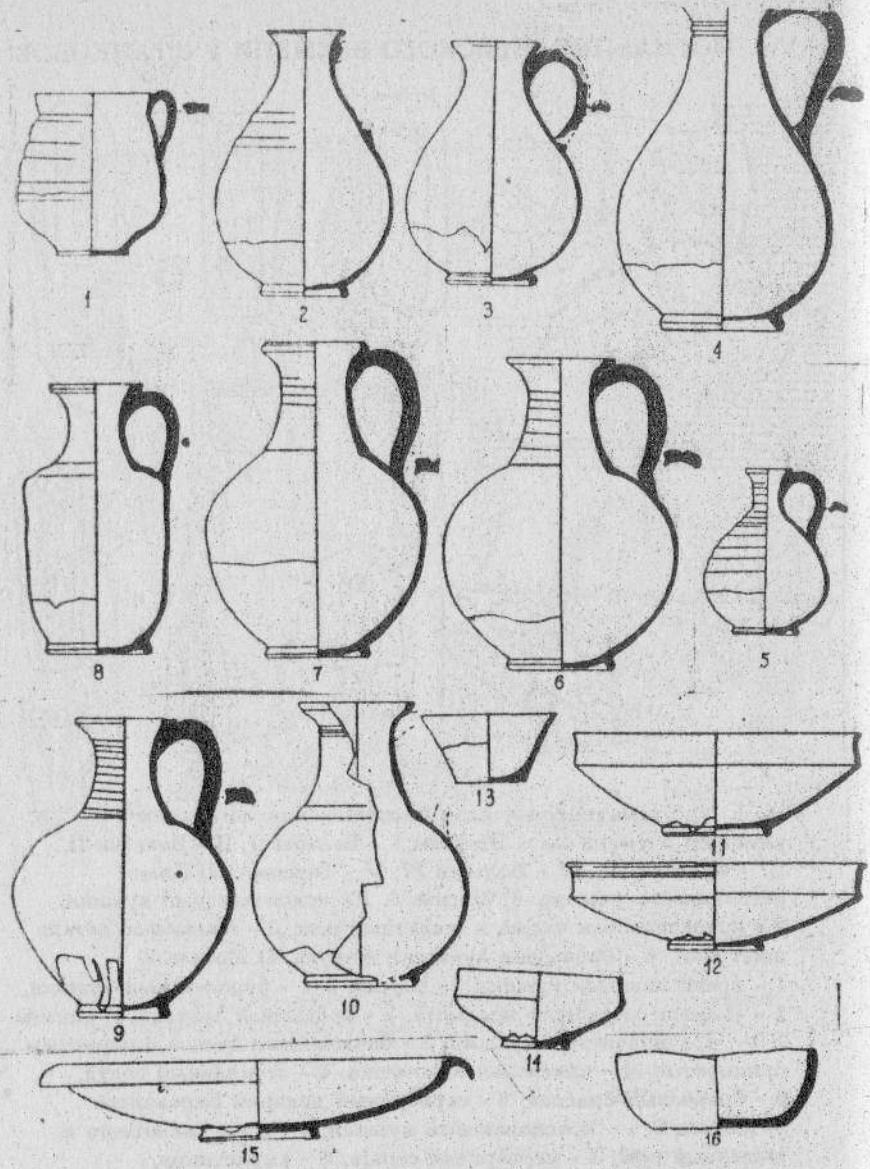

Рис. 2. Краснолаковая и лепная керамика из могильника Танковое.
2, 14 - м. 1; 6 - м. 2; 3, 12 - м. 3; 2, 15 - м. 5; 5, 7 - м. 6; 8 - 11, 13,
16 - керамика из разрушенных погребений.

326

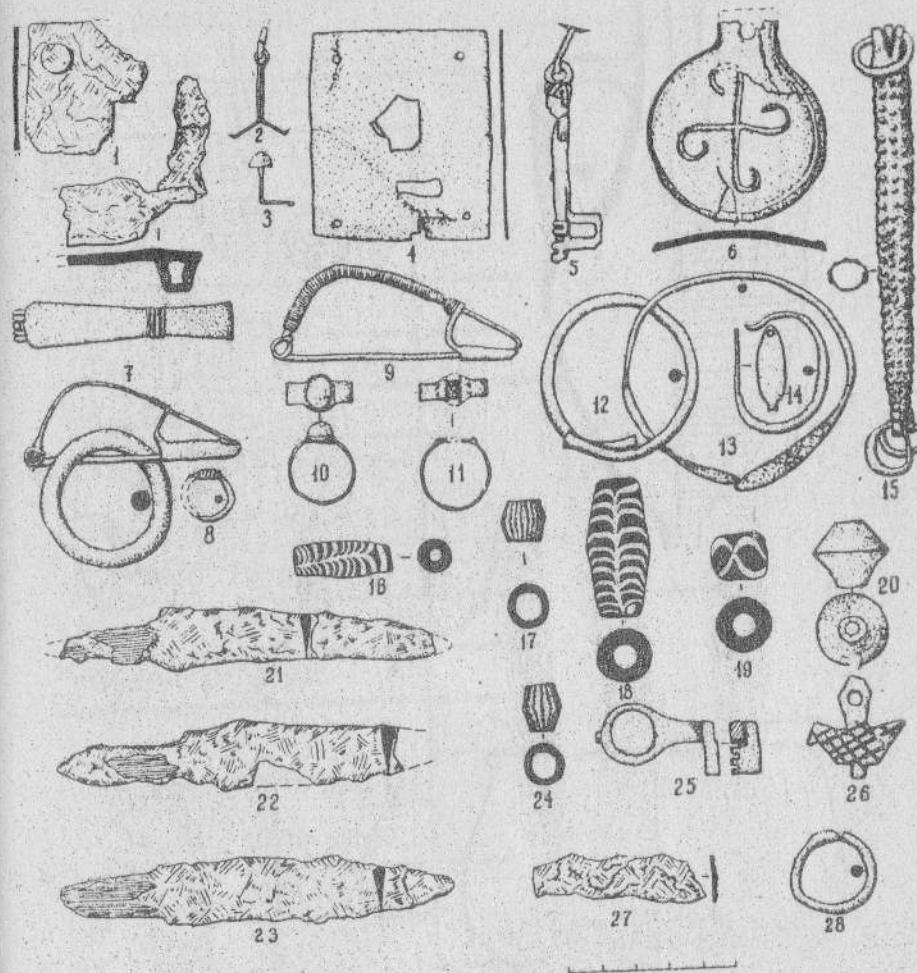

Рис. 3. Изделия из металла, стекла, керамики из могильника
Танковое. 12, 18 - м. 1; 3-5, 9, 22 - м. 2; 19, 21 - м. 4; 13, 27 - м. 5;
1, 6-8, 10, 11, 14-16, 20, 23, 24 - м. 6; 17, 25, 26, 28 - изделия из
металла из разрушенных погребений.

1, 21-23, 27 - железо; 2-6, 7 (большое кольцо), 9, 12, 13, 15, 17,
24-26, 28 - бронза; 7 (фибула), 10, 11, 14 - серебро;
16, 18, 19 - глухое стекло; 20 - керамика.

327

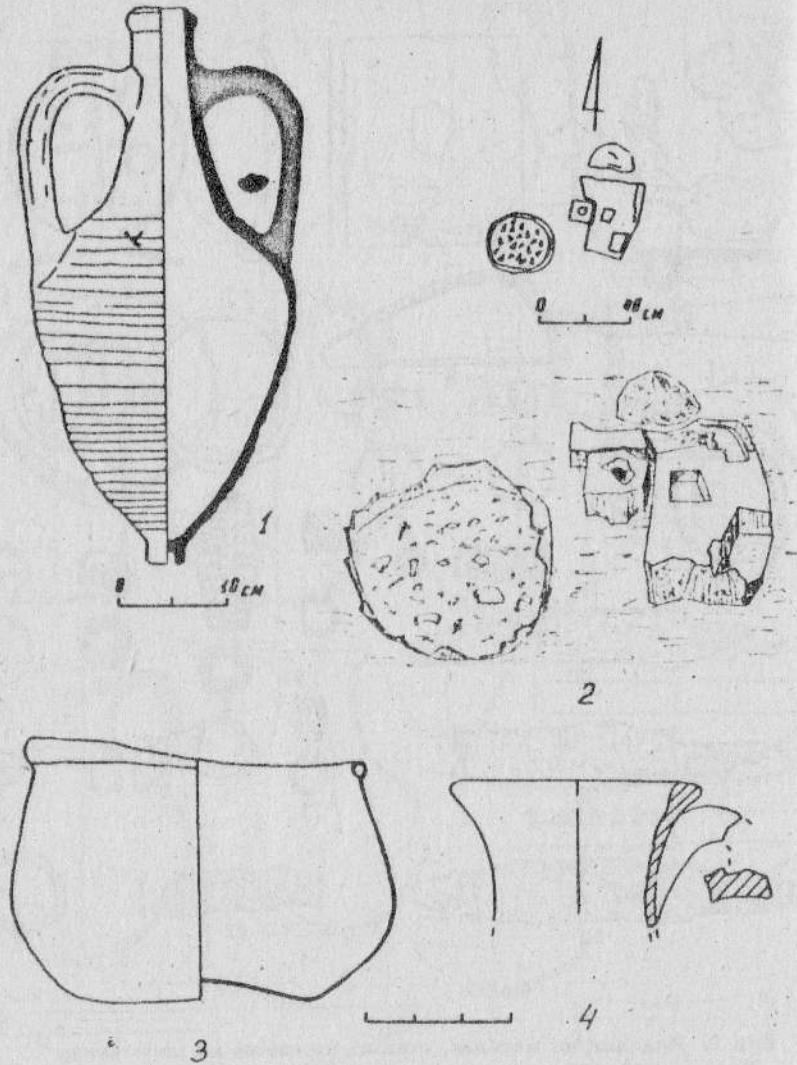

Рис. 4. Находки из могильника Танковое. 1 - светлоглиняная амфора из могилы 6. Дипинти, нанесенное красной краской по мнению Э.И. Соломоник может означать сорт вина - сладкое. 2 - план погребения 10 с трупосожжением; общий вид погребения. 3 - стеклянный сосуд из могилы 1; 4 - фрагмент горловины краснолакового кувшина из погребения 10.

328

VI. К ХРОНОЛОГИИ ЦИТАДЕЛИ БАКЛИНСКОГО ГОРОДИЩА

Таллис 1976, рис. 9,3

Таллис 1976, рис. 11,7-14

Таллис 1976, рис. 10,10

Таллис 1976, рис. 1

Таллис 1976, рис. 1,16

Таллис 1976, рис. 1,8

Таллис 1976, рис. 1,14

Таллис 1976, рис. 1,6,7

Таллис 1976, рис. 1,20

Таллис 1976, рис. 1,19

Таллис 1976, рис. 1,9

Таллис 1976, рис. 1,3,5

Таллис 1976, рис. 1,18

Таллис 1976, рис. 1,10

Таллис 1976, рис. 3,7

Таллис 1976, рис. 3,6

Таллис 1976, рис. 1,4

Таллис 1976, рис. 1,2

Таллис 1976, рис. 2,3

Таллис 1976, рис. 2,4

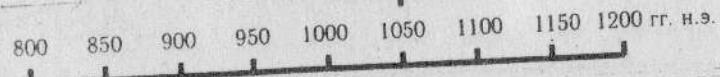

Рис. 1. Сочетание циклов вещей из зеленоватого слоя Баклинской цитадели. Номера рисунков соответствуют нумерации в статье Д.Л. Талиса /Талис 1976/. Таблица - стр. 1.

329

Севастополь

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АХТИАР»

Украинского фонда мира

принимает заказы

от предприятий, организаций и частных лиц

на издание книг —

произведений литературы, науки и искусства объемом до 20 печатных листов, тиражом не более 10 000 экземпляров, на бумаге заказчика или издательства.

Сдав в «Ахтиар» рукопись, вы через 6—9 месяцев получите свое издание.

Цена договорная.

Наш адрес:

335000, гор. Севастополь,
ул. Большая Морская, 39,
тел. 52-31-36, 52-31-41.

330

VII. ПЕЩЕРНЫЕ ЦЕРКВИ В РАЙОНЕ ПОДЪЕМНОЙ
ДОРОГИ ЭСКИ-КЕРМЕНА

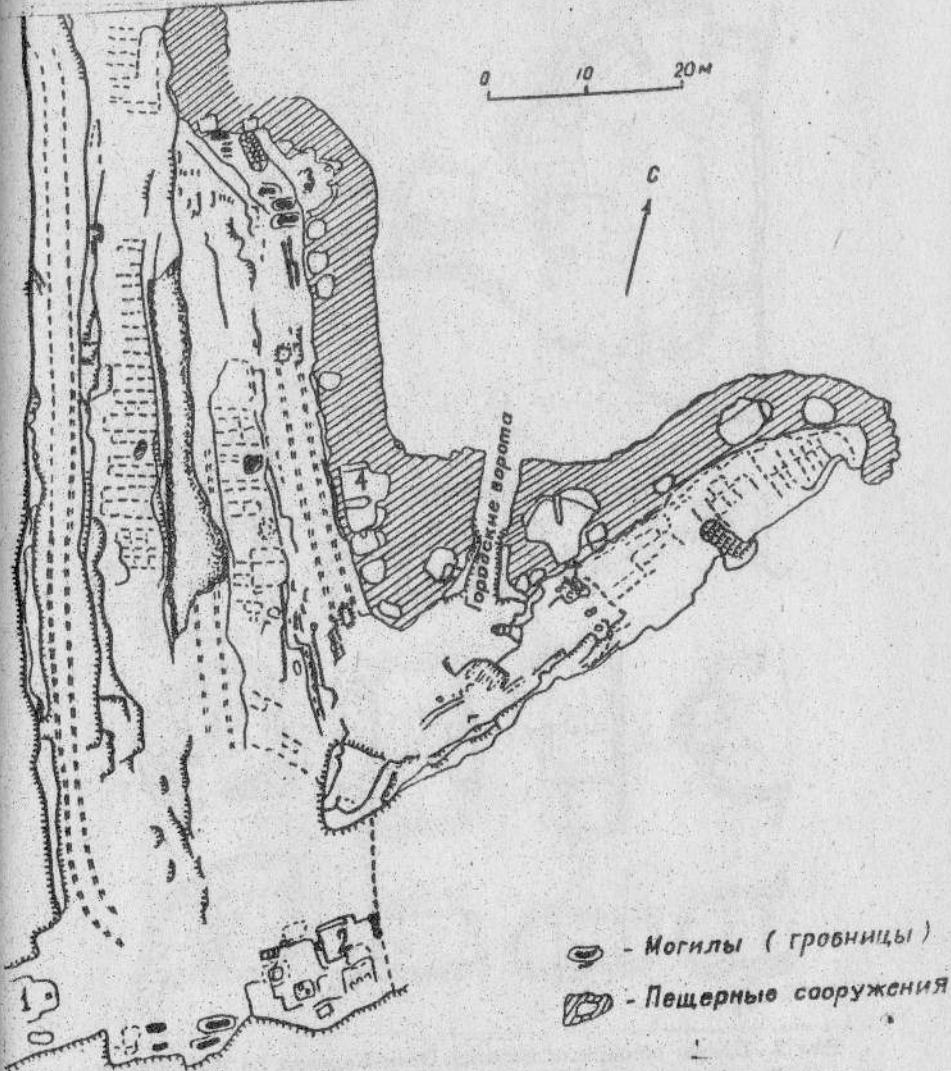

Рис. 1. План подъемной дороги и главных ворот по Е.В. Веймарну /1958, рис. 4/. 1, 2 - наземные часовни. 3 - "большой храм". 4 - "храм у городских ворот".

331

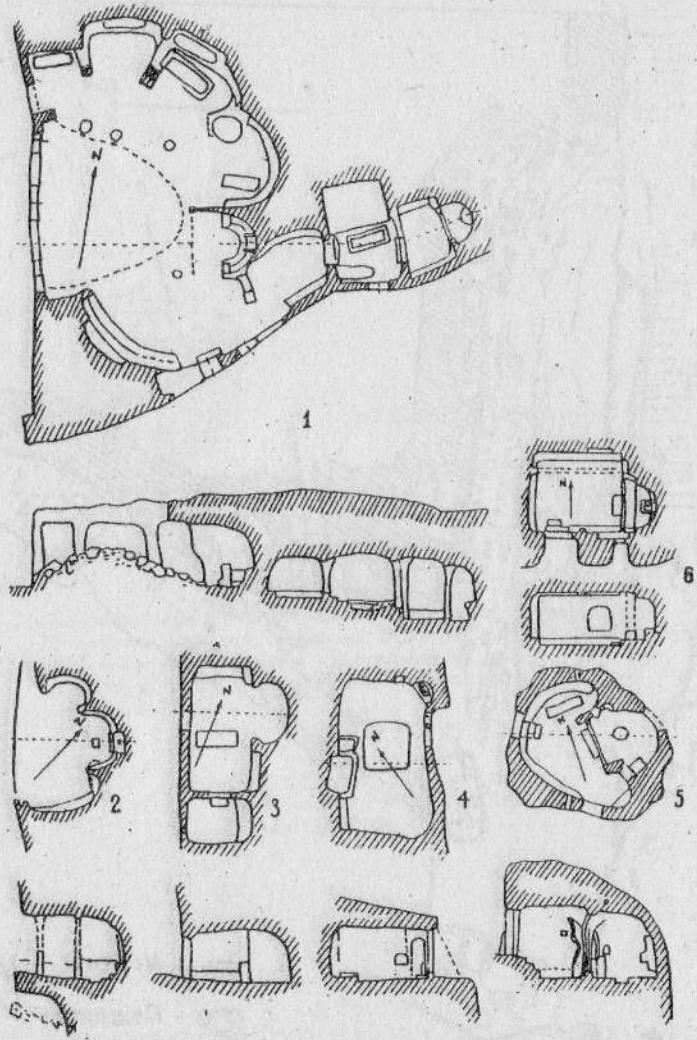

Рис. 2. Планы пещерных церквей Эски-Кермена по Н.Л. Эрнству /1929, с. 31/. 1 - "Судилище". 2 - "церковь № 1" (большой храм). 3 - "церковка № 2" (храм у городских ворот). 4 - церковь "Успения". 5 - храм "Трех всадников". 6 - храм "Донаторов".

332

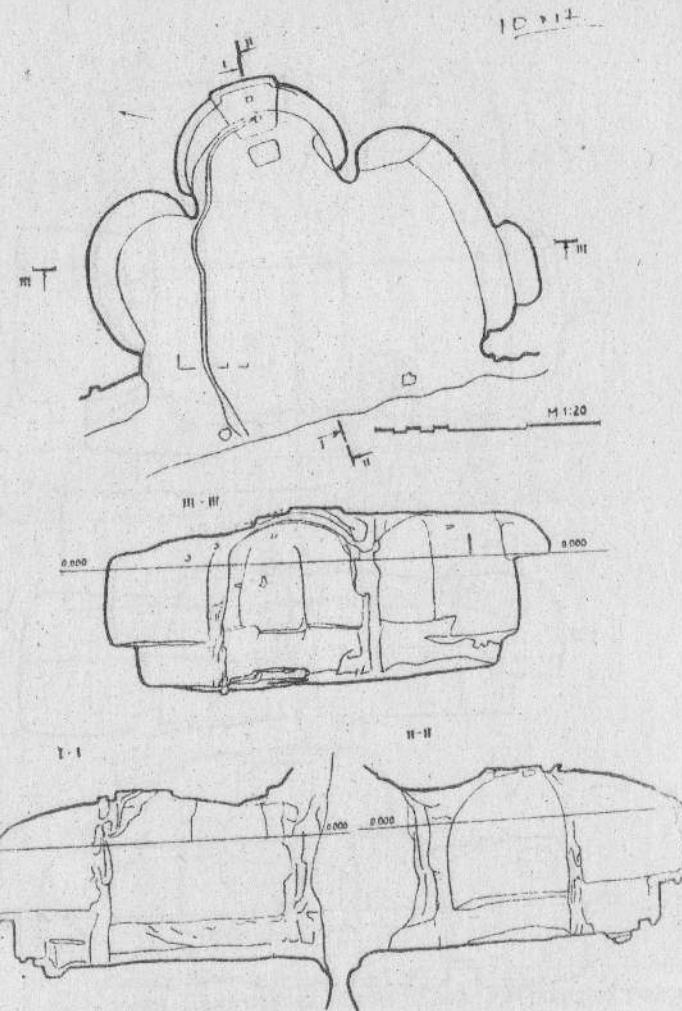

Рис. 3. Эски-Кермен. Подъемная дорога. "Большой храм".
План, разрезы.

333

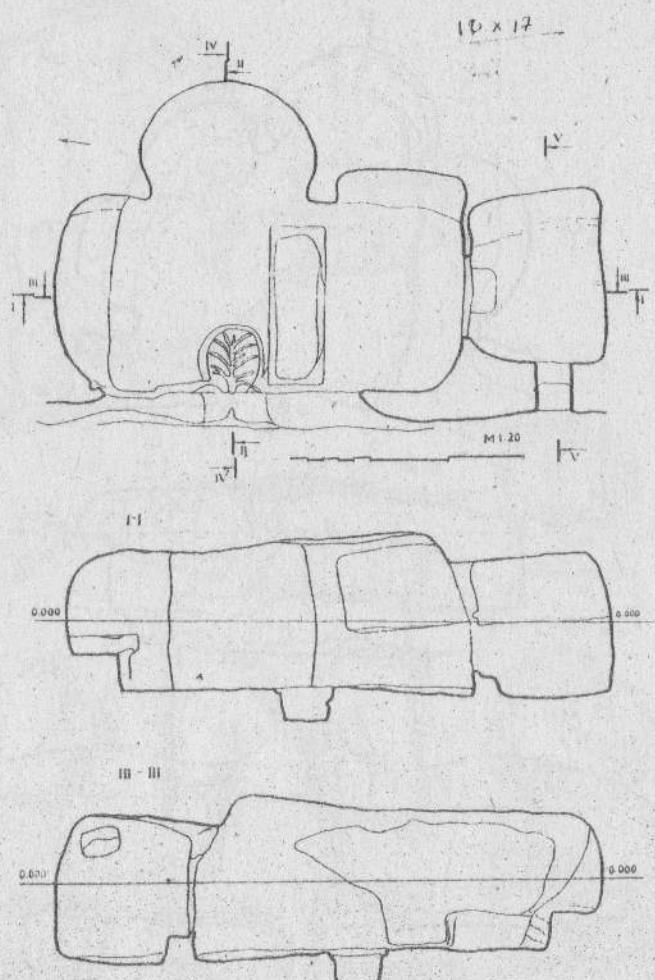

Рис. 4. Эски-Кермен. Подъемная дорога. "Храм у городских ворот".
План, разрезы.

334

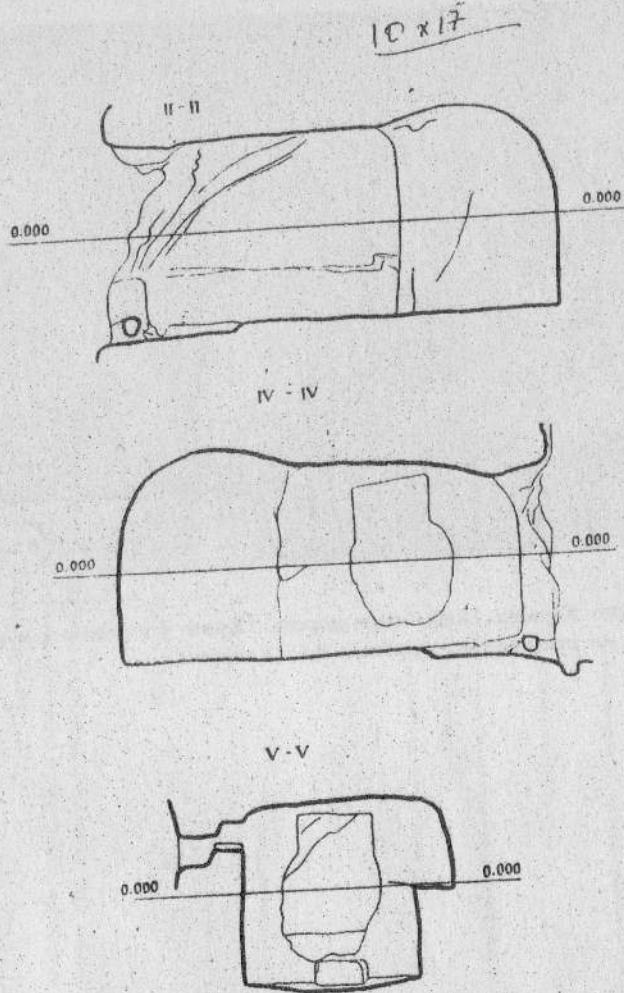

Рис. 5. Эски-Кермен. Подъемная дорога. "Храм у городских ворот".
Разрезы.

335

ТАБЛИЦА СОЧЕТАНИЯ ЦИКЛОВ ВЕШЕЙ ИЗ УСЫГАЛЬНИЦ В РАЙОНЕ ПОДЪЕМНОЙ
ДОРОГИ ЭСКИ-КЕРМЕНА. Датировки А.И.Айбабина /1991, с.46-47/.

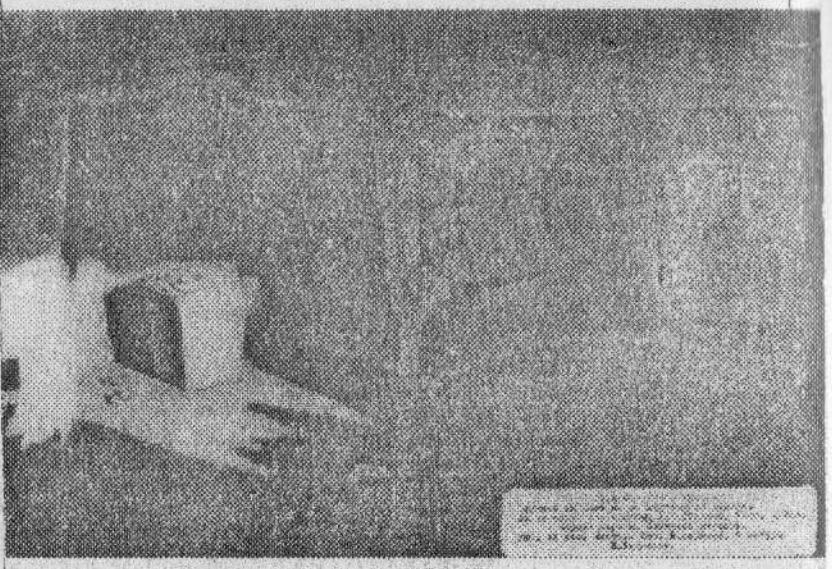

Рис. 6. Эски-Кермен. Подъемная дорога. "Храм у городских ворот".
Гравюра из неизданного альбома А.С. Уварова.

бронзовые пуговицы	—
бронзовые бубенчики	—
деревянные гребни	—
браслеты из синего стекла	—
серьги и височные кольца из гладкой бронзовой проводки с сожмутыми концами	—
перстень из двух бронзовых проволок	—

600 700 800 900 1000 1100 1200 1300 1400 1500 гг.

Рис. 7. Сочетание циклов вещей из зеленоватого слоя Баклинской
погребали. Номера рисунков соответствуют нумерации в статье
Д.Л. Талыса /Талыс 1976/. Таблица - стр. 1.

VIII. СКАЛЬНАЯ ЧАСОВНЯ В РАЙОНЕ БАКЛЫ

Рис. 1. Часовня. Вид с северо-запада.

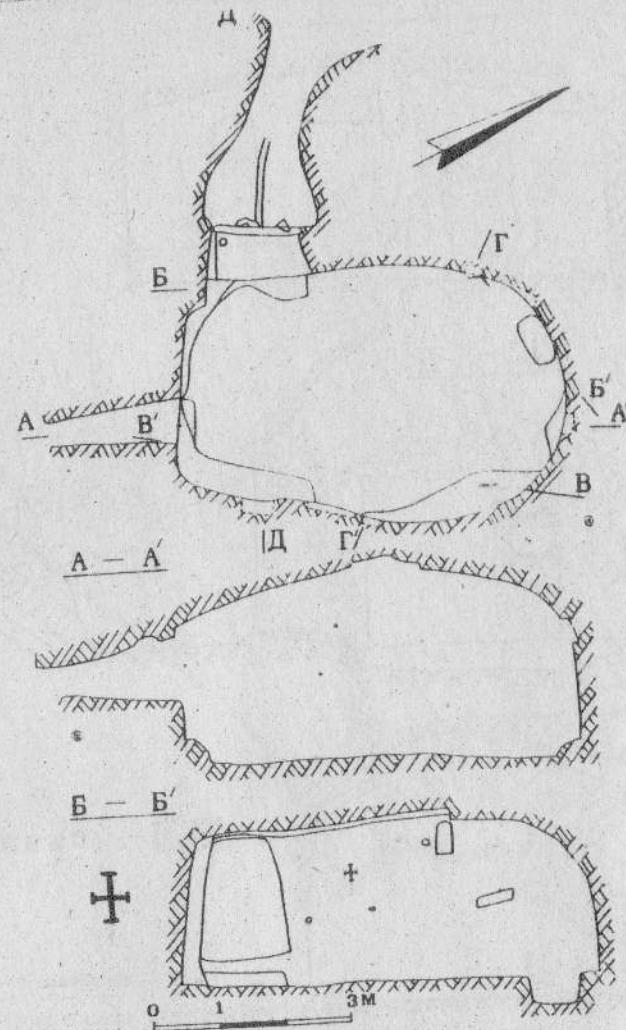
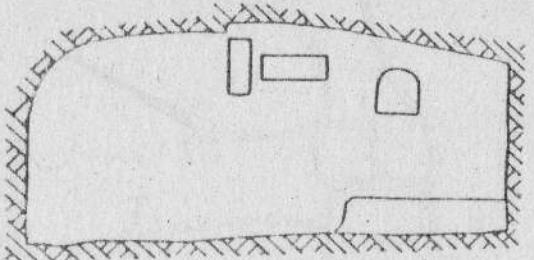
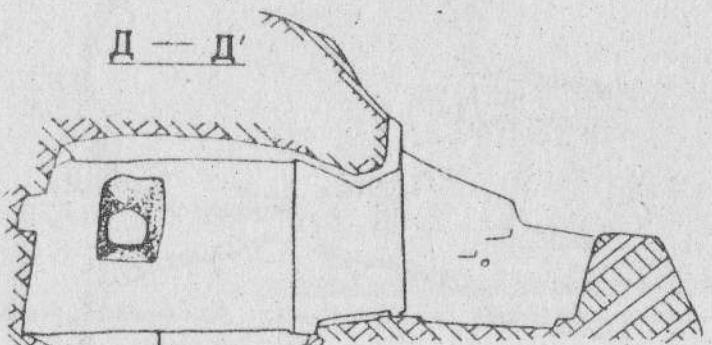

Рис. 2. Часовня. План. Разрезы.

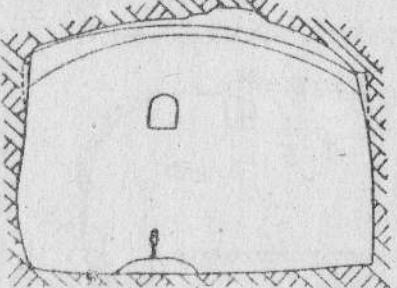
В — В'

Д — Д'

Г — Г'

— скала

0 1 3 м

Рис. 3. Часовня. Разрезы.

340

IX. ПЕЩЕРНЫЙ КОМПЛЕКС В ОКРУГЕ ХЕРСОНЕСА

10 / 17

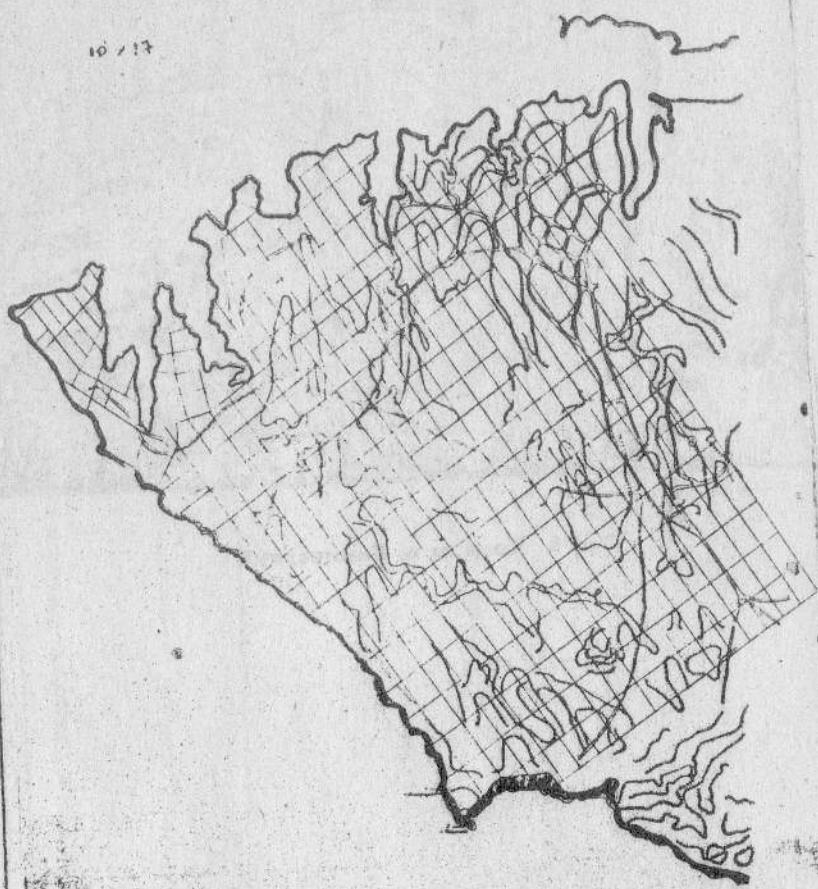

Рис. 1. План-схема Гераклейского полуострова. 1 - м. Виноградный.
2 - м. Фиолент.

341

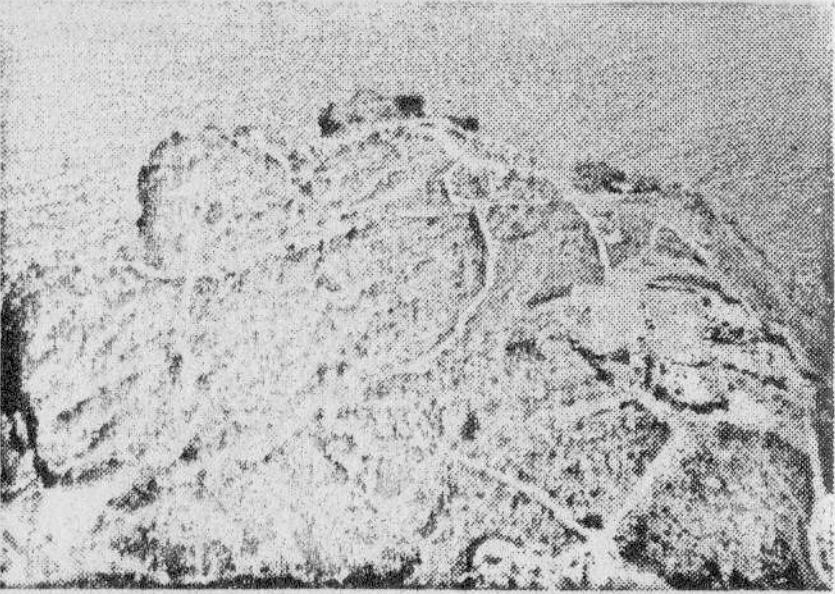
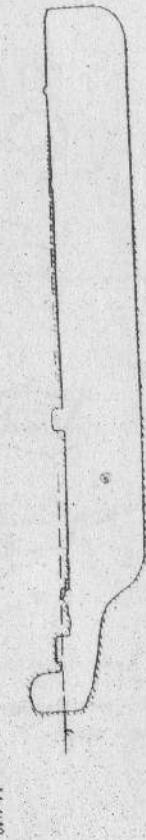

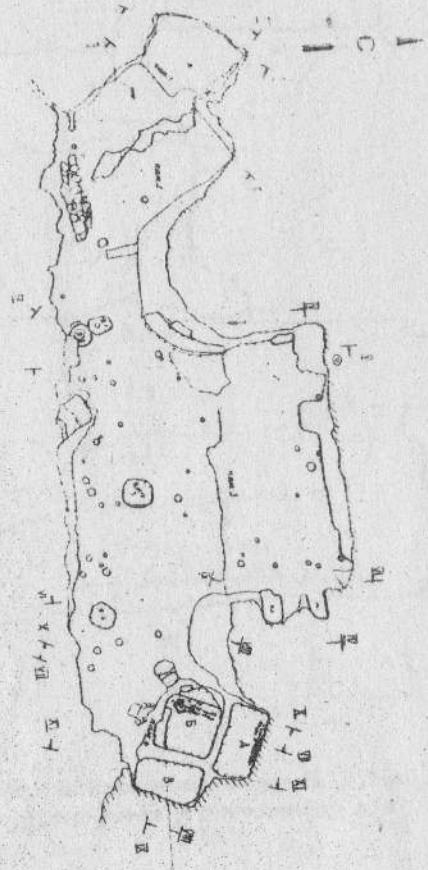
Рис. 2. Храм на м. Виноградный.

342

Рис. 3. План и разрез пещерного комплекса.

М. 1:50

343

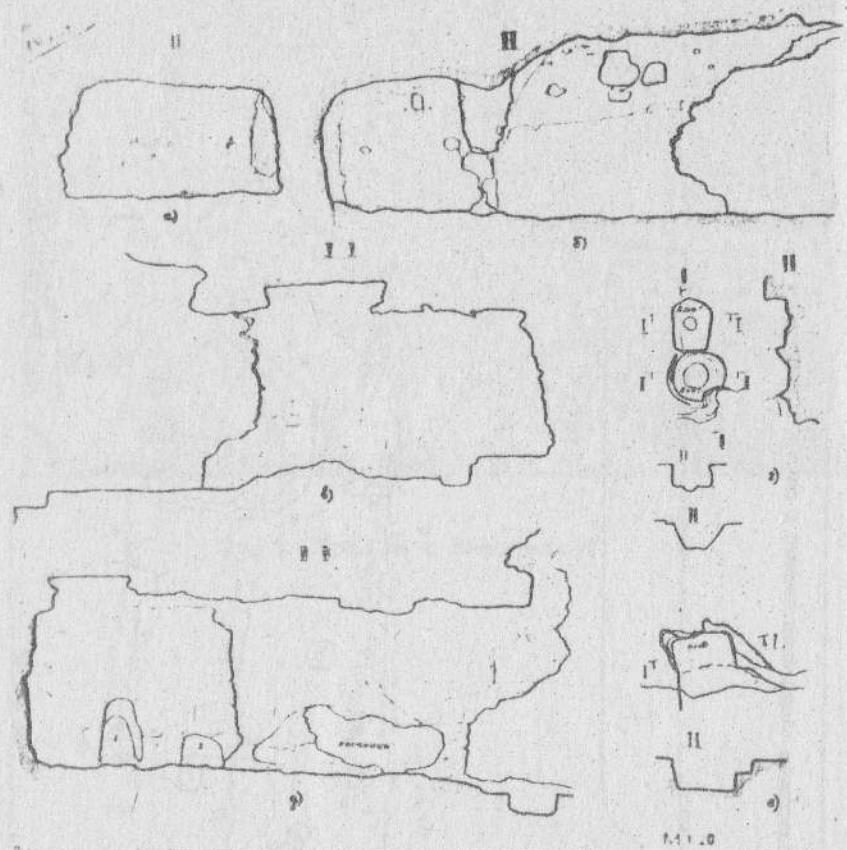

Рис. 4. Разрезы, фасировки: а - помещение 1; б - помещение 1, 2;
в, д - помещение 3, склеп, яма 4; г - ямы 1, 2; е - вход.

344

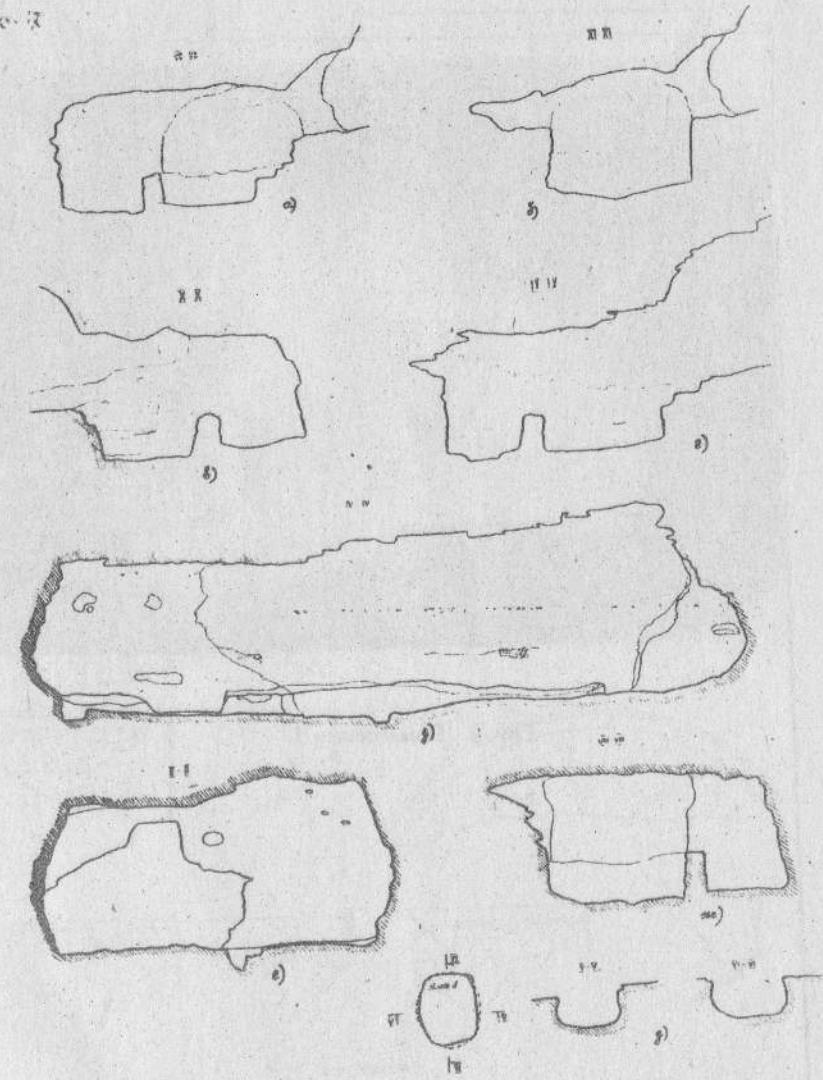

Рис. 5. Разрезы, фасировки: а, б, в, г, ж - склеп; д - помещение 3;
е - помещение 2.

345

Рис. 6. Помещение 1.

346

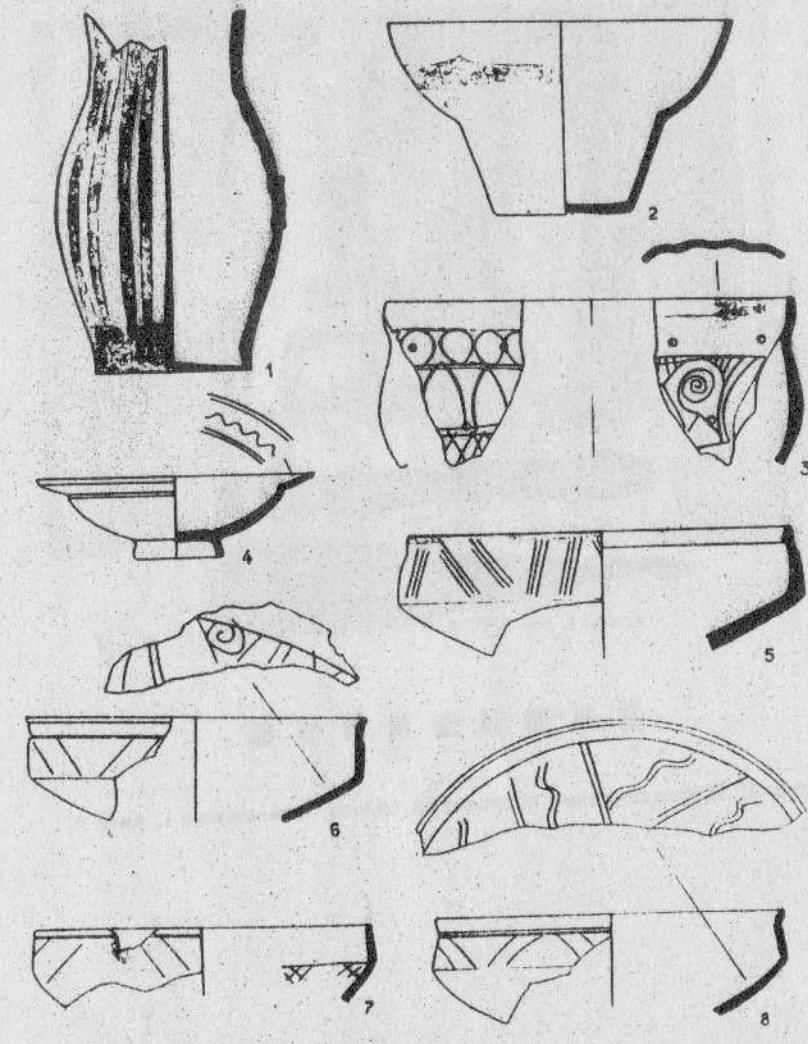

Рис. 7. Поливная керамика из склепа и помещений.

347

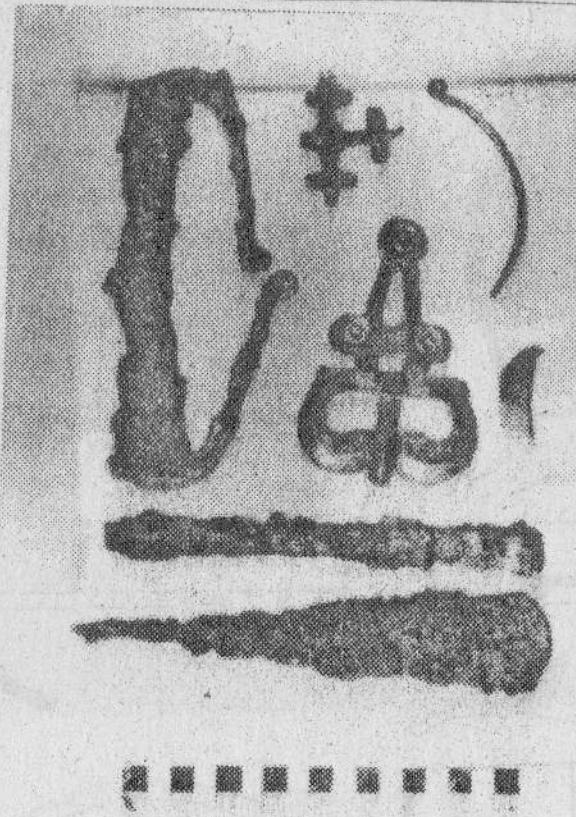

Рис. 8. Металлические изделия из склепа, помещения 1, ямы 4.

348

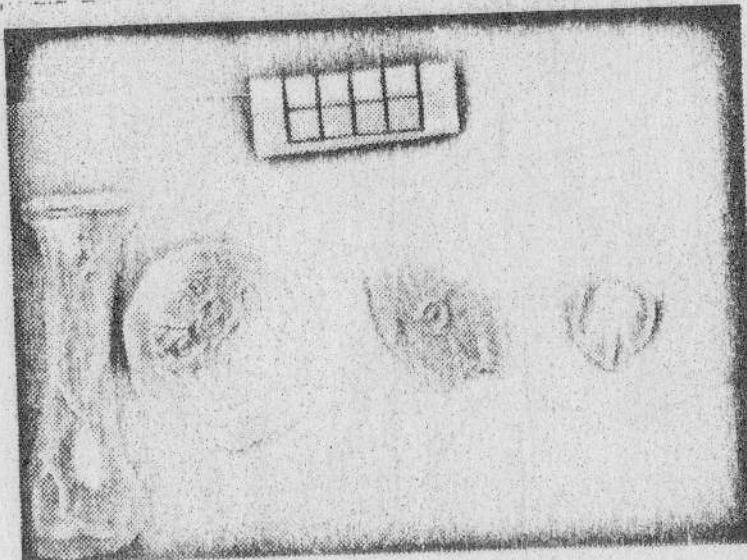

Рис. 9. Металлические и стеклянные изделия.

349

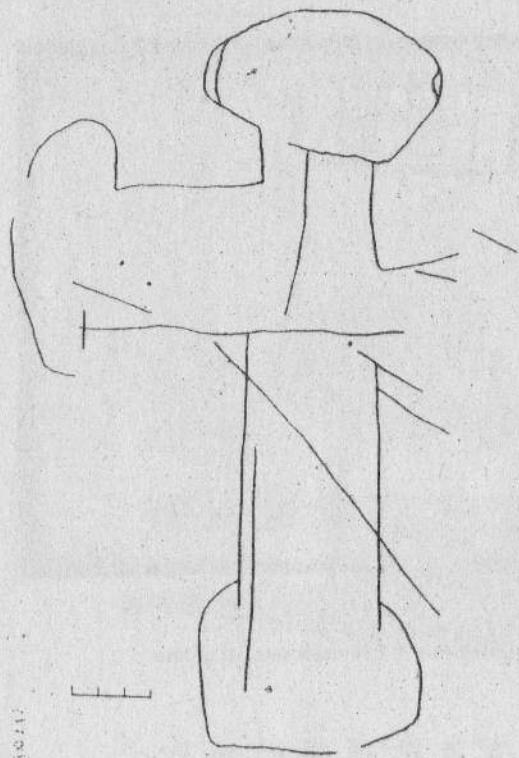

Рис. 10. Крест из помещения 1 (прорисовка).

350

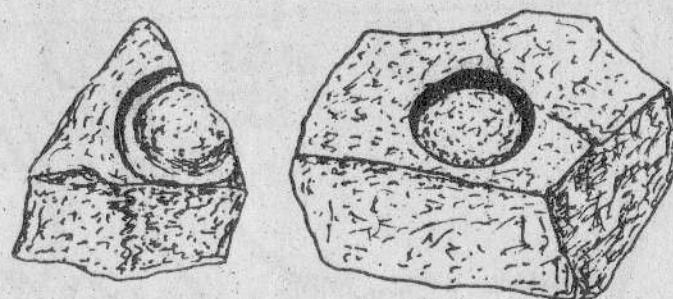

Рис. 11. Каменные формы для отливки из ямы 4.

351

X. МОНАСТЫРСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В КРЫМУ

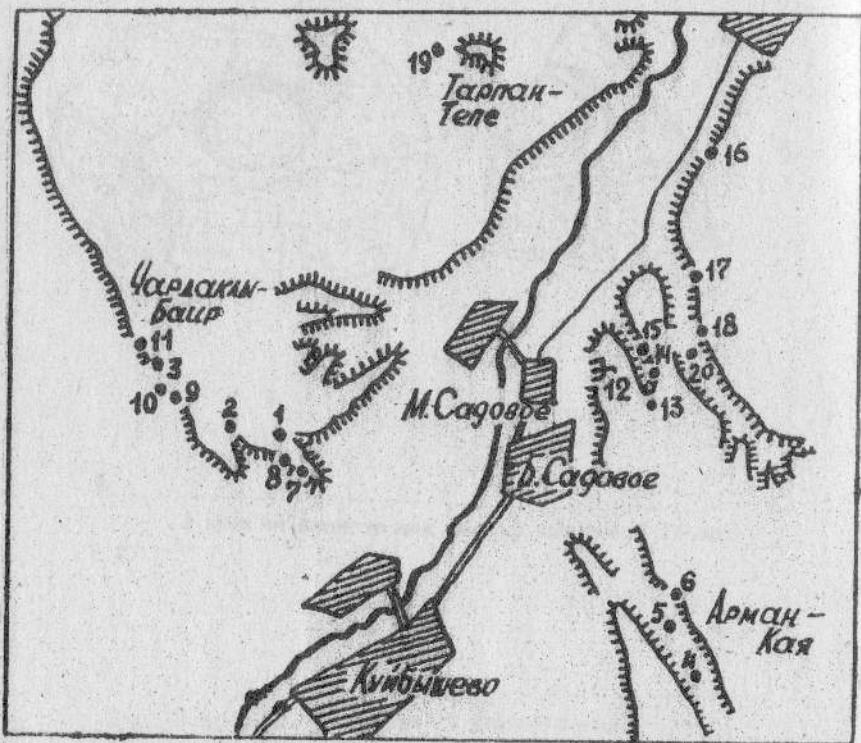

Рис. 1. Схема памятников в районе Чильтер - Кобы..

352

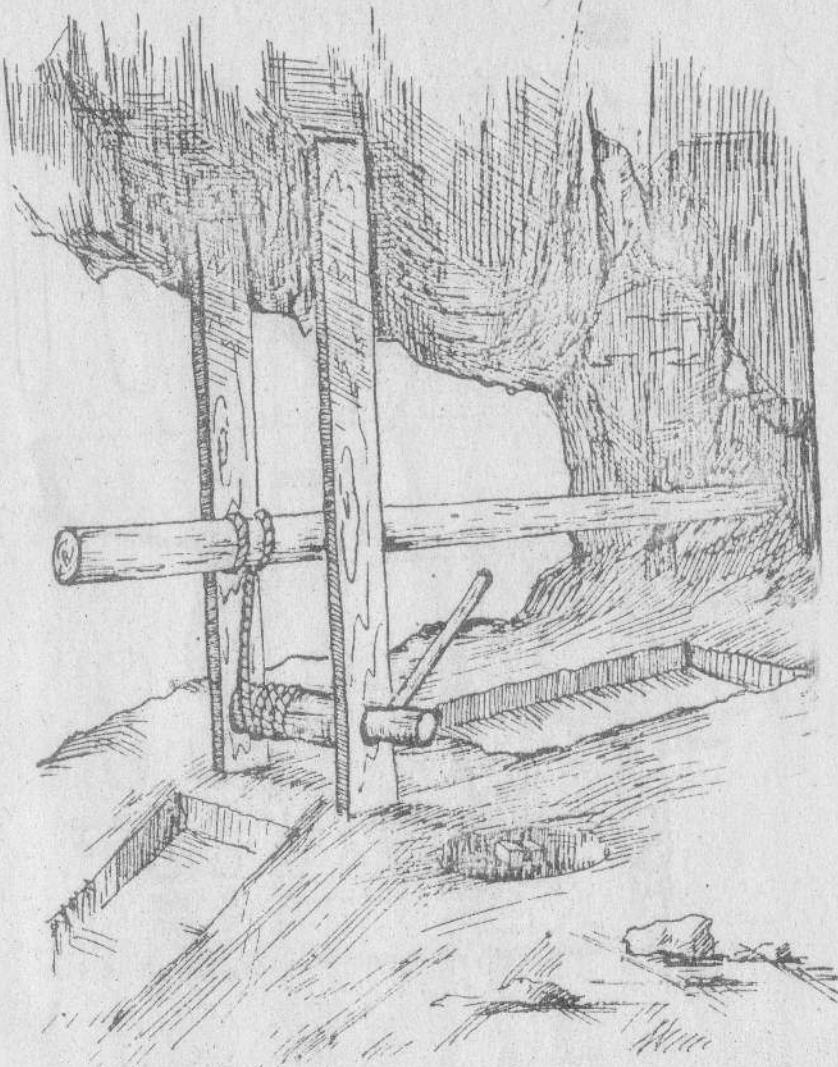

Рис. 2. Типичный тарапан под навесом мыса Джениге-Бурун.
Реконструкция автора.

353

XI. ОХРАННЫЕ РАБОТЫ НА ТЕРРИТОРИИ
БАХЧИСАРАЙСКОГО Р-НА

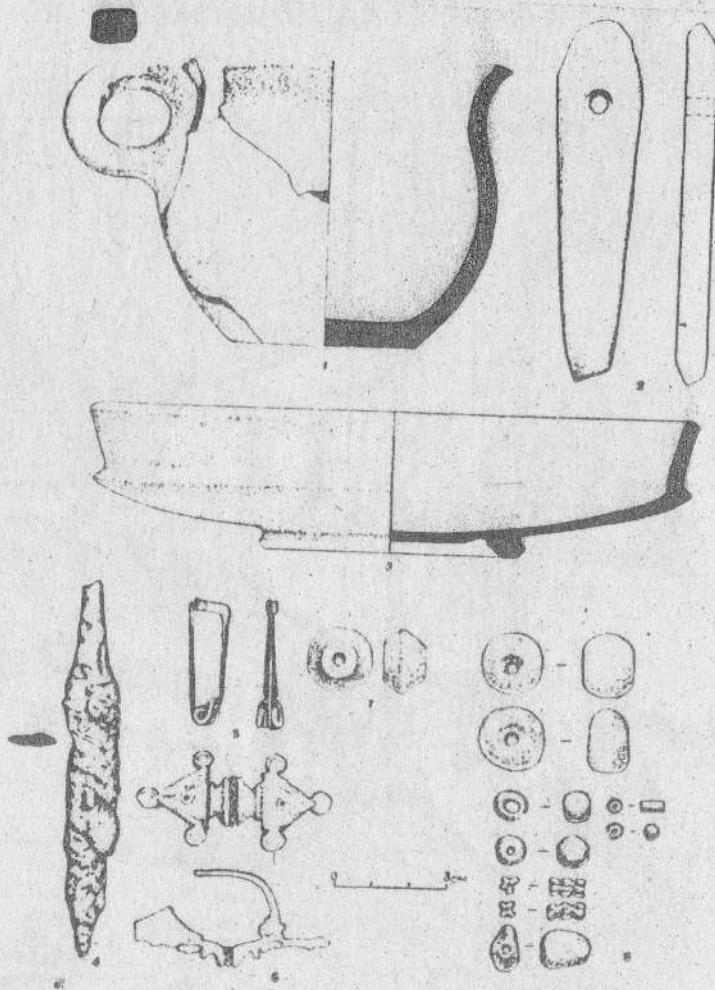
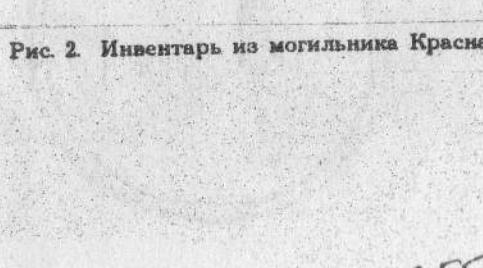
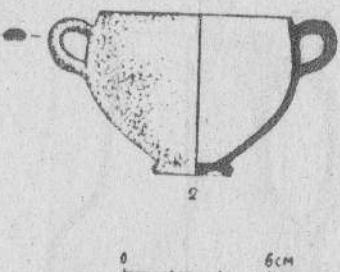
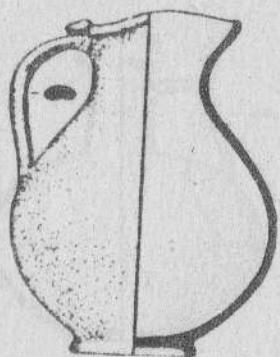

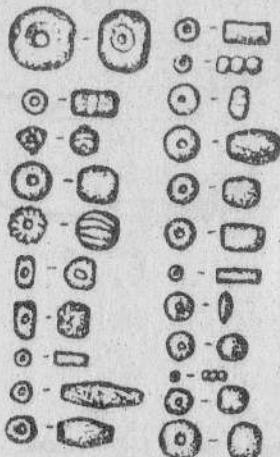
Рис. 1. Инвентарь из могильников Аивовое и Брынское. 1, 2 - м.
Аивовое; 3-8 - м. Брынское. 1, 3, 7 - глина; 2 - камень; 4 - железо;
5, 6 - бронза; 8 - сердолик, янтарь, паста, стекло.

354

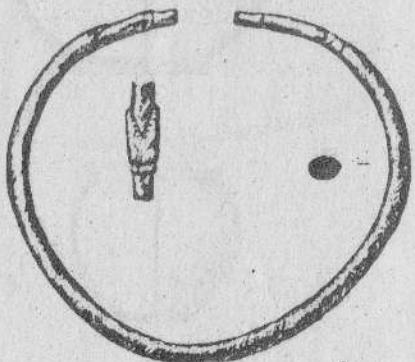

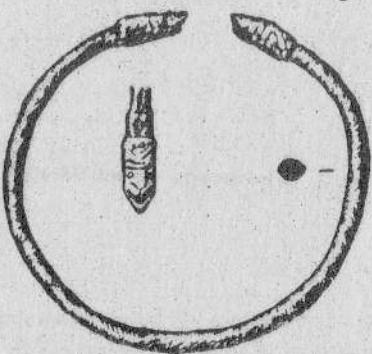
0 6 см

0 3 см

3

356

Рис. 3. Инвентарь из могильника Красная Заря. 1, 2 - глина;
3 - бронза; 4 - сердолик, паста, фаянс, стекло.

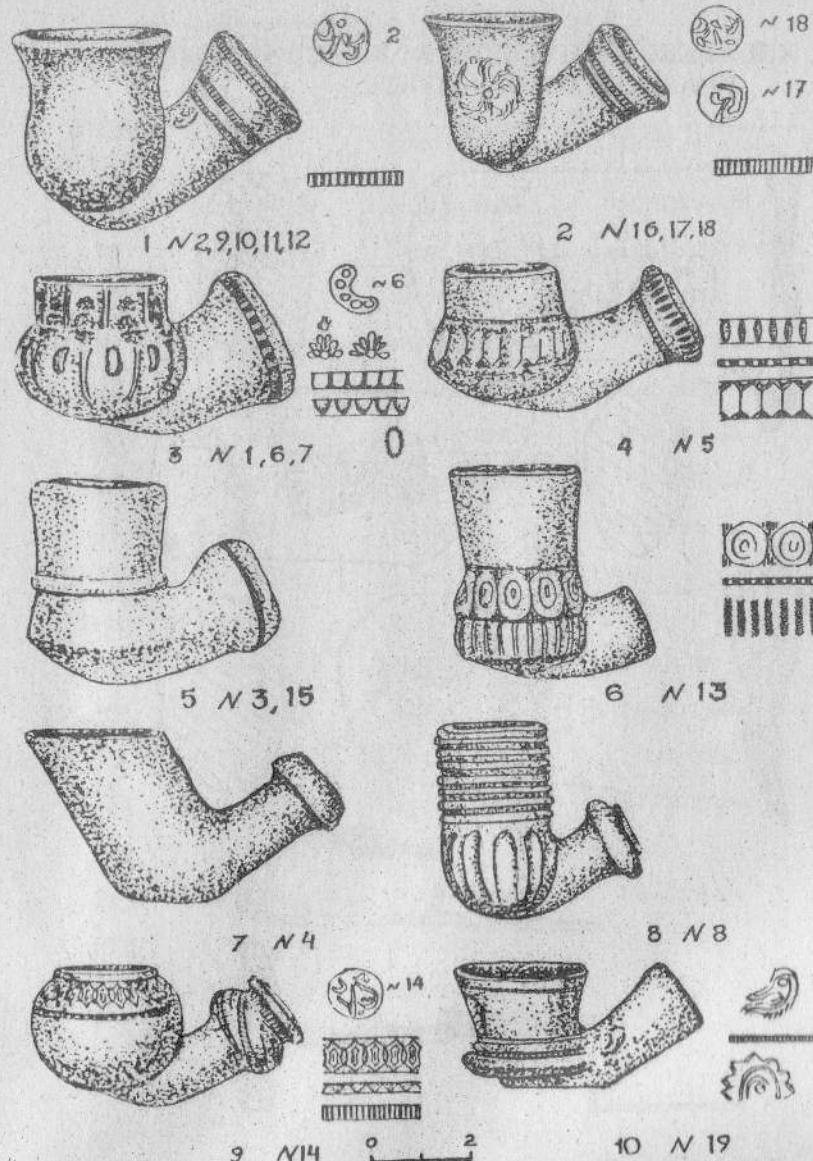

рис. Красновой ИВ

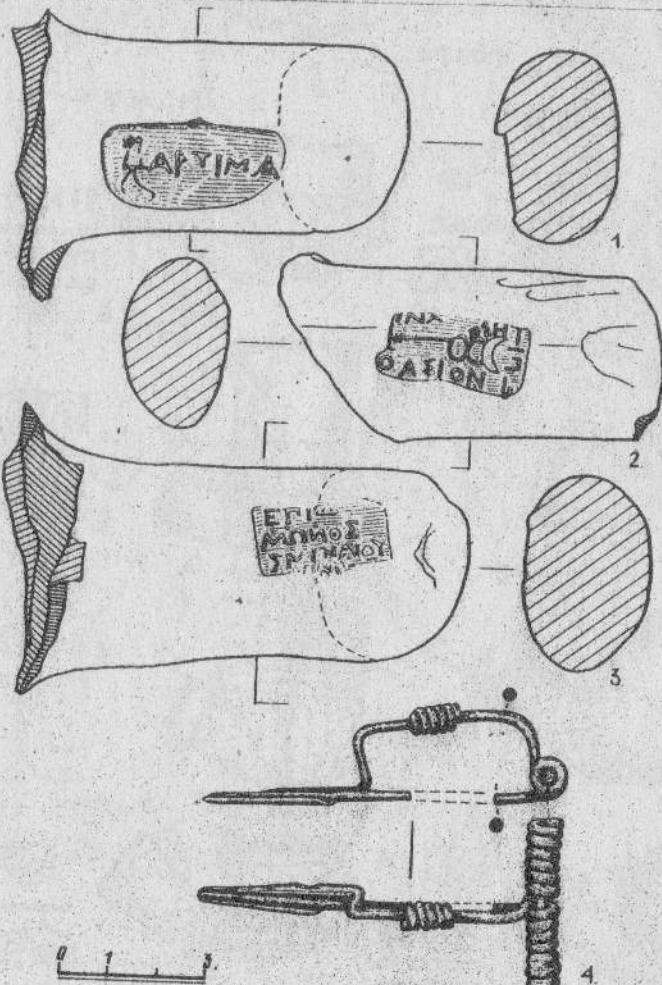

Рис. I. Находки из окрестностей города Кермен-Кир (1)
и Змейной пещеры (2-4).

1, 3 - клейма на ручках родосских амфор

2 - клеймо на ручке фасосской амфоры

4 - бронзовая фибула

СПИСОК ИСПРАВЛЕНИЙ

Номер страницы	Строка	Напечатано	Надо
5	6 сверху	внутренней	внутренней
12	23 сверху	Герайклейского	Гераклейского
19	2 снизу	заостроен	застроен
34	22 сверху	серцевидным	сердцевидным
45	19 сверху	середины	середины
51	18 сверху	комплекса	комплекса
62	2 снизу	продельный	продольный
71	3 снизу	Ящаева	Яшаева
75	1 сверху	и	из
120	14 снизу	шип	нищ
127	5 снизу	Воймарн	Веймарн
134	10 сверху	Терапаны	тарапаны
139	2 снизу	Доманчук	Романчук
143	3 снизу	превонациально	первоначально
159	19 сверху	сли	сил
225	14 снизу	вспомнить	вспомнить
276	1 снизу	веоятно	вероятно
288	25 сверху	Кульц	Шульц

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И
АРХЕОЛОГИИ КРЫМА

Сборник

Редактор Г.Н. Гржибовская

Художественный редактор М.М. Лукьянница

Технический редактор Н.Д. Крупская

Сдано в набор 19.04.94. Подписано в печать Формат 60

Сдано в набор 19.04.94. Подписано в печать

Формат 60 x 84 1 / 16. Бумага Печать Условн., печ. л. 2,2

Усл. краско-отт. Тираж учет.-изд. Тираж 1000

Заказ № 307.

Издательство «Таврия»
333000, Симферополь, ул. Горького, 5
Типография МВД Украины.

360